Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 1-4

Introduction: Russo-European Artistic Encounters in the Eighteenth Century*

Margaret Samu
Parsons School of Design (The New School)
samum@newschool.edu

Abstract:
The present essay introduces a special forum on the Russian art world and its engagement with Western Europe during the eighteenth century. The guest editor recounts the origins of this international collaborative project, describes the main themes that inform the work of participating scholars, and explains the effect that Russia's full-scale invasion of Ukraine has had on the nature of their enterprise. She concludes by arguing for the importance of both trans-national and post-colonial approaches to the study of eighteenth-century Imperial Russian art.

Keywords:
Eighteenth-century Russian art, Russo-European relations

This special issue of *Vivliofika* highlights recent research on the Russian art world and its engagement with Western Europe in the eighteenth century. It arose from an online program in September of 2021 hosted by the Historians of Eighteenth-Century Art and Architecture (HECAA). The program, titled *Russia in Europe/Europe in Russia: Cross-Cultural Connections in a Recentered Art World*, brought together short presentations by five scholars from the US, UK, and Russia, followed by a lengthy discussion.

Our opening statement for the program, "Russia is a European State"—from a chapter heading of Catherine II's 1767 Instructions (*Nakaz*)—set the tone for the event. Our primary goal was to introduce English-speaking art historians to current scholarship on Russian art.[1] Because much English-language scholarship on eighteenth-century art revolves around Europe (especially France and Britain) and its colonial counterparts, we hoped that focusing on Russo-European ties throughout the eighteenth century would appeal to HECAA's membership while broadening its cultural and geographic scope.

Since Russia's full-scale invasion of Ukraine in February 2022, our language from the 2021 program about Russian and European interconnections now resonates very differently. Moreover, art-historical research now has new obstacles that are specific to our field. Even as I write this introduction, negotiations for some authors to obtain image rights are complicated by government sanctions. Access to archives, museums, and other image

* Many thanks to Amy Freund and Elizabeth Eager at HECAA for inviting our group to present our research online, and to *Vivliofika*'s editors, Ernest Zitser and Robert Collis, for proposing this special issue on art history. I am grateful to Catherine Phillips and Rosalind Blakesley, who participated in the 2021 online program, for their continued support of our collective work. Their ideas about introductory remarks for that event formed the basis of this essay, and their comments on its development have been extremely helpful.

[1] Russo-European ties have been a central theme in several issues of *Vivliofika*, see, for example, vol. 1 (2013) on French language acquisition in Russia, https://iopn.library.illinois.edu/journals/vivliofika/issue/view/71.

collections has been largely curtailed for researchers outside of Russia, and the Goskatalog image database is no longer accessible to scholars without a Russian IP address.[2] And yet the authors' research highlights that despite the eighteenth century being a time of incredible difference between nations, it nonetheless witnessed intense, highly productive cultural and intellectual exchange.

When Russia emerged as a truly European power in the eighteenth century, its new connections with Europe became visible in its art world and built environment. The effect on art of this kind of exchange was widely felt. European art and design made their way into the Russian palaces and state institutions; artists were sent abroad to train, bringing back new ideas and iconography. Yet despite these ties, in the eyes of Europeans, the vast Russian Empire continued to be perceived as a quasi-oriental land. As a result, those artists (such as Gabriel-François Doyen) and works of art (such as the Crozat and Houghton Hall collections) that moved permanently from West to East were—and sometimes still are—seen as vanishing into a distant, inaccessible realm. Moreover, Russian adoption and reinterpretation of European artistic ideas has too often been dismissed as derivative art, mere copying. By presenting a panel and discussion of current research on Russian art for HECAA, we hoped to demystify it and show its integration into the broader European art world.

Chronologically, the articles in this issue span the entire century, from the reign of Peter I (sole r. 1696-1725) to Paul I (r. 1796-1801), and address a variety of themes, approaches, artistic media, and practices. Margaret Samu explores Russia's adoption of allegorical language in art, as well as the practice of sending art students to Europe in the Petrine era, through a close examination of Andrei Matveev's *Allegory of Painting* (1725). Today the word "hermitage" is associated with one of the world's largest museums; Anna Korndorf's article takes readers back to the term's usage in eighteenth-century architecture to designate an intimate, informal space for elite sociability. Her study helps us to rediscover the hermitages of Elizabeth Petrovna (r. 1741-1762) by emphasizing their personal significance to the empress and their connections to similar structures in Europe. Taking us to the world of printmaking, Zalina Tetermazova's work uses self-portraits by printmakers as a lens through which to investigate their social status, as well as the role of engraving in the academic hierarchy of arts during the second half of the eighteenth century. Alexandra Helprin focuses on Ivan Argunov's portrait *Anna Nikolaevna Kalmykova* (*called Annushka*) (1767) to explore the relative positions of the enserfed artist and Kalmyk child in the Sheremetev family. She analyzes the ways in which European conventions of portraiture took on new meanings under Russia's particular conditions of serfdom and colonization. Finally, Emily Roy's article explores Venetian perceptions of Peter I's founding of St. Petersburg by studying an etching published by Antonio Zatta in 1797 as part of a six-volume biography of Catherine II. Taken together, these articles represent a small slice of recent scholarship on art and the visual world of the eighteenth-century Russian Empire that is being produced in the US, UK, and Russia.

---

[2] Государственный каталог Музейного фонда Российской Федерации. (Gosudarstvennyi katalog Muzeinogo fonda Rossiiskoi Federatsii): https://goskatalog.ru.

If these themes reflect our priorities back in 2021, we are now publishing at a time when sensitivities are heightened on all sides and new imperatives for scholarship are evident. Just as scholars of European and American art are increasingly coming to terms with the legacies of colonialism and slavery, so too are art historians working on Russia's imperial era more actively addressing the similarly complex issues of imperialism, colonialism, serfdom, and cultural violence, as well as the significant contributions of non-Russian ethnic groups. For example, artists and scholars from Kyiv such as Iosif Turoboiskii, prefect of the Slavic-Greek-Latin Academy in Moscow, played an essential role in Russia's assimilation of European Baroque imagery in the early eighteenth century. Decades earlier, engravers such as the brothers Oleksandr and Leontii Tarasevych, who had trained and worked in Catholic Vilnius and Augsburg in the 1670s and 1680s, introduced Counter-Reformation iconography and Baroque visual language into Orthodox icons and engravings produced at the Kyivan Cave Monastery.[3] They also brought to Kyiv the technique of engraving on copper plates that helped to disseminate this imagery. The large collection of European prints and iconographic sources they imported to Kyiv continued to provide visual material into the nineteenth century. Under Peter the Great, scholars from the Kyivan Mohyla Academy—patrons of artists from the Lavra—were then recruited to teach in Moscow, at the Slavic-Greek-Latin Academy, as their activities in Kyiv were being suppressed. Their familiarity with both Latin language and European iconography made them uniquely suited to navigate between Orthodox tradition and the classical imagery of the new imperial era. These scholars planned triumphal events and celebratory fireworks, and created program books that explained their meaning. Historians have already traced this transfer of cultural information; the imagery itself and its new uses deserve further study by art historians, especially for a non-Slavic-language readership.[4]

Not only ideas, but also artists came to Russia as a result of imperial expansion. Aleksei Egorov (1776-1851, birth name unknown) was taken from his home, a Kalmyk nomadic settlement east of the Volga, to study and work in the imperial capital when he was a young boy.[5] He grew up to become a pillar of the Imperial Academy of Arts—an influential painter and pedagogue whose work shaped future generations of artists. Forcibly transferring children in this way, which ultimately destroys their culture of origin, is today considered a form of cultural genocide. But what about Anton Losenko (1737-1773, born Antin Losenko in Hlukhiv, the capital of the Ukrainian Hetmanate after the deposition of Ivan Mazepa)? After being orphaned as a small child, he was recruited for the imperial choir in St. Petersburg, then trained as a painter when his voice changed. He went

[3] Elena N. Boeck, "Claiming and Acclaiming Peter I: Ukrainian Contributions to the Visual Commemoration of Petrine Victories," in "Poltava 1709: The Battle and The Myth," ed. Serhii Plokhy, special issue, *Harvard Ukrainian Studies* 31:1/4, (2009-2010): 278-279.

[4] Among the numerous studies by historians, see Boeck, "Claiming and Acclaiming Peter I," *ibid.*, 271-308; and Richard S. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy* vol. 1 *From Peter the Great to Nicholas I* (Princeton: Princeton University Press, 1995), 46-47. For work by an art historian, see E. A. Tiukhmeneva, *Iskusstvo triumfal'nykh vrat v Rossii pervoi poloviny XVIII veka* (Moscow: Progress-Traditsiia, 2005).

[5] "Egorov Aleksei Egorovich," in *Gosudarstvennyi russkii muzei. Zhivopis': Pervaia polovina XIX veka. Katalog tom 2, A-I*, ed. Grigorii Goldovskii (St. Petersburg: Palace Editions, 2002), 179.

on to make important contributions to the nascent Academy of Arts. Losenko's removal from Hlukhiv is usually seen as a recognition of his talent, an opportunity to thrive in the imperial capital.[6] Indeed, many young men were recruited for, or attracted to, the new teaching seminary, university, medical schools, and civil service positions in Russia's capitals—a phenomenon that one author described both as Ukrainians "taking advantage of the opportunities to move northward" and as "central government exploitation of the Ukrainian educational tradition."[7] If Losenko's childhood displacement from Hlukhiv is seen as part of this larger trend, then it certainly constitutes a significant drain of talent that would leave his homeland depleted.

Finally, with the expansion of serfdom during the eighteenth century, enserfed artists became a new feature of imperial palaces and aristocratic estates. The vast wealth accumulated during this era would have been impossible without their unpaid labor. From mining raw materials to working as artists, copyists, architects, and builders, enserfed individuals shaped the visual world and built environment of elite culture throughout the empire. Serfdom in the arts naturally loomed large in Soviet-era scholarship, but it is worth examining again with the more nuanced and less ideologically driven approaches of the twenty-first century.[8] While some articles in the present issue deal with these themes that decolonize and recenter the field (particularly Alexandra Helprin's work), it is now more important than ever to address them in studying the art of the Russian Empire.

As the essays in this issue demonstrate, the eighteenth century was a dynamic period of interaction during which Russians traveled to Europe for extended periods, and Europeans went to live in Russia. If such travel is virtually impossible at the present time, and institutional collaboration largely suspended, this issue brings together individual scholars working in Moscow, New York, and Cambridge. Continuing the kind of collaboration and communication that produced the present issue of *Vivliofika* remains incredibly important and will be vital to rebuilding new relationships in future.

---

[6] See A. L. Kaganovich, *Anton Losenko i russkoe iskusstvo serediny XVIII stoletiia* (Moscow: Academia khudozhestv SSSR, 1963), 26-27.

[7] David Saunders, *The Ukrainian Impact on Russian Culture 1750-1850* (Edmonton: University of Alberta Canadian Institute of Ukrainian Studies, 1985), 57.

[8] For examples of Soviet-era scholarship on enserfed artists, see E. S. Kots, *Krepostnaia intelligentsiia* (Leningrad: Seiatel', 1926); T. V. Alekseeva, *Khudozhniki shkoly Venetsianova* (Moscow: Iskusstvo, 1982). For more recent work, see Richard Stites, *Serfdom, Society and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power* (New Haven: Yale University Press, 2005), 332-43; and Alexandra Helprin, "The Sheremetevs and the Argunovs: Art, Serfdom, and Enlightenment in Eighteenth- Century Russia" (PhD. diss., Columbia University, 2017).

Виβліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 5-36

Andrei Matveev: Painting Allegory from Antwerp to Russia*

Margaret Samu
Parsons School of Design, The New School
samum@newschool.edu

Abstract:
In 1725, artist Andrei Matveev sent his Allegory of Painting *to Catherine I from Antwerp, where Peter the Great had sent him to study. Matveev's* Allegory *remains the earliest known easel painting on an allegorical subject by a Russian painter. This article examines the circumstances surrounding the painting's creation in Antwerp and explores its iconography and sources. It then considers the place of Matveev's work amid the allegorical imagery produced in early eighteenth-century Russia. This study offers a possible new interpretation of the painting and sheds light on the role Antwerp and its artistic legacy played in fostering Russia's emerging artistic culture.*

Keywords:
Andrei Matveev, painting, allegory, history painting, portraiture, art academies, hierarchy of genres, study abroad, Minerva, allegory of painting, Peter I, Catherine I, Russia, Netherlands, Antwerp

In March 1725, shortly after the death of Peter the Great, the young painter Andrei Matveev (1702-39) wrote to Catherine I from Antwerp, acknowledging her loss and pledging his enduring loyalty. He also petitioned her to extend his stay in the city, adding: "With this, most merciful empress, I venture to present to Your Majesty some of the fruits of my studies, to demonstrate my endeavors in this art."[1] The work he chose to include with this petition—the one he believed would make a case for allowing him to remain abroad—was his *Allegory of Painting* (Fig. 1), the earliest known easel painting on an allegorical subject by a Russian painter.[2] Matveev's image personifies the Art of Painting as a semi-nude female figure at an easel, where she paints a woman wearing a crown, as Minerva looks on from above.

The scholarship on Matveev usually dismisses his *Allegory of Painting* as "timid," "weak in draftsmanship," or "experimental," and suggests that it imitates work by several Netherlandish artists.[3] It is a peculiar work for the early eighteenth century, both for the elongated proportions

* I am grateful to Wendy Salmond for reading earlier versions of this article, and to Galina Mardilovich and Catherine Phillips for their advice. Special thanks to Klara Alen and Maria Chukcheeva for their indispensable research assistance in Antwerp and St. Petersburg. Thanks also to Yuri Long at the National Gallery of Art Library in Washington, D.C., Kristof Selleslach, archivist at the Museum Plantin-Moretus in Antwerp, and Katlijne Van der Stighelen at the Katholieke Universiteit Leuven.

[1] "*Pri sem vsemilostiveishaia imperatritsa derzaiu Vashemu Velichestvu predstavit' nechto ot ploda moego, radi pokazaniia moego racheniia k semu khudozhestvu*." Matveev to Catherine I, 4 March 1725, Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (hereafter, RGADA), f. 9, otd. II, no. 68, l. 944, quoted in T. V. Il'ina & S. V. Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev* (Moscow: Iskusstvo, 1984), 259-60; archival reference in T. V. Il'ina, "K voprosu o russkom pensionerstve v petrovskoe vremia," *Problemy razvitiia russkogo iskusstva* 11 (Leningrad: Akademiia khudozhestv, 1979), 3-17, here 17n41.

[2] No documentation explicitly links Matveev's *Allegory* to his petition, but scholars generally agree that this is the painting he references. It was his most ambitious history painting to date, as well as his only signed work.

[3] See Aleksandr Benua [Alexandre Benois], *Russkaia shkola zhivopisi* (St. Petersburg: Golike and Vil'borg, 1904), 14; V. G. Andreeva, "Andrei Matveev," in *Russkoe iskusstvo pervoi chetverti VXIII veka. Materialy i issledovanie,* ed. T. V. Alekseeva (Moscow: Nauka, 1974), 145; N. M. Moleva, *Zhivopisnykh del mastera, Kantselariia ot stroenii i russkaia*

of the main figure and her boneless anatomy. Yet despite its perceived flaws, scholars have emphasized its status as a milestone in the history of Russian art—the first female nude, the first allegorical easel painting, the first and only painting signed by Matveev—which has shaped how we look at both the painting and its creator. In other words, we study it for its historical significance, not for its artistic interest.

Figure 1: Andrei Matveev, *Allegory of Painting,* 1725, oil on panel, 69.5 x 58.5 cm. State Russian Museum, St. Petersburg, no. Zh-4912. Source: T. V. Il'ina & S. V. Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev* (Moscow: Iskusstvo, 1984).

Rather than continue to sidestep the issue of quality, however, I would like to look closely at the painting and the circumstances surrounding its creation in order to understand why

zhivopis' pervoi poloviny XVIII veka (Moscow: Iskusstvo, 1965), 94; Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev*, 63, 67.

Matveev believed this painting would best summarize his training in Antwerp and make a case for his continued study there. His choice to send it with his petition to the empress indicates that he considered it an important work, and perhaps hoped it would establish his reputation in Russia's nascent art world. First, I will examine the painting's genesis in Antwerp, then explore its iconography and sources. Finally, I will consider its place amid the allegorical imagery produced in early eighteenth-century Russia. In doing so, I hope to come to terms with the painting's peculiarity, while shedding new light on the role that Antwerp and its artistic legacy played in fostering Russia's emerging artistic culture.

Matveev in Antwerp

The *Allegory of Painting* was the culminating project of the eleven years Matveev spent training in Europe, first in the Dutch Republic, then in the Southern Netherlands. Much has been written about Peter the Great's initiative to send young men abroad—noblemen, tradesmen, artists—to train in various fields and bring the knowledge and skills they gained abroad back to Russia.[4] After sending dozens of men to the Dutch Republic, Venice, and England to study seamanship and shipbuilding before 1700, in the 1710s he sent a handful of young artists to Rome, Florence, Venice, Copenhagen, and the Dutch Republic to study various branches of arts. Sending a few students to several different cities would enable them to bring the strengths of many diverse artistic centers back to Russia.[5] Matveev was part of this cohort.

In 1716, Peter the Great initially sent Matveev, then about fourteen years old, to the Dutch Republic to study with the highly regarded Amsterdam portraitist Arnold Boonen (1669-1729).[6] The young painter was one of six Russians (along with an engraver and four architects) who trained with masters in their respective fields.[7] His six years in Amsterdam are documented by regular reports from the tsar's agent in Amsterdam, Johannes van den Burgh, who supervised the students sent to the Netherlands, as well as a letter Matveev sent to Catherine in October 1720.[8] Although none of Matveev's works from this period are known to have survived, his letter indicates that he was sending a portrait of the empress, copied after Boonen's, and a portrait of

[4] Studies include Il'ina, "K voprosu o russkom pensionerstve;" Max J. Okenfuss, "Russian Students in Europe in the Age of Peter the Great," in *The Eighteenth Century in Russia*, ed. J. G. Garrard (Oxford: Clarendon Press, 1973), 131-145.

[5] Because of Peter's nine- to ten-month stay in the Dutch Republic in 1697-98 and his appreciation of Dutch culture, including Dutch painting, more scholarly attention has gone to Russian-Dutch artistic connections. The few days he spent in the Southern Netherlands in 1717 have resulted in less coverage, which has shaped scholarship on the artists who studied in Antwerp. An important exception to this gap in the scholarship is Emmanuel Waegemans, *Puteshestvia Petra I po Iuzhnym Niderlandam v 1717 godu. Obraz russkogo tsaria v Belgii,* trans. V. K. Ronin (St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2020).

[6] Matveev spent seven years in Amsterdam, but his activities and training during his first year abroad were not documented. He began studying with Boonen in 1717. We have no records of Matveev's early life or training before 1716. See Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev*, 13-15.

[7] Peter's advisor, Iurii Kologrivov, proposed sending at least two architects for every painter, sculptor, and engraver, with the idea that architecture encompassed all the other arts. See James Cracraft, *The Petrine Revolution in Russian Imagery (*Chicago: University of Chicago Press, 1997), 209-210.

[8] See Il'ina, "K voprosu o russkom pensionerstve," 6-10, 14; H. Van Koningsbrugge, "The Dutch Republic, Sweden and Russia, 1697–1708, and the Secret Activities of Cornelis Cruys and Johannes van den Burgh," in *Russia and the Low Countries in the XVIIIth Century / Rossiia i Niderlandy v XVIII veke* (Groningen: NOS, 1998), 51–61.

Van den Burgh, presumably an orginal work.[9] No documents describe other paintings he executed during the remaining three years of his stay, but records show that in his final year with Boonen, Matveev studied from live models. Van den Burgh's accounts for 1723 include an entry for payment to "two men who sat before him for his study of painting."[10] This experience in working from life, the culmination of European artistic training, would have helped prepare him for entering an academy, where life classes were the backbone of daily practice.

In 1723 Matveev and three of the architecture students moved from Amsterdam to Antwerp in the Southern Netherlands.[11] The motivation for this move was likely that Russia needed more than Dutch-trained portraitists; it also required history painters to produce church and palace decorations in the new, European manner. The Catholic Southern Netherlands, with its richly ornamented churches, would provide a better environment for him to study large-scale architectural decoration than the Protestant Dutch Republic, with its simple, whitewashed church interiors. Until now, Matveev's time in Antwerp—if examined at all—has been discussed in this context. But the difference between the Northern and Southern Netherlands was not just one of subject matter. I believe that it was Antwerp's historical reputation, rather than the actual state of its art world in the early eighteenth century, that led Peter the Great to choose to send Matveev there.

From the early sixteenth century, Antwerp had been a thriving commercial metropolis, a major center for banking and global trade. The city's economic fortunes led it to become the largest, most vibrant art market in Europe. As recently as the mid-seventeenth century, it remained the home of internationally recognized artists, including Peter Paul Rubens, Anthony Van Dyck, Jacob Jordaens, and Frans Snyders. By the late seventeenth century, however, after suffering a blockade of its port during the century of war between the Southern Netherlands and Dutch northern provinces, Antwerp was no longer an economic powerhouse. Its population had plummeted and its art market was decimated. The city's golden age of artistic production had ended. By the time Matveev arrived in Antwerp, some of the city's cultural reputation lingered, but its once flourishing art market had severely declined and it could boast of no artists comparable to its past masters. As we shall see, all of these factors shaped the Antwerp Academy's founding and its operations into the eighteenth century.

It was in this era of faded glory that Matveev enrolled in Antwerp's Royal Academy of Fine Arts from December 1723 to May 1727 under the name "Andries Matwjeft." He studied under Peter Sperwer (1662–1727), a history painter and portraitist.[12] Born in Antwerp, Sperwer had

---

[9] Il'ina and Rimskaia-Korsakova located Boonen's portrait of Catherine in a U. S. collection at the time of their study in 1984, but I have not been able to confirm this or find more recent information. See their *Andrei Matveev*, 56-58.

[10] Listed as payment to "*Dvum chelovekam, kotorye pered nim sideli dlia evo* [sic] *obucheniia v zhivopisi*." Johann Van den Burgh, expenditures for Andrei Matveev, September 1, 1723, RGADA f. 9, otd. II, ed. khr. 68, l. 909-909 ob., reprinted in Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev*, 257.

[11] The architects in this cohort were Korobov, Mordvinov, and Michurin, all of whom had been with Matveev in the Dutch Republic. Giovanni Steffano, Peter the Great's agent in Antwerp, oversaw the Russian students there, but funds continued to be disbursed through Van den Burgh, whose accounting records are virtually the only source documenting this period in Matveev's life and career. See Waegemans, *Puteshestvia Petra I,* 51-53, 61.

[12]"Plaetsen van sijne conincklijcke accademie naer het leven geseiugeert door dienenden ende ouden eedt op heden den 6 desember 1723," *Naamboek der leerlingen der Koninklijke Academie, met aanwijzijg der plaatsen die zij bekomen hebben in het tekenen naar het leven 1691-1746*, n.p., FelixArchief Antwerpen, 2574#293. On Sperwer, see F. Jos. van den Branden, *Geschiedenis der Antwerpsche Schilderschool* (Antwerp: Buschmann, 1883), 1166–1168. Van den

received most of his training at the Royal Academy of Painting and Sculpture in Paris. By the time he returned to Antwerp in 1700, he had sent a letter to the city council in which he styled himself as "Signor Pedro Sperwer, born within this city, an expert master of painting, [now] in great repute."[13] Athough few extant works remain by which to judge Sperwer's work, his specialization in history painting and royal portraiture made him a leading figure the city's art world during the early eighteenth century. The titles associated with him—*Christ Healing the Leper, Christ Giving the Keys to Saint Peter, The Last Supper, Allegory of Worldly Vanities,* and a portrait of Philip V—indicate that he dealt in exactly the type of subject matter that Matveev was expected to study.[14] Given his position at the Academy, it is possible that Sperwer was involved in convincing Van den Burgh or Peter the Great that he would be able to impart to Matveev the skills and knowledge he had gained at the Royal Academy in Paris.

According to Van den Burgh's accounting records, Matveev's education also included studying prints, which would include engravings after canonical works of art located in other cities. During his time in Amsterdam, purchases of drawings and individual prints (*friazhskie listy*) appeared among his equipment expenses. His first year in Antwerp, he bought a "large book" or album of prints (*bol'shuiu knigu friazhskikh listov*), an individual line item that cost 11 guldens 4 stuivers.[15] Within two years, Van den Burgh requested that Matveev's stipend be increased by 300 efimok (about 300 rubles) more than was allotted to the architecture students, specifically in order to purchase books and drawings, "because he needs to find more books and drawings than they do."[16] As students copied prints to learn about line, chiaroscuro, and composition, they also committed to memory important works of art that they would later incorporate into their paintings, like a writer alluding to Pliny or the Bible. Acquiring an album of prints set Matveev on the path to possessing this new visual knowledge.

If the scarcity of Russian records on Matveev has obscured our knowledge of his activities at the Antwerp Academy, then the history of the Academy itself can provide some insights. In one account, a former classmate remembered his Russian peer as a "talented young man named Mattweef" who "held second place in life drawing and also became an outstanding history painter."[17] Earning a second place ranking out of thirty-six students was a noteworthy

---

Branden lists Sperwer first among Antwerp painters of the period, suggesting a degree of prominence, although he is not associated with a particular title or rank in the Academy archives or the city archives.

[13] Peter Sperwer to Antwerp Magistrate, March 2, 1700, petition to request exemption from personal service (a privilege granted to a limited number of guild artists), quoted in Van den Branden, *Geschiedenis der Antwerpsche Schilderschool*, 1167. Sperwer wrote this petition to ensure his exemption before committing to move to Antwerp from Brussels, where he had been working since completing his studies in Paris. The Hispanization of his name reflects continued Spanish Habsburg rule of the Southern Netherlands.

[14] Sperwer's work is documented in P.-Amédée Brouillet, *Notice des tableaux, dessins, gravures, statues, objets d'art anciens et modernes, curiosités, etc., composant les collections de la ville de Poitiers* 1 (Poitiers: Marcireau, 1884), 95; A. Couvez, *Inventaire des objets d'art et d'antiquité de la Flandre occidentale, dressé par la commission provinciale* (Bruges: Vandecasteele-Werbrouck, 1847-48), 594; Van den Branden, *Geschiedenis der Antwerpsche Schilderschool*, 1167; and "Belgian Art Links and Tools," accessed November 26, 2023, https://balat.kikirpa.be/photo.php?path=C000566&objnr=39320&lang=en-GB&nr=1.

[15] Johann van den Burgh, expenditures for Andrei Matveev, November 26, 1724, RGADA f. 9, otd. II, ed. khr. 68, l. 909 ob., reprinted in Il'ina and Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev*, 59, 220n76; 258.

[16] "[…] *ibo emu pobolee knig i risunkov priiskivat' nadobno, nezheli inym*." Van den Burgh to Catherine I, 1725, RGADA f. 9, otd. II, d. 74, l. 393 ob., quoted in V. G. Andreeva, "Andrei Matveev," 143. An *efimok*, also known as a *Joachimsthaler*, was a silver coin whose approximate value was one ruble.

[17] Joseph Martin Geeraerts, "Observation Historique sur les suites du voyage de Pierre I," October 27, 1782,

achievement. Students at the Academy were evaluated in an annual competition that ranked them from first to last—a status they maintained for six months.[18] A student's rank determined his place in the classroom during life classes, meaning that Matveev would have had a choice seat, close to the model and next to the top-ranked student. This enviable position—which his classmate still remembered six decades later—created optimal conditions for study.

The benefits of Matveev's academic training in Antwerp were undoubtedly tempered by the city's lasting economic plight, which had profound effects on the art world. Founded in 1663 under the auspices of the Guild of Saint Luke, Antwerp's Academy was a free, public institution intended to give artists basic practical skills in life-drawing, painting, engraving, and sculpture, as well as theoretical knowledge through auxiliary courses in geometry and perspective.[19] The Academy and guild maintained close ties, occupying adjacent quarters in Antwerp's historic Stock Exchange building. Unlike the influential institutions in Paris and Rome on which it was modeled, the Academy in Antwerp was not established during a flourishing artistic era, but rather, it represented a belated attempt to recreate a golden age. Its founders' hope was to revitalize the city's artistic production and restore its art world to the "former glory" it had enjoyed in the age of Rubens so that the city would regain its standing as a major artistic center.[20]

By the time Matveev arrived in 1723, however, the Academy had not lived up to even its most basic founding mission. [21] In the first decades of the eighteenth century, its offerings were limited to drawing classes—working from live models and from plaster casts after antique sculptures. Instruction in painting, sculpture, and engraving had never materialized, and secondary courses in geometry and perspective remained a distant dream. In fact, the Academy had entered a period of severe decline that would continue until it underwent meaningful reforms in the 1750s and 1760s. The situation reached a new low only a year before Matveev's arrival, when reduced enrollments had caused the Academy to cancel its classes in drawing from antique casts, and they were forced to cede one of their classroom spaces to the East India Company. With this paltry curriculum, Matveev's training at the Academy would have been limited to life drawing classes, supplemented by private instruction from Sperwer.

---

transcribed in Jacob van der Sanden, *Register der Resoluties, Actes en Archieven over de Opkomst, Voortgang ende Vernieuwing der Vermaarde Koninklijke Academie van de tekenkunst, perspectief, enz. 1749-1808*, FelixArchief Antwerpen, SA 2574#303, folio 178. When Matveev entered the Academy, there were 36 students in the life class and 20 students in the class that worked from plaster casts. See the lists for 1723 in *Naamboek der leerlingen der Koninklijke Academie,* n.p.

[18] The literature on Matveev interprets his award as winning second prize, like the prizes awarded as medals in Russia's Imperial Academy of Arts after its founding in 1757, but the system at the Antwerp Academy was one of class rankings instead of prizes. See Bert De Munck, "Le produit du talent ou la production de talent? La formation des artistes à l'Académie des beaux-arts à Anvers aux XVIIe et XVIIIe siècles," *Paedagogica Historica* 37:3 (2001): 586-590. According to one history of the Academy, the competition may not have been held at all from 1723 through 1727; if not, the ranking was made by some other means. See, F. Jos. van den Branden, *Geschiedenis der Academie van Antwerpen* (Antwerp: J.-E. Buschmann, 1867), 40.

[19] On the Academy's history, see Van den Branden, *Geschiedenis der Academie*. See also Bert De Munck, "Le produit du talent ou la production de talent?," 574-583.

[20] David Teniers the Younger to King Philip IV, letter proposing to found the art academy, 1663, transcribed in Van den Branden, *Geschiedenis der Academie,* 103–104.

[21] On the Academy's early eighteenth-century plight, see Van den Branden, *Geschiedenis der Academie,* 38-40; and Dries Lyna, "Harbouring Urban Creativity: the Antwerp Art Academy in the Tension between Artistic and Artisanal Training in the Late Seventeenth and Eighteenth Centuries," in *Innovation and Creativity in Late Medieval and Early Modern European Cities*, eds. Karel Davids & Bert De Munck (Farnham: Ashgate, 2014), 300-305.

Although Matveev had opportunities to see monumental ceiling and wall painting while in Antwerp, whether he gained any practical experience in producing it remains an open question. The region's economic difficulties meant that few large-scale paintings were being commissioned at the time. The absence of documents linking Sperwer with decorative painting commissions in Antwerp during the 1720s makes it highly unlikely that Matveev had an opportunity to personally observe or assist with large-scale work while studying under him. This lack of experience was an obstacle that he would have to overcome after returning to Russia.

Given the sorry state of the Academy at the time, the choice to send Matveev to study in Antwerp, rather than Paris or Rome, is somewhat astonishing. Among the Russian students sent to Italy, only architects studied in Rome, while painters went to Venice and Florence; no Russian students went to Paris, whose Royal Academy was poised to become the leading institution in Europe, despite a glowing report about it from the Russian ambassador to the Dutch Republic, Andrei Artamonovich Matveev (1666-1728).[22] Russia's complicated diplomatic relations with France at the time—due to Louis XIV's hostilities against the Dutch, as well as the War of Spanish Succession—must have prevented them from sending students to Paris. While we can only speculate about the possible factors that led to these decisions, the strong impression Antwerp's art world made on Peter when he visited the city in 1717 must have played a role in his choice to send Matveev and the architecture students there. The tsar's Grand Embassy to Europe from 1697 to 1698 had focused primarily on acquiring technical knowledge in the Dutch Republic and England, while during his second trip abroad from 1716 to 1717, he traveled more widely and became increasingly interested in the arts.[23] While in Antwerp on this second trip, the tsar and his entourage visited architectural landmarks, private art collections, and sites where art was produced and sold.

The appearance of a thriving art world when Peter visited Antwerp in April 1717 helps to explain why it seemed a good place to send Matveev six years later. One of the first places Peter and his entourage visited was the Antwerp Stock Exchange. Although the Academy as an institution was in a dismal state, the Stock Exchange building that housed it remained an important site in Antwerp's cultural landscape.[24] The guild also established a public art gallery on the premises, where it required every painter and sculptor working in the city to display at least one work.[25] The result was a permanent public display of contemporary painting and sculpture by Antwerp artists gathered in one place, where visitors could easily see and purchase works—as they were all for sale. When a work was sold, its artist was obligated to replace it in order to maintain the integrity of the display. Such a presentation was intended to demonstrate that Antwerp remained the birthplace of great art. Even if the exhibition space was not intended

[22] See Il'ina, "K voprosu o russkom pensionerstve," 3-17; and A. A. Matveev, "Arkhiv, ili stateinyi spisok, moskovskago posol'stva, byvshago vo Frantsii iz Gollandii inkognito v proshlom, 1705 godu, sentiabria v 5 den'," Otdel rukopisi, Russian National Library, f. IV, 552, reprinted in I. S. Sharkova and A. D. Liublinskaia, eds., *Russkii diplomat vo Frantsii* (*Zapiski Andreia Matveeva*) [hereafter, Matveev, "Arkhiv, ili stateinyi spisok"] (Leningrad: Nauka, 1972), 221-23. The ambassador A. A. Matveev is not related to the artist Andrei Matveev, whose patronymic and family background are unknown.

[23] See, Waegemans, *Puteshestvia Petra I,* 22-27.

[24] Built in the Brabantian Gothic style in 1531, the Stock Exchange became a model for exchanges in London and Amsterdam. As it fell into disuse during Antwerp's economic decline, the city assigned some of its wings to serve as quarters for organizations such as the Guild of Saint Luke and the Academy of Fine Arts.

[25] See Zirka Zaremba Filipczak, *Picturing Art in Antwerp 1550-1700* (Princeton: Princeton University Press, 1987), 133, 170.

for study and instruction, Academy students in nearby classrooms could benefit from easy access to the works on view. The illusion of a thriving art market created by the guild's display would help convince unsuspecting visitors, such as Peter and his entourage, that the Academy and guild were thriving.

In addition to the Stock Exchange, Peter visited the Jesuit Church of Antwerp, a gem of seventeenth-century architecture and decoration, which featured two altarpiece paintings by Peter Paul Rubens and thirty-nine ceiling paintings executed by Rubens's workshop.[26] The Jesuit Church may have been the tsar's first experience of Baroque religious painting on a grand scale. Its lavish interior, filled with richly colored marble and gilded stuccowork, made a tremendous impact on visitors. The curvilinear ornament, abundant sculpture, and florid painting, all displayed amid innovative optical effects, were very different from austere, whitewashed Dutch Reformed churches they had seen earlier. In the tsar's official travel report, his cabinet secretary Aleksei Makarov noted that the church was "extremely rich in architecture and marble decorations, and even more so in paintings of the highest artistry."[27] Over a decade earlier, when the Russian ambassador A. A. Matveev visited the Jesuit Church, he wrote: "the interior was all of various Italian marble architecture, on both sides abundantly decorated with altars," and featured paintings "by the most glorious painters of the past century, most especially the praiseworthy Rubens and Van Dyck."[28] His reference to Rubens and Van Dyck marks the earliest documented instance of a Russian mentioning artists by name, undoubtedly highlighted by the ambassador's Antwerp hosts. Naming individual artists introduced the concept of connoisseurship to their Russian visitors, underscoring the prestige of displaying works by a recognized master. The Jesuit Church set a high standard, showing Peter and his entourage what was possible for new buildings they were commissioning in St. Petersburg. Sending Matveev and the cohort of architects to study in a city where they could experience this architectural wonder would enable them to emulate this vision in Peter's new capital.

On the same day the tsar went to the Jesuit Church and Stock Exchange, he also spent time in the homes of two art collectors, where his journal notes that he "looked at good pictures" before visiting a third connoisseur who had both a paintings collection and a *kunstkamer*, or a "collection of miscellaneous objects."[29] Peter had seen Dutch private art collections two decades earlier during his Great Embassy, and had already started forming his own collection, such as his paintings gallery at Monplaisir palace and the sculpture display in the Summer Garden. In Antwerp, visiting the guild's Academy and art gallery in close succession with private collections and the Jesuit Church would have reinforced in the minds of the visiting Russians connections between artistic training, professional production, and the availability of art on the market. The private collections and splendid Baroque public spaces that resulted from this art market all

---

[26] Most of the church's paintings were destroyed in a fire in 1718. The Jesuit Church was renamed/reconsecrated in 1779 as the Saint Charles Borromeo Church. See Piet Lombarde, "Introduction," and Léon E. Lock, "Rubens and the Sculpture and Marble Decoration," in *Innovation and Experience in the Early Baroque in the Southern Netherlands: The Case of the Jesuit Church in Antwerp*, ed. Piet Lombarde (Turnhout: Brepols, 2008), 15-30, 155-174.

[27] "*zelo bogatago zdaniia i ukrasheniia v mramorakh, a pache v zhivopisnykh samykh lutchikh pis'makh*," in A. V. Makarov, entry for April 12, 1717 ("V 1-y den'") in *Pokhodnyi zhurnal 1717-go goda* (St. Petersburg: n.p., 1855), 8.

[28] "*Vnutri ves' razlichnykh mramornykh ital'iansikh arkhitektur s oboikh storon altar'mi po premnogu ukrashen*," and, "*Pis'ma zhivopisnyia v tserkvakh i nad altariami, i na potolkakh samykh preslavnykh drevniago veku zhivopistsov, osoblivo zh khval'nykh veku togo Robensa i Vandeika*." Matveev, "Arkhiv, ili stateinyi spisok," 35.

[29] "*kunshtkamor, ili sobranie vsiakikh veshchei*," Makarov, *Pokhodnyi zhurnal,* 8.

contributed to a sense of greatness and economic power—even if it was now a distant memory. Given the Russian visitors' lack of exposure to other art institutions, they must have believed that the foundation of all this was the education on offer at the Academy.

Peter's itinerary though Antwerp's art world in 1717 evidently enabled his hosts to convince him of the city's reputation as the birthplace of great painters, a suitable place for a Russian student such as Matveev to complete his training. The local artists stood to gain a great deal from having Russian students at the Academy. Presenting the art world as they hoped to revive it, not as it actually was, might help them to forge links with Russia that could start to rebuild their city's international standing. During the city's economic downturn, Antwerp artists actively sought to expand the export market, eventually developing large workshops that churned out mediocre paintings for export to collectors who might be less discerning, both in the region as well as New Spain and Eastern Europe.[30] At the most basic level, welcoming students from Russia would prop up the Academy's dwindling enrollments.[31] If the relationship succeeded in the longer term, Antwerp might become a training ground for Russian artists, at least until a modern academy could be established in Russia. On a larger scale, an ongoing relationship would benefit both countries. The impoverished Southern Netherlands could improve both its finances and its status as artistic center by infusing some of its rich cultural heritage into Russia, a newly powerful state that was eager to absorb European artistic culture. Whether or not the Antwerpenaars were actively promoting themselves to Peter and his entourage, their highlights tour through the city evidently masked the reality that the Academy was in a period of severe decline.

The state of Antwerp's Academy in the 1720s and the training Matveev received there ultimately shaped his *Allegory of Painting*. Sent abroad with the expectation of assimilating current European developments in painting, the young artist found himself in a city that was trying to resuscitate its reputation by clinging to past glories. The practice of academic copying in Antwerp can be seen as not only a method of training, but also a way of recreating the fabled past in new works. Despite the limitations of Matveev's training there, however, it ultimately allowed him to send a painting with a more elevated meaning than his previous work, using the European language of allegory.

Matveev's *Allegory of Painting*

The *Allegory of Painting* is a small-scale work, but its ambitious subject and importance to Matveev's career lend it an outsized importance. Having sent a portrait of Catherine five years earlier from Amsterdam, in 1725 the young artist was now ready to demonstrate his progress from portraitist to history painter. In the hierarchy of genres that governed European art academies, history painting—which comprised classical history, biblical subjects, Greco-Roman mythology, and allegorical imagery—occupied the top rung because it required both the intellectual grasp

[30] Lyna, "Harbouring Urban Creativity," 301; Katlijne Van der Stighelen & Filip Vermeylen, "The Antwerp Guild of Saint Luke and the Marketing of Paintings 1400-1711," in *Mapping Markets for Paintings in Europe 1450-1750*, eds. Neil de Marchi & Hans J. Van Miegroet (Turnhout: Brepols, 2006), 194-195.

[31] Because the Academy provided a free, public education, foreign students would have increased only enrollment, not tuition revenue. Van den Burgh's expense records show that he paid Sperwer ("*Masteru za uchenie odnogo godu*"), not the Academy. Van den Burgh's accounts, November 1723-November 1724, in Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev,* 258.

of the subject to portray it effectively, and the skill in rendering anatomy to depict the nude form, the highest manifestation of artistic achievement.

Matveev depicted the personification of Painting as a semi-nude female figure seated on a low platform before an easel, working on a canvas as the goddess Minerva looks on from the clouds above. Two cherubs at left pose with attributes of art and civilization—a portfolio, antique sculptural head, and globe inscribed "NIDDELANDΣCHE" to underscore the work's origins—while another cherub in the shadow of the easel industriously grinds pigments. Next to the globe, the inscription "[made] with diligence by Andrei Matveev in 1725 (*tshchaniem Andrea Matveeva 1725 godu*)" appears along the edge of the platform.

Figure 1a: Andrei Matveev, *The Allegory of Painting,* 1725 (details of Fig. 1).

According to the dominant interpretation, the personification of Painting uses Minerva as a model for portraying an earthly ruler, Catherine I, who is seated in a similar pose, leaning on her left elbow, and gazing slightly to her left (Fig. 1a).[32] Rather than depicting the goddess in military dress, with a spear in the crook of her left arm, the allegorical figure paints her wearing a crown and raising a scepter in her right hand—depicting her as a monarch to suggest that the Art of Painting mediates between Minerva and the ruler. In this reading, Matveev's work creates an explicit connection between the goddess of civilization and Catherine's patronage, flattering the tsaritsa as an enlightened patron of the arts.

[32] Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev*, 61-62.

But the argument for this interpretation is not airtight. First, the round-faced, fair-haired woman on the canvas does not look like Catherine, whose features Matveev would have known well from copying Boonen's portrait of her in Amsterdam. Her rectangular face, strong eyebrows, and dark curls make her easily recognizable, even at small scale (Fig. 9). Second, given Matveev's timing in sending the painting to St. Petersburg, he must have planned the picture while Peter was still alive; only the emperor's death shortly before its completion meant that the *Allegory of Painting* went not to Peter, but to the newly widowed empress.

The dominant interpretation would make sense only if Matveev had composed the painting after learning of Peter's death, for Catherine as queen regnant—which he would not have had time to do in less than a month.[33] It was not customary at the time to portray a queen consort in allegorical or mythological guise without the ruling king. Images of European kings and queens depict them together as Venus and Hercules, or Apollo and Minerva, but allegorical images of a queen consort without the king are all but nonexistent. Given the time required for a student to develop and execute a multi-figure composition, for oil paint to dry between glazes, and for the final varnish to set, it seems unlikely that Matveev intended his painting to depict the widowed Catherine as ruler. He must have started it well before Peter's death a few weeks earlier. When the painting arrived in St. Petersburg after the emperor's death, the men who had surrounded him now supported Catherine as ruler. Her disinterest in statecraft allowed them rule while portraying her as Mother of Russia, with comparisons to Roman goddesses and ancient rulers.[34] Matveev's allegorical statement arrived at the perfect time—but what does it depict?

Exploring the iconographic conventions for the Art of Painting indicates the degree to which Matveev followed or deviated from tradition.[35] According to Cesare Ripa's *Iconologia*, the Art of Painting, or *Pictura*, should wear drapery of changing colors to represent the painter's skill, as well a gold chain with a pendant mask to signify imitation, and messy hair to show the passionate artistic temperament (Fig. 2).

[33] According, Il'ina and Rimskaia-Korsakova, "it is hard to find a better subject for a painting intended by the student as a gift for Catherine upon her accession to the throne." Peter died on January 28 by the Julian calendar used in Russia, or February 8 by the Gregorian calendar used in Antwerp. Allowing time for the news of Peter's death to travel from St. Petersburg to Antwerp, if Matveev sent the painting with his letter dated March 4, he would have had less than a month to execute it. This is why I believe he started the painting before January 28/February 8, 1725, while Peter was still alive. See, Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev,* 62

[34] Lindsey Hughes, *Peter the Great: A Biography* (New Haven: Yale University Press, 2002), 209.

[35] See Cesare Ripa, *Iconologia: overo descrittione di diverse imagini cavate dall' antichità, e di propria invention* [1593] (Hildesheim: Olms, 1970), 404-405; Mary D. Garrard, "Artemisia Gentileschi's *Self-Portrait as the Allegory of Painting*," *The Art Bulletin* 62:1 (March 1980): 97-112; Eric Jan Sluijter, "Venus, Visus and Pictura," in *Seductress of Sight: Studies in Dutch Art of the Golden Age* (Zwolle: Waanders, 1993), 87-159, 306-321; Eric Jan Sluijter, "Vermeer, Fame, and Female Beauty: The *Allegory of Painting*," in *Vermeer Studies*, eds. Ivan Gaskell & Michiel Jonker, *Studies in the History of Art* vol. 55 (Washington, D.C.: National Gallery of Art, 1998), 265-283.

Figure 2: Frans van Mieris the Elder, *Pictura (An Allegory of Painting)*, 1661, oil on copper, 12.7 × 8.9 cm, J. Paul Getty Museum, Los Angeles, no. 82.PC.136.

In fact, few artists followed Ripa closely. As many other depictions show, the iconography was extremely flexible. The figure could be male or female, clothed or naked, alone or with Apollo, Minerva, or Hercules, and almost always accompanied by cherubs with attributes of the arts (Figs. 3-5, 13, 17). Nudity would associate a female figure with Venus, or with personifications of Truth or Beauty, which are typically depicted as naked women. She (or he) sits before a blank canvas, or a depiction of Venus, Minerva, the three graces, the Judgment of Paris, or a landscape. But the canvas before Matveev's personification of Painting shows a woman with a crown and scepter.

Figure 3: Unknown artist, *Personification of Painting,* c. 1612-52, engraving on paper, 19.4 x 13.9 cm. Rijksmuseum, Amsterdam, no. RP-P-1886-A-10929.

Figure 4: Cornelis Galle, after Aegidius Sadeler and Peter Paul Rubens, *Pictura* (*de Schilderkunst*) 1610-50, engraving on paper, 29 x 19.5 cm, Rijksmuseum, Amsterdam, no. RP-P-OB-6747.

Figure 5: Giovanni David, *Title Print with Allegory of Painting,* c. 1543-90, etching on paper, 48.2 cm × 32 cm, Rijksmuseum, Amsterdam, no. RP-P-2000-471.

Comparisons with contemporaneous European allegorical images suggest a new interpretation. In allegories of France, Britain, and other states, an image of a female ruler, often resembling Minerva, denotes not the queen, but the kingdom or empire itself. For example, Charles Lebrun's ceiling painting in the Salon of Peace at Versailles depicts France as a crowned

woman with a scepter, wearing a blue mantle and shield, both covered in fleurs-de-lys (Fig. 6). Allegories of Britannia were also standard iconography of the period (Fig. 7).

Figure 6: Charles Le Brun, detail from *France Accompanied by Immortality, Peace, Abundance, and Magnificence*, 1681-86, oil on canvas, Salon of Peace, Château de Versailles, no. INV1850(2310). Photo © Grand Palais (Château de Versailles), Benoît Touchard.

Figure 7: James Thornhill, *Britannia Enthroned, with Concord, Learning, and Religion Overcoming Vice*, ca. 1718, oil on panel, 54 x 60 cm, Victoria and Albert Museum, London, no. W.13-1944.

Artists in Russia had already adopted this usage as early as 1714, when Peter the Great's personal seal portrayed Russia as a crowned female figure with orb and scepter (Fig. 8).[36]

Figure 8: 20th-century seal imprint from *Peter the Great Sculpting a Statue of the New Russia,* F. Kh. Bekker, ca. 1711-1712. Gypsum, stamped, 2.5 x 2.3 x 0.3 cm, The State Hermitage Museum, St. Petersburg, no. ЭРТх-2368, photograph © The State Hermitage Museum.

Commemorative medals and engravings disseminated this imagery, for example, Ivan Zubov's engraving of Catherine I's coronation in 1724, with a crowned personification of Russia at lower left asking God's blessing (Fig. 9).

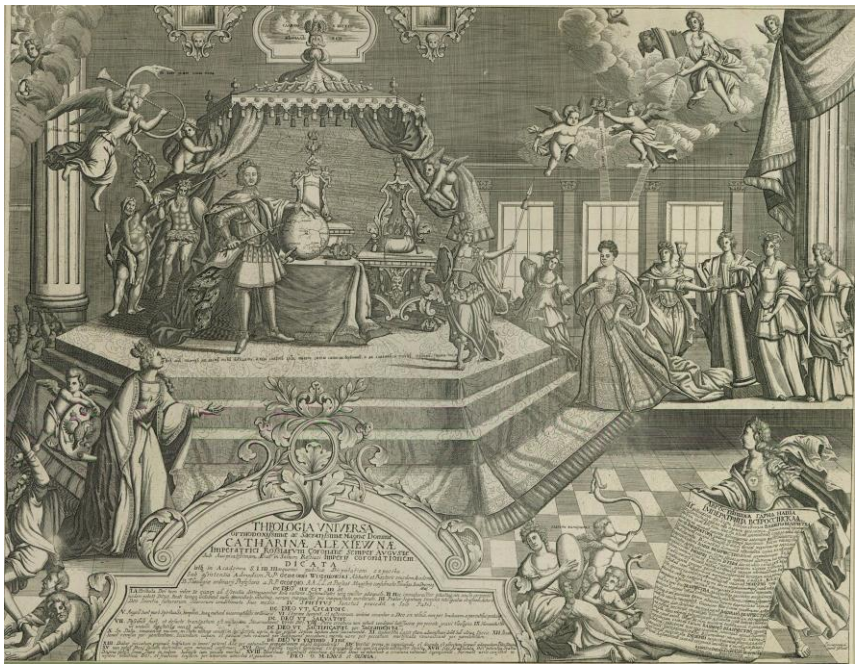


Figure 9: Ivan Zubov, *Conclusion of the Coronation of Empress Catherine I, 6 May 1724,* 1724, etching with line engraving on paper, 60 x 96.2 cm, The State Hermitage, St. Petersburg, no. ЭРГ-16639, photograph © The State Hermitage Museum.

[36] Robert Collis, *The Petrine Instauration*: *Religion, Esotericism and Science at the Court of Peter the Great, 1689-1725* (Leiden: Brill, 2011), 370-372.

In this engraving, the generic face of the allegorical figure is easily distinguished from the portrait likeness of Catherine (Fig. 9a).

Figure 9a: Allegory of Russia and likeness of Catherine I (details of figure 9).

Similarly, in a ceiling painting for the second antechamber (*vtoraia priemnaia*) of Peter the Great's Summer Palace, a figure resembling Matveev's appears as the central figure, bearing the imperial crown and scepter. She is now interpreted as either Russia, flanked by Religion at right and a figure of either Wealth or Fertility at left (Fig. 10).[37] In the upstairs throne room or reception room of Catherine I, the empress (her face dramatically foreshortened) is joined by figures of Fame, History, Time, and imperial eagles to represent the Triumph of Catherine (Fig. 11). These ceilings exemplify the similar iconography in depictions of Catherine and the allegory of Russia, while underscoring their subtle differences. Allegorical decorations of this kind were the type of commission Matveev would be aiming for after returning home.

[37] See N. V. Kaliazina & G. N. Komelova, *Russkoe iskusstvo petrovskoi epokhi* (Leningrad: Khudozhniki RSFSR, 1990), 19, 42 plate 22; B. F. Borzin, *Rospisi petrovskogo vremeni* (Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1986), 114. The current interpretation appears in the Russian Virtual Museum. See Georg Gsell, "Plafon 'Triumf Rossii'," The Russian Virtual, accessed November 26, 2023, https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/17_19/ld-1/index.php?lang=en.

Figure 10: Georg Gsell, *Triumph of Russia*, 1719, oil on canvas, 237 x 397 cm. Peter the Great's Summer Palace, St. Petersburg, no. LD-1.[38]

Figure 11: Georg Gsell, *Triumph of Catherine* 1720s, oil on canvas, 344 x 312 cm. Peter the Great's Summer Palace, St. Petersburg, no. LD-328.[39]

When seen in this context, it becomes clear that Matveev's personification of Painting depicts on her canvas Russia in the image of Minerva, watched over by the goddess herself. This

[38] Georg Gsell, "Plafon 'Triumf Rossii'," The Russian Virtual, accessed November 26, 2023, https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/17_19/ld-1/index.php?lang=en.

[39] See Georg Gsell, "Plafon 'Triumf Rossii'," The Russian Virtual, accessed November 26, 2023, https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/17_19/ld-1/index.php?lang=en.

new attribution means that the Art of Painting actively participates in the transformation of Russia into a civilized, European society, making a case for the essential role of artists such as Matveev in that transformation. This interpretation could have supported Matveev's petition to remain in Antwerp either before or after Peter's death. Whether Matveev devised this iconography himself, or relied on advice from his mentor, it would have been composed by copying similar subjects, in the original or in reproduction.

Most literature on Matveev's *Allegory* notes that the composition was likely drawn from an unknown Netherlandish source, naming influential artists such as Jacob de Wit (1695-1754) and Adriaen van der Werff (1659-1722), but not specific works.[40] Instructors in Antwerp undoubtedly promoted the widespread notion that artists should not merely imitate the work of earlier artists, but should instead select motifs from a range of sources, including nature itself, in order to transform them into new works of art.[41] Matveev's *Allegory* exemplifies this strategy. For example, his figure of Painting and the presence of cherubs seem related to Maerten de Vos's *Saint Luke Painting the Virgin* (1602, Fig. 12), which he would have seen in the Chapel of the Guild of Saint Luke in Antwerp Cathedral, but his composition and message are quite different.

Figure 12: Maerten de Vos, *Saint Luke Painting the Virgin,* 1602, oil on panel, 270 × 217 cm, Royal Museums of Fine Arts Belgium, Brussels, no. 88.

Moreover, a survey of earlier Netherlandish prints shows that depicting the Art of Painting in profile at an easel was a standard compositional formula. Copying from earlier paintings and sculptures was intended to create a basis from which artists could produce original work. By the

[40] For example, "Matveev's painting [...] with its smooth painting and schematic composition recalls a weak imitation of [Adriaen] van der Werff," Benua, *Russkaia shkola zhivopisi,* 14. See also Andreeva, "Andrei Matveev," 145; Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev,* 63. Stylistically Matveev's work does not recall these two artists any more than other Netherlandish painters, except that both De Wit and Van der Werf depicted many nude and partially draped women.

[41] While these ideas were prevalent across Europe, it is worth noting that they were examined in depth by Antwerp's own Rubens. See Jeffrey M. Muller, "Rubens's Theory and Practice of the Imitation of Art," *Art Bulletin,* 64:2 (June 1982): 229-247.

standards of early eighteenth-century academic training, Matveev's *Allegory* represented a step along this path to artistic independence.

Among early Russian easel paintings, Matveev's is notable for being not only the first allegorical subject, but also the first female nude. If depicting the undraped human figure demonstrated the highest level of artistic skill, then the female figure was considered the ultimate test. Whether Matveev passed or failed the challenge plays an important role in the painting's later reception. A thick layer of yellowed varnish has blurred the contours and obscured his modeling of the musculature. As a result, the overall impression is a long, C-shaped figure with poorly defined muscles and a disproportionately small head. Her boneless body, elongated neck, and tiny head are hard to square with an artist ranked second for draftsmanship. Advanced students such as Matveev ought to have mastered anatomy and proportion before undertaking an independent composition.

If Matveev had been working from a live female model at the Academy or in Sperwer's studio, then we could agree with the assessment that his draftsmanship is weak. But European state academies at this time—including the Royal Academy of Painting and Sculpture in Paris, where Sperwer had trained—hired only male models. In the Netherlands, in private studios of the mid- to late seventeenth-century, women bared only their legs or torso; rare instances of women posing entirely naked for professional artists, not for students, are known from court documents, which attests to the practice's illicit nature.[42] In instructional settings, however, concerns over moral dangers discouraged masters from exposing their students to such women. While we lack evidence about modeling practices in 1720s Antwerp, it is safe to say that they were based on practices of other teaching academies in Europe, making it unlikely that Sperwer hired a female model for Matveev and his other pupils.[43] For these reasons, I would argue that Matveev's strangely proportioned personification of Painting is not a poorly executed life study, but a copy after a cast, print, or painting of a figure with similar proportions. The stylized anatomy and fluid lines of Matveev's figure recall sixteenth-century work by Northern Mannerists, seen in engravings after Hans Speckaert or Hans van Aachen (Figs. 13-14).[44] These engravings continued to be published in the early eighteenth century; it would be perfectly normal for a student such as Matveev to explore a wide range of earlier styles, including Mannerist works—which might have been among the prints he purchased in Amsterdam or Antwerp.

[42] See Eric Jan Sluijter, *Rembrandt and the Female Nude* (Amsterdam: Amsterdam University Press, 2006), 319-327; and Erna Kok, "The Female Nude from Life: On Studio Practice and Beholder Fantasy," in *The Nude and the Norm in the Early Modern Low Countries*, eds. Karolien De Clippen, Katharina Van Cauteren & Katlijne Van der Stighelen (Turnhout: Brepols, 2011), 35-50.

[43] The earliest documented instances of female models working at art academies occurred in the St. Martin's Lane Academy in London (forerunner of the Royal Academy) in the 1720s, which was an exceptional situation. It was followed by the Royal Academy of Fine Arts in Copenhagen in 1833. See Martin Postle, "Naked Civil Servants: The Professional Life Model in British Art and Society," in *Model and Supermodel: The Artist's Model in British Art and Culture*, eds. Jane Desmarais, Martin Postle & William Vaughn (Manchester: Manchester University Press, 2006), 9; Kasper Monrad, *The Golden Age of Danish Painting* (New York: Hudson Hills Press, 1993), 114.

[44] See Gert Jan van der Sman, "Dutch and Flemish Printmakers in Rome 1565-1600," *Print Quarterly* 22:3 (September 2005): 256-257; Patrik Reuterswärd, "Drawings by Claude Audran II," *Master Drawings* 2:2 (Summer, 1964): 144-145.

Figure 13: Pieter Perret after Hans Speckaert, *Allegory of Painting,* 1582, engraving on paper, 40.8 × 28.7 cm, Rijksmuseum, Amsterdam, no. RP-P-OB-16.269.

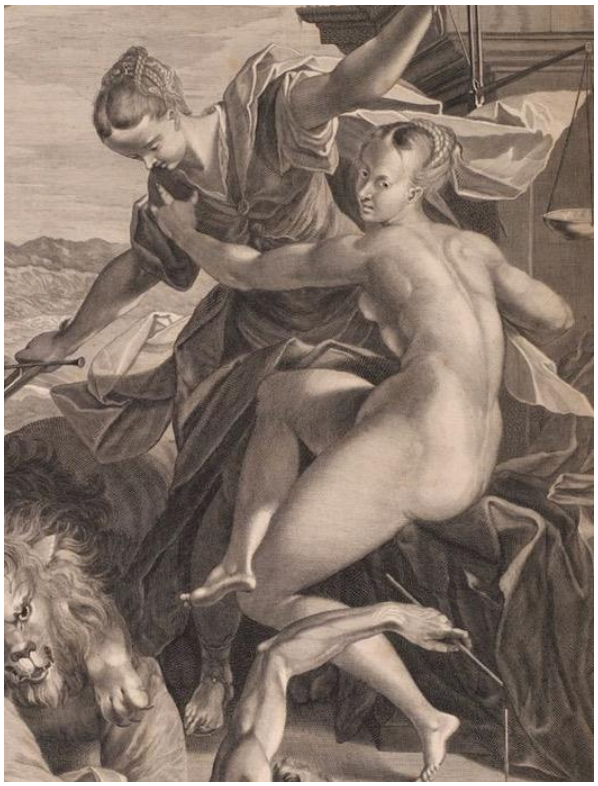


Figure 14: Georg Andreas Wolfgang after Hans von Aachen, *Allegory of the Triumph of Justice and Truth*, ca. late seveenteenth-early eighteenth century, engraving on paper, 58.2 x 46.1 cm, Rijksmuseum, Amsterdam, no. RP-P-OB-56.543.

The cherubs posing on the left side of Matveev's canvas further exemplify the process of emulation (Fig. 1b). The standing boy is a mirror image of the Apollo Belvedere, a Hadrianic Roman sculpture in the Vatican collection (Fig. 15), and the seated figure—seen from behind

while twisting and leaning to look up at a male figure—recalls the Venus from Titian's many versions of *Venus and Adonis*, which he first painted in the 1520s (Fig. 16). Both works, known across Europe as key examples of classical sculpture and Renaissance painting, were widely disseminated as copies and prints. They almost certainly appeared among the prints Matveev had acquired in Amsterdam and Antwerp.

Figure 1b: Andrei Matveev, *Allegory of Painting,* 1725 (detail of Figure 1).

Figure 15: Nicolaes de Bruyn, after engraving by Hendrick Goltzius, *Apollo Belvedere,* ca. 1645-ca. 1706, engraving on paper, 26 × 19 cm, Rijksmuseum, Amsterdam, no. RP-P-1881-A-4846.

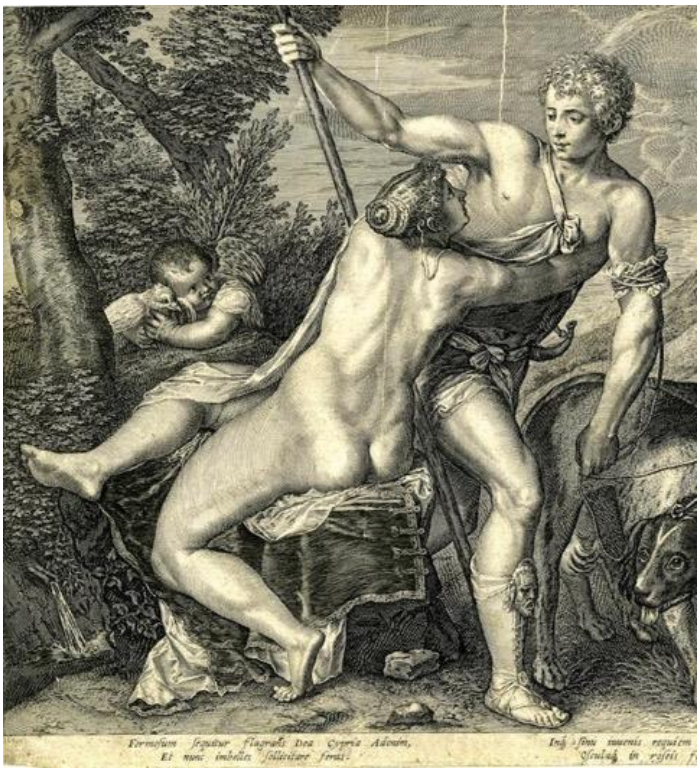


Figure 16: Raphaël Sadeler (II), after Titian, *Venus and Adonis,* 1610, engraving on paper, 195 × 258 mm, Rijksmuseum, Amsterdam, no. RP-P-H-H-1244.

By pairing the goddess of love and beauty with the god of arts and leader of the muses, Matveev demonstrates his grasp of the essence of art making, as well as his mastery of the European artistic canon. And yet even this pairing could have been drawn from another work, for example, a print after Claude Audran's *Allegory of Painting* which depicts a cherub at left holding an image of the Apollo and a Venus-posed cherub at right (Fig. 17).

Figure 17: Pieter Sluyter, after Claude Audran II, *Painting,* 1693, etching and engraving on paper 17 × 26.2 cm, Rijksmuseum, Amsterdam, no. BI-1904-39-45.

Likewise, Matveev's figure of Minerva recalls any number of saints and classical deities sitting aloft, looking down at the mortal sphere. All things considered, numerous possibilities for creative emulation were available to Matveev.

As this analysis demonstrates, and as any connoisseur would have recognized at the time, Matveev's *Allegory of Painting* is a composite image based on several that he had copied as part of his training. It is his eclectic range of sources that accounts for the painting looking so different from most early eighteenth-century academic paintings. The point is that Matveev's painting is not a flawed work that we should discuss only in terms of Russian "firsts," while ignoring problems of quality. Instead, we should see how its problems speak of Matveev's accomplishments while also highlighting the inadequacy of his training in Antwerp—an academy not yet fully developed, despite its ambitions. His painting is a perfect example of the aspirations and limitations of Russian painting at this time.

Although Matveev may have been exposed to allegorical painting while he was studying portraiture in Amsterdam, it was at the center of his activity in Antwerp. It was part of the city's reputation, the main reason the tsar had sent him there to study under a history painter. The Academy's quarters in the Stock Exchange were decorated with allegorical paintings intended to represent the institution's mission and the city's profound connections with the arts. In the Academy's theater hall, students could see Theodor Boeijermans's *Antwerp, Mother of Painters*, and Jacob Jordaens's *Industry and Commerce Protecting the Arts* (1663-1665, Figs. 18-19). Painted soon after the Academy's founding, both large-scale ceiling paintings feature nude and partially draped allegorical and mythological figures nurturing and promoting the arts in Antwerp. [45] In both works, personifications of painting and poetry, virtues and vices, interact with Greco-Roman deities and historical figures such as Rubens and Van Dyck, all accompanied by cherubs. Seeing complex allegorical images such as these undoubtedly provided ideas that Matveev could employ as he created his own composition.

Figure 18: Theodor Boeijermans, *Antwerp, Mother of Painters,* 1663-1665, oil on canvas 188 × 454 cm, Royal Museum of Fine Arts Antwerp, Antwerp, no. 23.

[45] See Filipczak, *Picturing Art in Antwerp,* 173-176.

Figure 19: Jacob Jordaens, *Industry and Commerce Protecting the Arts,* 1663-1665, oil on canvas 185 × 486.4 cm, Royal Museum of Fine Arts Antwerp, Antwerp, no. 219.

Matveev's *Allegory of Painting*, intended to demonstrate his accomplishments and earn him favor with his imperial patron, ultimately allowed him to remain in Antwerp for two more years, until the death of Catherine in 1727. The importance Matveev accorded to this allegorical subject during his period abroad indicates his belief that the significance of such works in Western Europe would resonate back in Russia.[46] As one of the first Russian artists to travel abroad for training, Matveev served as a channel of communication for artistic ideas from the West. We have no records from his years in Antwerp to suggest that he was keeping up with developments in the Russian art world, where foreign artists and works of art had already introduced these ideas. By displaying his familiarity with the language of allegory and his mastery of past artistic styles, the *Allegory of Painting* helped to establish him as history painter before his return to St. Petersburg. The additional training that he requested in Antwerp would prepare him to take his place painting historical and allegorical works back in Russia.

Allegorical Imagery and Court Culture in Russia

When Matveev's painting reached Catherine in 1725, allegorical imagery had already entered Russian visual culture. From triumphal gates erected for military processions seen by the general public, to garden sculpture and palace decoration accessible only to the elite, Roman deities and personifications became an increasingly frequent sight in Moscow and St. Petersburg starting in the 1690s.[47] As in Europe, explanatory booklets and commemorative prints were published to help literate spectators understand the complex iconography of the imperial ceremonies and newly introduced forms of art—although apparently few readers purchased

[46] The other paintings he produced in Antwerp, a *Venus and Cupid* (c. 1726, GRM no. Zh-10) and possibly a *Bacchic Scene* (c. 1723-27, GRM no. 11007, whose attribution to Matveev remains uncertain), further demonstrated his knowledge of mythological imagery, but lacked the symbolic significance of his *Allegory*.

[47] Borzin, *Rospisi petrovskogo vremeni*, 150-187; E. A. Tiukhmeneva, *Iskusstvo triumfal'nykh vrat v Rossii pervoi poloviny XVIII veka* (Moscow: Progress-Traditsiia, 2005); Richard S. Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, vol. 1 *From Peter the Great to Nicholas I* (Princeton: Princeton University Press, 1995), 42-78.

these publications.[48] Reference books, most notably Peter the Great's publication of *Symbols and Emblems* (*Symboly i Emblemata*) in 1705 and 1719, served as sources for heraldry, as well as keys to the new imagery.

Beyond merely explaining its meaning, in Russia it was also essential to defend the use of non-Christian imagery in a court culture that was traditionally imbued with Orthodox symbolism. Scholars from Kyiv played a crucial role in Russia's assimilation of European Baroque imagery. In the late seventeenth century, engravers Oleksandr and Leontii Tarasevych, trained in Catholic Vilnius and Augsburg, had introduced Counter-Reformation iconography and Baroque stylistic elements into Orthodox images produced at the Pecherskaia Lavra in Kyiv. Scholars from the Kyivan Mohyla Academy who knew these images were recruited for the Slavic-Greek-Latin Academy in Moscow. Their knowledge of European iconography made them uniquely suited to navigate between Orthodox tradition and the classical imagery of triumphal events and celebratory fireworks.[49] For example, in preparation for triumphal celebrations after Russia's victory over Sweden at Narva in 1704, Iosif Turoboiskii, prefect of Moscow's Slavic-Greek-Latin Academy, wrote that the Roman deities on display should be understood as allegories. In a publication intended for the few, literate spectators, he reasoned that the figures originated "not from sacred texts, but from secular histories, not by means of sacred icons, but either historians' legends, or individuals and images [...] invented by poets."[50] By detaching Roman figures from their ancient religious meaning, Turoboiskii and other scholars sought to reassure Orthodox readers who might be concerned about pagan influences entering Russia. In doing so, he helped to define a civil sphere for elite culture, distinct from and coexistent with the sphere of religious devotion, as part of Russia's civilizing process.[51]

In this rapidly changing visual landscape, allegorical depictions of women, such as Matveev's Minerva and Art of Painting, took on special significance.[52] According to scholars of early modern Europe, images of Venus and Minerva went hand in hand with women's participation in court life.[53] Europeans upheld the presence of women at court as distinguishing their court culture from that of Asian rulers, who were cast as backwards despots. Depictions of Greco-Roman goddesses stood for the idea that civilization, beauty, and love now reigned,

[48] Simon Franklin, "Reading the Streets: Encounters with the Public Graphosphere, c. 1700-1950," in *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, vol. 1, eds. Damiano Rebecchini & Raffaella Vassena (Milan: Ledizioni, 2020), 260-268.

[49] See Elena N. Boeck, "Claiming and Acclaiming Peter I: Ukrainian Contributions to the Visual Commemoration of Petrine Victories," in "Poltava 1709: The Battle And The Myth," ed. Serhii Plokhy, special issue, *Harvard Ukrainian Studies* 31:1/4 (2009-2010): 271-308.

[50] "*Ne ot bozhestvennykh pisanii, no ot mirskikh istorii, ne sviatymi ikonami, no ili ot istorikov predannymi, ili ot stikhotvortsev vymyshlennymi litsami i podobiiami, ot zverei, gadov, ptits, dreves, i prochikh veshch izobrazuem*." Iosef Turoboiskii, *Preslavnoe torzhestvo svoboditelia Livonii* (Moscow, 1704), l. 6 ob., quoted in Tiukhmeneva, *Iskusstvo triumphal'nykh vrat*, 21.

[51] Simon Franklin, "Reading the Streets," 267.

[52] See Wortman, *Scenarios of Power,* 55-56. In pre-Petrine Russia, images of women had been largely limited to the Mother of God and a circumscribed cast of saints and biblical figures. Their function was to exemplify Christian love through faith and sacrifice. As female portraiture increased under Peter the Great's reforms, symbolic depictions of women also proliferated.

[53] See Kathleen Wellman, *Queens and Mistresses of Renaissance France* (New Haven: Yale University Press, 2013), 111-113, 166-67. See also, Jean Starobinski, *L'Invention de la liberté, 1700-1789*, rev. ed. (Paris: Gallimard, 2006) 54-61.

serving as pacific counterparts to bellicose imagery of Mars and Hercules.[54] In other words, the new female imagery of Roman deities and allegorical figures entering Russia helped introduce neo-Platonic concepts to an Orthodox society: ideas such as love inspiring art while subduing strife, love encompassing the beauty of Venus as well as the strength and wisdom of Minerva. These ideas especially resonated in Russia after the Peace of Nystad in September 1721.

Amid the classical deities introduced in Russia, Minerva held special significance for being associated with Catherine, as seen in examples of both palace decoration and engraving.[55] In Peter's oak study at Peterhof's Grand Palace, a depiction of Catherine as Minerva appeared near Peter in an Apollonian laurel crown on a carved wall panel designed by Nicolas Pineau (1717-20). Georg Gsell's ceiling painting in the throne room at Peter the Great's Summer Palace represents the *Triumph of Catherine* with the central figure holding a statuette of Minerva (Fig. 11). In the engraving discussed earlier, commemorating Catherine's coronation in 1724, Minerva stands at the center of the composition, inviting Catherine up to the dais to receive her crown (Fig. 9). Imagery outside of Russia, by comparison, less frequently associates Minerva with the queen.[56] In the Dutch Republic, for instance, the sculptural program at Het Loo gardens paired Hercules and Venus to signify the strength and love of the royal couple, William and Mary. The cluster of meanings around Venus—beauty, eroticism, and fertility—represented a queen's primary roles as companion to the king and mother of a legitimate heir. In France under Louis XIV, by contrast, symbolic representations of Maria Teresa virtually never appeared; she was depicted only in portraits. The constellation of female figures surrounding images of the king represented his power, his reign, France itself, other countries, virtues and vices, but not his queen. In Russia, the multivalent image of Minerva suited the ways in which Peter sought to have Catherine accepted as his spouse.[57] On the one hand, at court she fulfilled the conventional female role of a civilizing influence. On the other, after playing a key role in the Pruth campaign against Turkey in 1711, months after their formal betrothal, she demonstrated her valor in time of war. The ideal image of Catherine could thus draw on Minerva's duality as goddess of military strategy and of wisdom and civilization. Matveev's *Allegory of Painting* with Minerva and a personification of Russia now makes sense. It arrived in a culture receptive to European symbolism, eager for artists who could produce flattering allegorical imagery to highlight the ruler's virtues, and where the connotations of Minerva were already enshrined.

The significance of using European allegorical imagery cannot be overstated. In addition to the symbolic meaning it held in Europe, it took on a further layer of signification upon entering Russia. Allegorical language helped to create a unifying identity among European courts—an identity that Peter the Great and members of the Russian Imperial court sought to adopt. For them, allegorical imagery represented Russia's full participation and equal

---

[54] Ludmila Acone, "Between Mars and Venus: The Gender of Dance in Fifteenth-Century Italy," trans. Susan Emanuel, in "Dancing," ed. Elizabeth Claire, special issue, *Clio: Women, Gender, History* 46 (2017): 131-144.

[55] See Wortman, *Scenarios of Power,* 67-69.

[56] Rubens's painting cycle for the Luxembourg Palace (1622-25, Louvre Museum) depicts Marie de Medici as Bellona, the Roman goddess of war who is sometimes mistaken for Minerva; he painted it after she had been ousted as regent, not while she was queen consort.

[57] Catherine was a commoner—formerly a servant girl from Livonia, possibly a Protestant—whom he married after sending his first wife, Evdokia Lophukhina, to a convent and attempting to divorce her. Because Lophukhina refused the divorce, and because it did not go through a church court, its legality remained questionable. See Hughes, *Peter the Great*, 56-57, 68-69.

membership in European court culture. Matveev's *Allegory of Painting* exemplified the new imperial culture—it was part of what Russia needed in order to be fully European. The artist's time in Antwerp, and his choice of the *Allegory* as his gift to his imperial sponsor, would establish him among the new generation of Russian artists who were adept at creating this visual identity.

While we lack evidence to tell us where Catherine displayed Matveev's *Allegory*, it would have been well suited to a public area of an imperial residence, where members of elite society gathered for business or social events. Although it is a small easel painting like the ones Peter the Great displayed in his gallery at Monplaisir, the statement it made was more ambitious—something closer to the ceiling painitngs of palace reception rooms.[58] For aristocratic viewers now accustomed to allegorical and mythological language, it presents Russia as a state created in the image of the goddess of civilization, an inheritor of Europe's ancient and Renaissance cultures, and a patron of the Art of Painting. The *Allegory of Painting* served as an emblem of Matveev's achievement and demonstrated his ability to produce statements of this kind. It helped prepare the way for his eventual return to Russia, making a case for his participation in Russia's cosmopolitan art scene in this era of transformation.

Becoming the Artist "Who Went Abroad"

When Matveev returned to Russia in August 1727, he had lived abroad for eleven of his twenty-five years. Despite the limitations of his training in Antwerp, his period of study in the Netherlands became part of his professional identity. Both the cachet of having trained abroad in Europe and his knowledge of history painting would play a key role in his later success. For a young artist who had recently arrived on the Petersburg art scene with virtually no experience in monumental decorative painting, Matveev was soon entrusted with significant responsibility in this sphere. Taken onto the staff of the Chancellery of Buildings (*Kantseliariia ot stroenii*), he both executed and oversaw paintings for projects as varied as sacred images in the Peter and Paul Cathedral (1728-33) and allegorical subjects for the Senate Hall of the Twelve Colleges (1730-35), as well as for the coronation of Anna Ioannovna in both Moscow and St. Petersburg, among many other projects.

Matveev's study in Antwerp was key to his promotion in the Chancellery of Buildings because of history painting's preeminent position in the hierarchy of genres. As its name suggests, the chancellery oversaw all aspects of construction, including its decoration and maintenance. Its painters worked alongside architects, sculptors, wood carvers, gilders, and other artisans on a tremendous range of projects. Most commissions for the chancellery painters fell into the category of history painting—allegory, classical mythology, religious subjects, and ancient history—which constituted the most prestigious genre of art. Matveev's training in history painting—particularly the allegorical subjects he studied in Antwerp—set him apart. Unlike other Russian artists in the chancellery who worked as assistants subordinate to European masters, he would become master of a painting team (*zhivopisnaia kommanda*)—the first Russian painter to hold that position. In this position he not only executed original paintings,

[58] See, for example, Peter the Great's Summer Palace in St. Petersburg, in Borzin, *Rospisi petrovskogo vremeni*, 103-123.

but also created models for assistants to copy, supervised their work, and trained young artists in a workshop environment similar to what he experienced in the Netherlands.[59]

The symbolic value of foreign study at this moment can be seen in the weight given to Matveev's his training in Antwerp as a history painter, relative to his actual skill level. This is evident in the report of Louis Caravaque (1684-1754), the French artist who led the painting team at the Chancellery of Buildings, who evaluated him shortly after his return to St. Petersburg. Caravaque concluded that Matveev was "stronger in painting than in draftsmanship."[60] For an artist from France, where the emotional expressiveness of color took second place to the the rational clarity of draftsmanship, this critique did much to explain Caravaque's lukewarm assessment of "not bad" (*ne khudo*). Caravaque further noted that "his art is better in portraiture than in history painting."[61] Despite judging him as stronger in both the secondmost technical skill and the second-highest category in the hierarchy of genres, Caravaque concluded that "he, Matveev, was better suited than other Russian painters to be in the service of his imperial highness [Peter II], since he paints both portraits and history."[62] Four years later, when a committee of artists and professors from the Academy of Sciences evaluated Matveev for promotion, the verdict was the same: his history painting, "although not extremely strong, is nonetheless praiseworthy and possesses considerable merits."[63] Despite this caveat, his ability to paint "both history and portrait likenesses with skill" prompted his unprecedented promotion to master of a painting team in June 1731.[64]

In addition to his knowledge of history painting, both Matveev and his superiors drew attention to his time abroad to distinguish him from other artists. For example, in his petition to work with the Chancellery of Buildings in December 1727, Matveev underscored his time in the Netherlands, noting his study in both Amsterdam and Brabant, and signing himself "your most humble servant, painter Andrei Matveev, returned from Amsterdam."[65] His superiors used a similar epithet: three years later, in a report from the Chancellery documenting Matveev's work with two other aritsts (Ivan Nikitin, Aleksandr Zakharov) at the Peter and Paul Cathedral, the writer singles out Matveev as the one "who returned from abroad."[66] Of the artists mentioned, the portraitist Ivan Nikitin had also studied abroad, spending about three years in Venice and

---

[59] Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev,* 83-186.

[60] "*imeet on bol'shi silu v kraskakh, nezheli v risunke*." Louis Caravaque, October 27, 1727, Russian State Historical Archive (hereafter, RGIA), St. Petersburg, f. 467, op. 4, ed. khr. 46, 1727 g., l. 104-104 ob., quoted in Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev,* 83. For the evaluation, Matveev had to draw, then paint a historical composition of his own invention, *The Angel Leading Saint Peter out of Prison* (unlocated), and a portrait (unlocated).

[61] "*v personakh lutche ego iskusstvo, nezhe vo istoriiakh*," quoted in Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev,* 83.

[62] Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev,* 83.

[63] Protocol of the Chancellery of Buildings, June 14, 1731, quoted in A. I. Uspenskii, *Imperatorskie dvortsy*, vol. 2 (Moscow: Snegirev, 1913), 116. In Uspenskii's day these documents were in the Moskovskoe Otdelenie Obshchago Arkhiva Ministerstva Imperatorskago Dvora, no. 69514, ll. 93-95 ob. Today they would be in RGADA.

[64] Domenico Trezzini and Mikhail Zemtsov, Architects' report in Protocol of the Chancellery of Buildings, June 14, 1731, quoted in Uspenskii, *Imperatorskie dvortsy,* vol. 2, 116.

[65] "*nizhaishii rab vyekhavshii iz Amsterdama zhivopisets Andrei Matveev*," Andrei Matveev to Peter II, December 15, 1727, RGIA f. 467, op. 4, ed. khr. 46, 1727 g., l. 107-107 ob., quoted in Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev,* 84.

[66] "*vyekhavshii iz-za moria*." Report on the paintings of Dmitrii Solov'ev, October 1730, quoted in Uspenskii, *Imperatorskie dvortsy*, vol. 2, 115, from Moskovskoe Otdelenie Obshchago Arkhiva Ministerstva Imperatorskago Dvor, no. 69506, l. 128 ob. Today in RGADA.

Florence (1716-1719), but his foreign credentials went unmentioned in the report. Matveev continued to underscore his cosmopolitan identity by signing his name in Roman script, "*Andrej Matvejeff*," into the 1730s.[67] As these documents demonstrate, it was both the knowledge of history painting that he gained in Antwerp, and the simple fact of his having trained abroad, that enabled his advancement. Although Matveev's experience in the Netherlands set him apart from his Russian peers, his reputation would scarcely last beyond his lifetime.

In subsequent generations, portraiture came to overshadow history painting as the early eighteenth century's most important legacy. This preference can be seen in Sergei Diaghilev's landmark Historical-Artistic Exhibition of Russian Portraits held at the Tauride Palace in 1905, where portraiture, above other genres, was chosen to represent Russia's past.[68] Soviet scholarship perpetuated this emphasis with its focus on realism—a term more applicable to portraits than to allegorical or mythological subjects. Another important factor is survival bias, as until recently scholars have tended to focus on works that remain extant. Church decorations, as well as allegorical and mythological paintings in palaces, underwent disfiguring restoration or disappeared entirely; triumphal gates were temporary wooden structures not intended to last. Meanwhile, portraits remained readily accessible for study, whether in private collections or later in museums. As portraiture came to be seen as the period's preeminent genre of painting, Ivan Nikitin's portraits overshadowed Matveev's historical paintings—which had become virtually inaccessible due to poor restoration or overpainting. Matveev's *Self-Portrait with Wife* came to be seen as his most significant work, not only because of its striking informality and sense of artistic self-awareness, but also its visibility in a public collection (Fig. 20).[69] Of all his accomplishments, this double portrait came to exemplify the very best of Petrine painting. Notably, it reflects the artist's period studying portraiture in Amsterdam, not Antwerp, and conforms to our ideas about the Petrine era being shaped by Dutch culture. In the eighteenth century, however, history painting—not portraiture—was the most prestigious genre.

[67] He signed a sketch for the composition *Venchanie na tsarstvo*, for the Anichkov triumphal gates erected for the arrival of Anna Ioannovna in St. Petersburg in 1732, "*Andrej Matvejeff pinxit*." See T. V. Il'ina, "Novoe o monumental'no-dekorativnoi zhivopisi XVIII v. (Triumfal'nye vorota 1732 g.)," in *Otechestvennoe i zarubezhnoe iskusstvo XVIII veka. Osnovnye problemy* (Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986), 22, 24n29. The sketch appears in Tiukhmeneva, *Iskusstvo triumfal'nykh vrat,* 376, fig. 60.

[68] In addition to the Tauride Palace exhibition of 1905, Matveev's double portrait appeared in exhibitions in 1870, 1902, and in 1906 went to Paris for the *Exposition de l'art russe* at the Salon d'Automne.

[69] Benois wrote, "Only the unfinished portrait of him with his wife [...] stands out from the indifferent painting of the early eighteenth century for its distinctiveness, lively brushwork, and agreeable greenish-brown tone," in Benua, *Russkaia shkola zhivopisi*, 14; James Cracraft deems it, "a 'striking symptom,' indeed, of the arrival of humanism in Russia if only among a tiny elite," in *The Petrine Revolution in Imagery*, 213. For similar assessments, see N. N. Kovalenskaia, "I. N. Nikitin i A. M. Matveev," in *Istoriia russkogo iskusstva* vol. 5, Russkoe iskusstvo pervoi poloviny XVIII veka, edited by I. E. Grabar' and V. N. Lazarev (Moscow: Akademiia Nauk SSSR, 1960), 332-334; Alekseeva et al., *Portret petrovskogo vremeni,* pp. 58-65; Il'ina & Rimskaia-Korsakova, *Andrei Matveev*, 112-119.

Figure 20: Andrei Matveev, *Self-Portrait with Wife*, c. 1729, oil on canvas, 75.5 x 90.5 cm, State Russian Museum, St. Petersburg, no. Zh-4913.[70]

In the late eighteenth century, Matveev's *Allegory* entered the collection of the noted connoisseur Aleksandr Sergeevich Stroganov—the first Russian painting amid over one hundred works by major European artists. Its importance in this prestigious milieu is evidenced in Stroganov's choice to have it engraved for his 1807 illustrated catalogue, which featured the seventy-five paintings he considered the most important in his collection (Fig. 21).[71] Stroganov wrote in the catalogue, "This perfectly preserved piece is especially precious to me because it is by the hand of the first Russian artist who arrived at a certain degree of perfection."[72] His qualified assessment suggests that, like modern scholars, Stroganov saw the value of Matveev's

[70] A. M. Matveev, *Self-Portrait with Wife*, The Virtual Russian Museum, accessed November 26, 2023, https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/18_19/zh_4913/index.php?lang=en%20painting.

[71] See Elena Sharnova, "Katalog kollektsii A. S. Stroganova i traditsiia frantsuzskikh auktsionnykh katalogov vtoroi poloviny XVIII veka," *Iskusstvoznanie* 1 (2019): 223, 244.

[72] "*Ce morceau de la plus parfaite conservation, est surtout précieux pour moi, par ce quil* [sic] *est de la main du premier artiste russe qui soit parvenu à une certaine perfection*." It is unclear when and how Stroganov acquired the *Allegory*. It may have been omitted from his earlier catalogues of 1793 and 1800 because, as his only Russian painting, it did not fit into their systematic grouping by national school; the 1807 catalogue presented the works as independent plates. A. S. Stroganov, *Collection d'estampes d'après quelques tableaux de la galerie de son exc. mr. le comte A. Stroganoff* (St. Petersburg: Drechsler, 1807), n.p.

Allegory in terms of Russian artistic milestones rather than its aesthetic quality. Indeed, he must have felt the need to justify including a student work by a Russian artist among a select group of European masters.

Figure 21: Egor Skotnikov, after Andrei Matveev and Emilian Korneev, *Allegory of Painting*, engraving on paper, 23 x 15.8 cm. Plate from Aleksandr Sergeevich Stroganov, *Collection d'estampes d'après quelques tableaux de la galerie de son exc. mr. le comte A. Stroganoff* (St. Petersburg: Drechsler, 1807) n. p. Source: The National Gallery of Art Library, Washington, D. C., David K. E. Bruce Fund.

Matveev's *Allegory of Painting* stands apart from other Russian allegories of the Petrine era, with their messages of imperial might and national glory. It stands for the idea that art is important both for its own sake, and for its civilizing influence—an idea that had not yet been allegorized in Russia. Indeed, as we have seen, "returned from abroad" became Matveev's epithet precisely because "abroad" was where he absorbed these values. As an artistic statement, the *Allegory of Painting* exemplifies both the ambitions and shortcomings of Russian painting in the

early eighteenth century. It represents the mix of ideas Matveev received abroad in Antwerp, and the reception of those ideas back in Russia, seen through the prism of his status as a foreign-trained artist.

“Скиты” веселой Елизавет: Русские эрмитажи середины XVIII века

Анна Корндорф
Государственный институт искусствознания (Москва)

The “Sketes” of Cheerful Elizabeth: Mid-Eighteenth-Century Russian Hermitages

Anna Korndorf
State Institute for Art Studies (Moscow)
korndorf@mail.ru

Abstract:
The article is devoted to the history of the appearance of garden pavilions and Russian palace chambers also known as "hermitages." The tradition of building hermitages as special-purpose premises, adopted in Russia in the early eighteenth century, had acquired during the reign of Empress Elizabeth Petrovna a meaningful national character and scope. Hereby, this tradition may be considered as one of the major cultural phenomena of that time. At the same time, Russian hermitages were significantly different in their function from the British and continental European hermitages. Their main function throughout the eighteenth century remained that of a private, isolated dining room equipped with a special table volante mechanism that allowed those who had gathered to eat without servants. The article therefore also pays attention to the role of mechanical tables and mechanical amusement machines in the baroque court culture. It also compares the design of Elizabeth Petrovna's dining hermitage in Tsarskoye Selo with European architectural treatises. The reader is also acquainted with the reasons for the development of such functional and iconographic features of Russian hermitage architecture, which occupies a special place in the vast and varied European tradition of hermitage construction.

Keywords:
Empress Elizabeth Petrovna, Russian Orthodoxy, monasteries, church architecture, Russian hermitages, maison de plaisance, confidenztafel, table volante, *Tsarskoe Selo, Joseph Furttenbach, Russian architecture, mechanical furniture*

Из гор иссеченны колоссы,
Механика, ты в честь возвысь
Монархам, от которых Россы
Под солнцем славой вознеслись…
Петром основанные грады
Под скиптром Дщери соверши.

Ломоносов М. В.
“Ода, в которой Ея Величеству благодарение от сочинителя…”
(августа 27 дня 1750 года)[1]

[1] М. В. Ломоносов. *Полное собрание сочинений*, т. 8 (Москва, Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1959), 394. (M. V. Lomonosov, *Polnoe sobranie sochinenii*, t. 8 (Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959), 394).

"Помните ли, чья я дочь?" В этом вопросе цесаревны Елизаветы Петровны, обращенном к солдатам и офицерам Преображенского полка в ночь государственного переворота 24 ноября 1741 года, была заложена вся дальнейшая идеологическая программа ее двадцатилетнего царствования. Кровное родство с Петром Великим позволило новой императрице сделать его культ важнейшим элементом своей политической доктрины и государственного существования. Идея спасения страны от скверны предшествующих правлений посредством идейного воскресения, "реинкарнации Петра Великого в личности и делах его дочери"[2] выразилась не только в попытках Елизаветы восстановить петровские государственные институты и власть Сената, но и в намерении очистить отеческое законодательство от позднейших наслоений, "дабы во всей Нашей империи поступлено было по указам дражайшего Нашего родителя Государя Императора Петра Великого."[3]

Преемственность государю и отцу стала лейтмотивом придворной политической риторики, одической поэзии и торжественной драмы. Даже на излете елизаветинского царствования слова театральной Минервы, спустившейся с Олимпа на петербургские подмостки, чтобы полюбоваться благополучием России, процветающей под скипетром ее царицы, звучали по-прежнему актуальным политическим манифестом:

Во дщери Петр своей опять на трон возшел.
В Елисавете все дела свои нашел,
И с россами пребыть он вечно предвещает:
Исполнится, что Петр Великий обещает.[4]

Государыня и в повседневной жизни искренне дорожила памятью "любезного родителя" и подчас следовала его привычкам.[5] Даже создавая в Петергофе и Царском Селе резиденции достойные своей пышностью и великолепием быть фасадом ее великой державы, Елизавета тем не менее настоятельно требовала от архитекторов не разбирать ветшающие скромные дворцы, построенные при Петре и служащие для нее воспоминанием о родителях, а включить их в композиции новых. Среди таких больших и малых архитектурных проектов, вершившихся во славу Российской империи и в утеху императрицы под именем Петровым, были и елизаветинские эрмитажи, сооружение которых сделалось подлинной страстью государыни.

Образцом и исходной точкой "эрмитажемании" Елизаветы стал увеселительный павильон ее отца, построенный по его указанию Иоганном Браунштейном в Нижнем

---

[2] Е. В. Анисимов, *Елизавета Петровна* (Москва: Молодая гвардия, 1999), 103. (E. V. Anisimov, *Elizaveta Petrovna* (Moscow: Molodaia gvardiia, 1999), 103).

[3] Указ цитируется по: Анисимов, *Елизавета Петровна*, 111. (Anisimov, *Elizaveta Petrovna,* 111).

[4] А. П. Сумароков, *Новыя лавры*: *пролог для представления на Императорском театре, при торжествовании тезоименитства ея императорскаго величества по преславной победе одержанной российским войском 1759 года августа в 1 день при Франкфурте* (Санкт-петербург: при Императорской Академии наук, 1764), 4-5. (A. P. Sumarokov, *Novyia lavry*: prolog dlia predstavleniia na Imperatorskom teiatre, pri torzhestvovanii tezoimenitstva eia imperatorskago velichestva po preslavnoi pobede oderzhannoi rossiiskim voiskom 1759 goda avgusta v 1 den' pri Frankfurte (St. Petersburg: pri Imperatorskoi Akademii nauk, 1764), 4-5).

[5] Как и ее отец, Елизавета любила петь в церковном хоре, охотно крестила детей своих гвардейцев, а в гневе не гнушалась дать приближенным "оплеушину" и по словам Екатерины II "била даже своих кавалеров." *Записки Императрицы Екатерины Второй* (Санкт-Петербург: издательство А. С. Суворина, 1907), 87. (*Zapiski Imperatritsy Ekateriny Vtoroi* (St. Petersburg: izdatel'stvo A. S. Suvorina, 1907), 87).

парке Петергофа (Илл.1). Идею садового люстхауза, предназначенного для трапез в узком кругу за механическим подъемным столом без присутствия слуг, Петр "подсмотрел" у датского короля Фредерика во время своего пребывания в Копенгагене в 1716 году.[6] Однако к строительству эрмитажа приступили лишь в последние годы жизни императора, когда он больше времени проводил в Петербурге, а его любимая дочь Елизавета была достаточно взрослой, чтобы наблюдать за происходящим. Отобедать в эрмитаже с гостями Петру так и не довелось, и окончание работ в павильоне уже после смерти супруга принимала Екатерина I.

Илл. 1: Эрмитаж в Нижнем парке в Петергофе. 1721-1724. Архитектор Иоганн Браунштейн. Современная фотография.

В первые годы существования петергофского эрмитажа столы в нем накрывались редко. Анна Иоанновна иногда пила там кофе и угощала иностранных посланников, удивляя своих визитеров необычными кунштюками: "летающим" диванчиком, служащим лифтом на второй этаж, и столом на 14 персон, подающим кушанья при помощи хитроумных "самодвижущихся" механизмов. Однако никто не ценил петровскую затею так, как Елизавета. Она любила посещать отцовский павильон и с момента своего восшествия на престол частенько устраивала в нем летом обеды и ужины в кругу избранных лиц.[7] Трогательно пеклась императрица и о сохранении дееспособности

[6] Подробнее о прототипе и истории возникновения первого русского эрмитажа см.: А. С. Корндорф, "Приют отшельника и гастронома. Русские эрмитажи XVIII века," *Искусствознание* 1-2 (2014): 271-295. (A. S. Korndorf, "Priiut otshel'nika i gastronoma. Russkie ermitazhi XVIII veka," *Iskusstvoznanie* 1-2 (2014): 271-295).

[7] В первый же год приезда в Россию в качестве невесты наследника престола оказалась приглашена на такой "интимное" застолье и принцесса Ангальт-Цербстская с матерью. В последствии, уже став супругой Петра Федоровича, Екатерина Алексеевна не раз обедала в петровском эрмитаже, как в присутствии императрицы, так и без нее. К примеру, 1 июля 1750 года Камер-фурьерский журнал сообщает, что, будучи

подъемных машин, и о своевременном поновлении изящного убранства постройки.[8] Но главное, благодаря Елизавете, сознательно избравшей политику реанимации начинаний своего отца и всем сердцем обожавшей развлечения и броские эффекты, петергофский Эрмитаж с его "куриозными" механизмами получил статус петровского детища и был воспринят как непременный атрибут любой мало-мальски представительной резиденции. Эрмитажи появились почти во всех царских и аристократических парках. Более того, именно при Елизавете эрмитаж стал восприниматься не только как разновидность паркового павильона, но прежде всего как особый тип покоев с механическим столом для уединенных пиршеств, устройство которых отныне стало возможно и даже необходимо не только в садах, но и "внутри" больших дворцовых комплексов. Сперва, по указу императрицы, эрмитажные покои соорудили в петербургских Зимнем и Летнем дворцах 1740–х годов, а затем — в Большом петергофском, стрельнинском и ропшинском. В Царском Селе и принадлежащем наследнику престола Ораниенбауме появились не только дворцовые, но и отдельно стоящие парковые эрмитажи. Вслед за императрицей дружно бросились заводить собственные механические "конфиденц-столовые" и ее приближенные. За столицей потянулась Москва, за Москвой - провинция. В итоге к концу 1770-х годов в России насчитывалось как минимум три десятка садовых и дворцовых эрмитажных покоев.[9]

в Петергофе, "Их Императорские Высочества обеденное кушание изволили кушать в Эрмитаже, причем находились саксонский посланник граф господин Аргим с посланницей и некоторые знатные особы." А на следующий день "Ее Императорское Величество обеденное кушание изволила кушать в саду в Эрмитаже, а после кушания в 5 часов, шествовать в Гостилицкую мызу." См.: *Камер-фурьерские журналы 1750 года* (Санкт-Петербург, 185?), 76. (*Kamer-fur'erskie zhurnaly 1750 goda* (St. Petersburg, 185?), 76). Поутру 7 августа 1759 года "в Монплезире была конференция, где изволила присутствие иметь Ее Императорское Величество. А пополудни в 3-м часу Ее Императорское Величество с господами министрами изволила следовать на линейках в Эрмитаж каменный, что в нижнем саду и кушать обеденное кушание в 11 персонах, который стол окончился в 6-м часу." См.: *Камер-фурьерские журналы 1759 года* (Санкт-Петербург, 185?), 139. (*Kamer-fur'erskie zhurnaly 1759 goda* (St. Petersburg, 185?), 139).

[8] Так, 19 июля 1743 года последовал ее указ об изготовлении нового подъемного стула по модели "мельнишного и машинного дела мастера" Я. Кайзера, "чтоб не имело быть во время высочайшего ея в Петергофе присутствия опасения." Тщательно следили за креслом и столом и в последующие годы, во всяком случае, сохранилось прошение столярного мастера Андрея Шурыгина о "карандаше и сале говяжьем для мазания машины" от 1746 года. См.: В. В. Знаменов, В. М. Тенихина, *Эрмитаж в Нижнем парке Петродворца* (Ленинград: Лениздат, 1973), 10-11. (V. V. Znamenov, V. M. Tenikhina, *Ermitazh v Nizhnem parke Petrodvortsa* (Leningrad: Lenizdat, 1973), 10-11). В 1748 году по указанию императрицы площадка стилобата вокруг павильона была вымощена путиловской плитой, отшлифованной на Петергофской гранильной фабрике. Одновременно в помещении первого этажа, "где машины действуют," было предложено выстлать пол мрамором, а в верхнем этаже сделать паркет по образцу монплезирского. В 1756-1757 годах мастер-резчик С. Жирардон выполнил ряд работ по обновлению декоративных деталей Эрмитажа и в том числе вырезал новые фигуры аллегорий времен года для фронтонов взамен пришедших в негодность деревянных скульптур Кондрата Оснера (в первой половине XIX века эти скульптуры были сняты из-за ветхости). В 1759 году по указанию Растрелли столярный мастер Флор исправил подъемный механизм стола (Н. И. Архипов, А. Г. Раскин, *Петродворец* (Ленинград-Москва: Искусство, 1961), 146. (N. I. Arkhipov, A. G. Raskin, *Petrodvorets* (Leningrad-Moscow: Iskusstvo, 1961), 146).

[9] Аничковский дворец, усадьба канцлера А. П. Бестужева-Рюмина на Каменном острове, дома И. И. Шувалова и П. Б. Шереметева на Фонтанке, петербургская дача И. Г. Чернышева, Гостилицы А. Г. Разумовского, Левендаль Л. А. Нарышкина, имения князя Н. В.Репнина и духовника Елизаветы Петровны Ф. М. Дубянского, Царицынский комплекс Екатерины II, подмосковные Глинки Я. В. Брюса, Кусково П.

Очарование этой "эпохи эрмитажей," канувшей в Лету и постепенно истершейся из памяти вместе с большинством самих залов для приватных застолий, оставило в истории русской культуры множество загадок и трудноразрешимых вопросов. В статье я остановлюсь лишь на том какое место занимают русские эрмитажи в европейской традиции, а также на одном из возможных источников их архитектурной иконографии.

"Витрувианская хижина" и "*maison de plaisance*"

В истории русской архитектуры прочно утвердилось мнение, что своим появлением, функцией и обликом елизаветинские эрмитажи обязаны общеевропейской моде. На самом деле, это совершенно не так. Традиция создания эрмитажей в качестве "конфиденциальных столовых" сугубо датская. Только там при королевском дворе бытовала привычка и сам термин обедать "по-эрмитажному" (*en er-emitage*), то есть за механическим столом, без видимого присутствия прислуги.[10] Как и в России, куда с легкой руки Петра проник именно копенгагенский образец, подъемные столовые машины датских монархов могли размещаться и в специальных парковых павильонах, и во внутренних дворцовых залах, носивших одно и то же имя "эрмитаж." Более того, само наличие подъемного механизма для подачи кушаний стало в Дании определяющим условием, превращающим любые покои в "эрмитаж." И вплоть до 1740-х годов практически все резиденции датской короны имели такие эрмитажи, оснащенные механическими столами.[11] В остальном мире банкетные павильоны и залы никогда не ассоциировались с эрмитажами. Пиршественные покои, будь они приватными или публичными, и "приюты отшельника" - эрмитажи, независимо от их масштаба и комфортабельности, имели столь различную генеалогию, семантику и функцию, что существовали независимо друг от друга.

К моменту воцарения Елизаветы Петровны за пределами Дании механических столов известно совсем немного. Практически все они располагались во внутренних залах городских и загородных дворцов германских сюзеренов, и именовались "конфиденц-столовыми."[12] Особые парковые павильоны, оборудованные обеденными машинами, были исключительно редки, а если и появлялись, имели названия вовсе не связанные с функцией приватности, вроде "Фридрихсбурга" (1731) Августа Сильного в

Б. Шереметева и Быково М. М. Измайлова и даже нижегородское поместье П. И. Прокудина-Горского – таков лишь самый скромный список мест, где располагались русские эрмитажи XVIII столетия.

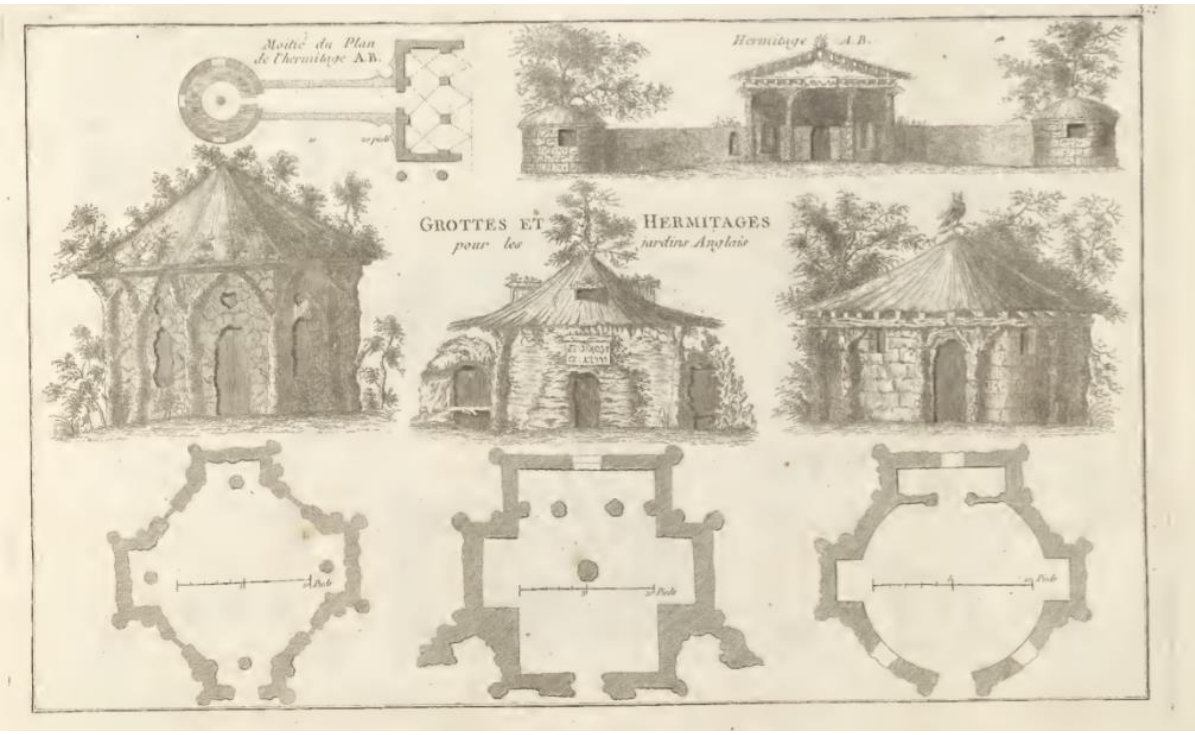
[10] Mogens Bencard, "Notes on the table in late 17th and early 18th century Denmark," in *Rosenborg Studier. De Danske Kongers Kronologiske Samling*, eds. Mogens Bencard & Niels-Knud Liebgott (Copenhagen: De Samling, 2000) 228-256; Mogens Bencard, "Eremitage-borde i Köbenhavn og Dresden," in *Tro, styrke, kaerlighed: Danmark og Sachsen – aegteskaber, politiske og kulturelle forbindelser (1548– 1709)*, eds. Claudia Brink & Jutta Kappel (Copenhagen: Rosenborg, 2010), 284-286.

[11] Последний банкетный эрмитаж был построен в Дании в 1739 году архитектором Николаем Эйтведом по заказу короля Кристиана VI в его новом дворце Кристиансборге (модель подъемного стола на 20 персон сделал королевский плотник Я. Рёйссе). Однако, и этот, и более ранние подъемные столы датской короны продолжали использоваться и впоследствии. См.: Bencard, "Notes on the table," 249.

[12] От немецкого названия подъемного стола "*die Confidenztafel*" (стол доверия). Оно подразумевало, что трапезничающие за таким столом полностью изолированы от прислуживающего за обедом персонала и могут свободно поверять друг другу свои секреты.

Саксонии[13] или "Китайского киоска" (1737) последнего герцога Лотарингии Станислава Лещинского в Люневилле.[14]

Что же касается традиции строительства европейских парковых эрмитажей, то она к середине XVIII столетия была, напротив чрезвычайно почтенной и весьма разветвленной. Однако, под влиянием трактата Ложье [15] и набирающих силу руссоистских идей, именно в это время художественная и иконографическая программа "парковых пу́стыней" и "обителей отшельников" обрела устойчивые черты. Они оформились в набор тиражируемых популярными архитектурными увражами схем разного рода "витрувианских хижин" — домиков из корней, ветвей и "диких" камней (Илл. 2 и 3).



Илл. 2: Жорж-Луи ле Руж. Проекты гротов и эрмитажей для английского сада.[16]

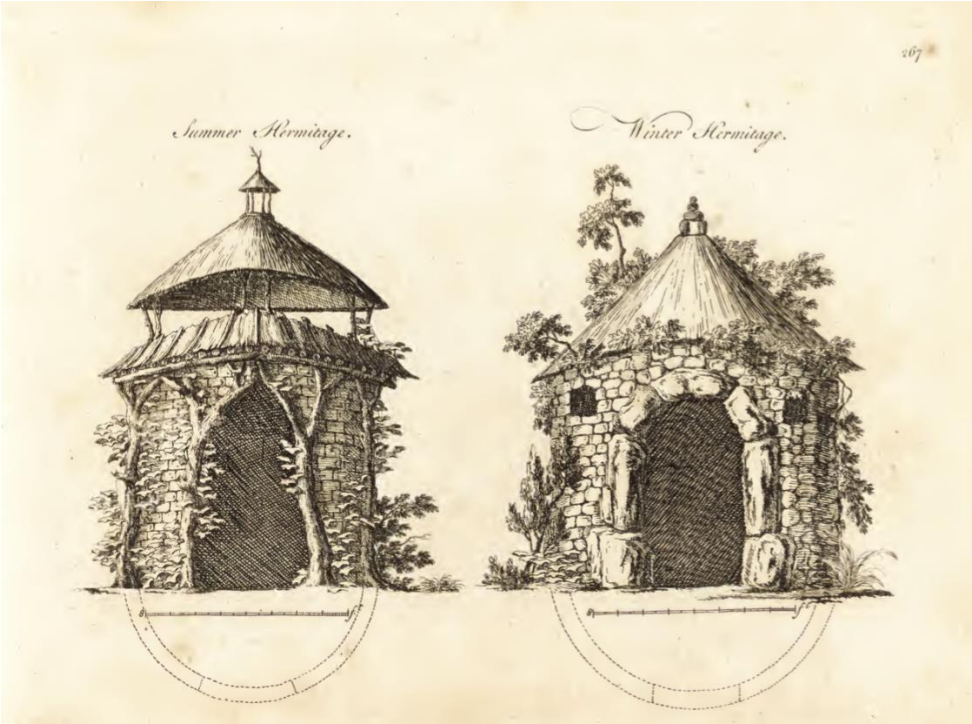
---

[13] В основе этого павильона в замке-крепости Кёнигштайн лежит восьмиугольная башня 16-го века. Ее верхний зал нередко использовался для придворных обедов, но располагавшиеся в первом этаже артиллерийские орудия долгое время позволяли ей исполнять роль дозорной фланговой башни. Свое название *Friedrichsburg* она получила по воле Августа Сильного, принимавшего в крепости в 1728 году прусского короля Фридриха-Вильгельма и кронпринца Фридриха. В 1729-1731 годах окончательно утратившая свою оборонительную функцию башня по указу курфюрста Саксонии была переоборудована в изящный обеденный павильон с кухней на первом этаже и с подъемным столом (*Maschinentafel*) на 16 персон. August Siegesmund Manitius, *Die Festung Königstein im Königreiche Sachsen, nach d. vorh. Hilfsquellen geogr., naturgesch., gesch., topogr. u. statist. beschrieben* (Dresden: Ernst am Ende, 1860), 20; Dieter Weber, "...da öffnete sich die Tür der Friedrichsburg. Vor über 200 Jahren Lusthaus - heute Eheschließungsstätte," *Kulturvorschau* (Sept. 1962): 7-10.

[14] Thierry Franz, "Entre apparat et commodité: le service de la table des ducs de Lorraine à Lunéville au XVIIIe siècle," in *Châteaux, cuisines et dépendances*, eды. Anne-Marie Cocula & Michel Combet [XXIe Rencontres d'archéologie et d'histoire en Périgord, Périgueux, du 27 au 29 septembre 2013] (Bordeaux: Ausonius, 2014), 233-250.

[15] Marc Antoine Laugier, *Essai sur l'architecture* (Paris: Chez Duchesne, 1753).

[16] Гравюра из книги: Georges-Louis Le Rouge, *Detail des nouveaux jardins à la mode*. Jardin anglo-chinois. 4er cahier (Paris: Chez Le Rouge, 1776), 3.



Илл. 3: Поль Деккер. Проекты летнего и зимнего эрмитажей.[17]

В безыскусной брутальности рустических эрмитажей современники видели источник для пробуждения философской меланхолии и раздумий об утраченном первозданном рае и прелестях безыскусной естественной жизни в слиянии с природой. Погружение в подобные думы и настроения требовало соответствующего антуража, поэтому для эрмитажа оказались равно принципиальны как аскетическая простота архитектуры, так и символическая отделенность от остального пространства парка или дворца. Эрмитаж должен был располагаться в отдалении от обычных мест обитания, от парадных залов и личных покоев, до него нужно было добираться — уходить в глушь парка, перебираться через ров или на остров на лодке или по мосту. Время и усилия, потраченные на дорогу, могли варьироваться, но уединение в эрмитаже в любом случае не давалось "просто так," к нему требовалось стремиться и его достигать. По меткому замечанию, открывающему книгу историка садов Джона Диксона Ханта, "ни один пейзажный парк XVIII века не мог считаться полным, если в нем не было эрмитажа."[18] Заезжие иностранные путешественники очень остро чувствовали непохожесть и отличие эрмитажей своей родины от их русских "тезок." Так в 1735 году саксонец Жан-Христиан Тусеман назвал петергофский эрмитаж редкой "диковинкой,"[19] а посетивший

[17] Гравюра из книги: P. Decker, *Gothic Architecture Decorated*: *Consisting of a Large Collection of Temples, Banqueting, Summer and Green Houses; Gazebo's, Alcoves; Faced, Garden and Umbrello'd Seats; Terminari's and Rustic Garden Seats; Rout Houses, and Hermitages for Summer and Winter; Obelisks, Pyramids, & c. Many of which may be executed with Pollards, Rude Branches and Roots of Trees: Being a Taste entirely New: Likewise Designs of the Gothic Orders, with their proper Ornaments, and Rules for Drawing them: The Whole engraved on Twelve Copper Plates* (London: Henry Parker and Elirabeth [sic] Bakewell: H. Piers and Partner, 1759), 11.

[18] John Dixon Hunt, *Figure in Landscape: Poetry, Painting, and Gardening during the Eighteenth Century.* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1976), 1.

[19] К. А. Большева, *Комментарий к сочинению Жана-Христиана Тусемана о Петергофе "Прощание." 1735 г.*, Архив Государственного Музея-Заповедника "Петергоф." Р-272а. Л. 4. (K. A. Bol'sheva, *Kommentarii k sochineniiu Zhana-Khristiana Tusemana o Petergofe "Proshchanie." 1735 g.* Peterhof State Museum-Reserve Archive, R-272a, l. 4).

Россию сорок лет спустя швейцарский астроном Иоганн Бернулли и вовсе заключил, что:

> Слово "Эрмитаж" (*Hermitage*) некоторые путешественники и переводчики неправильно передают как "скит отшельника" (*Einsiedelei*), поскольку [русские] Эрмитажи, которые можно найти в самых выдающихся императорских дворцах, даже в тех, что находятся в городе, представляют собой великолепные здания, носящие такие названия только потому, что содержат "Стол доверия" (*Konfidenztafel*) и служат монарху для уединенных трапез.[20]

Наблюдательный взгляд ученого мужа усмотрел самое главное. Русские эрмитажи принадлежали принципиально иной традиции, нежели одноименные павильоны во французских и английских садах. Более того, их концепция и функция были диаметрально противоположны. Об этом чрезвычайно наглядно и убедительно свидетельствует сатира Ричарда Грейвса под названием "Эрмитаж." В ней поэт с едкой иронией и снобизмом описывает буржуа, купившего загородное поместье и решившего оформить его в "современном стиле." Тут же нашелся и "человек вкуса," который увидев лачугу из четырех бревен с соломенной крышей, наспех построенную для хранения лопат и топоров в тени раскидистого тиса, обратился к хозяину с "мудрой" речью:

> Друг Саймон, где ваш Эрмитаж?
> Разве у вас нет храма, скамьи или грота?
> Или домика из корней, украшенного классическим девизом?
> Место теперь не стоит и фартинга,
> Если в вашем саду нет подобной безделицы.
> Ну же! Сделайте эту хижину немного красивее;
> Посадите розы, плющ, эглантин,
> Прибейте к двери поперек две палки,
> Потом украсьте ее ракушками и мхом,
> И изображением святого во власенице,
> Поставьте на стол песочные часы:
> И вот у вас келья отшельника,
> Где сам Святой Августин хотел бы поселиться.[21]

---

[20] Johann Bernoulli, *Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen in den Jahren 1777 und 1778*, vol. 4 (Leipzig: C. Fritsch, 1780), 161.

[21] Richard Graves, *Euphrosyne: Or, Amusements On the Road of Life* (London: J. Dodsley, 1776), 261-62.

> "Friend Simon, where's your Hermitage?
> Have you no temple, seat, or grotto?
> Or root-house, deck'd with classic motto?
> A *place* is now not worth a fardin,
> Without some gimcrack in your garden.
> Come! make this hut a little fine;
> Plant roses, woodbine, eglantine:
> Nail o'er the door two sticks across,
> Then dish it out with shells and moss,
> With pictur'd saint in vesture sable,
> And place an hour-glass on the table:

Разумеется, нувориш, последовал совету доброжелателя и вот у него готов садовый домик:

Место для духовной медитации,
Для одиночества и созерцания;
Но сам он редко пользуется им,
Разве что для того, чтобы обдумать свои еженедельные новости
Или посидеть с веселыми друзьями,
Поднять стаканчик, покурить и плюнуть.[22]

Перечисляя все то, что в садовых эрмитажах делать категорически не принято и не следует — устраивать застолья с друзьями, обсуждать недельные новости и сплетни, предаваться гастрономическим радостям и возлияниям, Грейвс желал продемонстрировать полное непонимание смысла и предназначения павильона его владельцем. Но при этом, сам того не ведая, британский поэт практически исчерпывающе изложил программу русских эрмитажей.

Суть этого парадокса кроется в том, что французское понятие "эрмитаж" и неизбежно наделенные христианскими коннотациями русские "пустынь" и "скит отшельника" принадлежали для елизаветинской культуры середины XVIII века к совершенно разным смысловым регистрам. Если в конце столетия Екатерина II могла иронично называть свой петербургский эрмитаж "моя пу́стынька," то для не менее свободно говорившей и читавшей по-французски Елизаветы Петровны и ее придворных такая игра слов была невозможна по определению. Без лицемерия набожная государыня благоговела перед праведными затворниками и молчальниками. Она строго соблюдала посты, исполняла церковные обряды, пела в церковном хоре, хранила у себя мощи святых. Еще будучи цесаревной, Елизавета по преданию не раз ездила поклониться могиле схимника Троице-Сергиевского монастыря старца-отшельника Зосимы. На протяжении всей жизни ее пешие паломничества в святые места, над которыми подтрунивала Екатерина, были точным соблюдением обета, пусть на это требовались недели, а иногда и месяцы. Утомившись, и не дойдя пару верст до путевого дворца, специально построенного для ее отдыха, Елизавета доезжала до него в экипаже. Но на следующий день в сопровождении пышной кавалькады придворных она вновь начинала путь с того места, где прервала его накануне. Так, с многочисленными остановками, перерывами и даже недельными отлучками в Москву, императрица, проделывала весь путь пешком. Государыня проявляла постоянную искреннюю заботу о своих любимых обителях, учреждала и финансировала из казны строительство монастырей, присутствовала при освящении всех значительных столичных храмов и лично ратовала за возрождения традиционного пятиглавия в

And here you have an hermit's cell,
Where Austin's self might wish to dwell."

[22] Graves, *Euphrosyne*, 262.

A place—for holy meditation,
For solitude, and contemplation;
Yet what himself will rarely use,
Unless to conn his weekly news;
Or with some jovial friends to sit in,
To take his glass, and smoke, and *spit* in.

церковной архитектуре. Она со всей серьезностью возводила Воскресенский Новодевичий (Смольный) монастырь, чтобы окончить свои дни приняв постриг вдали от мирской суеты. В своем миссионерском рвении императрица не знала меры. Ее указы 1741-1742 годов предписывали обратить все строившиеся лютеранские кирхи в православные храмы и запрещали армянское богослужение. Она преследовала раскольников, кнутом и батогами крестила народы Поволжья, высылала из империи евреев (за исключением принявших крещение).[23] Но и отмена смертной казни в России была продиктована искренним желанием императрицы не брать на себя грех "душегубства." Разумеется, "веселая Елизавет" отнюдь не была в жизни аскетом, но она никоим образом не могла и помыслить свои роскошные и затейливые обеденные "армитажи" в лоне традиции "хижин" монахов или отшельников-анахоретов, пусть даже символической. Известен случай, когда императрица, побывав на освящении "новосделанной при полку Конной гвардии церкви," устроила выволочку обер-прокурору Синода Якову Петровичу Шаховскому за то, что "на Иконостасе в том месте, где по приличности надлежало быть живо изображённым Ангелам, поставлены резные, наподобие купидонов болваны, чего наша церковь не дозволяет."[24] Также как резные "итальянские" херувимы и Божие ангелы были для Елизаветы явлениями разного мира, так и милые ее сердцу садовые эрмитажи не имели ничего общего с местом духовных практик.

Елизаветинские эрмитажи создавались как принадлежность совершенно иного мира, сугубо светского, празднично-театрального, изобильного "великолепиями" и скоромными яствами, и крайне далекого от любого рода аскезы, отрешенности, самоуглубления, созерцательной меланхолии и философской рефлексии.[25] Если русские эрмитажи и можно назвать преемниками идеи "обители," то только обители "телемской," предназначенной для радости, веселья и наслаждения, гедонистические досуги которой средь картин, садов, музыки и пиршеств во многом сродни времяпрепрепровождению в усадьбах российских столиц и окрестностей. В исторических документах эрмитажи порой называются "люстхаусами" (*Lusthausen*, "домиками удовольствий"). Этим немецким словом в России определяли разные увеселительные садовые постройки, существовавшие при основном большом дворце. Причем ближайшим современным русским эквивалентом к "люстхаусу" оказывались садовые "затеи" или "забавы." Это дало возможность исследователям отнести эрмитажи к европейской категории увеселительных дворцов "*maison de plaisance.*"[26] Однако это

---

[23] *Законодательство императрицы Елизаветы Петровны*. Сост. В. А.Томсинов (Москва: Зерцало, 2009), 22, 23, 27. (*Zakonodatel'stvo imperatritsy Elizavety Petrovny*. Sost. V. A. Tomsinov (Moscow: Zertsalo, 2009), 22, 23, 27).

[24] *Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим*, ч. 1 (Санкт-Петербург: Типография Ивана Глазунова, 1821), 108ю (*Zapiski knyazia Iakova Petrovicha Shahovskogo, pisannye im samim,* ch. 1 (St. Petersburg: Tipografiia Ivana Glazunova, 1821), 108).

[25] Примечательно, что "классические" с европейской точки зрения эрмитажи начали появляться в русских поместьях последней трети XVIII века. Но они никогда не носили этого имени. Первые из них, подчеркивая свою внеположность русскому религиозному контексту, назывались "хижинами капуцина" (как в Кусково П. Б.Шереметева), последующие нейтрально: "хижина отшельника" (Павловск, Монрепо), "грот пустынника" (Баболовский парк), "пустынка" (Богородицкое и Ильинское под Москвой), и.т.д.

[26] Г. Д. Ходасевич, "Подъемные механизмы павильона 'Эрмитаж' в Царском Селе и их роль в театрализации парадных церемоний середины XVIII века," в *Старинные театры России: XVIII — первая четверть XIX века*: *сборник научных трудов,* ред. М. В. Щедровицкая (Москва: ГЦТМ им. Бахрушина,

определение подходит эрмитажам лишь очень условно, поскольку термин "*maison de plaisance*," как правило, подразумевает определенную архитектурную типологию — автономный дом, предназначенный для отдохновения его владельца от трудов, тягот и забот повседневного существования и создающий благоприятные условия для приятного досуга, будь то наслаждения деятельные, творческие или ученые.[27]

Русские Эрмитажи создавались как преимущественно банкетные павильоны, в которых другие удовольствия (живопись, музыка, игры, танцы) если и предполагались, то уступали пальму первенства услаждению вкуса. Но главное, они были лишены какой бы то ни было автономии и не могли существовать вне связи с главным домом, выступая в качестве одного из его сателлитов. В них нельзя было не только остаться на ночь, но и пребывать дольше времени требуемого на застолье было незачем. Кроме того их отличительной чертой была камерность. Какими бы роскошными и помпезными ни были эрмитажные покои, они всегда подразумевали "приватность." Внутри дворцов она достигалась расположением эрмитажа в удалении от парадных залов около личных апартаментов владельца, в саду - уединенностью и отнесенностью в глубину за растительную или водную преграду. Именно эта черта сближает русские эрмитажи с классическими европейскими образцами, хотя цели этого отрадного и праздничного уединения совершенно иные. Служащие своей особой социальной функции, они с момента появления обрели характерные типологические приметы, существенно отличающие их от других парковых люстхаусов - механический подъемный стол, расположение, планировку, набор архитектурно-семантических признаков и декоративную программу. Об этих чертах, позволяющих выделить эрмитажи в особый тип построек и пойдет речь дальше.

Андреевский крест

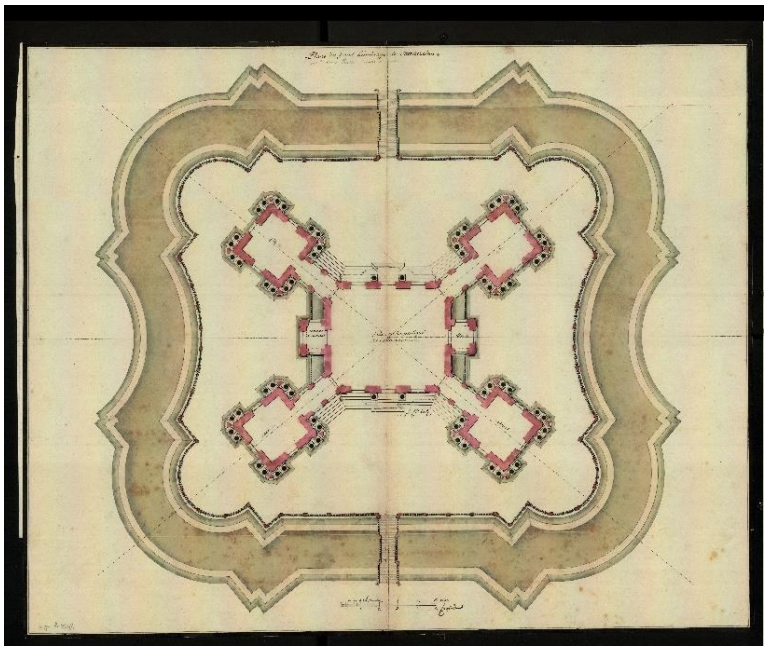
Свой первый эрмитаж, как оммаж петровскому, Елизавета решает строить на следующий год после коронации. Причем уже из первоначальных указов императрицы 1743 года очевидны две вещи. Во-первых, что новый павильон, устраиваемый в Царском Селе, должен был содержать все родовые приметы, присущие люстхаузу ее "любезного родителя." А именно: отдаленность от основного дворца, расположение на искусственном острове и обеденный зал с механическим столом, попасть в который можно лишь при помощи подъемного стула.[28] Во-вторых, что форма и планировочное

1993), 126-127. (G. D. Khodasevich, "Pod'emnye mekhanizmy pavil'ona 'Ermitazh' v Tsarskom Sele i ikh rol' v teatralizatsii paradnykh tseremonii serediny XVIII veka," in *Starinnye teatry Rossii: XVIII — pervaia chetvert' XIX veka: sbornik nauchnykh trudov*, ed. M. V. Shchedrovitskaia (Moscow: GZTM im. Bakhrushina, 1993), 126-127).

[27] Louis Meunier, *Veuë du palais jardins, et fontaine d'Arangouesse, maison de plaisance du Roy d'Espagne* (Paris: chez van Merlen, 1665); *Veues et perspectives de Honslardyck, chasteau & maison de plaisance du roy de la Grande Bretagne* (Amsterdam: Gerhard Valk, 1695); Jacques-François Blondel, *De la distribution des maisons de plaisance, et de la decoration des edifices en general*. 2 vols. (Paris, Charles-Antoine Jombert, 1737); несколько архитектурных сюит Неформжа в разных томах: *Recueil élémentaire d'architecture* [...] *composé par [Jean-François] de Neufforge*, 9 vols. (Paris: l'auteur, 1757-1780) также посвящены типу зданий *maison de plaisance*.

[28] Указы от 23 августа и 1 декабря 1743 года гласили: "Против средних палат на средине перспективы в конце сада за городьбой построить каменный дом, называемый армитаж [sic] и по углам оного флигеля в два апартамента. Вокруг оного дома около первого апартамента балкон також и ко флигелям переходы с балюстрадой, а внутри этого дома сделать подъемный стул вместо входа вверх, також и стол подъемный как в Петергофе изобретен" и "около оного вокруг сделать каналы и где пристойно сделать подъемные мосты." См.: А. Н. Бенуа, *Царское Село в царствование императрицы Елизаветы Петровны* (Санкт-

решение нового здания уже на самом раннем этапе обсуждения постройки оказались отличными от простого и лаконичного петергофского эрмитажа Браунштейна. Было ли то пожелание императрицы или предложение архитекторов Михаила Земцова и Андрея Квасова, которым принадлежал первый несохранившийся проект здания, но будущий эрмитаж сразу задумывался как комплекс из пяти объемов "в два аппартамента" (т.е. этажа), включающий центральный зал и четыре маленьких кабинета-флигеля, ориентированных по сторонам света и соединенных галереями. Диагональное расположение флигелей по углам основного объема превращало план здания в весьма характерную фигуру, которую Бернулли назвал "наклонным,"[29] то есть андреевским крестом.[30] (Илл. 4 и 5).

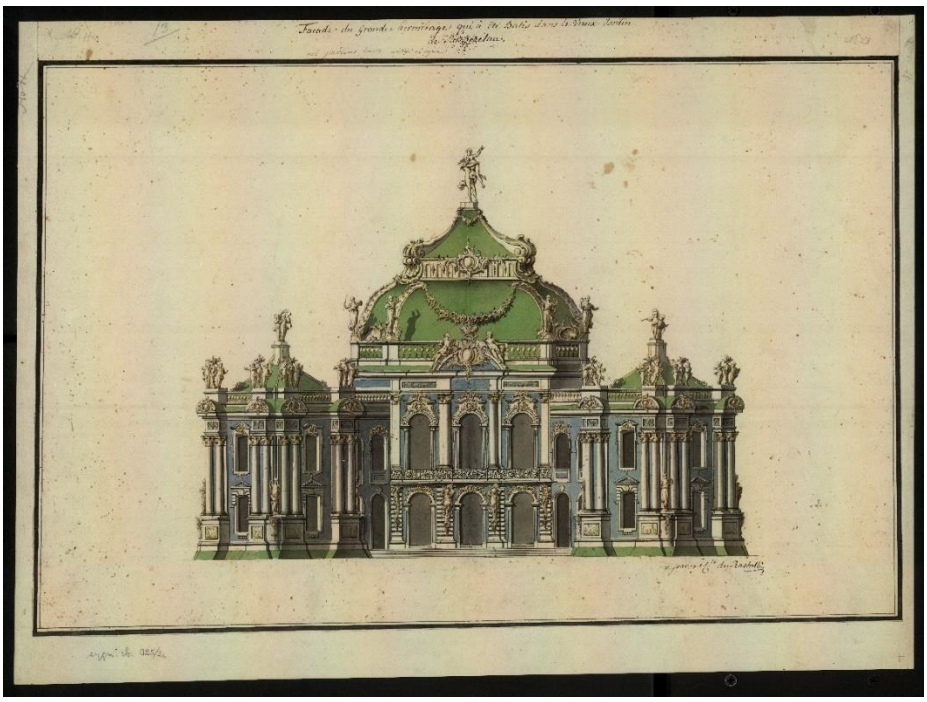


Илл. 4: Франческо Растрелли. План нижнего этажа Эрмитажа в Царском Селе. [1748]. Бумага, акварель, тушь, перо. 700x855 мм. Национальная библиотека Польши. Инв. R.5310/WAF.89.

Петербург: издание Товарищества Р. Голике и А. Вильборг, 1910), 163, XXV. (A. N. Benois, *Tsarskoe Selo v tsarstvovanie imperatritsy Elizavety Petrovny* (St. Petersburg: izdanie Tovarishchestva R. Golike i A. Vil'borg, 1910), 163, XXV).

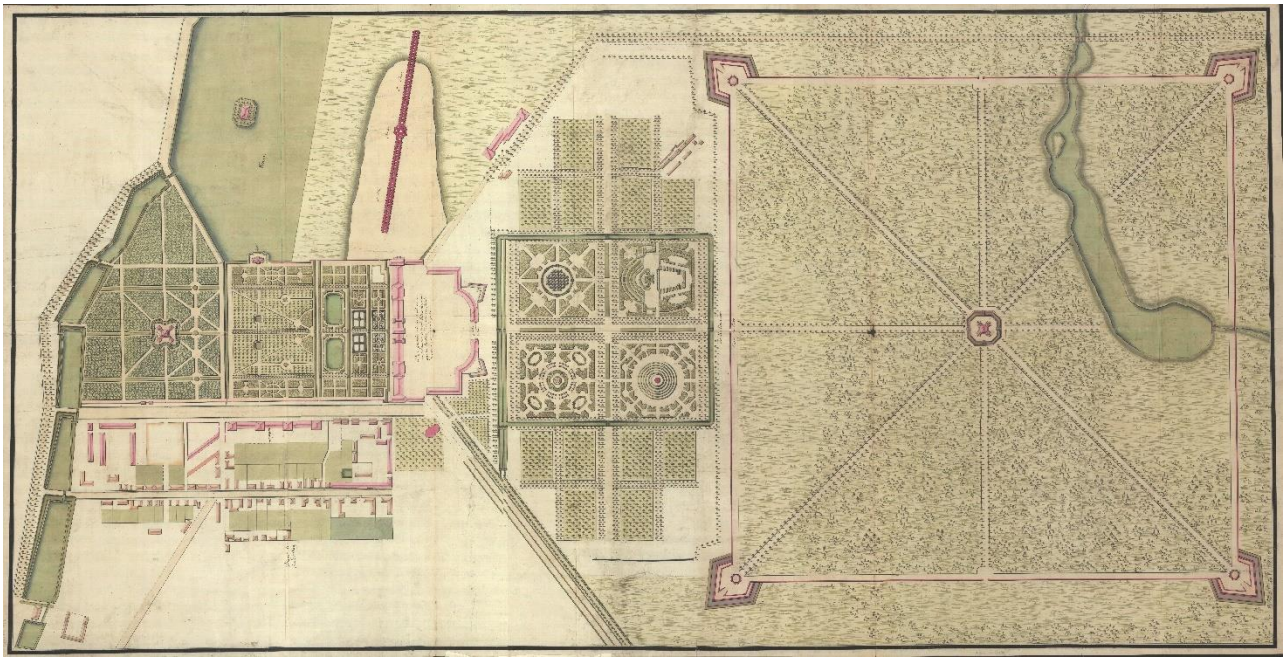
[29] Bernoulli, *Reisen*, 161.

[30] Эта форма царскосельского эрмитажа стала основанием версии И. Е.Путятина о связи эрмитажа с российским императорским орденом Святого апостола Андрея Первозванного и об "орденской" символике павильона. См.: И. Е. Путятин, "Петербургский новоторжец: от 'нарышкинской' Москвы к славе императрицы Елизаветы Петровны," в *Савва Чевакинский – архитектор Российской империи*, ред. И. Е. Путятин и Д. М. Ивлев (Москва: Вышний Волочек, 2020), 40, 44-45, 46-47. (I. E. Putiatin, "Peterburgskii novotorzhets: ot 'naryshkinskoi' Moskvy k slave imperatritsy Elisavety Petrovny," in *Savva* Chevakinskii—*arkhitektor Rossiiskoi imperii*, red. I. E. Putiatin & D. M. Ivlev (Moscow: Vyshnii Volochek, 2020), 40, 44-45, 46-47). Однако эта версия не кажется мне достаточно убедительной.



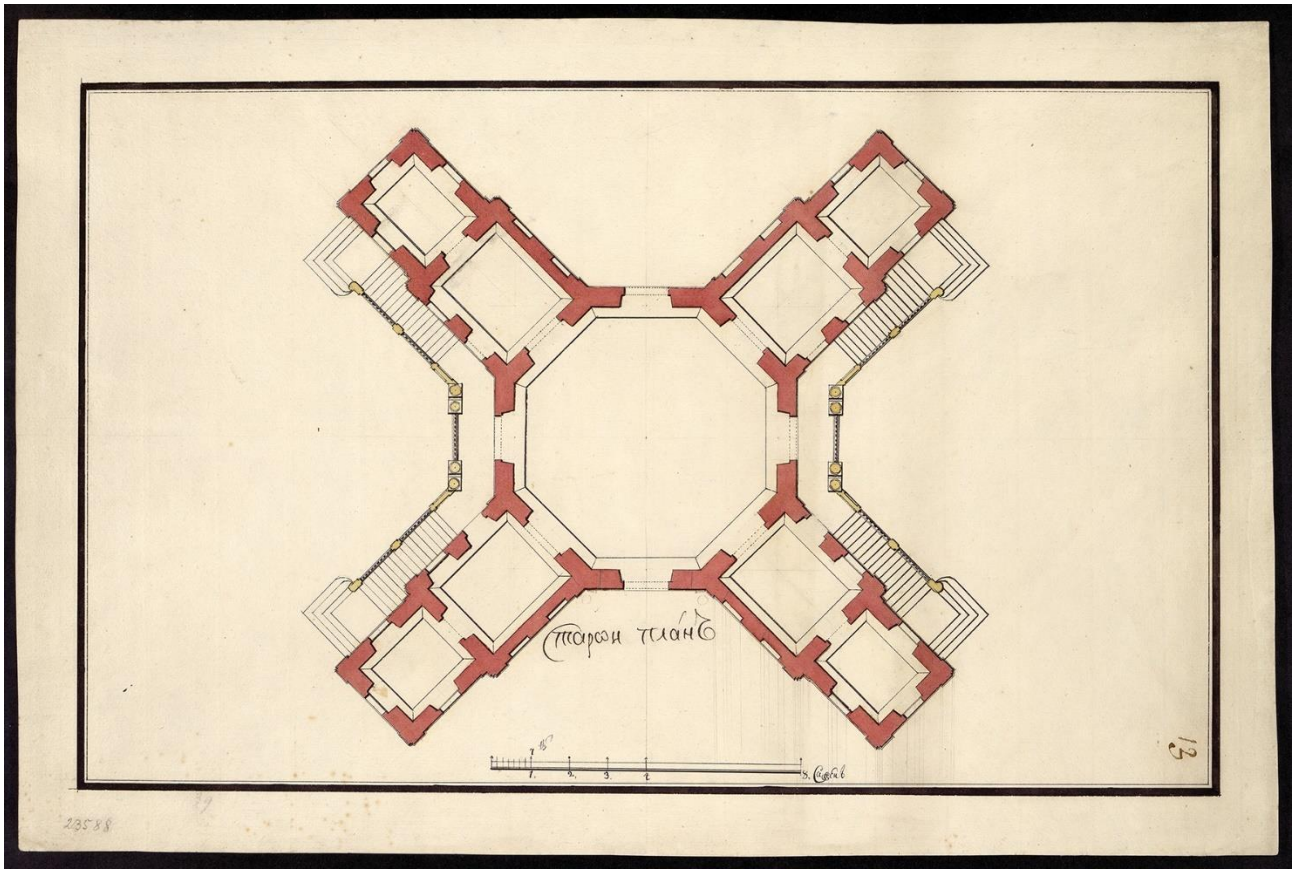
Илл. 5: Франческо Растрелли. Фасад Эрмитажа в Царском Селе. [1748]. Бумага, акварель, тушь, перо. 435x615 мм. Национальная библиотека Польши. Инв. R.5311/WAF.89.

В феврале 1747 года, параллельно с неспешным строительством "Армитажа," Елизавета Петровна утвердила проект еще одного увеселительного павильона, призванного замкнуть перспективу главной парковой оси и стать симметричным подобием эрмитажа на противоположной окраине царскосельских угодий в центре Зверинца (Илл. 6).



Илл. 6: Франческо Растрелли. План царскосельского парка. Середина XVIII века. Бумага, акварель, тушь, перо. 685x1030 мм. Национальная библиотека Польши. Инв. WAF.90.

Для того, чтобы новый люстхаус, автором которого стал Савва Чевакинский, также мог исполнять роль "конфиденциальной столовой" (то есть эрмитажа), императрица повелела "кухни при нем хотя одну сделать [...] и быть столу подъемному."[31] Банкетный охотничий домик в соответствии с традицией устроили на искусственном острове, окруженном каналом, и по аналогии с домом Петра I, соседствующим с петергофским Эрмитажем, назвали Монбижу.[32] Примечательно, что и этот двухэтажный павильон, состоящий из увенчанного куполом октагонального центрального зала и четырех пристроенных к его диагональным граням вытянутых корпусов, имел в плане форму андреевского креста (Илл. 7 и 8).



Илл. 7: Савва Чевакинский. План нижнего этажа павильона Монбижу в Царском Селе. Около 1747. Бумага, перо, акварель. 329x479 мм. Государственный Эрмитаж, Инв. ОР-23588.

[31] Бенуа, *Царское Село*, 208. (Benois, *Tsarskoe Selo,* 208).

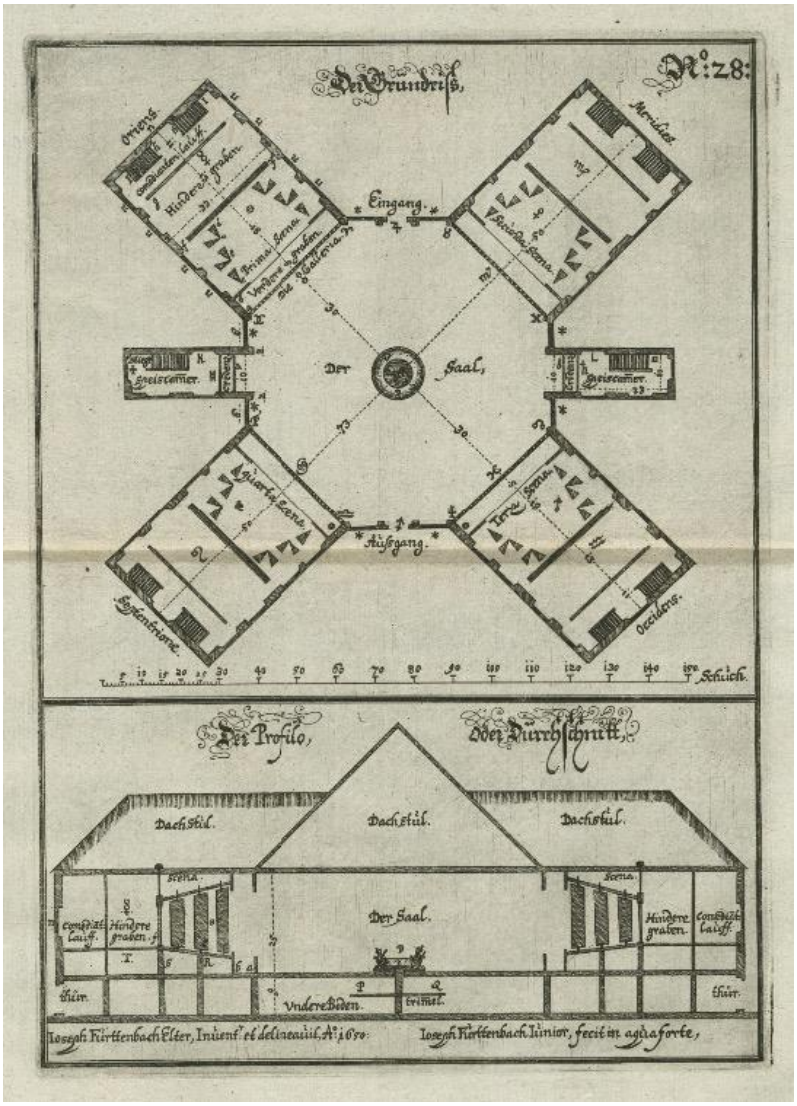
[32] С Петровского времени и вплоть до середины XVIII века павильон нижнего парка Петергофа, расположенный рядом с Эрмитажем назывался не Марли (это имя он получил позднее от расположенного около него Мариинского каскада), а "Монбижурский дом" (*Mon Bijoux*). См.: Т. Б. Дубяго, *Русские регулярные сады и парки* (Ленинград: Гос. изд-во литературы по строительству, архитектуре и строит. материалам, 1963), 141. (T. B. Dubiago, *Russkie reguliarnye sady i parki* (Leningrad: Gos. izd-vo literatury po stroitel'stvu, arhitekture i stroit. materialam, 1963), 141).

Илл. 8: Франческо Растрелли (мастерская). Фасад павильона Монбижу в Царском Селе. Начало 1750-х. Бумага, акварель, тушь, перо. 489x296 мм. Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Инв. № 1-А-519-и.

Выбор такого сложного объемно-планировочного решения для прециозных развлекательных парковых сооружений в архитектуре барокко не редкость. Однако для России он был столь нетипичным и новаторским, что невольно заставляет предполагать наличие какого-то дополнительного, помимо петергофского эрмитажа, образца.

Рискну предположить, что одним из таких источников идеи для разработки архитектурной формы елизаветинских эрмитажей мог послужить чрезвычайно влиятельный компендиум архитектурных трактатов Йозефа Фуртенбаха *Mannhaffter Kunst-spiegel.*[33] В нем в числе разнообразных проектов "гражданской архитектуры" предлагался план и разрез отдельно стоящего "Зала для представлений" (*Schawspilsaal*) (Илл. 9).[34]

[33] Joseph Furttenbach, *Mannhaffter Kunstspiegel oder Continuatio, und fortsetzung allerhand Mathematisch- und Mechanisch- hochnutzlich- So wol auch sehr erfreulichen delektationen, und respektive im Werk selbsten experimentierten freien Künsten.* (Augsburg: J. Schultes, 1663).
[34] Furttenbach, *Mannhafter,* 256-59, ill. 28



Илл. 9: Йозеф Фуртенбах. План и разрез "Зала для представлений." Гравюра из книги: Joseph Furttenbach, *Mannhaffter Kunstspiegel oder Continuatio, und fortsetzung allerhand Mathematisch- und Mechanisch- hochnutzlich- So wol auch sehr erfreulichen delektationen, und respektive im Werk selbsten experimentierten freien Künsten* (Augsburg: J. Schultes, 1663).

По мнению авторитетного немецкого автора, "царственное пространство" его зала могло быть пригодно как для устройства турниров и балов, так и для установки скамей и кресел зрителей театрального спектакля. Но главным образом зал был призван служить местом собраний правителей разных стран по случаю заключения мира, роскошных свадеб и прочих церемоний, которые предполагают банкет, танцы и наслаждение "возвышенными, достойными похвалы, увеселениями."[35]

План Фуртенбаха представлял собой все тот же андреевский крест с центральным залом-октогоном, перекрытым восьмискатной кровлей без опорных колонн, и четырьмя примыкающими к нему компартиментами. С двух противоположных сторон центрального зала находились узкие кабинетцы для сервировки блюд к столу (*speiscamer*), отделенные от основного объема нишами, в которых располагались буфеты (*credenz*). Один из буфетов должен был служить для

[35] Furttenbach, *Mannhaffter,* 256.

подачи горячих кушаний, другой — для отправки прочь опустошенной гостями посуды. Скрытые в нишах двери позволяли с поражающей посетителей скоростью доставить еду в зал незаметно для глаз. Чтобы преждевременно не остудить блюда, их разделывали и сервировали, а потом убирали в "кабинетцах," лестницы из которых вели к кухне. Саму же кухню предполагалось устроить не в павильоне, а поблизости, обезопасив таким образом торжественный зал от присутствия дыма, кулинарных испарений и пожара. Над буфетами, симметрично напротив друг друга, должны были помещаться хоры, укрытые декоративными "облаками," где певцы, трубачи, корнетисты и барабанщики могли бы исполнять музыку, оставаясь невидимыми для гостей. Однако, главный кунштюк парадного павильона заключался в механизмах расположенного в центре зала стола, а также театральной сцены, которую архитектор планировал устроить в одном, а при желании и во всех четырех диагональных корпусах. Круглый стол, достаточно большой для рассадки и обслуживания 12 человек и все сиденья вокруг него размещались на платформе 13 футов в диаметре, вращающейся на центральном стержне посредством ворота, установленного этажом ниже. Пока гости, поглощенные трапезой, спокойно сидели за столом, платформа, незамечаемая ими, поворачивалась вокруг оси. В случае же устройства торжественного банкета со спектаклем для "княжеских персон" изобретательный Фуртенбах предлагал оставить только половину стола в "форме полумесяца." Это позволило бы свободно рассадить шесть монархов вдоль одной его дугообразной стороны, а другую оставить пустой, чтобы ничто не нарушало их обзора. В начале угощения стол должен был быть повернут "видовой" стороной ко входу, стеклянные двери которого лишь узкими простенками отделялись от двух равновеликих им окон по бокам, "столь же высоких, как в церкви." Сидя таким образом, благородные зрители могли любоваться парковой панорамой и "слышать музыку скрытых в облаках наверху музыкантов, но не могли видеть как еда и напитки появляются и исчезают." Затем стол едва заметно поворачивался на своем стержне, обращая сидящих за ним к восточному компартименту. Там Фуртенбах предлагал установить театральную сцену, имеющую три плана декорационных кулис и все необходимые приспособления и конструкции для создания сложнейших театральных спецэффектов. Если же кто-то из потенциальных заказчиков павильона будет неудовлетворен возможностью демонстрировать лишь одну мизансцену, но "пожелает устроить по-настоящему роскошный банкет и спектакли со множеством актеров" (как в процессе ужина, так и в специально отведенное для развлечения время), то он сможет задействовать все четыре боковых компартимента под "театры," устроенные аналогичным образом. По задумке автора, каждая из таких сцен соответствовала бы одной из частей света и демонстрировала бы ее обитателей. Исполняемая актерами пантомима в сопровождении самых знаменитых эффектов барочной театральной машинерии (восход солнца, извержение вулкана, морское сражение) должна была изображать аллегории стихий. В восточном пределе - воздуха, в южном — огня, в западном — воды и в северном — земли. При этом Фуртенбах особо предупреждал, что театральные сцены не могут быть видимы зрителями одновременно и должны скрываться за занавесами или шпалерами, чтобы никто из гостей не догадался, что за ними происходит. Занавес падает лишь в момент поворота стола к нужному компартименту, представляя взору приглашенных неожиданное и изумляющее зрелище. После того как трапеза и спектакль оканчивались платформу с

механическим столом можно было опустить, освобождая таким образом пространство для танцев или игр "согласно пожеланиям компании."

Трактаты Фуртенбаха были довольно хорошо известны в России и входили в состав библиотек Петра I и Петра III,[36] Посольского приказа и нескольких частных собраний. Поэтому можно предположить, что и архитекторы Елизаветы Петровны имели возможность познакомится с проектом "Зала для представлений" и его механикой. В силу своей сложности и специфичности концепция Фуртенбаха едва ли была осуществима на практике в полной мере. По сравнению с задуманным им грандиозным "театром машин," садовые затеи русской императрицы не более чем изящные безделицы. Но и они игрушки сугубо механические и в своем роде театральные.[37] Банкетные домики не предполагали устройства сцены – их "эрмитажные машины" должны были поражать гостей аттракционами иного не менее впечатляющего свойства. Сперва приглашенные через деревянные подъемные мосты, перекинутые на остров, подходили к павильону. Затем попарно садились на диван-канапе, обитый "зеленым бархатом с позументом." Он невидимо, как бы волшебной какой силою, начинал тихо подниматься,"[38] доставляя взбудораженных "полетом" гостей в роскошно декорированные зеркалами и струящейся по стенам золоченой резьбой залы. Фантастические узоры резьбы, фигурки амуров, вкомпонованные в картуши над дверями, гирлянды цветов, жирандоли, вырастающие, как причудливые растения, из переплетений и узоров обрамлений зеркал, наполняли пространство праздничным блеском позолоты. [39] Благодаря широким окнам, служившим в то же время дверями для выхода на балконы, зал всегда был полон света и открыт в окружающий его парк. Здесь, среди изобильно украшающих стены, десюдепорты и потолки живописных росписей, под музыку сидящих снаружи на балконе валторнистов, начиналось неожиданное зрелище. Раздвигался пол и снизу поднимались роскошно накрытые столы. [40] На начальном этапе строительства царскосельского эрмитажа планировалось, что механический стол будет в каждом из пяти помещений верхнего этажа. В мае 1745 года Елизавета Петровна велела сделать не только в центральном зале, но и в боковых корпусах "внутрь их столы [...] спускные небольшие."[41] Однако, впоследствии все пять столов сосредоточили в одном большом зале, отчего зрелищный эффект театральной машинерии нарастал и становился еще

---

[36] В частности, *Mannhaffter Kunstspiegel* был представлен в собрании книг Петра III. См.: С. В. Королев, *Каталог библиотеки императора Петра III* (Санкт-Петербург: РНБ, 2017), 289. (S. V. Korolev, *Katalog biblioteki imperatora Petra III* (St. Petersburg: RNB, 2017), 289).

[37] Значению и социально-политической роли механических аттракционов при дворе Елизаветы Петровны и Екатерины Великой на примере катальных горок посвящена статья Ekaterina Heath and Jennifer Milam, "The Science of the Thrill: Russian Sliding Hills under Elisabeth Petrovna and Catherine II," *Studies in the History of Gardens & Designed Landscapes: An International Quarterly* 42: 3 (2022): 173-193.

[38] И. Ф. Яковкин, *Описание села Царского, или Спутник обозревающим оное с планом и краткими историческими объяснениями* (Санкт-Петербург: тип. Департамента народного просвещения, 1830), 87. (I. F. Iakovkin, *Opisanie sela Tsarskogo, ili Sputnik obozrevaiushchim onoe s planom i kratkimi istoricheskimi ob'iasneniiami* (St. Petersburg: tip. Departamenta narodnogo prosveshcheniya, 1830), 87).

[39] А. Н. Петров, *Пушкин. Дворцы и парки* (Ленинград: Искусство, 1964), 62. (A. N. Petrov, Pushkin. *Dvortsy i parki* (Leningrad: Iskusstvo, 1964), 62).

[40] Создание конструкции подъемных столов в России традиционно поручали машинным и фонтанным мастерам, а также столярам Канцелярии от строений — Жану Мишелю, Иоганну Кайзеру, Кристиану Эйгеру, Я. Неймеру.

[41] Бенуа, *Царское Село,* 163. *(*Benois, *Tsarskoe Selo,* 163).

интенсивнее.[42] Все это выглядело ошеломляющим сценическим действом. И каждая новая искусная гастрономическая подача, сервированная на драгоценной посуде со всевозможными настольными украшениями, появляющаяся в центре стола, чтобы сменить предыдущую, воспринималась как перемена декораций в придворной опере. Обеденные церемонии превращались в удивительные гастрономические спектакли. Их особым удовольствием была, как мы бы сейчас сказали, иммерсивность. Каждый должен был сам пережить "вознесение" на лифте и дергать за шнур, чтобы привести в движение механизм, опускавший вниз подставку под тарелку для смены блюда.

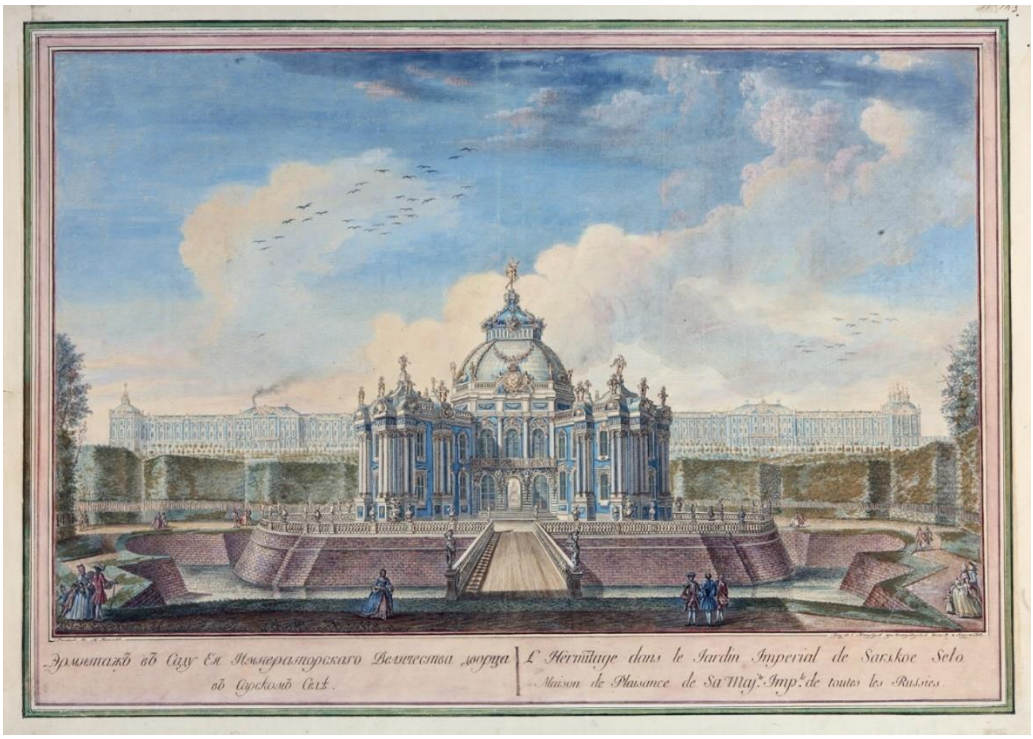
Отнюдь не желание интимного уединения за рвом и подъемным мостом, а стремление поразить необычайностью механического чуда, определяло специфику обеденного действа в эрмитажах. Его "двигателем" было важнейшее для искусства эпохи барокко желание изумлять. Положенные в основу самой концепции эрмитажа принципы удивления и метаморфозы, насквозь пронизывающие эстетические рассуждения теоретиков барокко, роднят павильоны Елизаветы с Залом представлений Фуртенбаха. Отголоски его проекта звучат не только в планировочном решении и механике, но и в самой идее павильона-метаморфозы, словно "по волшебству" (а на самом деле посредством хитроумных кинетических механизмов) превращающегося из обеденного зала в бальный. Даже первые прецеденты использования царскогосельского эрмитажа для неофициальных дипломатических приемов и "трактования" иностранных послов и гостей оказываются вполне в духе программы "встреч иностранных принцев" Фуртенбаха.[43]

---

[42] Сперва "лакирный мастер Неймеер" сделал центральный овальный стол на 22 персоны, однако выяснилось, что место для него недостаточно. Тогда государыня "указала длину умалить с каждой стороны по два места и сделать на 18 персон, а при том стараться, чтобы около задних четырех столов по обеим сторонам был ход." См.: Бенуа, *Царское Село*, 164. (Benois, *Tsarskoe Selo*, 164). В итоге основной стол вмещал 18 человек, два боковых стола, изящной пятилепестковой формы, были рассчитаны на 5 персон, треугольный - на трех и последний на четверых. То есть всего обеденный зал мог принять 35 человек.

[43] Отделка павильона еще не была закончена, когда он впервые распахнул свои двери иностранным гостям. Так 16 июля 1750 года императрица повелела на следующей неделе трактовать датского и саксонского посланников (последнего с супругой) "в армитаже" в тот день, "которой заблагорассудят." См.: Бенуа, *Царское Село,* 175. (Benois, *Tsarskoe Selo*, 175). Продолжалась эта практика и в последствии. Так, 7 августа 1754 года было августейше указано "в среду сей недели трактовать в селе Царском господ чужестранных министров и российских знатных особ в Армитаже обеденным кушанием на две перемены, при котором трактовании быть имеет его сиятельство государственный канцлер и кавалер граф Михаил Ларионовоич Воронцов." Для этого приказано было составить реестр "о чужестранных министрах и первого и второго классов, а при том и некоторых третьего класса персон, сколько оных в Санкт-Петербурге находится, чтобы набрать до 35 персон" (то есть занять все места за пятью эрмитажными столами). Обед состоялся с отсрочкой ровно через месяц 7 сентября 1754 года. В следующем году 12 июля гофмейстер С. К. Нарышкин трактовал в Эрмитаже обеденным кушанием турецкого посланника, "отъезжавшего в свое отечество." Сам тефтердари Дервиш Магомет Эфенди с придворными кавалерами и приближенными сидел за большим столом, а его чиновная свита – за малым. 22 августа 1755 года в честь приехавшего осматривать достопримечательности Царского Села английского посла Чарльза Вильямса и его секретаря графа Станислава Понятовского было устроено в эрмитаже "обеденное кушание в трех переменах с десертом." См.: Бенуа, *Царское Село*, 176. (Benois, *Tsarskoe Selo,* 176). В нем по долгу службы участвовали граф М. И. Воронцов и князь Б. Г. Юсупов с супругами. В 1756 году после водосвятия 1 августа в эрмитаже были угощаемы обер-гофмаршалом Д. А. Шепелевым "духовные особы" с преосвященным Сильвестром Санкт-Петербургским во главе. Почти каждое посещение знатными особами, в особенности иностранными, Царского Села сопровождалось трапезой в эрмитаже. В 1757 году там обедали 7 июня "чужестранные министры," 26 июля присланные императрицей князь Б. А. Куракин, граф И. Г. Чернышев и церемониймейстер А. В. Олсуфьев принимали

В 1749 году к строительству подключился Расстрелли, превративший эрмитаж в одно из высших достижений русской архитектуры XVIII века. Фасады здания были переделаны и щедро украшены группами ритмично расставленных по углам корпусов коринфских колонн, поддерживающих антаблемент с маленькими фронтончиками. Над карнизом появилась белокаменная балюстрада. В 1753 году все лепные украшения и статуи на фасадах были вызолочены, кровля вместо прежней зеленой краски покрыта белой, а стены окрашены нежным и благородным "селадоновым цветом,"[44] на фоне которого эффектно выделялись белые колонны и наличники (Илл. 10).



Илл. 10: Алексей Греков по рисунку Михаила Махаева. Вид павильона Эрмитаж в Царском Селе. 1759. Бумага, офорт, гравюра резцом, акварель. 515x720 мм. Государственный Эрмитаж, ЭРГ-29265.

Скульптурный декор поражал посетителей своей изобильностью.[45] На скатах фронтонов над картушами с вензелями Елизаветы Петровны возлежали

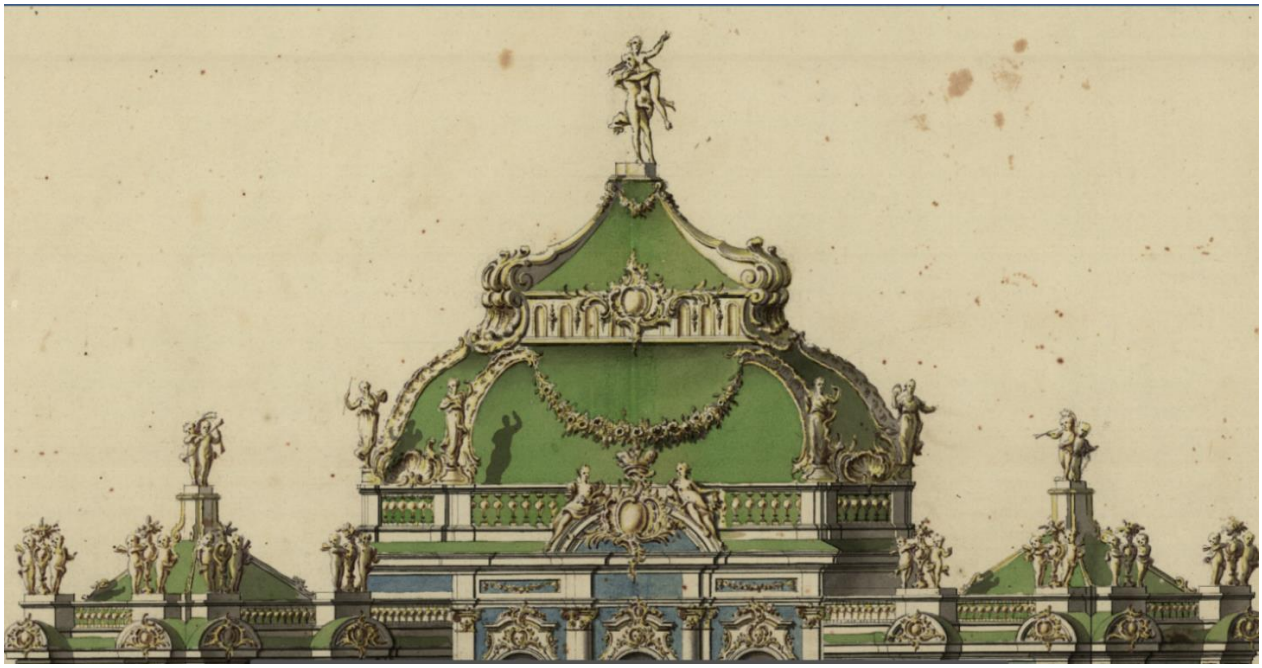
"цесарского и французского послов с кавалерами," которых после основного стола подчивали "кофеем, чаем, чекуладом." Бенуа, *Царское Село,* 176. (Benois, *Tsarskoe Selo,* 176). А 26 августа в эрмитаже угощались австрийские генералы, привезшие извести о кончине императора Карла VII. 3 июня 1759 года обед в эрмитаже посетил принц карл, герцог Курляндский. А 3 февраля (зимой!) 1760 года в эрмитаже должны были обедать несколько чужестранных персон, для чего было велено проверить, чтобы в "армитаже стол можно бы было исправно поднимать и ко оному эрмитажу в саду [...] были бы почищены дороги." См.: Бенуа, *Царское Село,* XXVI. (Benois, *Tsarkskoe Selo,* XXVI).

[44] Бенуа, *Царское Село,* 168. (Benois, *Tsarskoe Selo,* 168). Селадоновый – светло-зеленый с голубым или серым оттенком цвет, получивший свое название по имени героя пасторального романа Оноре д'Юрфэ *Астрея* Селадона, носившего соответствующие одежды.

[45] Почти все лепные работы, включая фигуры "стоячих великолепиев," вазы, украшения малых фронтонов, клейма с сидящими фигурами на двух больших фронтонах, барельефы на пьедесталах колонн исполнили в течение 1751—1752 гг. Джованни Баттиста Джани и Георг Фридрих Партир. Модели для барельефов лепил скульптор Иоганн Дункер. См.: Петров, *Пушкин,* 62. (Petrov, *Pushkin,* 62).

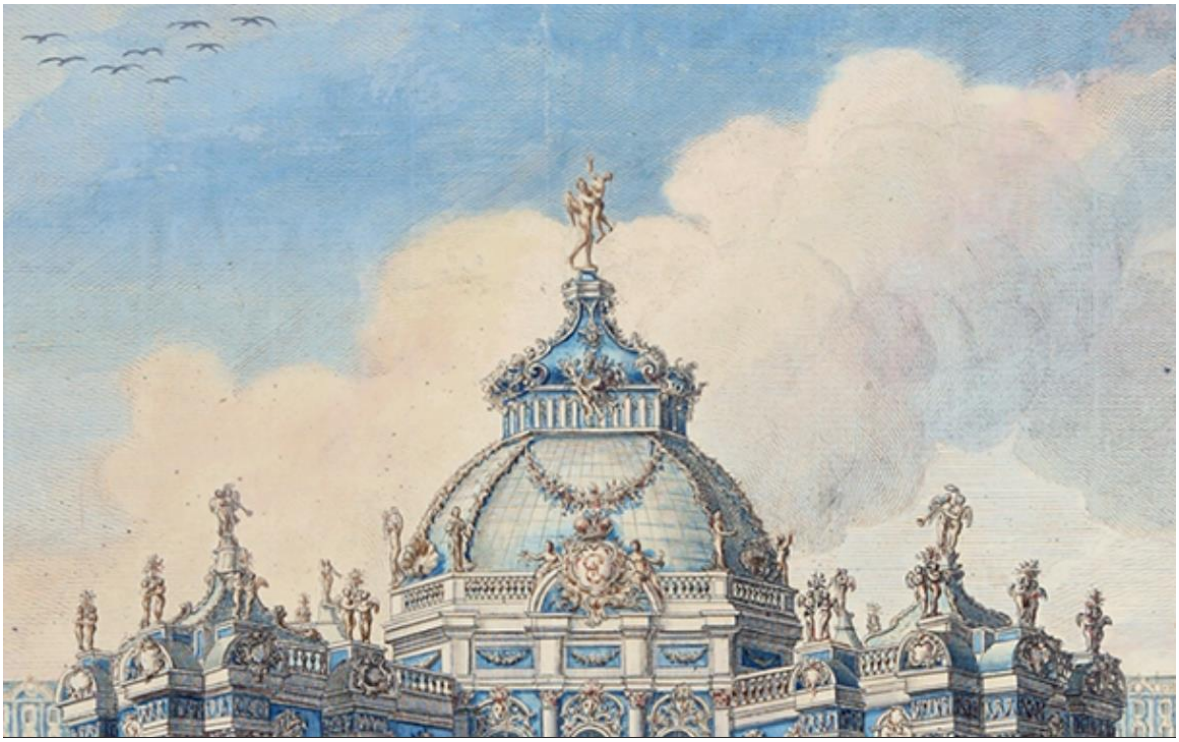
аллегорические фигуры, олицетворяющие времена года.[46] Это была очевидная для современников отсылка к петровскому эрмитажу, единственным скульптурным убранством которого также были статуи времен года по сторонам фронтонов. На балюстраде центрального корпуса стояли восемь фигур персонифицирующих, по мнению, Александра Бенуа, плодородие.[47] Балюстрады корпусов оживляли 24 пары амуров с вазами цветов, а каждый из куполов боковых кабинетов венчали группы амуров, трубящих в фанфары. Резные липовые статуи "вышиною в 7 с половиной фут"[48] стояли на постаментах внизу у каждой пары колонн, еще четыре - у каждого из подъемных мостов. А кроме того, ограждающую остров балюстраду украшали 16 статуй и 20 ваз с цветами.[49]

Была ли у скульптурного убранства павильона последовательная символическая программа сегодня, когда от него не осталось и следа, судить сложно.[50] Тем более что изображения статуй на проектных чертежах Растрелли и на гравюрах по махаевскому рисунку, исполненному с натуры в 1759 году с уже построенного павильона, существенно разнятся (Илл. 11 и 12).



Илл. 11: Франческо Растрелли. Скульптурная группа Плутон, похищающий Прозерпину. Фрагмент фасада павильона Эрмитаж в Царском Селе.

[46] На проектных чертежах и гравюрах XVIII века павильон можно видеть только с одной "парадной" стороны, где размещаются статуи весны с цветами в руках и осени с виноградной лозой.
[47] Бенуа, *Царское Село,* 172. (Benois, *Tsarskoe Selo,* 172).
[48] Бенуа, *Царское Село*, XXVI. (Benois, *Tsarskoe Selo*, XXVI).
[49] Бенуа, *Царское* Село, 172. (Benois, *Tsarskoe Selo*, 172).
[50] Известное указание 1752 года взять для ускорения отделки царскосельского эрмитажа "из Летнего дома 8 резных деревянных статуй и поставить их на балюстрады эрмитажа." См.: Бенуа, *Царское Село*, 168. (Benois, *Tsarskoe Selo*, 168). А затем взамен сделать такие же и отослать их обратно на старые места, казалось бы свидетельствует о случайности подбора статуй для строящегося павильона. Однако, если предположить, что статуи из Летнего дворца брались именно с балюстрады имевшегося при дворце эрмитажа, то все встает на свои места.



Илл. 12: Алексей Греков по рисунку Михаила Махаева. Скульптурная группа Борей, похищающий Оритию. Фрагмент фасада павильона Эрмитаж в Царском Селе.

Из-за этих расхождений нельзя даже с уверенностью определить, какая именно скульптурная группа венчала главный восьмискатный купол павильона – Похищение Плутоном Прозерпины или Похищение Бореем Оритии. Оба эти сюжета в соответствии с аллегорической традицией олицетворяют стихии мироздания. Плутон, бог подземного царства — Землю, а Борей, бог северного ветра - Воздух. Для символического убранства эрмитажа, как механического банкетного павильона, был значим каждый из них. Земля, также как и круговорот времен года, означала весь комплекс понятий, связанных с плодородием, процветанием и изобилием, наглядным воплощением которых и были роскошные эрмитажные трапезы. Воздух соответствовал движению, “полету,” “вознесению” на пиршество богов, которые составляли суть эрмитажных механических метаморфоз. Тематика 32 барельефов на пьедесталах колонн, представляющих “игры амуров,” видимо, была призвана поддержать и развить те же важные для праздничного обеденного павильона сюжеты. Изображения беспечно резвящихся путти не выстроены в строгую систему, но среди них есть аллегорические картины времен года и стихий, сторон света и континентов, человеческих чувств и темпераментов. Над созданием живописного плафона главного зала трудился Джузеппе Валериани, любимый декоратор императрицы, блистательно оформлявший не только петербургские и окрестные дворцы, но и все спектакли придворной оперы. Продуманная им композиция создавала иллюзию, будто Юнона и Юпитер приглашают гостей эрмитажа, только что поднявшихся волшебной силою на Олимп, присоединиться к пиру античных богов. В сюжетах настенных росписей, почерпнутых художником из овидиевых *Метаморфоз*, так же, как и в декорациях четырех кабинетов продолжались темы благоприятствующих природных сил и бесконечных превращений стихий. Плафоны в галереях, соединяющих обеденный зал с боковыми кабинетами, были написаны Антонио Перизинотти, подвизавшимся

помощником Валериани в театре. Они символизировали времена года и служили своего рода ориентиром, ведь в аллегорических программах между сезонами, стихиями и частями света традиционно виделось определенное соответствие качеств. Таким образом, проходя под амурами с цветами в восточный корпус, гости эрмитажа устремлялись к весне и соответствующей ей стихии воздуха. Двигаясь мимо амуров с плодами и снопами в южный кабинет - к лету и огню. Минуя изображение амуров с виноградом, приглашенные оказывались в осеннем западном кабинете и, наконец, амуры, греющиеся у котла, указывали путь на север.[51]

Первый эрмитаж Елизаветы Петровны строился практически десять лет и стал не только самым сложным и насыщенным механикой (5 столов и 2 подъемных дивана), но и наиболее "царственным" и великолепным среди многочисленных аналогичных павильонов XVIII века. Форма и иконография царскосельского эрмитажа оказались чрезвычайно влиятельны в истории русской парковой архитектуры. Различные вариации усеченного андреевского креста стали отличительным принципом планировки русских усадебных эрмитажей середины - XVIII столетия.[52] А обрывки символических тем, связанных с аллегориями плодородия, цветения, и щедрот божественной природы, изобильно проливающихся на избранных счастливцев, удостоившихся приглашения к эрмитажному столу, можно встретить в декоративном оформлении большинства садовых и дворцовых эрмитажей.

Аппеляция к имени и образцу петровского эрмитажа, ставшая отправной точкой создания павильона в Царском Селе, превратила его в феноменальный симбиоз политического монумента и механического кунштюка. Типология русских эрмитажей как банкетных павильонов, оказалась напрямую связана с культом Петра. Однако по мере распространения моды на них, эта связь постепенно истерлась и Екатерина, еще

---

[51] Примечательно, что такое соответствие формы и планировки парковых павильонов с их символическим посвящением сохранялось до конца XVIII столетия. Так, в увражных сюитах Жана-Франсуа Неформжа 1772-1776 годов проекты храмов четырех сезонов, четырех стихий, четырех частей света и четырех возрастов состоят из основного зала и четырех примыкающих к нему небольших объемов (по одному на каждый из элементов аллегории). А планы парковых павильонов трех добродетелей, Св. Троицы и трех искусств, относящихся к архитектуре, имеют соответствующую трехчастную структуру. См.: [Jean-François de Neufforge], *Supplement Au Recueil Elémentaire D'Architecture Contenant Plusiers Etudes des ordres d'Architecture d'après l'Opinion des Anciens et le Sentiment des Modernes*, vol. 1 (Paris: Chez l'auteur rue Saint Jacques au chariot d'or, 1780), XXXIX-XLII.

[52] К сожалению, сегодня кроме петергофского и царскосельского эрмитажей в России существует лишь один эрмитаж XVIII века в бывшей подмосковной усадьбе Шереметевых Кусково. Благодаря сохранившимся планам, изображениям и описаниям, мы можем с большей или меньшей точностью представить, как выглядели еще 7-8 аналогичных построек этого времени. Из них как минимум эрмитажи на Каменном острове, в Ораниенбуаме, в Гостилицах, в саду Фонтанного дома, в Кускове и в Царицыне были построены в форме андреевского креста. Примечательно, что подобная форма русских эрмитажей перекликается с принципом устройства первого известного в мировой истории светского "эрмитажа" – императорского "убежища" на вилле Адриана в Тиволи (118-34 гг). Так называемый "Морской театр" был построен на маленьком острове (45м. в диаметре), огражденном рвом с водой, перейти через который можно было по двум деревянным подъемным мостам. Миниатюрная вилла, с вестибюлем, столовой, библиотекой, термами, художественной галереей и двориком с фонтаном, была создана, чтобы император мог предаваться философским размышлениям в полном уединении от суетной придворной жизни. Наиболее характерной чертой ее архитектурного решения, к которому, как принято считать, приложил руку сам император, является то, что внешние стены и образованные ими внутренние покои имеют не прямые, а криволинейные очертания, а само здание в плане напоминает усеченный андреевский крест. Этот памятник привлек внимание после того, как в XVI веке архитектор Пирро Лигорио начал его раскопки и тех пор на протяжении трех столетий оставался актуальным источником вдохновения архитекторов, художников и антикваров.

ценившая в первое пятнадцатилетие своего царствования эрмитажные "затеи," уже не видела в них мемориального смысла.

В последней четверти XVIII века отношение к эрмитажам окончательно изменилось. Барочная роскошь и театральность эрмитажных обедов, очаровательных своей изобретательностью и призванных прежде всего поражать воображение, под влиянием идеалов Просвещения стали казаться чрезмерными. То есть буквально превосходящими меру новых законодателей эпохи – "разума и вкуса." Главным приоритетом "кухонной" механики отныне стала не зрелищность, а обеспечение *commodité*, того, что чуть позже в России назовут модным английским словечком "комфорт" (*comfort*), заимствованным вместе с самим понятием. Изменилась и культура великосветских застолий. На смену серебряной посуде и драгоценному убранству стола пришли хрупкие и громоздкие фарфоровые сервизы и сюрту де табли, демонстрация богатства которых была невозможна во время эрмитажных трапез. Но главное, модифицировался сам принцип сервировки. Теперь обеды и ужины накрывали не "подачами,"[53] а "переменами,"[54] чего эрмитажная механика не могла обеспечить в принципе. Приглашение к столу, разумеется, по-прежнему оставалось инструментом социальной идентификации. Однако элитарная "приватность" эрмитажей, чрезвычайно церемониальная, хлопотная и требующая совершить массу условностей для получения желаемого блюда, явно не годилась для интимных обедов в "дружеском кругу" единомышленников. Все эти обстоятельства и привели к окончательному упадку эрмитажной традиции, оставшейся в истории не только наиболее ярким проявлением моды на механические затеи, но и одним из оригинальнейших созданий русской культуры XVIII столетия.

---

[53] Обычай сервировать трапезу "подачами," заключался в том, что на стол ставили сразу все блюда, составлявшие один "*service*," то есть одну часть обеда. Н. В. Сиповская, *Фарфор в России XVIII века* (Москва: Пинакотека, 2008), 99-100. (N. V. Sipovskaia, *Farfor v Rossii XVIII veka* (Moscow: Pinakoteka, 2008), 99-100). Например, первая подача могла включать супы или иначе "потажи," антре – горячие и холодные пироги, политые соусом куски мяса, птицу в загущенном бульоне и студни, затем "ордёвры" - дополнительные блюда (в 19 веке, превратившиеся в закуски). Вторая – жаркое и антреме (овощи, блюда из яиц, холодные паштеты и пироги). Причем кульминацию этой части составляли не мясные блюда, а дикая или домашняя птица, поданная на роскошном блюде из серебра или золота, без какого-либо гарнира, лишь в собственном соку и масле. В барочной гастрономической иерархии, птица – это самый "знатный" вид пищи, поскольку стихия воздуха есть наивысшая из стихий. См.: Д. Ведерников, "Театр застолья," *Альманах "Earlymusic" XXIII-XXIV. Империя 1721-2021* (Санкт-Петербург: Фонд возрождения старинной музыки, 2021), 50-51. (D. Vedernikov, "Teatr zastol'ia," *Al'manakh "Earlymusic." XXIII-XXIV. Imperiia 1721-2021* (St. Petersburg: Fond vozrozhdenia starinnoy musyki, 2021), 50-51). Отдельно сервировался десерт. В каждой из "подач" могло быть до восьми разных кушаний. Перед каждой новой частью основные блюда убирались, а новые водружались на те же самые места, не меняя общего рисунка сервировки. Поэтому количество блюд в каждой подаче было одинаковым. Практика угощения "переменами" блюд вошла у нас в моду в последней трети XVIII века, а в середине 1810-х годов после Венского конгресса покорила Европу, в связи с модой на все русское. Ее суть заключалась в том, что "поднятые" с кухни блюда каждой части обеда сначала выставлялись на маленький столик – дрессуар или буфет, а затем каждым из них по очереди обносили трапезничающих и лишь после этого водружали на столе. См.: Сиповская, *Фарфор в России*, 100. (Sipovskaia, *Farfor v Rossii*, 100).

[54] Практика угощения "переменами" блюд вошла у нас в моду в последней трети XVIII века, а в середине 1810-х годов после Венского конгресса покорила Европу, в связи с модой на все русское. Ее суть заключалась в том, что "поднятые" с кухни блюда каждой части обеда сначала выставлялись на маленький столик – дрессуар или буфет, а затем каждым из них по очереди обносили трапезничающих и лишь после этого водружали на столе. См.: Сиповская, *Фарфор в России*, 100. (Sipovskaia, *Farfor v Rossii*, 100).

Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 61-81

Гравированный автопортрет и портрет гравера. К вопросу о самосознании и социальном статусе граверов в России второй половины XVIII века

Залина Тетермазова
Государственный исторический музей (Москва)

Self-Portrait Prints and Portraits of Printmakers: On the Social Status and Self-Image of Printmakers in Russia in the Second Half of the Eighteenth Century

Zalina Tetermazova
The State Historical Museum (Moscow)
zalinnas@list.ru

Abstract:
This paper examines the unique self-portrait prints which provide rich material for raising a number of previously overlooked questions related to Russian art in the age of Catherine the Great. It reveals why self-portrait prints were so rare in eighteenth-century Russia; what were the motives of those few printmakers who decided to turn to such an unpopular type of portrait at the time; what was the social position of printmakers; how they viewed themselves and their profession and what are the specifics of self-portraiture in printmaking in comparison with self-portraits in other media. As is shown in this work, the printed self-portrait allowed a printmaker to freely express himself in the way he wanted and also claimed a privileged social position for the depicted, reflecting the desire of the author-model to fit his image into the social hierarchy. The phenomenon was set somewhat apart from the official strategy for the development of Russian art in the eighteenth century, for it presumed a higher status for the artist as individual than was usual at the time, and anticipated, however unconsciously, the depths that would be discovered in artist's self-portraits in the era of romanticism.

Keywords:
Printmaking, portraiture, self-portrait, eighteenth-century Russian art, public consciousness, portrait painting, self-consciousness, social status of printmakers, self-image, printmaker

В современном мире, где человек, позирующий себе на камеру мобильного телефона — давно привычное явление, автопортрет как никогда актуален. Изображения художниками самих себя стали ценить и активно приобретать в Западной Европе, начиная с XVI века, хотя эпизодически такие изображения появлялись в значительно более раннее время. И этот интерес со временем стремительно возрастал. Британский историк искусства Джеймс Холл остроумно назвал эту разновидность портретного жанра магическим Пятым Элементом, первым среди равных из четырех традиционных жанров изобразительного искусства (исторического жанра, портрета, пейзажа и натюрморта), очевидно имея в виду, что в каждом из них в той или иной мере и форме присутствует отражение личности автора.[1]

[1] James Hall, *The Self-Portrait: A Cultural History* (London: Thames & Hudson, 2014), 8.

В России автопортреты были более поздним и поначалу более редким явлением, но они не менее важны для осмысления русской культуры. Посвятивший концепции русского автопортрета отдельное эссе Д. В. Сарабьянов констатировал необязательность присутствия автопортрета на некоторых этапах развития искусства в России (к таким этапам он относил и XVIII век), при этом заключая, что автопортрет — это счастливый случай, дающий повод для серьезных выводов о месте художника в жизни, о его роли в обществе, социальном самочувствии, о том, как понимала та или иная эпоха сущность и назначение искусства.[2]

В этом отношении, запечатление гравером собственного облика в гравюре — тот самый счастливый случай, а в контексте русского искусства XVIII века — вообще счастливая случайность, поскольку за все XVIII столетие известны только две работы в отечественной художественной практике, которые можно отнести к воплощению автопортрета в печатной графике, и которые были созданы в это время в России не иностранными мастерами: это собственный гравированный портрет Евграфа Петровича Чемесова (1737—1765) (Ил. 1),[3] оттиски которого находятся в ряде российских музейных собраний, и гравированный портрет Петра Антиповича Антипьева (1744 — до 1784) (офорт),[4] ни доска, ни оттиски которого не сохранились.[5]

---

[2] Д. В. Сарабьянов, *Русская живопись. Пробуждение памяти* (Москва: Искусствознание, 1998). (D. V. Sarab'ianov, *Russkaia zhivopis'. Probuzhdenie pamianti* (Moscow: Iskusstvoznanie, 1998).

[3] Д. А. Ровинский, *Подробный словарь русских гравированных портретов*, т. 3 (Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1888), 2109, № 1; Д. А. Ровинский, *Подробный словарь русских граверов XVI — XIX вв.* т. 2 (Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1895), 1126, № 3. (D. A. Rovinskii, *Podrobnyi slovar' russkikh gravirovannykh portretov*, t. 3 (St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1888), 2109 (№ 1); D. A. Rovinskii *Podrobnyi slovar' russkikh graverov XVI — XIX vv.*, t. 2 (St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1895), 1126 (№ 3)).

[4] Д. А. Ровинский видел этот портрет в Москве, в собрании полковника В. Поленова. См.: Д. А. Ровинский, *Подробный словарь русских гравированных портретов*, т. 1 (Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1886), 334; Д. А. Ровинский, *Подробный словарь русских граверов XVI — XIX вв.*, т. 1 (Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1895), 27. (D. A. Rovinskii, *Podrobnyi slovar' russkikh gravirovannykh portretov*, t. 1 (St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1886), 334; D. A. Rovinskii, *Podrobnyi slovar' russkikh graverov XVI — XIX vv.*, t. 1 (St. Petersburg: Tip. Imp. Akad. nauk, 1895), 27).

[5] К воплощению автопортрета в гравюре можно также отнести гравированный портрет Н. А. Львова, созданный вероятно А. Н. Олениным по автопортретному рисунку Львова (1787; бумага, мягкий лак; ГМИИ им. А. С. Пушкина). См.: Д. А. Ровинский, *Подробный словарь русских гравированных портретов*, т. 2, 1208; Ровинский, *Подробный словарь русских граверов XVI — XIX вв.*, т. 2, 602. [Rovinskii, *Podrobnyi slovar' russkikh gravirovannikh portretov*, 2, 1208; Rovinskii, *Podrobnyi slovar' russkikh graverov XVI — XIX vv.*, 2, 602). Однако в отличие от Чемесова и Антипьева, которые были профессиональными граверами (то есть зарабатывали на жизнь занятиями гравюрой), Львов был дилетантом, увлекавшимся архитектурой, химией, геологией и многими другими видами науки и искусства. Поэтому данный эстамп, несомненно, заслуживающий отдельного внимания, вынесен за пределы настоящей статьи, в центре внимания которой — изображения, созданные граверами-профессионалами.

Ил. 1. Е. П. Чемесов, по рисунку Ж. Л. де Велли. “Автопортрет” Е. П. Чемесова. Около 1763 — 1765 гг. Бумага верже; офорт, резец, сухая игла. 22,5 x 17,4 см (лист), 19,5 x 15,2 см (доска). Государственный исторический музей (Москва).[6]

Особенно интригует тот факт, что гравированный портрет Чемесова в свое время был отвергнут представителями самой авторитетной художественной институции страны. Увольняясь по собственному желанию из Академии художеств, Чемесов, один из самых талантливых русских граверов своего времени, на протяжении нескольких лет возглавлявший Гравировальный класс и воспитавший ряд ярких учеников, предложил Академии приобрести у него за двести пятьдесят рублей четырнадцать гравированных досок и по несколько эстампов с каждой из них. Месяц спустя, безуспешно ожидавший ответа и уязвленный затянувшимся молчанием мастер напомнил о своем предложении, заметив, что не считает “себе за великое оными досками и естампами Академию подарить.”[7] В ответ последовало распоряжение выдать Чемесову обозначенную сумму, но при этом отдать граверу доску с его портретом и оттиски с нее:

[6] По рамке медальона надпись: *Е. ЧЕМЕСОВЪ, ВЫРЕЗАНЪ ИМЪ САМИМЪ; А РИСОВАНЪ ЕГО ПРІЯТЕЛЕМЪ І. ДЕВЕЛЛІЕМЪ.* Под медальоном слева подпись: *I. de Velly del.* Под медальоном справа подпись: *E. Tchemesoff Scu.* Под изображением слева чернилами пером: *de Velly pinx:* Под изображением справа чернилами пером: *Tschemesoff excud:* На нижнем поле листа чернилами пером: *Elis Tschemesoff, Russe du Nation, Eleve de l’Academie des beaux arts à St Petersbourg, et qui en est Membre à present, il est grave ici lui même. C’est un des meilleurs graveurs qui je conoisse, et des plus gracieux. On a de lui une infinité d’excellents ouvrages. Il vit encore 1781.*

[7] Письмо Е. П. Чемесова к А. М. Салтыкову, 2 февраля 1765, Российский Государственный Исторический Архив (РГИА), Санкт-Петербург, Ф. 789, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 168, л. 22. (Pis’mo E. P. Chemesova k A. M. Saltykovu, 2 fevraliia 1765, Rossiiskii Gosudarstvennyi Istoricheskii Arkhiv (RGIA), St.

> Академия в разсуждении тех щедрот с каковыми великая Ея Покровительница установить благоволила, в вашем подарке никакой надобности не имеет, почему и определено вам выдать двести пятьдесят рублев, возвратя доску вашего портрета и с четырнадцатью эксемплярами с онаго, которыя денги и получить имеете от эконома, а доску и эстампы от господина адъюнкта Головачевскаго.[8]

Так завершалось письмо от 5 марта 1765 г. академику Чемесову от имени Совета Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге, подписанное конференц-секретарем Александром Михайловичем Салтыковым (1728—1782).[9]

Тот факт, что из всех предложенных работ в Академии сочли нужным вернуть граверу его портрет, наводит на мысль, что конференц-секретарь и члены академического Совета по какой-то причине стремились подчеркнуть этим жестом пренебрежительное отношение к данному произведению и/или изображенному на нем человеку.

Попытка разобраться в мотивах отказа членов Совета от портрета Чемесова, а также внимательное изучение двух единственных известных гравированных портретов русских граверов XVIII века уводят далеко за пределы счастливой случайности, какой, по сути, каждый из этих портретов и являлся в русской художественной ситуации того времени, побуждая решить ряд актуальных проблем, связанных с осмыслением феномена автопортрета в России, с изучением особенностей самосознания и социального статуса русских граверов. В данной статье эти уникальные эстампы рассмотрены в соотнесении с работами западноевропейских мастеров, автопортретами русских граверов в живописи и оригинальной графике, а также документальными свидетельствами современников. Это позволило яснее выявить причины крайней редкости автопортрета в России XVIII столетия и специфику воплощения портретного образа в гравюре в сравнении с другими видами искусства. Как показано в настоящей работе, гравированный автопортрет являлся пространством свободы самовыражения, в котором мастер был независим от влияния заказчика, и в то же время мог продемонстрировать свое особое социальное положение и вписать свой образ в складывающуюся социальную иерархию. Он представлял собой побочное явление, отклоняющееся от официальной стратегии развития русского искусства XVIII века, но заключавшее в себе непривычное для того времени высокое представление о личности художника и предвосхитившее, пока еще как предчувствие, осознание в ней таких глубин, которые будут открыты уже в эпоху романтизма.

Petersburg, f. 789, op. 1, ch. 1, ed. khr. 168, l. 22). Цит. по: К. В. Малиновский, *Евграф Петрович Чемесов* (Санкт-Петербург: Крига, 2006), 108. (K. V. Malinovskii, *Evgraf Petrovich Chemesov* (St. Petersburg: Kriga, 2006), 108).

[8] Подробнее об увольнении Е. П. Чемесова и его переписке с А. М. Салтыковым см.: Малиновский, *Евграф Петрович Чемесов*, 106-110. (Malinovskii, *Evgraf Petrovich Chemesov*, 106-110).

[9] Письмо А. М. Салтыкова к Е. П. Чемесову, 5 марта 1765, РГИА, Ф. 789, оп. 1, ч. 1, ед. хр. 168, л. 24 об. (Pis'mo A. M. Saltykova k E. P. Chemesov, 5 marta 1765, RGIA, f. 789, op. 1, ch. 1, ed. khr. 168, l. 24 ob.). Цит. по: Малиновский, *Евграф Петрович Чемесов*, 110. (Malinovskii, *Evgraf Petrovich Chemesov*, 110).

Одна из проблем, с которыми я столкнулась, обратившись к портретам Чемесова и Антипьева, связана с необходимостью прояснить, является ли каждый из этих эстампов автопортретом в полном смысле слова. В XVIII веке термина автопортрет ни в русском, ни в других европейских языках еще не существовало: первое упоминание на английском (*self-portrait*) относится только к 1831 году.[10] Кроме того, общепринятое определение понятия "автопортрет" — изображение художником самого себя при помощи зеркального отражения в живописи, рисунке, гравюре или скульптуре — применимо к данным работам с некоторыми оговорками.[11] Чемесов изобразил собственный облик, не напрямую ориентируясь на свое отражение в зеркале, а по рисунку, созданному другим художником, французским живописцем и рисовальщиком Жаном Луи де Велли [Jean Louis de Velly] (1730—1804), который жил в России с 1754 г. и в 1759 — 1760 гг. преподавал в Академии художеств. В надписи по медальону на обрамлении гравюры упомянуто, что портрет "РИСОВАНЪ ЕГО ПРІЯТЕЛЕМЪ І. ДЕВЕЛЛІЕМЪ." Характерно, что Д. А. Ровинский, автор фундаментальных трудов по истории русской гравюры, не использовал термин "автопортрет" по отношению к данному эстампу, определяя его как "портрет самого Чемесова"[12] и "Евграф Петрович Чемесов; его собственный офорт."[13] Несмотря на двойственное положение гравированного портрета Чемесова в контексте традиционного представления об автопортрете, в научной и популярной литературе и в каталогах музейных собраний его принято относить именно к этой разновидности портретного жанра.[14] Столь же двойственную позицию занимает и гравированный портрет Антипьева, который, как мы знаем из описания Ровинского, был создан мастером по рисунку А. Соболева (Ровинский обозначает его как "Антипьев, его собственный портрет").[15] Хотя оба эти портрета не являются автопортретами в традиционном смысле этого слова, автопортретная составляющая в них присутствует, и как случаи обращения граверов к увековечиванию собственного образа эти эстампы могут быть рассмотрены в рамках общей проблематики автопортретных изображений, создание которых предполагало высокий уровень самосознания авторов и осознание ими социальной ценности своей личности.

---

[10] Hall, *The Self-Portrait*, 151.

[11] См., например: *ГАХН. Словарь художественных терминов. 1923 — 1929*, сост. И. М. Чубарова (Москва: Логос-Альтера, Ecce Homo, 2005), 10-11. (*GAKhN. Slovar' khudozhestvennykh terminov. 1923 — 1929*, sost. I. M. Chubarova (Moscow: Logos-Al'tera, Ecce Homo, 2005), 10-11).

[12] Д. А. Ровинский, *Русский гравер Чемесов: гелиографические копии с его произведений, сделанные по способу г. Скамони* (Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1878), 10. (D. A. Rovinskii, *Russkii graver Chemesov: geliograficheskie kopii s ego proizvedenii, sdelannye po sposobu g. Skamoni* (St. Petersburg: Ekspeditsiia zagotovleniia gosudarstvennykh bumag, 1878), 10).

[13] Ровинский, *Подробный словарь русских граверов XVI — XIX вв.*, т. 2, 119. (Rovinskii, *Podrobnyi slovar' russkikh graverov XVI — XIX vv.*, 2, 119).

[14] См., например: И. Лазаревский, *Евграф Петрович Чемесов* (Москва—Ленинград: Искусство, 1948), 20; Малиновский, *Евграф Петрович Чемесов*, 87-90; С. В. Морозова, *Портрет в русской гравюре XVIII века. Из собрания Государственного исторического музея: аннотированный альбом-каталог* (Москва: Государственный исторический музей, 2010), 448-449, № 214. (I. Lazarevskii, *Evgraf Petrovich Chemesov* (Moscow—Leningrad: Iskusstvo, 1948), 20; Malinovskii, *Evgraf Petrovich Chemesov*, 87-90; S. V. Morozova, *Portret v russkoĭ graviure XVIII veka. Iz sobraniia Gosudarstvennogo istoricheskogo* muzeia: annotirovannyi *al'bom-katalog* (Moscow: Gosudarstvennyĭ istoricheskii muzei, 2010), 448-449 (№ 214)).

[15] См. примеч. 4.

Прежде исследователи не раз обращали внимание на редкость автопортрета в отечественном искусстве раннего Нового времени, когда “автопортрет мог либо существовать как нечто исключительное, […] либо решаться в традициях ‘обычного’ портрета,”[16] поскольку “общество к авторству не совсем готово”[17] и еще не сложился тип независимого свободно мыслящего художника. Это заметно отличалось от ситуации в странах Западной Европы, где художники пользовались сравнительно большей свободой, обладали более высоким социальным статусом и имели более высокий доход, чем их коллеги в России. Известно, что французские, итальянские, немецкие и британские мастера, приглашенные в Санкт-Петербург, получали там более высокое жалованье, чем русские художники. Западноевропейская галерея автопортретов и портретов живописцев, скульпторов и граверов в печатной графике довольно обширна.[18] Для иностранных граверов, приезжавших в XVIII веке в Санкт-Петербург, автопортретные эстампы были привычным явлением. Например, в Германии они были известны уже с конца XV века, начиная с портрета немецкого ювелира и гравера Исраэля ван Мекенема Младшего [Israhel van Meckenem der Jüngere] (ок. 1440/1445—1503), запечатлевшего себя с женой Идой в технике резцовой гравюры на меди около 1490 г.[19] Характерно, что после прибытия в столицу Российской империи немецкого гравера Георга Фридриха Шмидта [Georg Friedrich Schmidt] (1712—1775) одной из первых работ мастера в Санкт-Петербурге был именно гравированный автопортрет (Ил. 3).

Зачем и для кого граверу создавать в гравюре свой автопортрет? Нам не известны документальные свидетельства об обстоятельствах заказа, как и вообще о наличии фигуры заказчика, в случае с изображениями Чемесова и Антипьева. На протяжении всей истории европейского искусства автопортреты (в какой бы технике они ни были исполнены) редко создавали на заказ. Самое заметное исключение — основанная кардиналом Леопольдо Медичи [Leopoldo de Medici] (1617—1675) коллекция автопортретов флорентийской галереи Уффици [*Galleria degli Uffizi*], ряд произведений которой были специально написаны художниками для этого знаменитого собрания. В 1784 г. залы с автопортретами в Уффици впечатлили известного русского драматурга Дениса Ивановича Фонвизина (1745—1792), с восхищением замечавшего в своем письме к матушке: “Вообще сказать, флорентинская галлерея в некотором смысле безпримерна […] За великую редкость почитаются в ней две комнаты, наполненныя портретами

[16] О. С. Евангулова, А. А. Карев, *Портретная живопись в России второй половины XVIII в.* (Москва: Изд-во МГУ, 1994), 73. (O. S. Evangulova, A. A. Karev, *Portretnaia zhivopis’ v Rossii vtoroi poloviny XVIII v.* (Moscow: Izd-vo MGU, 1994), 73).

[17] Г. В. Вдовин, *Персона, индивидуальность, личность: опыт самопознания в искусстве русского портрета XVIII века* (Москва: Прогресс-Традиция, 2005), 128—129 (G. V. Vdovin, *Persona, individual'nost', lichnost': opyt samopoznaniiâ` v iskusstve russkogo portreta XVIII veka* (Moscow: Progress-Traditsiia, 2005), 128-129).

[18] См.: *Fecit ad vivum. Портреты художников в западноевропейской гравюре XVI—XVIII веков: каталог выставки*, сост. Н. К. Масюлионите (Санкт-Петербург: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009). (*Fecit ad vivum. Portrety khudozhnikov v zapadnoevropeĭskoĭ graviure XVI—XVIII vekov: katalog vystavki,* sost. N. K. Masiulionite (St. Petersburg: Izd-vo Gos. Ėrmitazha, 2009)).

[19] См. изображение: Israhel van Meckenem, “Double Portrait of Israhel van Meckenem and His Wife Ida, circa 1490,” engraving, The British Museum (BM), London, accessed November 26, 2023, https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_E-1-94.

великих живописцев, писанными собственною их кистью. Каждый мастер, сам свой портрет написав, присылал в галлерею. Сие вошло в обычай и до днесь продолжается."[20] Характерно, что в данном коротком пассаже, поясняя "великую редкость" увиденного, Фонвизин дважды акцентирует внимание на том, что речь идет не просто о портретах живописцев, но именно об автопортретах ("писанными собственною их кистью," "сам свой портрет написав"). Так в глазах просвещенного русского зрителя факт непосредственного участия художника в создании своего изображения наделял последнее особенной ценностью. Столь эмоциональная реакция Фонвизина на автопортреты, какая вряд ли могла возникнуть у его западноевропейского современника, отражает русскую художественную ситуацию того времени, для которой изображения художниками самих себя еще были редкостью.

В этом контексте надпись, выгравированная Чемесовым на самом заметном месте в своем автопортрете, прочитывается как дерзкая попытка автора гравюры заявить о себе и в то же время — как отражение его почти детской радости (как у Фонвизина), вызванной самим фактом объединения автора и модели портрета в одном лице: по рамке медальона, где принято было давать информацию об изображенном и его заслугах, он поместил крупными буквами "Е. ЧЕМЕСОВЪ, ВЫРЕЗАНЪ ИМЪ САМИМЪ… ," подчеркивая свое присутствие в работе не только через портретный образ, но и через его исполнение.

Начиная с известного "Автопортрета с женой" Андрея Матвеева (1701—1739) (около 1729; холст, масло; Государственный Русский музей, Санкт-Петербург),[21] немногие русские художники в XVIII веке обращались к изображению собственного облика. Причины малого присутствия автопортрета в русском искусстве принято связывать с социальными обстоятельствами и особенностями мировоззрения художников. Одна из важнейших причин — невысокое положение мастеров искусства в общественной системе, вследствие чего русские художники не чувствовали права заниматься собой. Еще не завершившийся процесс самоосознания личности в России XVIII века способствовал преобладанию общетипологического начала над частно-индивидуальным, поэтому русский художник еще не ощутил красоты частной жизни и не имел развитых представлений об индивидуальности.[22]

Соглашаясь с этой точкой зрения, заметим, что в целом статус мастеров искусства в художественной ситуации России на протяжении XVIII века постепенно возрастал. В соответствии с "Привилегией и Уставом Императорской Академии Трех Знатнейших Художеств, Живописи, Скульптуры и Архитектуры с Воспитательным при оной Академии Училищем в Санкт-Петербурге 1764 года," отличившихся хорошим поведением и успехами в "художествах и мастерствах" и

[20] *Сочинения Д. И. Фонвизина. Полное собрание оригинальных произведений. С кратким биографическим очерком и портретом автора, гравированным на стали Ф. А. Брокгаузом в Лейпциге* (Санкт-Петербург: Издание А. Ф. Маркса, 1893), 383. (*Sochineniia D. I. Fonvizina. Polnoe sobranie original'nykh proizvedenii. S kratkim biograficheskim ocherkom i portretom avtora, gravirovannym na stali F. A. Brokgauzom v Leiptsige* (St. Petersburg: Izdanie A. F. Marksa, 1893), 383).

[21] См. изображение: А. М. Матвеев, "Автопортрет с женой, около 1729," холст, масло, Государственный Русский музей (ГРМ), Санкт-Петербург, дата обращения 29.11.2023. (A. M. Matveev, "Avtoportret s zhenoi" (1729), oil on canvas, *Virtual'nyi Russkii muzei*, accessed December 17, 2023, https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/18_19/zh_4913/index.php.

[22] См: Сарабьянов, *Русская живопись*. (Sarab'ianov, *Russkaia zhivopis'*).

получивших аттестаты жаловали и утверждали с их детьми и потомками быть совершенно свободными и вольными, их нельзя было принуждать ни к военной, ни к штатской службе без согласия. Более того, этих художников, мастеров, их детей и потомков запрещалось записывать в крепостные. Даже если такой человек добровольно записался крепостным или женился на крепостной девушке или вдове, то и это не могло ввести его в крепостную зависимость, наоборот — вступившая с ним в брак и рожденные от них дети становились вольными. Таким образом, овладение “свободным художеством” открывало возможность обрести более высокое социальное положение для одаренных художественными способностями молодых людей, происходивших, например, из семей солдат или крепостных крестьян.[23] Хотя с основанием в Санкт-Петербурге Императорской Академии художеств гравюру не перечисляли в числе знатнейших, искусство гравирования преподавали там с первых лет, лучшие ученики Гравировального класса имели право на пенсионерские поездки за границу наравне с воспитанниками других классов, и сами граверы могли становиться академиками. Это имело большое значение для формирования самосознания и повышения социального статуса граверов. Достигнув высокого уровня мастерства и признания, они могли рассчитывать на то, чтобы их воспринимали не только как ремесленников, но как мэтров, чьи успехи в искусстве способствовали развитию отечественной культуры.

Однако в соотношении статуса граверов и живописцев были свои нюансы. В начале 1765 г. в иерархической системе Академии художеств произошли перемены, в результате которых искусство гравюры заняло более низкое положение, чем живопись, скульптура и архитектура. И Чемесов очень остро воспринял эти нововведения. Карьера мастера развивалась стремительно и успешно. С 1759 г. он учился у немецкого гравера Шмидта, руководившего Гравировальным классом в санкт-петербургской Академии художеств. Уже в 1762 г., после ухода Шмидта с этой должности, молодой русский гравер, которому на тот момент было всего лишь двадцать четыре года, стал его преемником. Возглавив класс гравирования, Чемесов проявил себя не только как выдающийся мастер резца и офорта, но и как талантливый наставник и руководитель. Между тем, 1 января 1765 г. вступил в силу новый Регламент Академии, в соответствии с которым Гравировальный класс был отнесен к числу вспомогательных, за руководителем этого класса был закреплен более низкий статус, чем за руководителями классов живописи, скульптуры и архитектуры, и почти в два раза уменьшался его оклад. Это не могло не быть оскорбительным для Чемесова, к тому времени уже достигшего бóльших карьерных высот, чем это предлагалось в соответствии с новыми установлениями для мастера его квалификации. Наряду с ухудшением состояния здоровья гравера, нежелание примириться с таким положением дел очевидно и стало причиной его ухода из Академии. В августе того же года Чемесов скончался.

Исключительными для России того времени были и его карьерный путь, и профессиональные амбиции, а решение (кем бы оно ни было подсказано)

[23] См.: С. Н. Кондаков, *Юбилейный справочник имп. Академии художеств 1764—1914,* ч. 1 (Санкт-Петербург: Академия Художеств, 1914), 153. (S. N. Kondakov, *Iubileinyi spravochnik imp. Akademii khudozhestv 1764—1914*, ch. 1 (St. Petersburg: Akademiia Khudozhestv, 1914), 153).

запечатлеть свой образ в гравюре могло быть воспринято как особая дерзость и более амбициозный поступок, чем создание своего портрета в живописи или рисунке. Как справедливо заметили в 1977 г. организаторы первой выставки русского и советского автопортрета, состоявшейся в Третьяковской галерее в Москве, автопортреты художников вообще носят более частный характер, чем другие разновидности портретного жанра, и противостоят официальной линии светского репрезентативного портрета.[24] Созданные по собственному желанию художников, не на заказ, автопортреты в живописи и оригинальной графике были способом самопознания, свидетельством возраставшего внимания авторов к своей индивидуальности и оставались в большинстве случаев частным делом.

В отличие от других видов изобразительного искусства, обращение к автопортрету в гравюре, в силу ее технологической специфики и особенностей российской художественной практики в XVIII веке предполагало очень специальные мотивы. Ведь ни офорт, в котором, по свидетельству Д. А. Ровинского, был исполнен автопортрет Антипьева, ни смешанная техника гравюры офортом, резцом и сухой иглой в автопортрете Чемесова не давали мастеру таких быстроты в исполнении и свободы самовыражения, как оригинальная графика и даже живопись. Трудоемкий процесс создания изображения на медной доске; постоянный самоконтроль при помощи зеркала (для того, чтобы иметь в виду, каким будет впоследствии отпечаток, зеркальный по отношению к рисунку на доске); аккуратное нанесение краски на доску и непростая работа над печатью оттисков — прежде чем решиться на все эти манипуляции, у мастера должна была быть особая мотивация создать автопортрет именно в этом виде искусства.

Очевидно, что Чемесова и Антипьева должна была привлекать способность гравюры тиражировать образ во множестве экземпляров, возвещавших широкому кругу лиц о социальной значимости изображенного и о его достижениях и тем самым прославить его имя. Создавая гравированный автопортрет, мастер выходил за рамки приватного, притязая на максимально возможную в то время открытость образованной публике. Однако создание и печать гравюр были возможны тогда в России почти исключительно под контролем государства.

Если в странах Западной Европы гравирование, как и книгопечатание, с момента своего возникновения находилось в руках частных предпринимателей, то в России оно изначально было делом по преимуществу государственным.[25] Насколько существенное политическое значение могли иметь гравированные портреты, осознавали здесь уже в конце XVII века.[26] Присущие гравюре особые

---

[24] *Автопортрет в русском и советском искусстве. Каталог выставки. Государственная Третьяковская галерея* (Москва: Советский художник, 1977), 3. (*Avtoportret v russkom i sovetskom iskusstve. Katalog vystavki. Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia*, 3 (Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1977), 3).

[25] О возникновении гравюры в России и ее развитии в первой четверти XVIII века см.: М. А. Алексеева, *Гравюра петровского времени* (Ленинград: Искусство, 1990). (M. A. Alekseeva, *Graviura petrovskogo vremeni* (Leningrad: Iskusstvo, 1990)).

[26] Например, гравированные в России и за границей изображения царевны Софьи служили вескими уликами при обвинении в 1689 г. фаворита Софьи Федора Шакловитого (середина 1640-х — 1689) и его единомышленников, ибо, будучи отпечатанными во множестве экземпляров, должны были легитимировать и прославить образ царевны на родине и за рубежом. На допросе сторонник Шакловитого Семен Медведев (1641—1691) сообщал: “И сказал он Федка про те листы:

возможности тиражирования открывали широкие перспективы ее использования для распространения информации и формирования общественного мнения. Поэтому закономерно, что в абсолютистском государстве, каким являлась в XVIII веке Российская империя, процесс трансляции портретных образов в эстампах регулировали государственные институции. В петровское время гравюры создавали в Оружейной палате Московского Кремля, на Московском печатном дворе и в Санкт-Петербургской типографии, с 1724 г. — в Академии наук, а с 1757 г. — в Академии художеств. Более того, за исключением лубочных изображений, листы, исполнявшиеся вне государственных гравировальных мастерских, в той или иной степени были с ними связаны. Например, эстампы, которые печатали с 1759 г. на фабрике московского купца Михаила Артемьева (1724—1773), были гравированы под смотрением или собственноручно Иоганном Штенглином [Johann Stenglin] (1715/17— после 1776) — гравером из Аугсбурга, приглашенным одним из первых в России знатоков и собирателей гравюры Якобом Штелиным [Jacob von Stählin (Staehlin)] (1709—1785) в санкт-петербургскую Академию наук.[27]

Интересно, что среди разнообразной портретной продукции в сфере русской печатной графики XVIII века нет портретов граверов, но есть именно их “автопортреты.” Если считать, что тиражирование образа художника в гравюре не входило в ряд приоритетных направлений с государственной точки зрения, то оно могло произойти либо по инициативе самого автора, либо по просьбе/заказу близкого человека или ценителя его искусства.

Был ли автопортрет Чемесова исполнен по собственному побуждению или по просьбе или заказу частного лица? Нам известны некоторые гравированные портреты, созданные в России XVIII века не по инициативе государственных институций, а по частным заказам. Однако в то время факт личного участия индивидуальных заказчиков в издании гравюры, как правило, обозначали в гравированной надписи под изображением. Например, так было в гравированном Дмитрием Герасимовичем Герасимовым (1737/39—1784) портрете Богдана Егоровича Ельчанинова (1771; офорт, резец), изданном другом изображенного — драматургом и переводчиком Владимиром Игнатьевичем Лукиным (1737—1794), о чем свидетельствует текст в нижней части листа: “Издан Ево другом Кабинета Секретарем Владимером Лукиным.”[28] На автопортретном эстампе Чемесова

те де листы печатаны за морем его, Федкиным, промыслом, чтоб ей великой государыне слава и за морем была. По листам де, которые печатаны в орлах на его Федкине дворе, слава в Московском государстве.” См.: “Распрос Семену Медведеву. Сентября 30, Дело розыскное и статейной список, за пометами думных дьяков, о вершенье воров и изменников, Федки Шакловитова единомышленников, Микитки Гладкова, Сенки Медведева, что был старец Селиверстко, и о ссылке в Сибирь Стенки Евдокимова с товарыщи. Начато 5-го Сентября и кончено 5-го Октября 1689 года в государевом объезде, в Троицко-Сергиевском монастыре, в розыскном шатре,” цит. по: *Розыскныя дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Издание археографической комиссии*, т. 1 (Санкт-Петербург: Типография Товаричества “Общественная польза,” 1884) 597. (*Rozysknyia dela o Fedore Shaklovitom i ego soobshchnikakh*, *Izdanie arkheograficheskoi komissii*, t. 1 (St. Petersburg: Tipografiia Tovarichestva “Obshchestvennaia pol′za,” 1884), 597).

[27] Ровинский, *Подробный словарь русских граверов XVI — XIX вв.*, т. 1, 29. (Rovinskii, *Podrobnyi slovar’ russkikh graverov XVI — XIX vv.*, t. 1, 29).

[28] См. изображение: Д. Г. Герасимов, “Портрет Б. Е. Ельчанинова, 1771,” офорт, резец, Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (ГМИИ), Москва, Гравюра в России XVIII — первой половины XIX столетия, дата обращения 29.11.2023. (D. G. Gerasimov, “Portret B. E. El'chaninova 1771,” Gosudarstvennyi muzei izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S.

подобной надписи нет, хотя любителей и почитателей его искусства при жизни мастера было немало.

Особенно высоко современники ценили рисунки Чемесова, сделанные тушью и пером (к сожалению, сегодня известные лишь по описаниям),[29] и в 1761 г. на страницах московского журнала *Полезное увеселение* можно было прочесть восторженные стихотворные строки, посвященные выдающемуся художнику:

Когда на Шмитову работу я взираю,
Великим в том его искусстве поставляю,
Но как я зрю пера досужество при том,
Чего ты, Чемезов, достиг своим трудом,
То более еще тебя я почитаю,
И с грабштихом пера искусство не сравняю.[30]

Автор стихотворения с воодушевлением говорит о превосходстве рисунков Чемесова над блестящими по технике эстампами его учителя — знаменитого немецкого гравера Шмидта, на протяжении пяти лет, с 1757 г. преподававшего в Санкт-Петербурге в Академии наук и в Академии художеств.

Слава Чемесова продолжалась и после смерти мастера. В 1779 г. его профессиональными достижениями и человеческими качествами восхищался поэт Гавриил Романович Державин (1743—1816):

Рачитель Чемесов художеств был свободных,
Художник первый он из россов благородных.
Приятности души и сердца он являл,
О добродетели! Он вас изображал.[31]

Несмотря на очень недолгую жизнь мастера, вклад Чемесова в развитие гравирования в России и собственным своим творчеством, и организацией работы в Гравировальном классе Академии художеств, и педагогической

Pushkina (GMII), accessed November 29, 2023, http://www.russianprints.ru/printmakers/g/gerasimov_dmitriy/portret_elchaninova.shtml.

[29] Перьевые рисунки Чемесова не сохранились. Однако в собрании Третьяковской галереи хранятся два рисунка мастера, выполненные в других графических техниках. Один из них — портрет Екатерины II в трауре (1762, бумага, серебряный карандаш, 15,5 x 12,5 см) — по мнению А. А. Сидорова, был выполнен в расчете на гравирование. См.: *Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Рисунок XVIII—XX веков*, т. 1 (Москва: Красная площадь, 1996), 199, (№ 265). (*Gosudarstvennaia Tret'iakovskaia galereia. Katalog sobraniia. Risunok XVIII—XX vekov*, t. 1 (Moscow: Krasnaia ploshchad', 1996), 199 (no. 265)). Другой — портрет императрицы Елизаветы Петровны (1761—1762, бумага, пастель, итальянский карандаш, 35 x 28 см) — приписывается Чемесову на основе надписи на обратной стороне рисунка: "*Originalzeichnung des russischen Stechers Tschemesoff zu dem bekannten Stiche 'Die Kaiserin Elisabeth' das er unter Schmidts Leitung*." (Оригинальный рисунок русского гравера Чемесова к известной гравюре "Императрица Елизавета," который он [исполнил] под руководством Шмидта). См.: Малиновский, *Евграф Петрович Чемесов*, 62. (Malinovskii, *Evgraf Petrovich Chemesov*, 62).

[30] "Господину Чемезову, искусному рисовальщику пером," *Полезное увеселение*, т. 3, разд. 9, № 5 (февраль, 1761), 46. ("Gospodinu Chemesovu, iskusnomu risoval'shchiku perom," *Poleznoie uveselenie*, t. 3, razd. 9, no. 5 (February 1761), 46).

[31] *Санктпетербургский вестник*, ч. 3 (1779), 114. (*Sanktpeterburgskii vestnik*, ch. 3 (1779), 114).

деятельностью, действительно был значительным, что признавали вслед за Державиным и исследователи русской гравюры этого периода.

По-видимому, Чемесова высоко ценили и любители гравюры того времени. В собрании Государственного исторического музея сохранился оттиск автопортрета Чемесова, уникальный тем, что на нем есть рукописная надпись, сделанная орешковыми чернилами пером на французском языке: “*Elis Tschemesoff, Russe du Nation, Eleve de l’Academie des beaux arts à S*[t] *Petersbourg, et qui en est Membre à present, il est grave ici lui même. C’est un des meilleurs graveurs qui je connoisse, et des plus gracieux. On a de lui une infinité d’excellents ouvrages. Il vit encore 1781*.” (“Евграф Чемесов, русский по национальности, воспитанник Академии изящных искусств в Санкт-Петербурге, а в настоящее время являющийся ее членом, здесь он сам себя награвировал. Это один из лучших известных мне граверов, и один из наиболее изящных. У нас есть бесконечное множество его превосходных произведений. Он все еще жив 1781.”) Ошибочное в некоторых фактах, поскольку Чемесов умер в 1765 г. и не создал “бесконечное множество” работ (хотя, быть может, владелец данного оттиска помимо гравюр хранил у себя много рисунков Чемесова), это свидетельство по ряду особенностей можно считать оценкой любителя, а возможно и знатока гравюр. На это указывают и фраза о национальности художника в начале рукописной заметки, как было принято в словарях и справочниках по гравюре, и емкая информация о гравере, избранная писавшим, и то, что он в “правильных” местах вписал имена автора рисунка (под изображением слева) и гравера (под изображением справа), следуя эмблематическому в своей основе принципу распределения текстов и изображений в гравированном портрете того времени. Об иноземном пребывании писавшего свидетельствует тот факт, что он в 1781 г. считал Чемесова еще живым и работающим в Академии — ошибка, которую вряд ли совершил бы любитель или коллекционер эстампов, находившийся в столице Российской империи или близ нее. Автор надписи, очевидно, был одним из прежних владельцев этого оттиска, поступившего в музей в 1914 г. в составе коллекции А. А. Васильчикова. Его личность пока остается загадкой, но сведения, сообщенные им в этих нескольких рукописных строках, значительно дополняют наши знания о восприятии творческого наследия Чемесова.

Таким образом, не удивительно, что Чемесов, уже в молодом возрасте сделавший головокружительную карьеру в Академии художеств, воспетый современниками и потомками, высоко ценимый любителями эстампов, чувствовал полное право воплотить свой образ в гравюре. Идея создать гравированный портрет могла принадлежать Де Велли, создавшему профильный рисунок, с которого Чемесов исполнил гравюру. В то же время, интерес к автопортрету мог возникнуть у русского мастера и под влиянием учителя — признанного в Берлине и Париже гравера Шмидта.

До приезда в Санкт-Петербург Шмидт уже изображал себя в гравюре (Ил. 2). В гравированном автопортрете 1752 г. он представлен почти анфас, сидящим за столом, с рейсфедером в правой руке, которым создает на листе рисунок, внимательно глядя в сторону зрителя.

Ил. 2. Георг Фридрих Шмидт. Автопортрет. 1752. Бумага, офорт. 21,1 x 16,8 см (лист обрезан). Государственный исторический музей (Москва). Под изображением подпись: *G. F. Schmidt se ipse fec.*

Вскоре после прибытия в столицу Российской империи немецкий гравер создал еще один гравированный автопортрет (Ил. 3). В отличие от более раннего изображения, композиция этого эстампа сложнее. В нем мастер показал и свои профессиональные умения и ориентиры, и творческие увлечения, и некоторые биографические вехи своей жизни.

Ил. 3. Георг Фридрих Шмидт. Автопортрет. 1758. Бумага верже, офорт. 28,1 x 23 см (лист), 23,2 x 17,7 см (доска). Государственный исторический музей (Москва). Под изображением по центру: *George Friedrich Schmidt, se ipse fecit aqua forti Petropol 1758.*

Изображая себя сидящим за столом у окна в мастерской, погруженным в работу, в простой одежде с темной шляпой на голове, Шмидт вдохновлялся одним из автопортретов голландского художника и гравера Рембрандта Харменса ван Рейна [Rembrandt Harmenszoon van Rijn] (1606—1669) — “Рембрандт, рисующий у окна” (1648; офорт).[32] Увлекавшийся искусством Рембрандта и часто копировавший его офорты, немецкий гравер здесь проявил свое умение создать при помощи офортной иглы живой портретный образ. Однако, в отличие от упомянутого автопортрета голландца, композиция Шмидта выделяется своими деталями и иной расстановкой акцентов. Держа в правой руке рейсфедер над сложенными перед ним листами бумаги, он не смотрит прямо перед собой (хотя безусловно в процессе работы мастер смотрел на свое отражение в зеркале), а бросает внимательный взгляд в сторону и левой рукой указывает туда же, как если бы он в данный момент изображал не себя, а кого-то другого. В этой гравюре особенно привлекает способность Шмидта передать напряженный взгляд, присущий художникам во время работы. Характерно, что за окном, затянутым паутиной с висящим на ней паучком, открывается вид, который Шмидт мог созерцать только в России — пейзаж с избой и церковью с луковичным куполом и шатровой колокольней. Висящая слева на стене шпага — напоминание о военной службе в артиллерийском корпусе королевства Пруссия, где Шмидт прослужил шесть лет; изображенная слева от шпаги скрипка — указание на увлечение гравера музыкой; а стоящие спереди справа бутылка вина и бокал — намек на то, что изображенный был не чужд и простым земным удовольствиям. Все это легко коррелирует с характеристикой, данной Шмидту Штелиным, который в 1757 г. в письме к графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому (1728—1803) делился своим впечатлением от встречи с мастером, отмечая, что это мужчина здорового вида, с загорелым лицом, полными огня глазами, непринужденными манерами, твердый и солидный в речах и не педант в своем искусстве.[33]

Для Шмидта неоднократное обращение к созданию своих автопортретов в гравюре — связано не только с увлечением Рембрандтом (который ярко проявил себя в этой разновидности портретного жанра), но прежде всего с тем, что сам Шмидт был очень успешным и признанным в Европе гравером. Он учился в Берлине, несколько лет прожил во Франции, имел там большой успех, был принят в Королевскую Академию, затем стал придворным гравером прусского короля Фридриха II, а в 1757 г. был приглашен в Россию императрицей Елизаветой Петровной, и с согласия короля уехал в Санкт-Петербург на 5 лет. В этом контексте и в помещенной им на листе надписи “Petropol” (Петербург) можно

[32] См. изображение: Rembrandt van Rijn, “Self-Portrait Drawing at a Window” (1648), etching, The Metropolitan Museum of Art (MMoA), New York, accessed November 29, 2023, https://www.metmuseum.org/art/collection/search/369807.

[33] Я. Штелин к К. Г. Разумовскому, 21 сентября 1757 г., Российская Национальная Библиотека (РНБ), ф. 871, ед. хр. 238, л. 45. (Ia. Stelin k K. G. Razumovskomu, 21 sentiabria 1757 g., Rossiiskaia Natsional’naia Biblioteka (RNB), f. 871, ed. khr. 238, l. 45). Цит. по: К. В. Малиновский, ред., *Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России*, т. 1 (Москва: Искусство, 1990), 419. (K. V. Malinovskii, red., *Zapiski Iakoba Shtelina ob iziashchnykh iskusstvakh v Rossii*, t. 1 (Moscow: Iskusstvo, 1990), 419).

предполагать желание мастера подчеркнуть свою востребованность и в этой далекой стране.

Спустя три года после издания этой гравюры Шмидта, Чемесов написал свой живописный автопортрет (1761; холст, масло; Государственный Русский музей, Санкт-Петербург),[34] в котором он также обратился к типологии камерного портрета, представив себя, однако, без атрибутов, указывающих на профессиональную деятельность, но в процессе работы, внимательно глядящим на свое отражение.

В гравированном же автопортрете Чемесов представлен иначе. О задачах, которые гравер умышленно или неосознанно мог ставить перед собой, создавая это произведение, можно строить предположения, основываясь на художественных особенностях самой работы. В гравюре он показан в профиль, в изобразительном обрамлении в виде круглого медальона, подвешенного на банте на фоне каменной кладки — так же, как были представлены на гравированных им портретах столь высокопоставленные модели как генерал-фельдмаршал Б.-К. Миниха (1764; офорт, резец)[35] и граф Г. Г. Орлов (1764; офорт, резец, сухая игла),[36] оба (как и собственный портрет Чемесова) по рисункам Де Велли. По композиции эти гравюры относятся к "медальонному" типу портрета (когда портретное изображение дополняли изобразительным обрамление в виде круглого медальона), создателем которого был французский рисовальщик и гравер Шарль-Николя Кошен Младший [Charles Nicolas Cochin le fils] (1715—1790), с 1750-х гг. исполнивший более ста восьмидесяти подобных изображений.[37] Близкий подход в выборе формы самопрезентации мы видим и в автопортрете французского рисовальщика и гравера Пьера-Филиппа Шоффара [Pierre-Philippe Choffard] (1762; офорт, пунктир),[38] изобразившего себя в профиль в круглом медальоне, парящем в облаках среди цветочных гирлянд. Другой аналогичный пример, но уже не с оттенком рокайля, а в чисто классицистической форме — гравированный автопортрет еще одного французского современника Чемесова — живописца Жана-Батиста Грёза [Jean-Baptiste Greuze] (1725—1805), исполненный Жан-Жаком Флипаром [Jean-Jacques Flipart] (1719—1782) (Ил. 3) по графическому автопортрету художника. Лишенный дополнительных украшений в виде лент и бантов, тонко очерченный профильный образ художника заключен в овал, что

[34] См. изображение: Е. П. Чемесов, "Автопортрет, 1761," холст, масло, ГРМ, Виртуальный Русский музей, дата обращения 29.11.2023. (E. P. Chemesov, "Avtoportret" (1761), oil on canvas, *Virtual'nyi Russkii muzei*, accessed November 29, 2023, https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/17_19/zh-5450/index.php.

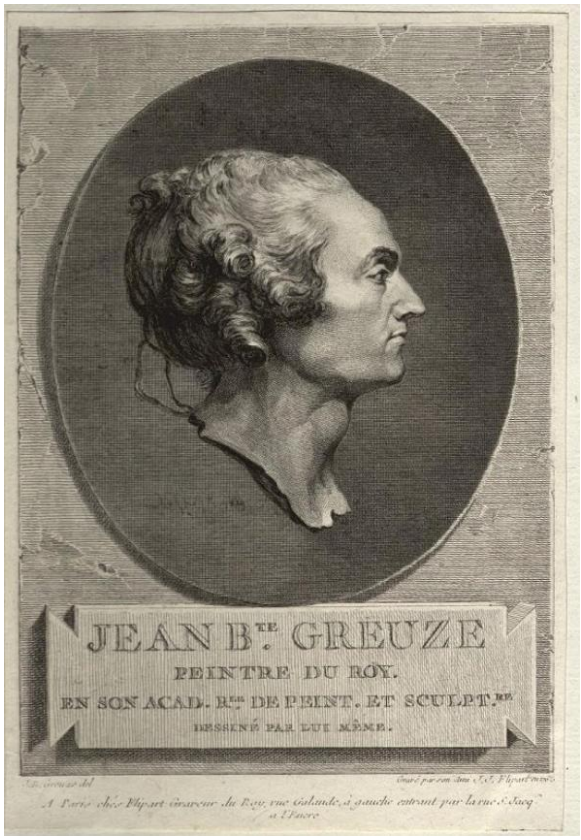
[35] См. изображение: Е. П. Чемесов, "Портрет Б.-К. Миниха, 1764," офорт, резец, ГМИИ, Гравюра в России XVIII — первой половины XIX столетия, дата обращения 29.11.2023. (E. P. Chemesov, "Portret B.-Kh. Minikha" (1764), etching, GMII, Graviura v Rossii XVIII-pervoi poloviny XIX stoletiia, GMII, accessed November 29, 2023, http://www.russianprints.ru/printmakers/ch/chemesov_evgraf/portret_muniha_3.shtml.

[36] См. изображение: Е. П. Чемесов, "Портрет Г. Г. Орлова, 1764," офорт, резец, сухая игла, ГМИИ, Гравюра в России XVIII — первой половины XIX столетия, дата обращения 29.11.2023. (E. P. Chemesov, "Portret G. G. Orlova" (1764), etching, GMII, Graviura v Rossii XVIII — pervoi poloviny XIX stoletiia, accessed November 29, 2023, http://www.russianprints.ru/printmakers/ch/chemesov_evgraf/portret_orlova2.shtml.

[37] T. H. Thomas, *French Portrait Engraving of the XVII and XVIII Centuries* (London: Bell, 1910), 139-142.

[38] См. изображение: Pierre Philippe Choffard, "Self-portrait," 1762," etching, MMoA, accessed November 29, 2023, https://www.metmuseum.org/art/collection/search/745970.

уподобляет изображение классическим геммам, пользовавшимся все большей популярностью в Европе.



Ил. 4. Жан-Жак Флипар, по рисунку Жана-Батиста Грёза. Портрет Жана-Батиста Грёза. 1763. Бумага; резец, офорт. 20 x 13,5 см (лист обрезан). Государственный исторический музей (Москва).[39]

Чемесову могли быть известны и гравированный автопортрет Шоффара, и гравированный автопортрет Грёза, или какие-то иные подобные портреты французских граверов и живописцев. Они создавали прецедент, демонстрируя допустимость презентации художником своего образа не только показывая себя погруженным в работу или с атрибутами ремесла, но в подобии антикизированной рельефной композиции, преобразовывавшей портрет в памятник мастера самому себе.[40] По-видимому, инициатива увековечить образ

[39] Под овалом на табличке надпись: *JEAN B^{TE}. GREUZE / PEINTERE DU ROY. / EN SON ACAD. R^{LES}. DE PEINT. ET SCULPT^{RE}. / DESSINÉ PAR LUI MÊME.* Под изображением слева подпись: *J. B. Greuze del.* Под изображением справа подпись: *Gravé par son ami J. J. Flipart en 1763.* На нижнем поле листа адрес: *A Paris chéz Flipart Graveur du Roy, rue Galande, à gauche entrant par la rue S. Jacq.*

[40] Столь же мемориальный характер имеет и профильный “автопортрет” британского гравера Джеймса Фиттлера [James Fittler] (1758—1835), исполненный им около 1795 г. в технике офорта, резца и пунктира по рисунку Эдварда Фрэнсиса Берни [Edward Francis Burney] (1760—1848) и служивший в качестве фронтисписа к изданию гравюр с картонов Рафаэля в королевском собрании. См. изображение: James Fittler, after Edward Francis Burney, “Portrait of James Fittler, circa 1795,” BM, accessed November 29, 2023, https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1867-0309-1507). Автор благодарит И. М. Марисину, указавшую на этот эстамп, который органично встраивается в ряд профильных автопортретов граверов по рисункам других художников.

Чемесова в такой форме, презентовавшей его (если смотреть на этот портрет в контексте творчества гравера) наравне с Минихом и Орловым, исходила от Де Велли. И Чемесов с готовностью воспринял эту идею. Являясь своего рода графическим монументом, этот первый опыт автопортрета в русской гравюре сегодня поражает неожиданной для России того времени дерзостью мастера, воплощая представление об особенном достоинстве художника.

Знаменательно, что эта концепция вскоре получила продолжение в гравированном автопортрете П. А. Антипьева, который, по свидетельству видевшего этот портрет Д. А. Ровинского, был изображен "на манер Чемесова" в профиль в медальоне.[41] В обоих случаях профильный разворот модели интригует и тем, что предполагает посредничество "другого." Увидеть себя в профиль довольно трудно, хотя и возможно, если использовать два зеркала, как, очевидно, поступил Грёз, рисуя свой автопортрет, впоследствии воспроизведенный в вышеупомянутой гравюре. Однако Чемесов и Антипьев доверились не зеркалам, а своим приятелям и коллегам — Де Велли и Соболеву.

Создание собственного изображения в гравюре на основе рисунка, сделанного другим автором, в данном случае актуализирует атмосферу творческого содружества и высокой степени взаимного доверия между представителями художественного сообщества, подобно тому, как это было, например, в Парижской Академии художеств.[42] При этом гравер здесь является одновременно и автором, и зрителем. Характерна и эстетическая двойственность, заметная в изображении Чемесова, сочетающем отстраненность с непосредственностью впечатления, которое возникает у людей в процессе общения. Этот портрет представляет молодого гравера с утонченным профилем, заостренными чертами лица, словно вырезанными из слоновой кости, и в то же время с полуоткрытыми губами и открытым взглядом, создающими эффект живого выражения.

Ноту грусти в композицию вносят сколы и трещины в изображении каменной кладки, на фоне которой висит медальон с портретом. Подобные эффекты руинированности часто встречаются в гравированных портретах второй половины XVIII века, подчеркивая их сходство с памятниками, воплощавшими достижения великих личностей прошлого, и намекая на то, что достижения изображенного надолго останутся в памяти потомков. Руины напоминали и о ветхости всего земного. Как замечал Дени Дидро [Denis Diderot] (1713—1784), "мысли, вызываемые … руинами, величественны. Все уничтожается, все гибнет, все проходит. Остается один лишь мир, длится одно лишь время."[43] Создавая этот потрет, Чемесов, которому на момент завершения эстампа не было и тридцати лет, как будто предчувствовал свой скорый уход.

С гравированным автопортретом Чемесова связана еще одна научная интрига. В собрании Государственного исторического музея сохранился

[41] Ровинский, *Подробный словарь русских гравированных портретов*, т. 1, 334. (Rovinskii, *Podrobnyi slovar' russkikh gravirovannikh portretov*, 1, 334).

[42] О портретах художников и теме дружбы и соперничества в стенах парижской Академии художеств см.: Hannah Williams, *Académie Royale: a History in Portraits* (London: Routledge Taylor & Francis Group, 2017), 220-233; Jessica L. Fripp, *Portraiture and Friendship in Enlightenment France* (Newark, DE: University of Delaware Press, 2020).

[43] Denis Diderot, "Salon de 1767," in *Œuvres complètes*, vol. 11 (Paris: Garnier, 1876), 229.

живописный портрет гравера (вторая половина XVIII века; холст, масло),[44] похожий общим абрисом модели на его изображение в гравюре, однако отличающийся от последней тем, что фигура на нем развернута в противоположную сторону и изображена по пояс. Этот портрет исследователи в разные годы или приписывали кисти Де Велли, считая его оригиналом для гравюры, или аргументированно предполагали принадлежащим кисти живописца Андрея Зяблова (?—1783), вероятно создавшего этот портрет по рисунку Де Велли.[45] Не вдаваясь в детали полемики, развернувшейся вокруг данного живописного полотна, заметим, что, на наш взгляд, последняя версия является наиболее обоснованной. Кем бы ни был таинственный автор этого портрета, сам факт появления в XVIII веке еще одного изображения прославленного гравера, присутствие этого портрета в дворянской усадьбе (в усадьбе Струйских Рузаевка) — пусть маленький, но еще один шаг к утверждению положения граверов в российском обществе того времени.

В пользу последнего утверждения свидетельствует и наличие гравированного автопортрета в творческом наследии такого мастера, как Антипьев.[46] Автору настоящей статьи, увы, не приходилось видеть оттисков автопортрета Антипьева, которые, по-видимому, не дошли до нашего времени. Учитывая малое количество данных о жизни и деятельности этого замечательного гравера, трудно судить о его самопредставлении и о мотивах, побудивших его воплотить свой образ в гравюре. Начинавший профессиональный путь в искусстве с копирования произведений Шмидта и Чемесова, Антипьев в вслед за ними пришел к тому, что воспроизвел в автопортрете ситуацию, впервые разыгранную Чемесовым, уподобившись талантливому предшественнику. Сын кузнеца Морского ведомства, работавший гравировальным подмастерьем при типографии Морского корпуса в Санкт-Петербурге и создавший ряд умело исполненных эстампов, Антипьев не достиг таких карьерных высот и не был так прославлен современниками, как Чемесов. Между тем, симптоматично, что и этот мастер считал себя достойным того, чтобы быть изображенным на гравированном портрете. Как и Чемесов, Антипьев ушел из жизни в молодом возрасте, не дожив до сорока лет.

Уже с середины XVIII века общественное положение граверов и уважение к профессии гравера в Европе были таковы, что в среде коллекционеров и знатоков искусства даже возник запрос на гравированные автопортреты и портреты граверов. Например, обладавший обширным собранием гравюр голштинский

---

[44] См. изображение: Малиновский, *Евграф Петрович Чемесов*, 91. (Malinovskii, *Evgraf Petrovich Chemesov*, 91).

[45] См.: Малиновский, *Евграф Петрович Чемесов*, 90. (Malinovskii, *Evgraf Petrovich Chemesov*, 90); А. Л. Вейнберг, “Чемесов и де Велли. К истории создания гравированного портрета Е. П. Чемесова,” *Русское искусство XVIII века. Материалы и исследования / Под ред. Т. В. Алексеевой* (Москва: Искусство, 1968), 183-193; К. В. Малиновский, *Евграф Петрович Чемесов* (Санкт-Петербург: Крига, 2006), 90. (A. L. Veinberg, “Chemesov i de Velli. K istorii sozdaniia gravirovannogo portreta E. P. Chemesova,” in *Russkoe iskusstvo XVIII veka. Materialy i issledovaniia*, pod. red. T. V. Alekseevoĭ (Moscow: Iskusstvo, 1968), 183-193).

[46] См. работы гравера: “Антипьев Петр Антипович,” Гравюра в России XVIII — первой половины XIX столетия, ГМИИ, дата обращения 29.11.2023. (“Antipiev Petr Antipievich,” Graviura v Rossii XVIII-pervoi poloviny XIX stoletiia, GMII, accessed November 29, 2023, http://www.russianprints.ru/printmakers/a/antipyev_petr/index.shtml.

дворянин Фридрих Вильгельм Берхгольц [Friedrich Wilhelm von Bergholtz] (1699—1765), в течение нескольких лет в детстве и юности живший в России, в письме к Штелину благодарил последнего за портрет "тамошнего искусного гравера господина Георга Фридриха Шмидта" и выражал надежду на то, что и другие граверы, а именно русский мастер Ефим Григорьевич Виноградов (1725/28—1769), и работавшие в России иностранцы Иоганн Штенглин, Христиан Альберт Вортман [Christian Albrecht Wortmann] (1680—1760),[47] и Иоганн Кристоф Тейхер [Johann Teucher] (1715—?), со временем решатся "гравировать друг друга на память потомству и тем самым умножить свою славу," а сам он (Берхгольц) сможет получить эти работы в свою коллекцию.[48]

Возвращаясь к проблеме самосознания и социального статуса профессиональных мастеров гравюры, хотелось бы обратить внимание на два графических автопортрета, созданных одним из крупнейших русских граверов — Гавриилом Ивановичем Скородумовым (1754—1792) в последней четверти XVIII века, после возвращения из затянувшейся пенсионерской поездки в Великобританию. В акварельном автопортрете (не ранее 1785; ГРМ)[49] он изобразил себя в полный рост, в кабинете гравюр Эрмитажа, в окружении эстампов, книг и инструментов гравировального мастерства. Этот портрет — яркое воплощение особого чувства профессионального достоинства, которое очевидно испытывал мастер, который достиг успеха и признания за рубежом, и, получив высокую должность, по приглашению императрицы прибыл в Россию. Здесь он, по-видимому, апеллирует к еще одному любителю автопортрета — британскому живописцу Сэру Джошуа Рейнолдсу [Joshua Reynolds, 1723-1792], президенту Королевской академии художеств — а именно к его автопортрету ок. 1780 г. из собрания Королевской академии художеств в Лондоне,[50] близкому картине Рембрандта "Аристотель перед бюстом Гомера" (1653, Музей Метрополитен, Нью-Йорк), где он представлен на пике славы (к этому времени Рейнольдс более десяти лет возглавлял Академию), стоящим перед бюстом Микеланджело.[51] Скородумов мог видеть и сам живописный автопортрет Рейнольдса, и оттиски гравюры с него, исполненной выдающимся мастером меццо-тинто Валентайном Грином (1780).[52]

---

[47] Х. А. Вортмана на момент написания письма уже не было в живых.

[48] Ф. В. Берхгольц к Я. Штелину, 8 июня 1761 г., цит. по: К. В. Малиновский, "Письма Ф.-В. Бергхольца к Я. Штелину о коллекционировании гравюр. К истории собрания гравюр Эрмитажа," в *Музей 7. Художественные собрания СССР* (Москва: Советский художник, 1987), 255. (K. V. Malinovskii, "Pis'ma F.-V. Bergholtsa k Ia. Shtelinu o kollektsionirovanii graviur. K istorii sobraniia graviur Ermitazha," in *Muzei 7. Khudozhestvennye sobraniia SSSR* (Moscow: Sovetskii khudozhnik, 1987), 255).

[49] См. изображение: Г. И. Скородумов, "Автопортрет, не ранее 1785," акварель, ГРМ, Госкаталог РФ, дата обращения 29.11.2023. (G. I. Skorodumov, "Avtoportret, ne ranee 1785," watercolor, GRM, Goskatalog, RF, accessed November 29, 2023, https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=591259.

[50] См. изображение: Sir Joshua Reynolds, "Self-portrait, circa 1780," The Royal Academy of Arts, London, accessed November 29, 2023, https://www.royalacademy.org.uk/art-artists/work-of-art/self-portrait-of-sir-joshua-reynolds-p-r-a.

[51] См. изображение: Rembrandt van Rijn, "Aristotle with a Bust of Homer, 1653," oil on canvas, MMoA, accessed November 29, 2023, https://www.metmuseum.org/art/collection/search/437394.

[52] См. изображение: Valentine Green, after Sir Joshua Reynolds, "Sir Joshua Reynolds, Knight" (1780), print after self-portrait, BM, accessed November 29, 2023, https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1902-1011-2356.

Написанный в первые годы после приезда в Санкт-Петербург акварельный автопортрет и созданный несколькими годами позже, незадолго до смерти, второй автопортретный рисунок (конец 1780-х — начало 1790-х; бумага, тушь, перо; Ярославский художественный музей)[53] с очевидной ясностью и тонким артистизмом отражают перемены, произошедшие в творческой судьбе Скородумова после его возвращения на родину.

В позднем автопортрете уверенность в собственных силах и большие ожидания мастера, только что назначенного гравером кабинета Ее Императорского Величества и хранителем гравюр Эрмитажа, сменились интонациями печали и разочарованности.[54] Скородумов словно ведет со зрителем интимный диалог. Он изображает себя крупным планом, характерным жестом прикрыв лицо правой рукой; этот жест и в целом этот образ вызывают ассоциации с одним из самых откровенных и тревожных по настроению автопортретов Альбрехта Дюрера [Albrecht Dürer] (1491—1492; бумага, тушь, перо; Германия, библиотека университета Эрланген)[55] — но меланхолии во взгляде парадоксально противоречит насмешливо-ироничная улыбка. Едва намеченный стремительными росчерками пера пейзажный фон, в это время еще не характерный для русского портретного искусства, воскрешает в памяти портретные образы современника Скородумова — британского живописца и гравера Томаса Гейнсборо [Thomas Gainsborough] (1727—1788). Таким образом, этот автопортрет можно интерпретировать как своего рода визуальную автобиографию художника, вспоминавшего о годах, проведенных в Англии. Вариации меланхолических жестов и поз, как воплощение напряженных размышлений о роли человека-творца, его способности к само- и миропознанию, восходящие к “Меланхолии I” Дюрера (1514; резец) —[56] часто можно встретить в британском искусстве второй половины XVIII столетия например, у Томаса Фрая [Thomas Frye] (1710—1762) (ок. 1760, меццо-тинто),[57] Генри Фюзли [Henry Fuseli] (1741—1825) (1780-е, бумага, белый и черный мел)[58] и др. Автопортрет Скородумова созвучен образу “Человека чувства” в одноименном романе писателя Генри Маккенези [Henry Mackenzie] (1745—1831) (*The Man of Feeling*, 1771), а в контексте

---

[53] См. изображение: Г. И. Скородумов, “Автопортрет, конец 1780-х — начало 1790-х,” тушь, перо, Ярославский художественный музей, Госкаталог РФ, дата обращения 29.11.2023. (G. I. Skorodumov, “Avtoportret, konets 1780-h — nachalo 1790-kh,” tush’, pero, Iaroslavskii khudozhestvennyi muzei, Goskatalog RF, accessed November 29, 2023, https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=22773344).

[54] По мнению Е. А. Мишиной, талант Скородумова, равно как и освоенная им в Англии техника оказались не ко двору в Санкт-Петербурге, где ему не удалось создать ничего равного по силе и качеству произведениям английского периода. См.: Е. А. Мишина, *Гаврила Скородумов* (Санкт-Петербург: АРС, 2003), 38-39. (E. A. Mishina, *Gavrila Skorodumov* (St. Petersburg: ARS, 2003), 38-39).

[55] См. изображение: Albrecht Dürer, “Selbstbildnis des etwa zwanzigjährigen Dürer” (1491/92), drawing, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen-Nürnberg, Universitätsbibliothek, accessed December 17, 2023, https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:bvb:29-bv039856508-8.

[56] См. изображение: Albrecht Dürer, “Melencolia I, 1514,” print, BM , accessed November 29, 2023, https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1912-1220-2.

[57] См. изображение: Thomas Frye, “Self-portrait, circa 1760,” mezzotint, Yale Center for British Art, Paul Mellon Collection, accessed November 29, 2023, https://collections.britishart.yale.edu/catalog/tms:31079.

[58] См. изображение: Henry Fuseli, “Self-portrait, 1780s,” drawing, The Victoria and Albert Museum, London, accessed November 29, 2023, https://collections.vam.ac.uk/item/O125436/self-portrait-drawing-fuseli-henry/.

творчества художника может быть воспринят и как ироничная отсылка к аллегорической женской фигуре “Благоразумия” (1777; пунктир, офорт)[59] из исполненной Скородумовым серии из четырех гравюр, изображавших “Кардинальные добродетели” (“Благоразумие,” “Твердость,” “Правосудие” и “Умеренность”), опубликованной в Лондоне и посвященной Екатерине II. Создавая изображение не в гравюре, а стремительными росчерками пера тушью на бумаге, непосредственное и естественное, но не лишенное сентименталистских и аллегорических коннотаций, Скородумов в нем позволил себе столь высокую степень откровенности, которая в контексте русского искусства сопоставима лишь с романтическими устремлениями более позднего времени.

Резюмируя сказанное, в завершение заметим, что в России XVIII века интерес к гравированному автопортрету, кроме самих граверов, проявлявших прагматическую и эстетическую заинтересованность, разделяли лишь в узком кругу любителей и знатоков искусства, и создание автопортретных эстампов не стало здесь устойчивой традицией или распространенной практикой. Два единственных гравированных портрета русских граверов в XVIII веке были созданы очень молодыми художниками. Симптоматично и то, насколько по-разному живописные, рисованные и гравированные портреты художников соотносились с визуальной культурой абсолютизма. В русской портретной гравюре эта связь была особенно тесной. Отсутствие запроса на столь специальную разновидность жанра, как автопортрет, и вообще на портреты граверов, со стороны официальных институций в отечественной культуре этого времени было значительным препятствием для создания гравированных автопортретов, требовавших существенных финансовых и организационных усилий. Судя по малочисленности сохранившихся оттисков автопортрета Чемесова и полном отсутствии отпечатков автопортрета Антипьева, обе гравюры были напечатаны крайне малым тиражом и не пользовались популярностью у публики.

В этом контексте резонно заключить, что и решение академического Совета вернуть Чемесову его гравированный автопортрет было не просто следствием частного конфликта, обусловленного мотивами личного характера, но было предопределено сложившейся в то время в обществе системой ценностей и художественной практикой. Однако факт создания и бытования в России XVIII века гравированных, живописных и рисованных автопортретов граверов, исполненных с артистизмом и свободой — яркая веха на пути русских мастеров печатной графики к высокому представлению о себе и своей профессиональной деятельности, и общественному признанию их достоинств.

[59] См. изображение: Г. И. Скородумов, “Благоразумие, 1777,” пунктир, офорт, ГРМ, Госкаталог РФ, дата обращения 29.11.2023. (G. I. Skorodumov, “Blagorauzmie,” punktir, ofort, GRM, Goskatalog RF, accessed November 29, 2023, https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=10357187.

Ivan Argunov's Portrait of Anna Kalmykova[1]

Alexandra Helprin
Independent Scholar
alexandra.helprin@gmail.com

Abstract:
This article examines Ivan Petrovich Argunov's 1767 painting of Anna Nikolaevna Kalmykova, one of many Kalmyk children removed from their families by the Russian military and forcibly adopted by elite Russians and Europeans. Both sitter and painter were, in different ways, unfree: Argunov was enserfed by the Sheremetev family and Kalmykova was their ward. Examining the portrait's many visual antecedents and references, this paper argues that Argunov used the intimate, informal styles of Enlightenment portraiture in a way that enmeshed its subject and author in the harsh social hierarchies of the Sheremetev household and imperial society. The relatively loose facture of the painting and its attention to the sitter's liveliness and youth demonstrate Argunov's skill as a modern portraitist. But although Kalmykova dominates the composition of her own portrait (which makes it unlike most other portraits of Kalmyk people in Russia during this period), Argunov makes clear that she is subordinate to her patron and other members of her "adoptive" family. Mapping the power structures of the household that enserfed him, Argunov combined private and ceremonial idioms in a way that said much about Kalmykova's status and his own – a manner of portraiture that could only be copied by other artists from outside the household.

Keywords:
Ivan Argunov, portraiture, enserfed artists, Anna Kalmykova, Sheremetev family, Kalmyk people, eighteenth-century art, Enlightenment, serfdom

In 1767, Ivan Petrovich Argunov (1729-1802) painted a portrait of a young girl known as Anna Nikolaevna Kalmykova (Fig. 1). The painting shows a smiling child dressed smartly and brandishing emblems of powerful social connections: Countess Varvara Alekseevna Sheremeteva (whom she called her grandmother) and Empress Elizabeth. The portrait is a direct quotation of an earlier Argunov portrait of Countess Anna Petrovna Sheremeteva, Varvara Sheremeteva's daughter. Argunov depicts the child in three-quarters view, seated in an upholstered chair against an indistinct background. Kalmykova sits up very straight, facing the viewer and making direct eye contact, a hint of a smile on her face. Her hair is powdered gray and she wears a red dress with lace trim, a lace bonnet, earrings, and a beaded bracelet. In her hands she holds a fictive print, painted in grisaille, portraying her late "grandmother," the countess, who in turn wears a brooch commemorating her years as a lady-in-waiting to Elizabeth. The print's caption identifies Sheremeteva in French and includes Argunov's Latin signature and the date.

[1] Apart from the many people who helped me with my dissertation research on the Argunovs, I would like to thank Margaret Samu for her help and encouragement, Robert Collis and the editors of *Vivliofika* for their support, and my anonymous reviewers for their very helpful comments.

Fig. 1. Ivan Argunov, *Anna Nikolaevna Kalmykova*, 1767. Oil on canvas, 62 x 50 cm. Kuskovo, Moscow.

The portrait's skillfully painted surfaces and intricate composition reflect elite social signaling, but also record an encounter between two unfree people in Catherinian Russia. Argunov was a "household" or enserfed painter of the Sheremetevs, one of Russia's wealthiest princely families. Kalmykova, who was the Sheremetevs' ward, was one of many Kalmyk children removed from their families in Central Russia by Russian soldiers. Her portrait, with its many layers of representation and allusion, is an extraordinary example of a genre that was relatively new to Russia. Demonstrating attention to what could be called individual, personal, or familial, it simultaneously enmeshes its subject (as well as Argunov himself) within the political hierarchies of imperial Russia.

Both Argunov and Kalmykova moved in elite circles while experiencing legal and social subjugation. Born to parents enserfed by the Cherkasskii family, Argunov was trained as a painter by Russian and foreign teachers, including Georg Christoph Grooth (1716-1749), and was a part of Varvara Cherkasskaia's dowry when she married into the Sheremetev family in 1743. Argunov was one of many enserfed painters active in Russia, though the success he achieved was rare. He attracted notice from foreign commentators such as Jacob von Stählin, who wrote that he "enriched [the Sheremetevs'] gallery" with portraits "of the best taste."[2] He also received a favorable comment from Empress Catherine II, who did not

[2] J. Stählin and K. V. Malinovskii, *Zapiski Iacobi Shtelina ob iziashnykh iskusstvakh v Rossii*, vol. 1 (Moscow: Iskusstvo, 1990), 364.

sit for him in person but was pleased with a portrait he painted of her.[3] Argunov eventually stopped painting in the late 1780s, after the Sheremetevs made him a household steward, and died still enserfed by the family.[4] Despite his success, he had been barred from official association with the Academy of Fine Arts and was subject to the whims of the Sheremetevs, who had the power to dominate and punish the people they enserfed.[5]

The Sheremetev family, despite waning political power over the course of the eighteenth century, retained cultural influence in Russia due their interest in the arts and their vast wealth, which included more than one hundred thousand enserfed people. Their extended household represents a microcosm of the multiple forms of serfdom and other forms of servitude during this period. Many of their enserfed workers lived in 37 *votchiny* scattered across Russia, meaning that their serfdom was primarily economic—the profits from their agricultural, industrial, or artisanal labor flowing back to the Sheremetevs.[6] No matter how distant, this labor was organized, surveilled, and policed by an administrative network, also of enserfed people, who had the power to mete out penalties on the Sheremetevs' behalf, and sometimes at their direct behest.[7] Closer to the places the Sheremetevs frequented—the Moscow and St. Petersburg houses, and numerous *usadby*—the family had more direct control over the people they enserfed, including artists working in multiple media, architects, an operatic and balletic theatrical troupe, and musicians. Artists and other educated, enserfed professionals sometimes lived in material comfort and were paid well—records show the top actresses in the family's troupe being compensated hundreds of rubles, allocated allowances for clothing and other goods, and living in well-appointed rooms in the family's houses.[8] But these "elite" serfs were also subject to abuse.

---

[3] Writing to Petr and Varvara Sheremeteva, Argunov reported that he had heard that Catherine said "that the execution and the concept were fine and that there was a likeness to the face." ("*что работа и идея хороша и в лице сходство есть.*") Tatiana Selinova, *Ivan Argunov* (Moscow: Iskusstvo, 1973), 83-84.

[4] This was a prestigious role within the household; after his death, the Sheremetevs provided for his widow and daughters, receiving a letter from his widow Marfa thanking them for their assistance. See Russian State Historical Archive (hereafter RGIA), St. Petersburg, fond 1088, opis 3, delo 1584, l. 6. Argunov's sons Nikolai and Iakov were also painters and were manumitted after the death of Nikolai Sheremetev in 1809.

[5] Peter Kolchin estimates that about 5% of Sheremetev serfs were officially punished; this is a relatively low number that indicates administrative distance between the Sheremetevs and most of their workers. See Peter Kolchin, *Unfree Labor: American Slavery and Russian Serfdom* (Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1987), 125.

[6] The economic interests of the family were diverse and ranged from metal and fabric factories to agriculture and commercial trade. Some Sheremetev serfs owned serfs themselves, while others became extremely wealthy. An example was E. Grachev, who was rich enough to lend to lend Nikolai Sheremetev tens of thousands of rubles in the 1790s. Jerome Blum, *Lord and Peasant in Russia, from the Ninth to the Nineteenth Century* (Princeton: Princeton University Press, 1961), 174-175.

[7] An incident later in the century involving Argunov's son Nikolai, also a painter, and his apprentice Mikhail Zatsepin, showed the degrading possibilities of working in this environment. The younger Argunov was initially fined (although this punishment was cancelled) and Zatsepin was whipped after the two were blamed for breaking a porcelain plate. See, RGIA fond 1088, opis 3, delo 239. See, Varvara Aleksandrovna Rakina, "Nikolai Argunov i problema zakazchika v russkoi portretnoi zhivopisi kontsa XVIII - pervoi chetverti XIX veka" (Kand. diss., Gosudarstvennii institut iskusstvoznaniya, 2005), 109.

[8] A detailed account of the actresses' living conditions can be found in Douglas Smith, *The Pearl: A True Tale of Forbidden Love in Catherine the Great's Russia* (New Haven: Yale University Press, 2008), 149-150: Nikolai Sheremetev wrote: "should there be any laziness, negligence, or resistance in their music studies, then they

Some opera performers were denied bread and water as punishment, the apprentice painter Mikhail Zatsepin was sentenced to be whipped after he was blamed for breaking a porcelain plate, and enserfed women were subject to sexual exploitation and abuse – an open secret when it came to the actresses of the family's theater.[9]

Although she was not enserfed, Kalmykova's social position was much more precarious than Argunov's. Russians forced Kalmyks, a traditionally nomadic ethnic minority, into multiple forms of unfree labor during this period, from conscription to enslavement, which remained legal for Kalmyk people long after it had been abolished for white, Christian Russians.[10] In some cases, Russians removed children from Central Russia to St. Petersburg, renamed them, and transferred them among families connected to the court; Kalmykova was one of these children. Caroline of Hesse-Darmstadt, a German visitor to St. Petersburg, wrote to her mother: "The Empress is thinking of obtaining two more Kalmyk children, a boy and a girl, and giving them to me, saying that if the little girl is satisfactory, that she might amuse you, my dear Mama."[11] She also characterized these children's faces as being reminiscent of figures found on fans and vases.[12] Her description reveals the extent to which Kalmyk children were treated like property to be passed among courtiers and elite visitors to the capital. The mention of fans and vases suggests that this commodification of the children was also racialized.

Until now, scholars have considered the Kalmykova portrait largely in relation to Argunov's other paintings. The most involved discussion of the painting appears in Tatiana Selinova's illuminating 1973 monograph on Argunov. Her analysis of the painting focuses on Argunov's skills as a colorist and his ability to capture the character and liveliness of the little girl. She convincingly contextualizes the portrait historically (in terms of the situation of Kalmyk children at court and in elite homes) and formally, categorizing the painting stylistically with other "informal" commissions.[13] More recently, the painting is also mentioned in Rosalind Blakesley's *The Russian Canvas: Painting in Imperial Russia, 1757-1881*, a work that compellingly analyzes the complexities of the portrait's complex

---

are to be punished by being forced to kneel and put on bread and water, and report to me the slightest incident."

[9] Petr Sheremetev also had a long relationship with an enserfed woman; their children were semi-legitimated by being given a shortened form of the family name, Remetev, and small retinues. RGIA, fond 1088, opis 3, delo 1550, ll. 35-37. Two of the Remetevs had four servants each in 1802. In contrast, Countess Praskovia Sheremeteva had nineteen "girls" assigned to her during the same year. RGIA, fond 1088, opis 3, delo 1550, ll. 120b-13.

[10] Willard Sunderland, "The Greatest Emancipator: Abolition and Empire in Tsarist Russia," *The Journal of Modern History* 93 (September 2021): 566-598, 578.

[11] "Императрица думает еще пробрести двух детей калмыков, мальчика и девочку, и собирается отдать их мне, говоря, что если девочка будет достаточно, то пусть она развлекает вас, моя дорогая мама." Andrei Nikolaevich Spaschanskii, *Ekaterinskii Peterburg glazami inostrantsev: neizdannye pisma 1770-kh godov* (St. Petersburg: Paritet, 2013), 169.

[12] Spaschanskii, *Ekaterinskii Peterburg*, 169.

[13] Selinova, *Ivan Argunov*, 54-61. Selinova did not compare the painting at any length with the early 1760s portrait of Anna Sheremeteva discussed later in this paper, which had not yet been attributed to Ivan Argunov. For a complete bibliography of the painting up until 2005, see N. G. Presnova, ed., *Argunovy, krepostnye khudozhniki Sheremetevykh* (Moscow: Pinakoteka, 2005), 49.

"destabilised" hierarchies.[14] This paper is the first to examine Argunov's portrait of Kalmykova at length (although the complexities of its context of serfdom and imperialism call for even more extensive research and discussion). I argue that the portrait serves as an extraordinary example of inventiveness within the constraints of unfree working conditions, as well as a statement of authorship by an enserfed artist. Blurring the lines between ceremonial and private visual idioms, it remains a remarkable example of Enlightenment portraiture in the Russian context.

Argunov's background and artistic context

As with many aspects of serfdom, there was a pronounced gap between theory and practice when it came to enserfed fine artists; Ivan Argunov's life and career reveal how an enserfed painter could find success as a working artist despite practical and ideological impediments. Serfs were initially barred from the Academy of Fine Arts from its founding in 1757; "since all the arts are free," wrote the Academy's first president, Shuvalov, "then serfs are not to be admitted."[15] Serfs nonetheless attended later in the century.[16] Argunov worked in a context that was not conducive to ingenuity, even for free artists (the genre that ostensibly required the most compositional skill, history painting, did not thrive in Russia during the eighteenth century). Furthermore, he was subject to a environment in which his primary patrons also legally owned him, exerting tremendous control over every aspect of his life.[17]

Argunov's work for the Sheremetevs seldom allowed for inventive compositions. He completed a few history paintings, though these were copies of existing works, such as a Cleopatra after Cagnacci.[18] Even as a portraitist, he was often instructed to copy paintings

[14] Rosalind Blakesley, *The Russian Canvas: Painting in Imperial Russia, 1757-1881* (New Haven: Yale University Press, 2016), 173. For a more complete bibliography of the painting, see Presnova, *Argunovy*, 49.

[15] Richard Stites, *Serfdom, Society, and the Arts in Imperial Russia: The Pleasure and the Power* (New Haven: Yale University Press, 2005), 288.

[16] Until 1817, serfs were conditionally admitted with the agreement that they would be freed if they successfully completed their training. Stites describes the tension between theory and practice, explaining that the Academy was not an alluring prospect for upper class boys and largely consisted of peasants, serfs, and other members of the lower classes. Enserfed students were particularly vulnerable to exploitation, since their owners could remove them right before graduation, meaning that they did not have to be freed. See Stites, *Serfdom*, 289.

[17] There were some practical advantages to being a "household" artist, such as steady work and income. While Ivan Argunov never had the chance to work as a free man, his sons Nikolai and Iakov were manumitted in the early nineteenth century, and Nikolai became an academician. Interestingly, his most innovative surviving works date from his time as a serf, as he was commissioned to portray the late Praskovia Sheremeteva, an enserfed opera singer whom Nikolai Sheremetev married, freed, and ennobled. The resultant cycle is unique in style and content, and very unlike the polished and conventional society portraits Argunov specialized in after his manumission. Varvara Rakina's work perceptively examines Nikolai Argunov's working conditions with the Sheremetevs and afterwards. See, especially, Rakina, "Nikolai Argunov."

[18] Presnova, *Argunovy*, 23.

or prints rather than composing his own work and painting from life.[19] The result was work that often had an archaic effect, including dull colors and a flattening of pictorial space. A portrait of Field Marshal Boris Petrovich Sheremetev, completed by Argunov in 1753 after a circa 1710 precedent by Karl Schurmann, shows the late field marshal on horseback in front of a military landscape (Fig. 2). As in Schurmann's original, the anatomy of man and beast is awkwardly drafted, and the background is shallow. Although Argunov's other paintings displayed the full extent of his technical skill, here he deliberately copies the visual idioms of Petrine Russia in order to evoke the Sheremetev family's illustrious past.

Fig. 2. Ivan Argunov (after Karl Schurmann), *Field Marshal Count Boris Petrovich Sheremetev*, 1753. Oil on canvas, 88 x 71 cm. Kuskovo, Moscow.

When he was not working on commissions for the Sheremetevs, Argunov painted differently. Portraits of the non-noble bureaucrat Cosma Khripunov and his wife, residents of one of the Sheremetev houses in St. Petersburg, are formally distinct from Argunov's usual output (Figs. 3 and 4).[20] He has painted his neighbors—and presumably friends—

[19] For example, in 1786 Petr Borisovich Sheremetev ordered Argunov to paint a portrait of his deceased friend, Aleksandr Lanskoi, using the most recent engraving of his likeness. See Russian State Archive of Ancient Acts (hereafter RGADA), Moscow, fond 1287, opis 1, ed khr. 4812, l. 150.

[20] According to Gennadii Vdovin, Ivan Argunov's portraits of the Khripunovs were a seminal moment in the development of eighteenth-century portraiture due to the decreased distance between subject and painter and what Vdovin calls "going into the house" of the sitter. Genadii Viktorovich Vdovin, *Persona, individual'nost, lichnost': opyt samopoznaniia v iskusstve russkogo portreta XVIII veka*, Teoriia istorii iskusstv (Moscow: Progress-Traditsiia 2005), 52-53. Iakov Bruk also sees the relationship between subject and painter in this work as indications of a "new type" of intimate, realistic painting. See Iakov Vladimirovich Bruk, "Ivan Argunov i krest'ianskaya tema v russkoi zhivopisi," *Iskusstvo* 2 (1978), 53.

with technical skill not evident in the portrait of Boris Sheremetev. Khripunova's fur cloak looks evocatively soft, and the shading of her skin is subtle and convincing. Argunov has handled the paint a little roughly, leaving sketch-like areas such as Khripunov's hands and the gentle folds of Khripunova's collar, but these passages are communicative and adept. Crucially, he has focused on his sitters' expressions, animating them with attention to the subtle movement of their faces and the liveliness of their direct gaze. These are paintings that are uninterested in mapping the Khripunovs' social connections or their trajectory in elite society. While not classless, they show a similar tendency to what was occurring in France and Western Europe. The *Encyclopédie*, in its entry on portraiture, emphasized the representation of both "*la distinction des états & du rang*" and "*l'esprit en quelque sorte, & le tempérament d'une personne*."[21] But Daniel Roche has identified a shift during this period "from a social to an individual logic" in French portraiture.[22] The facture of the Khripunovs' portraits – just as much as their disinterest in concrete social signifiers – marks them as modern and in dialogue with Western European trends. Argunov would bring a similar freshness to his execution of Anna Kalmykova's portrait, though her situation in life was worlds away from the Khripunovs', something Argunov would make clear through her portrait's composition.

Fig. 3. Ivan Argunov, *Wife of Cosma Khripunov*, 1757. Oil on canvas, 73 x 57.5 cm. Ostankino, Moscow.

[21] F. B. Félice, "Portrait, *Peinture*," in *Encyclopédie, ou dictionnaire universel raisonné des connoissances humaines: Plant - Pouz* (Yverdon, n. p., 1774), 658. The Sheremetevs owned several copies of this work. *Opis biblioteki, nakhodiashcheisia v Moskve, na Vozdvizhenke, v dome grafa Dmitriia Nikolaevicha Sheremeteva, do 1812 g.* (St. Petersburg: Tipographia M. M. Stasiulevicha, 1883), 10.

[22] Daniel Roche, *France in the Enlightenment* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1998), 545.

Fig. 4. Ivan Argunov, *Cosma Khripunov*, 1757. Oil on canvas, Ostankino, Moscow.

Interestingly, the Khripunov portraits ended up on display in the Sheremetev household, not in the possession of their sitters. Inventories record them hanging on the walls of the "old house" in the Sheremetevs' palace complex at Ostankino, near Moscow, a building that contained administrative offices and informal living quarters for Count Nikolai Sheremetev and his enserfed mistress, Praskovia Kovaleva.[23] Even if Argunov had painted his neighbors as a private project, the finished work became the property of the family that legally owned him.[24] Beyond the difficulty of speculating about Argunov's motives, the concept of an artist's privacy or independence was fundamentally constrained by the state of serfdom. Argunov's painting of Kalmykova further complicates the categories of private and public tendencies in portraiture in this context.

[23] Presnova, *Argunovy*, 32.

[24] The complications of property rules or norms came to a head in 1818, several years after Nikolai Argunov was manumitted. Household administrators repeatedly demanded that he return a portrait he had painted of the late Nikolai Sheremetev while he was still enserfed; Argunov refused but offered to paint a copy of it. Despite the apparent outrage of the Sheremetev administrators, one of whom wrote that Argunov was cheating the family that had given him his artistic education and his freedom, they either could not or would not compel him to do as they wished. RGIA, fond 1088, opis 3, d. 1618, ll.1-2.

Kalmyk historical context, known details of Kalmykova's life, Fedor Kalmyk and other images

Most of the surviving information about Anna Kalmykova comes from the Sheremetev family archive, which does not contain documentation of her age, her early childhood, or her family of origin.[25] Preserved documents include letters from the Sheremetevs to Kalmykova when she was a child as well as correspondence from her adulthood, after she married a Russian officer connected to the Sheremetev family.[26] There are also a few mentions of Kalmykova in inventories of the family palaces, including indications that she lived in a suite of rooms in their palace at Kuskovo near Moscow, an arrangement that remained in place after she left the household to marry.[27] Surviving letters contain affectionate language as well as details making clear that she was not an equal member of the family. For example, in an undated letter, Varvara Sheremeteva called Kalmykova "my soul" (*душа моя*) and wrote that she prayed to God to be soon reunited with "Annushka," signing the letter "your grandmother, Varvara Sheremeteva" (*твоя бабушка Варвара Шереметева*).[28] Letters such as this one were addressed to "Anna Nikolaevna, Countess Varvara Alekseevna's Kalmyk girl."[29] Kalmykova continued to write warmly to the Sheremetevs, especially Petr Sheremetev, Varvara's widower, after she married, and she named her own children Petr and Varvara.[30]

The Kalmyks, the ethnic group to which Kalmykova belonged, are a historically nomadic group who arrived at the Caspian Steppe in the seventeenth century. From that period on, they faced increasing antagonism from the Russian Empire as it expanded in the region, cutting off their ability to move and therefore sustain themselves.[31] Kalmyks who attempted diplomacy with Russia were met with condescension and racism; in his history of the Kalmyk people, Michael Khodarkovsky relates that Russians characterized Kalmyk envoys as "unwise, silly children" and "lightminded people."[32] By the middle of the eighteenth century, Kalmyks lived impoverished on a depleted steppe and were forced to work in fisheries and in the military; in some cases adults were kidnapped into forced service in the Russian army.[33] There is less documentation about the separation of children from parents, whether by capture or, as recorded by Russians in the region, through sale into slavery in exchange for food.[34] Kalmyk people taken into bondage by Russians faced a

[25] Some of these documents were published by Sergei Sheremetev, a descendant of the family, in 1899, as part of a larger archival project. See Sergei Sheremetev, *Dve Kalmychki (Otgoloski XVIII veka, vypusk VI)* (St. Petersburg: Tipographia M. M. Stasiulevicha, 1899).
[26] Presnova, *Argunovy*, 49.
[27] RGIA fond 1088, opis 17, delo 69, l. 130b.
[28] Sheremetev, *Dve Kalmychki*, 4.
[29] Sheremetev, *Dve Kalmychki*, 3-4.
[30] Presnova, *Argunovy*, 49.
[31] Michael Khodarkovsky, *Where Two Worlds Met: The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600-1771* (Ithaca: Cornell University Press, 2006), 215.
[32] Khodarkovsky, *Where Two Worlds Met*, 60.
[33] Khodarkovsky, *Where Two Worlds Met*, 206. Russians were also eager to convert the Buddhist Kalmyks to Orthodox Christianity.
[34] Khodarkovsky, *Where Two Worlds Met*, 205 and 217.

different legal landscape than white, Christian serfs. Slavery for Kalmyks was still legal, remaining common in Siberia.[35] Kalmyks as a group did not gain full emancipation until 1892, three full decades after their Russian counterparts.[36]

It was in this context that Russians took Kalmykova and other Kalmyk children back to St. Petersburg, an act that today would be considered genocide.[37] Empress Catherine II distributed some of these children among noble families, most of whom already owned large numbers of serfs. Serfdom was, at least in theory, a highly regulated institution, which included some rights for serfs, though these rights in practice were often ignored. The treatment of Kalmyk children, however, was not subject to the same norms. Anna Kalmykova left the Sheremetev family and married without any surviving record of being freed, suggesting that the Sheremetevs did not consider themselves to be enslaving her. However, even if she was not legally enslaved, she was a young child who was part of an ethnic group that frequently was enslaved, and she lived under the control of an enormously powerful Russian family.[38] Furthermore, at least in her early life, when she was taken from her family and referred to as Varvara Sheremeteva's "Kalmyk girl," she was not treated like a free person.

Caroline of Hesse-Darmstadt's description of the Kalmyk children in court is also suggestive of slavery. A Kalmyk boy taken with her to Germany was initially called Fedor Iwanowitsch Kalmück but later referred to himself as Fedor Ivannoff. Ivannoff studied painting and engraving and later became a successful free artist who traveled throughout Europe. An engraved self-portrait, published in London, bears the caption: "The portrait of Fedor, a Kalmuck Slave [drawn & engraved by himself] who was given by the present Empress of Russia to her mother the Margravine of Baden; having shown a disposition for the arts the Margravine sent him to Rome in order to improve himself in Painting & Drawing; he now resides at Carlsruhe, where he enjoys the reputation of a clever Artist."[39] (see Fig. 5) The engraving shows Ivannoff from the shoulders up, slightly turning his head to face the viewer. Unlike the print's caption, this self-portrait provides little information about the artist's personal history.[40] Instead, a steady gaze and a plethora of finely rendered

---

[35] Sunderland, "The Greatest Emancipator," 575.

[36] Sunderland, "The Greatest Emancipator," 568.

[37] The UN defines genocides as the "intent to destroy, in whole or in part, a national, ethnical, racial, or religious group [and to] forcibly transferring children of the group to another group." See "Genocide," United Nations, accessed Nov. 25, 2023, https://www.un.org/en/genocideprevention/genocide.shtml.

[38] Even before 1725, slavery in Russia was an immensely complex institution that, like serfdom, encompassed a variety of legal situations and living conditions. Richard Hellie identifies eight forms of Muscovite *kholopstvo* that he deems slavery, ranging from temporary forms of indentured servitude to full, hereditary slavery, Richard Hellie, *Slavery in Russia, 1450-1725* (Chicago: The University of Chicago Press, 1982), 33. As the Russian Empire expanded in the eighteenth century, many different kinds of servitude proliferated, from the incorporation of existing practices in conquered territory, to the export of "slavelike exploitation" across the Pacific to the Aleutians. See Sunderland, "The Greatest Emancipator," 575.

[39] Royal Collection Trust, London, RCIN 654416.

[40] Ekaterina Heath, "Fedor Kalmyk's Self-Portraits" *19v. Art Seminars* (online presentation, August 17, 2021). Kalmyk led an extraordinary life documented by numerous portraits and self-portraits. The former are often degrading, including a painting depicting him as a page, and an appearance in Lavater's racial studies. His self-portraits show him alone in a series of unusual garments and hats.

details hint at Ivannoff's profession and his particular talents; his best-known work today is an album of drawings of the Parthenon Marbles that show a similar attention to texture.[41]

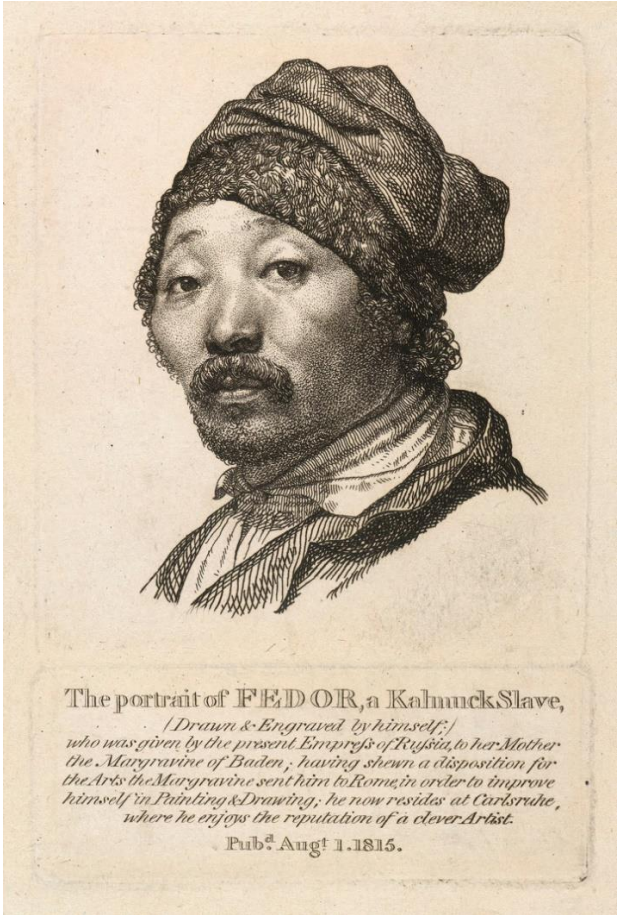


Figure 5. *The Portrait of Fedor, a Kalmuck Slave*, 1815, engraving, 14.8 x 9.9 cm, Royal Collection, London.

In Russia, Kalmyk people rarely appeared in portraits during the eighteenth century. One exception is a painting from before 1707, now in the State Russian Museum in St. Petersburg, showing Aleksei Lenin and a young Kalmyk man (Figure 6).[42] Lenin, a solicitor, fills up nearly the entire lefthand side of the painting, his curled wig and red brocade coat making his elite status clear. On the right, the Kalmyk youth looks upward toward Lenin. The young man's identity is unknown, but he is painted in a position that casts him as small and ancillary compared with Lenin, not to mention his muted black clothing and lack of a

[41] See Fedor Iwanowitsch Kalmück, "The Elgin Drawings," vols. 1, 3, 4 & 6, British Museum, London, 2012, 5004. For digital images of all the drawings, see "The Elgin Drawings," British Museum, accessed Nov. 25, 2023, https://www.britishmuseum.org/collection/search?keyword=kalm%C3%BCck&view=grid&sort=object_name__asc&page=2.

[42] "Portrait of Aleksei Lenin and a Kalmyk," The Virtual Russian Museum, accessed Nov. 25, 2023, https://rusmuseumvrm.ru/data/collections/painting/17_19/zh_3982/index.php?lang=en.

wig. Whether a servant or enslaved, he plays the role of a subordinate in this portrait; Lenin's power over him is instantly clear. A portrait of Catherine II from 1756 by Anna Rosina Lesiewska uses the presence of a child, possibly a Kalmyk page who took care of Catherine's dogs, in a similar way (Figure 7).[43] The boy kneels at Catherine's feet, gazing up at her as he holds her spaniel. As these examples show, during the rare instances in which Kalmyk people appear in Russian portraiture in the eighteenth century, they are not only anonymous subordinates to the named subject of the image but are sometimes even equated with animals at the feet of elite Russians. Argunov's portrait of Anna Kalmykova is composed very differently from these precedents; she dominates the full space of the painting instead of being pushed to the margins. But the painting nonetheless makes clear that she is socially subordinate to members of the Sheremetev family.

Figure 6. Unknown, *Portrait of Aleksei Lenin and a Kalmyk*, before 1707, oil on canvas, 89 x 116 cm, State Russian Museum, St. Petersburg.

[43] The child was previously thought to be Paul, who would have been too young in 1756. Catherine mentions the Kalmyk child in her memoir. See Catherine II, Empress of Russia, *The Memoirs of Catherine the Great*, eds. Mark Cruse and Hilde Hoogenboom (Random House Publishing Group, 2007), 70.

Figure 7. Anna Rosina Lesiewska, *Peter III and Catherine II of Russia*, 1756. Oil on canvas, 207 x 143 cm. National Museum, Stockholm, Sweden.

The portrait

As with most of Ivan Argunov's work, there are few surviving documents relating to the commission and execution of Kalmykova's portrait. The painting was completed soon after Varvara Sheremeteva's death; in the next decade, the Sheremetevs would have two more portraits of Kalmykova made. One of these was an oil painting by Nicolas Delapierre that is almost an exact copy of Argunov's original. The second is a wooden medallion showing Kalmykova in profile, holding a print with an indistinct portrait of Varvara Sheremeteva.[44] The repetition of the portrait print detail suggests that it was important for the family to include a representation of the late Varvara in their imagery of Anna Kalmykova. Argunov's original was hung in the private bedchamber at Kuskovo alongside portraits of Varvara Sheremeteva's children. These paintings remained in this location until the revolution and can still be seen there today.[45] The similarities with Argunov's earlier portrait of Anna Sheremeteva (Figure 8) would therefore have been unavoidable. Each girl

[44] V. Iu. Matveev, ed., *Teatrum Machinarum: ili tri epokhi iskusstva rezby po kosti v Sankt-Peterburge* (St. Petersburg: Galereia Petropol', 1993), 74.
[45] Presnova, *Argunovy*, 49.

is represented in the same pose, each wearing a bonnet and a red dress trimmed with lace, though Kalmykova's portrait is slightly smaller and her clothing less ostentatious.

Figure 8. Ivan Argunov, *Anna Petrovna Sheremeteva*, before 1768. Oil on canvas, 72.5 x 56.7 cm. Kuskovo, Moscow.

Each painting also situates its sitter within a hierarchy of social power. Sheremeteva's is less conspicuous but more direct; her diamond brooch displays the monogram of Catherine the Great to emphasize the family's connection to imperial power. Argunov's portrait of Kalmykova, however, situates her within what Blakesley has called a "constellation of complex relationships and identities."[46] The print held by the child depicts Varvara Sheremeteva; it is a copy of Georg Grooth's portrait of the countess (Figure 9). Although her likeness is tiny and painted in grisaille to evoke a fictitious print, Sheremeteva is seen to be wearing a miniature brooch depicting a cameo of Empress Elizabeth (r. 1741-1762), for whom she served as lady-in-waiting (Figure 10). While Elizabeth's image is too small to be legible, the relationship is explained by Argunov's French caption: "*La Comtesse Barbara Cheremetoff, Dame d'honeur de Sa M. I. [Sa Majesté Impériale des toutes les] Russies*." Kalmykova would therefore not only be linked to the Sheremetevs but to an

[46] Blakesley, *The Russian Canvas*, 171.

empress, albeit indirectly and through a paper print rather than the more durable and precious jewelry that Anna Sheremeteva wears.

Figure 9. Georg Grooth, *Varvara Alekseevna Sheremeteva*, 1746. Oil on canvas, 132.2 x 105.5 cm. State Tretyakov Gallery, Moscow.

Figure 10. Ivan Argunov, *Anna Nikolaevna Kalmykova*, detail.

Like the portraits of the Khripunovs, Argunov's painting of Kalmykova is notable for its relatively loose, free facture. Kalmykova's bonnet, for instance, is painted with visible globs of oil that evoke rather than painstakingly record the starched wings of lace over her powdered hair. The effect is livelier than Argunov's earlier depiction of Anna Sheremeteva's bonnet, whose lace pattern is carefully reproduced throughout, a uniformity that leaves it a little flat. More conspicuously, Argunov has painted Kalmykova with an attention that suggests close observation, perhaps even sessions from life. As with the Khripunovs, her facial muscles are engaged as she makes eye contact with the viewer, suppressing a wider smile. Unlike the flatly painted field marshal, her skin consists of luminously blended layers of oil paint, adding depth to and animating her face. This does seem to be a portrait interested in the "individual logic" of its sitter, but at the same time it fixes her as inexorably within social hierarchy as any of the Sheremetevs' official parade portraits, archaizing or not.

The Kalmykova portrait also suggests that Argunov did not consider himself artistically constrained by the act of copying. The portrait within the portrait—of Varvara Sheremeteva—serves a visually and biographically resonant role. Argunov had initially been enserfed by the Varvara's family of origin, the Cherkasskiis, and was part of Varvara's dowry when she married Petr Sheremetev. The original painting of Sheremeteva, reworked by Argunov in black and white, was by Grooth, Argunov's teacher. The Latin caption included in Kalmykova's portrait, "*Argunow pinxit*," might be a claim of partial authorship if he assisted Grooth with the painting, or perhaps a playful comment on his transformation of the image from painting to grisaille print within the context of another oil portrait. Argunov alluded to copying in another work as well. In a painting thought to be a self-portrait, Argunov depicts a man once thought to be an unknown sculptor holding several tools (Figure 11). Selinova has convincingly identified these tools as implements for copying paintings and drawings.[47] If this painting is indeed a self-portrait, it suggests that Argunov was at ease depicting himself as a copyist first and foremost, even as he completed an original painting of himself. Selinova also observes that Argunov has arranged the tools to form the letters of his own initials, strengthening the case that this is indeed a self-portrait, and also showing the creative possibilities he was able to find even in the most concrete signs of copying other images.[48]

[47] Selinova, *Ivan Argunov*, 47-50. The painting is also identified as a self-portrait in N. P. Sharandak, *Ivan Argunov: 1727-1802* (Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1977), 14.
[48] Selinova, *Ivan Argunov*, 51.

Figure 11. Ivan Argunov, *Portrait of an Unknown Artist (Self-Portrait?)*, late 1750s—early 1760s. Oil on canvas, 83 x 64 cm. State Russian Museum, St. Petersburg.

The question of Argunov's freedom to compose is complicated by the existence of a later portrait by Nicolas Benjamin Delapierre, a French artist active in Russia (Figure 12). Delapierre's painting shows a young girl in the same pose as Kalmykova, holding another fictive print of Grooth's 1746 portrait. The identity of the sitter in this painting is unclear since she looks dramatically different from Kalmykova. The painting has sometimes been referred to as a portrait of Ekaterina Borisovna, another Kalmyk child who arrived with Kalmykova when she began living with the Sheremetevs, but this is unlikely because Ekaterina Borisovna soon left to live with another family. Letters between Kalmykova and the Sheremetevs mention her, but Kalmykova is frequently asked to convey their best wishes to Ekaterina Borisovna, suggesting that they were not in touch with her to the same extent.[49] So the portrait does seem to be Kalmykova, an identification strengthened by Selinova's observation that a portrait of Kalmykova in a "round, oval frame" is mentioned in Kuskovo inventories.[50] It is possible that Delapierre had only a verbal description or a sketch of the original, and took liberties with Kalmykova's likeness.

[49] As an adult, Anna Kalmykova ended many of her letters to Petr Sheremetev by saying that Ekaterina Borisovna sent her best regards. See RGIA, fond 1088, opis 1, delo 32.
[50] Selinova, *Ivan Argunov*, 58. It is worth noting that the inventories were not always correct.

Figure 12. Nicolas Delapierre, *Anna Nikolaevna Kalmykova (Ekaterina Borisovna?)*, 1772. Oil on canvas, 61.5 x 50 cm. Kuskovo, Moscow.

The fact that the Sheremetevs commissioned a version of the portrait from a French painter might seem like a dismissal of Argunov's work, if this is indeed Kalmykova and the painting was intended to replace or update the earlier version.[51] If this were the case, the prestige of a French portraitist would prove to be valued more than the work of an enserfed artist. But on the other hand, it can also be interpreted as a compliment to Argunov's originality; this composition clearly conveyed what the Sheremetevs wished it to. Delapierre copied the essentials of Argunov's portrait, changing little except the girl's clothing (and, oddly, her facial features). Argunov's original must have been deemed perceptive enough to instruct the foreign artist how to depict Kalmykova's unusual social circumstances. Argunov had already worked out how to portray the child using visual cues from his own prior work and from other family portraits; Delapierre, an outsider, copied these strategies.

Argunov had painted Kalmykova with the perceptiveness of his more private projects while still making clear her place in the household—and national—hierarchy. One generation later, Argunov's son Nikolai would paint an equally resonant series of portraits of Countess Praskovia Ivanovna Sheremeteva, a formerly enserfed opera singer in the

[51] This would not necessarily have been the case, since the Sheremetevs owned multiple copies of many portraits.

Sheremetevs' theater company who was manumitted and ennobled when she married Count Nikolai Petrovich Sheremetev. Nikolai Argunov's three posthumous portraits of her, completed shortly after her death in childbirth, in 1802, depict her in stately dress, heavily pregnant in a striped housecoat, and dead in a coffin, respectively. Referring to the pregnancy portrait (and incorrectly attributing it to Ivan Argunov), Iurii Lotman wrote:

> Even if the client ordered a portrait of him- or herself or family and the picture was intended to be hung in the family home, the sitter had to be shown wearing dress uniform with all medals and regalia; in other words, the viewer was presumed to be a "stranger." On the other hand, late in the century, Count Sheremetev's serf-artist, I. P. Argunov, painted an outstanding portrait of the count's mistress and later wife, his serf Parasha Zhemchugova-Kovaleva, in her negligé and—an unheard-of boldness—pregnant; the viewer had to identify him- or herself with one person only, Parasha's lover and husband.[52]

Lotman zeroes in on the extraordinary intimacy of the painting but overlooks the presence of the medals and regalia of parade portraiture—in this case adorning a fictive bronze portrait bust of Nikolai Sheremetev to Sheremeteva's left. Nikolai Argunov painted an unusually frank depiction of pregnancy's effect on the body but at the same time preserved the conventions of formal portraiture: "*la distinction des états & du rang*" as the *Encyclopédie* would have it. When it came to portraying Kalmykova and Sheremeteva, Ivan and Nikolai Argunov pushed the limits of portraiture in the late eighteenth and early nineteenth centuries precisely by combining the idioms of public and private, individual and ceremonial. There were few artistic precedents to refer to when portraying these unusual sitters—a forcibly removed Kalmyk child and an enserfed performer turned countess (and mother of Nikolai Sheremetev's child, whom he was desperate to legitimize)—so each Argunov had to invent his own.

Conclusion: considering the Kalmykova portrait in the context of the Sheremetevs' artistic projects

Argunov's portrait was not the only work of art in the Sheremetev household that depicted or addressed differences in social status. The Sheremetevs evinced an interest in serfdom and the arts that was unparalleled among their peers. Not only did they oversee scores of enserfed artists, but they also commissioned art about their own serfs throughout the eighteenth century and into the nineteenth. Multiple portraits of Sheremetev serfs are listed in household archives, from paintings of "favorite" actresses to portraits of senior household administrators. The family commissioned original operas whose plots were pastoral fantasies about rural serfs; titles included *The Nymph of Kuskovo* (1782) and the

[52] Iu. M. Lotman, *Universe of the Mind: A Semiotic Theory of Culture*, trans. Ann Shukman (London: I. B. Tauris, 2001), 66.

The Coachman of Kuskovo (1781).[53] Images of Sheremetev land, including a hand-painted atlas of their holdings and a series of garden prints by Makhaev and Laurent, also include the presence of serfs dressed in peasant clothing.

There is no evidence that the Sheremetevs engaged directly in any apologetics regarding serfdom. This is not surprising, since discussion of serfdom in the eighteenth century focused overwhelmingly on practicalities, which could sometimes be debated despite state censorship. Catherine II even sponsored an essay question through the Free Economic Society about the future of serfdom and allowed the publication of the winner's piece, which argued for benevolent treatment of serfs, including allowing them to keep moveable property.[54] The most notable public work questioning the foundation of serfdom, Aleksandr Radishchev's *Journey from St. Petersburg to Moscow*, was a formally complex work of fiction that caused Radishchev to be sentenced to death, a penalty that was commuted to Siberian exile.[55] The dearth of critique meant that apology was also rare. So, one would not expect the Sheremetevs to write texts or commission artwork directly defending their ownership of serfs.

Instead, the family's art about serfdom played out in a similar vein to Catherine's essay contest, highlighting supposedly proper treatment of the family's serfs and emphasizing their perceived wellbeing. Enserfed sitters portrayed by the Argunovs and other painters are uniformly depicted as content and dignified, often wearing expensive, European-style clothes. The family's operas and landscapes were not intended to be naturalistic but were, nevertheless, populated with serfs whose work was light and who appear prosperous and happy. In Makhaev and Laurent's prints, well dressed peasants wander at leisure through the gardens of Kuskovo while a few gardeners tend to the flowers. In the family's commissioned operas, the subtext is made even more clear as peasant characters literally sing the praises of the Sheremetev family.[56] These are all conciliatory, sanitized depictions of a violent and exploitative institution.

Portraiture in the Sheremetev household complicated this dynamic. The operas were public performances in every sense of the word, meant to broadcast ideas about the Sheremetevs to their audiences. The prints, while they were a more private medium, reflected the purpose of the family's vast gardens, which were open not just to noble guests but to commoners in a series of public festivals. Like the family's operas, the gardens were a site of socioeconomic propaganda. But Kalmykova's portrait (like the Praskovia

---

[53] Lia Aleksandrovna Lepskaya, *Repertuar krepostnogo teatra Sheremetevykh: katalog p'es* (Moscow: Gosudarstvennyi tsentralnyi teatralnyi muzei im. A. A. Bakhrushkina, 1996), 130-131.

[54] Paul Dukes, *Catherine the Great and the Russian Nobility* (Cambridge: Cambridge University Press, 1967), 95.

[55] David Moon, *The Abolition of Serfdom in Russia: 1762-1907* (Abingdon: Routledge, 2002), 29-30. Irina Reyfman has argued that Radishchev's difficult—almost impenetrable—prose is a deliberate formal strategy. Alexander Radishchev, *Journey from St. Petersburg to Moscow,* trans. Andrew Kahn and Irina Reyfman (New York: Columbia University Press, 2020), xxx.

[56] For example, in *The Gardener of Kuskovo*, the eponymous gardener explains to the peasant protagonists of the opera, who have arrived at the estate: " When we walk through the garden, we may find the owner. Do not be shy [...] dare to stroll about. He's quite pleased that everyone is free to wander." (*Когда по саду пойдем, хоть хозяина найдем. Не робейте* [...]*гулять смейте. Он тем лишь и доволен, что гулять всякой волен*). See, N. A. Elizarova, *Teatry Sheremetevykh* (Moscow: Izd. Ostankinskogo dvortsa-muzeia, 1944), 144.

Sheremeteva cycle a few decades later) was relatively private, found in the family's bedchamber, and it lacks the bombastic quality of some of the family's other self-referential art. This is not to suggest that the painting was immune to propagandistic impulses, but rather than the propaganda occurred on a more intimate scale. The Sheremetevs were clearly interested in flattering portrayals of themselves across media. Furthermore, their interest in including a portrait of Varvara Sheremeteva within every iteration of the Kalmykova portrait makes clear that they saw these depictions as a means to communicate messages about themselves and the way they viewed their relationship with the child. They—and their household artist—seem to have understood that a portrait could not only represent the likeness of a smiling, radiantly painted girl, but could fix her within the hierarchy of her "adopted" family and the society into which she was forcibly assimilated, hierarchies that Argunov keenly understood and was therefore able to map. The painting reveals a great deal about his own artistic practice, his influences, and the milieu in which he worked, but ultimately very little about its sitter as an individual person despite the skillful facture of her face. Kalmykova's letters from this period have been lost, and we know little about her life before (and even after) her marriage. Because the name that was given to her at birth remains unknown, perhaps it is fitting that her portrait contains the names and titles of an empress, a countess, and an enserfed painter, but not her own.

St. Petersburg through Venetian Eyes: An Episode in Late Eighteenth-Century Book Illustration*

Emily Roy
National Trust
emily.roy@nationaltrust.org.uk

Abstract:
This article analyzes a print that was published in Venice in 1797 as the opening image to a biography of Catherine II. Certainly prepared during the empress's life, the publication appeared just months after her death in a watershed year for Europe which saw the fall of the Republic of Venice. The print imagines the moment that Peter the Great founded the new city of St. Petersburg over ninety years earlier. Through an exploration of the carefully constructed messages in the print, this paper examines the legacy of the image of Peter in Western Europe against which Catherine was understood. It considers the imagery of St. Petersburg in relation to Venice: the capitals of two empires, one in its ascendency and one at the point of collapse.

Keywords:
St. Petersburg, Venice, print culture, book Illustration, publishing, Peter the Great, Catherine II, Novelli

---

In 1797, a matter of months after the death of Catherine II, the Agnelli family publishing house in Lugano, Switzerland, published a six-volume biography celebrating the late Russian empress's life and deeds. The author was the prolific Tuscan historian Francesco Becattini (1743-1813), who presented a largely positive portrayal of the empress. The project was likely the initiative of the distinguished Venetian publisher Antonio Zatta, who coordinated the production of the illustrations to the text. The ambitious scale of the project suggests that work was underway long before Catherine's death. Its posthumous publication was therefore something of an accident of history, but one which shaped its reception and meaning.

The *Vita e Fasti di Caterina II, Imperatrice ed autocratrice di tutte le Russie* was published at a moment of great political, social, and dynastic upheaval in Europe after the massive historical rupture of the French Revolution. The conditions of production of the book were fleeting: not only had its subject died as it neared completion, but Venice itself was the locus of power struggles. The young General Napoleon Bonaparte's advances carved up the continent and treaties defined the new limits of empires. The year of the book's publication, 1797, saw the fall of the Republic of Venice after over a century of steady decline in both mercantile and political power. The collapse of the once influential city-state drastically curtailed the Venetian publishing industry, but also gave rise to a crisis of identity. During this period, Russia had gained substantial territory and influence, but the death of the empress after a thirty-four-year reign added to the sense of instability in Europe. Throughout, Russians and Venetians were at war with the Ottoman Empire, the persistent "other" against which Europeanness was so often defined.

This article explores the illustrations to the *Vita e Fasti di Caterina*. It considers how the key figures in the production of this imagery constructed messages about Russia at the end of the eighteenth century in Venice. In addition to the expected maps illustrating the expanse of the Russian empire, copies of the book were issued with two

accompanying plates, folded, and pasted in place but not bound with the text. They were etched by Giuliano Zuliani (ca. 1730 - ca. 1814) after drawings by Pietro Antonio Novelli (1729-1803/4).[1] The first of these plates (Figure 1) was situated on the first page of the first volume, preceding even the frontispiece (a simple portrait bust of Catherine II – Figure 2). It thus presented the reader with an immediate insight into the themes of the book manifested in visual form. It is curious, then, that this print did not feature an allegorical representation of Catherine or a scene from her reign, but rather an imagined view of Peter the Great founding the city of St. Petersburg some 94 years earlier. The second inserted plate, a view of Catherine herself entering the Russian imperial capital on horseback, did not appear until much later in the publication (Figure 3).

Figure 1: Giuliano Zuliani after Pietro Antonio Novelli, *Tsar Peter the Great Founds the City of Petersburg in Ingria, at the mouth of the Neva on the Baltic, in the Spring of the Year 1703*, 1797, etching on paper, pub. Antonio Zatta, Oxford: Talbot Collection, Ashmolean Museum (WA1974.313.425).

* This article grew out of research undertaken for my PhD, a collaborative doctoral award between the University of Cambridge and the Ashmolean Museum, University of Oxford, and predates my current position at the National Trust. I am grateful to Margaret Samu for her support in the preparation of this article and to the two reviewers for their helpful suggestions.

[1] For a broader discussion of Italian book publishing in the period, including connections between Lugano and Venice, see Renato Pasta, "The history of the book and publishing in eighteenth-century Italy," *Journal of Modern Italian Studies* 10:2 (2005): 200-217.

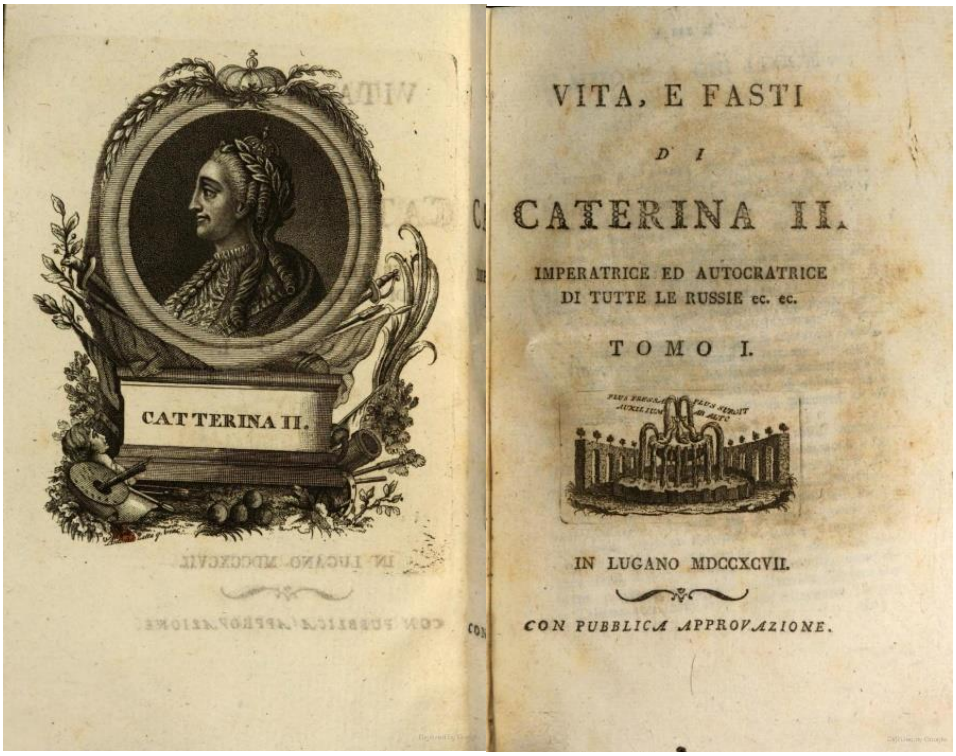


Figure 2: Frontispiece and titlepage, *Vita, e fasti di Caterina II. Imperatrice ed autocratice di tutte le Russie* (Lugano: Agnelli, 1797). Original from Lyon Public Library (Bibliothèjésuite des Fontaines).

Figure 3: Giuliano Zuliani after Pietro Antonio Novelli, *Caterina II acclamata imperatrice di Russia*, 1797, etching and engraving, 379 × 422 mm, Venezia, © Fondazione Giorgio Cini (inv. 36258). By kind permission of the Fondazione Giorgio Cini.

This article focuses on the production and reception of the first print showing Peter the Great founding St. Petersburg. It asks why this scene was chosen as the opening image of a book celebrating the life and deeds of Catherine nearly a hundred years, and seven Russian monarchs, after the city's foundation. It reveals that Venetian commentators and consumers of prints and books at the close of the eighteenth century still held Peter the Great as the central figure in their understanding of the Russian world. St. Petersburg, his city, remained the strongest manifestation of Peter's will, which echoed through the century.

The article will first introduce the key players in the creation of this image and draw out their connections with Russia: the designer of the print, the publisher of the print, and the author of the text. It will then provide an analysis of the imagery of the print and the mythology around Peter the Great, situating it within cross-cultural social and intellectual trends, particularly masonic ideas around societal improvement. After establishing the role of Venice in the perception of Peter the Great in Europe, and contemporary Venetian opinions on St. Petersburg, the article concludes with an exploration of the special significance of the print, and the book, in the watershed year of 1797.

Pietro Antonio Novelli: "The Venetian" with Russian Connections

The designer of the print, Pietro Antonio Novelli, was nicknamed "the Venetian" and was seen across Europe as a representative of his home city. Though a respected painter and frescoist, Novelli was best known in his time as a draughtsman and designer of prints, often producing drawings as "souvenirs" of his paintings. He spent time in Bologna, Padua, Udine, and Florence, and lived in Rome for around twenty years from 1777, but remained a leading figure in the world of Venetian book production. Novelli provided illustrations for several of the major publishers in the city. His fluid lines, directional shading, and judicious use of light and shade translated incredibly effectively to etching and engraving, and his delicate figures and packed allegories were well-suited to the intimate scale of a handheld book. Novelli produced a vast number of designs for Antonio Zatta and was one of the publisher's most frequent collaborators, especially on high-profile productions.[2]

Novelli forged connections with Russian patrons in imperial court circles during his long career. In 1772, the artist received a commission from Catherine II for a large painting on the subject of *The Family of Aeneas*, which he later recalled in his memoirs as a pivotal moment in his career.[3] The work was intended to hang in the Winter Palace as a pendant to Pompeo Batoni's *Chiron delivers Achilles to Thetis*, which the empress

[2] On Novelli as an erudite and prolific designer of prints and book illustrations see Ambra Sponchiado, "Pietro Antonio Novelli," in *Tiepolo, Piazzetta, Novelli. L'incanto del libro illustrato nel Settecento Veneto*, eds. Vincenza Cinzia Donvito and Denis Ton (Crocetta del Montello: Antiga Edizioni, 2012), 258-261; Catherine Whistler, "Domenico Tiepolo & his Contemporaries," in *The Glory of Venice: Art in the Eighteenth Century*, eds. Jane Martineau and Andrew Robinson (New Haven: Yale University Press, 1994), 329-359, especially 351-355.

[3] Novelli recalled in his memoirs: "Nel 1772 dipinsi un quadro di figure quanto il naturale per la galleria dell'augustissima Imperatrice de Moscovia, ove avendo avuto la misura obbligata de il soggetto in libertà, espressivi Creusa in atto di supplicare Enea, acciò levi dall'incendio di Troja il padre Anchise; ed è posto rimpetto ad uno del cavaliere Pompeo Battoni di Roma." Pietro Antonio Novelli, *Memorie della vita di Pietro Antonio Novelli Scritte da lui medesino* (Padua: Tipografia della Minerva, 1834), 20.

had commissioned in 1768. Probably around the same time, Novelli produced a curious watercolor, now in the Fogg Museum at Harvard University, showing Count Grigorii Orlov visiting plague victims in Moscow (Figure 4). The work is undated, but likely shows the plague outbreak of 1771, the measures against which led to a riot, which a commission headed by the count sought to subdue. Novelli recalled that he was invited to Russia by Catherine but declined to make the journey "so as not to venture into such a foreign climate."[4] His work on this ambitious volume nonetheless shows his continued respect for Russia and the late empress.

Figure 4: Pietro Antonio Novelli, *Count Gregorii Orlov Visiting Plague Victims in Moscow*, eighteenth century, black ink and watercolor on paper, 32.1 x 49.4 cm, Harvard Art Museums/Fogg Museum, Gift of Jeffrey E. Horvitz, Photo © President and Fellows of Harvard College, 2006.330

It was in Rome that Novelli likely crossed paths with the Russian diplomat, statesman, and collector Nikolai Borisovich Iusupov (1750-1831), who was resident in the city for some time. Iusupov would become one of Novelli's most important patrons, amassing a collection of at least 93 works by the artist, now held in the State Hermitage Museum. Apart from the commission for the empress, and the few Italian books in elite Petersburg libraries, access to Novelli's work in Russia would have been limited to the select audience invited to view Iusupov's collections at his palace on the Fontanka River in the capital. On his return to St. Petersburg, Iusupov's collection was one of the premier places to see the work of famous European artists in the city, for a select social circle. Contemporary Venetian drawings by Novelli, Francesco Guardi, Giannantonio Pelligrini, and others formed the largest subsection of his two and a half thousand strong drawings collection, known as his "paper museum."

[4] "Io poi non andai al servigio della Corte, benchè ne avessi l'occasione, per non arrischiarmi ad un clima tanto straniero, avendo genio di starmene in Tialika." Novelli, *Memorie della vita di Pietro Antonio Novelli*, 20.

Through his connections with Iusupov and Catherine herself, Novelli could claim greater knowledge of Russia than most of his contemporary Italian artists. With this insight, combined with his reputation as a designer of prints and established relationship with Zatta, Novelli was the ideal choice for the project. Moreover, as will be discussed below, he frequently and skillfully deployed the rhetoric of allegory in his work and thus could be relied on to design a suitably rich and layered image to open the biography of Catherine.

Antonio Zatta: A Prolific Publisher

The print's publisher, Antonio Zatta, one of the most prolific publishers in Venice, which was then a leading European center for printing and book production. At the time of the book's publication, Zatta's successful business allowed him to stay afloat in a challenging period. The biography was undoubtedly a luxury production, accessible only to a certain demographic of well-educated and socially and economically mobile Europeans. The scope of the publication across six volumes and the quality of the prints would have made it expensive. Throughout the eighteenth century, Venetian publishers often targeted a much broader audience than the relatively conservative Venetian public, printing in multiple languages and distributing widely. The etchings illustrating the *Vita e Fasti di Caterina* incorporate inscriptions in French as well as Italian, indicating its diffusion to a cosmopolitan audience, both through visitors to Venice and through trade routes.

However, Zatta and Agnelli published the biography exactly at the point that this established network began to disintegrate. The upheavals of the period after the fall of the Republic in 1797 ravaged Venetian publishing and printing. The number of printing presses in the city fell from 88 in 1793 to thirty in 1801, reflecting Venice's changing identity as an outpost of the Austrian empire, rather than the capital of a state.[5] Unlike many of his contemporary printers and booksellers, Zatta was a wealthy man. As such, he was among an elite group whose international connections and personal wealth allowed them to maintain production despite the shift in power. Zatta was seemingly willing and able to take the risk of publication, in the hope of finding a sufficiently receptive audience, in terms of both interest and financial means. He would have already invested significant time and money in the project which would have begun when times were more favorable.

Collaborations with counterparts in different centers were an important economic lifeline for struggling Venetian printers and publishers, as between Zatta and Agnelli in Lugano in this instance. Moreover, such collaborations created channels for the publication of politically controversial material that was suppressed in Venice itself. The ambitious biography of Catherine was probably begun at the outset of this tumultuous period and was published the year before Lugano was subsumed into Napoleon's new Helvetic Republic. Agnelli had taken a strongly pro-France position during the Revolutionary Wars and the printing press was destroyed in the anti-France riots of 1799, never to be reopened. As such, the *Vita e Fasti di Caterina* project came to fruition in a small window of possibility between two publishing centers under strain.

---

[5] Marino Zorzi, "The Book Trade in Venice under Foreign Dominations (1797–1866)," in *Habent sua fata libelli: Studies in Book History, the Classical Tradition, and Humanism in Honor of Craig Kallendorf*, eds. Steven M. Oberhelman, Giancarlo Abbamonte, and Patrick Baker (Leiden: Brill, 2021), 488-508, 489.

Like Novelli, Zatta had a history of connections with the Russian court. In 1757-58 he published the first ever complete collection of Dante Alighieri's works, which was dedicated to Empress Elizabeth Petrovna. The four-volume set was a lavish production and included the first illustrated edition of the *Divina Commedia* in around 150 years with plates accompanying each canto. Following the titlepage was a sonnet dedicated to Elizabeth, along with a portrait of the empress. The frontispiece to the first volume depicts Dante presenting his work to the Doge as personification of the Arts giving tribute to the leader of Venice (Figure 5). As such, the frontispiece to this prestigious production prefigured the allegories of Venice and the Arts produced by Novelli under Zatta's management. Novelli's drawing that entered Iusupov's collection especially recalls the composition of the Dante frontispiece, for example in the forwards lean of the figure of Venice, in place of the Doge, and the device of the stepped throne. These similarities suggest that this work might also have been a source for Novelli. His position as a trusted collaborator to Zatta might have meant that he could access plates and proofs from previous publications, such as this one.

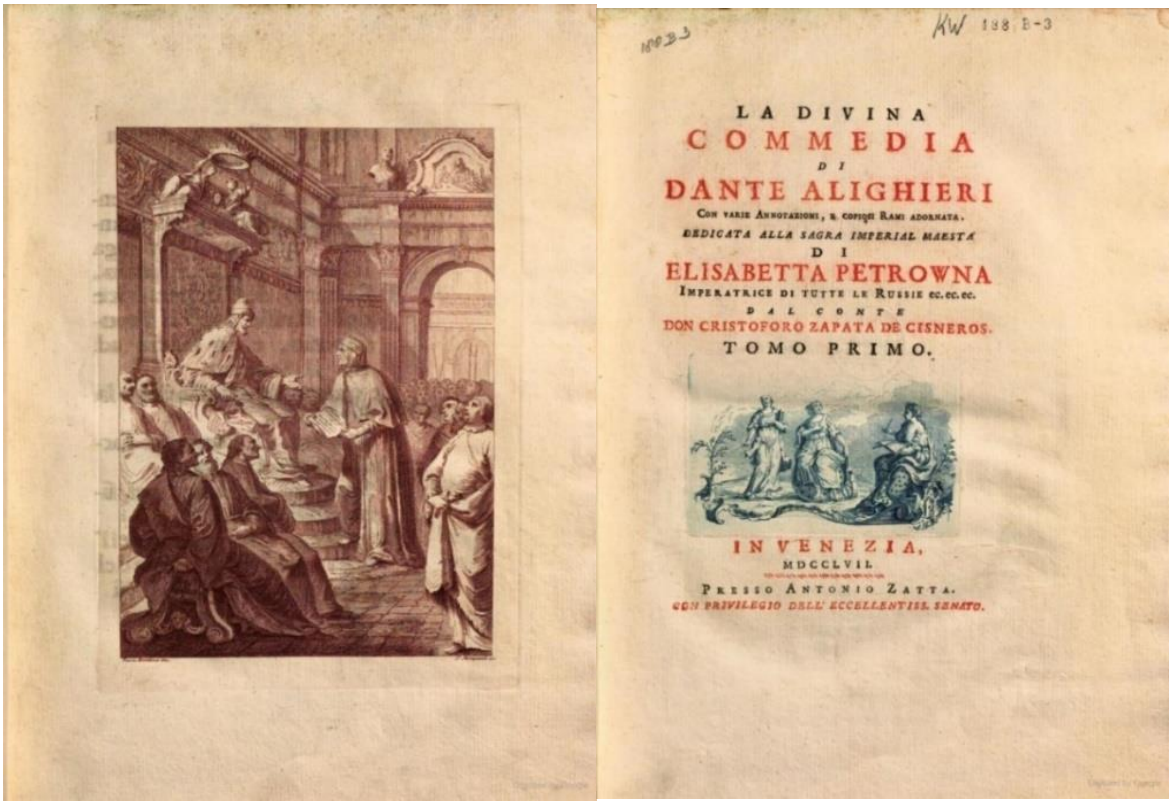


Figure 5: Unknown artist, Frontispiece to *Opere di Dante Alighieri,* eds. Pompeo Venturi, Gio. Antonio Volpi, Filippo Rosa Morando, Giovanni Lorenzo Berti, conte Gasparo Gozzi, vol. 1 (Venice: Antonio Zatta, 1757). Original National Library of the Netherlands.

Zatta likely saw the death of the Russian empress as a moment of opportunity. The end of a long and eventful reign would have been big news across Europe and interest in Catherine's biography would be at its peak. Along with Agnelli, Zatta could leverage empress's death to sell a work that would capture the interest of their elite clientele, during a tumultuous period.

Francesco Becattini: Author with an Agenda?

The author of the biography, Francesco Becattini, drew on several European publications about Catherine and Russia, often acting more as a compiler and translator than an original author. As such, the text gives a snapshot of the prevailing narrative of the empress's life as understood in Western Europe. In fact, it was not Becattini's first analysis of Catherine's reign: in 1783 he had published an account of the recent Russian conquest of Crimea in Naples, with a second edition published in Venice in 1785. This work ended with a strong endorsement of Catherine's territorial advance:

> In this way the Petersburg Court with admirable firmness was able to support and secure the vigorous act of the occupation of Crimea subjected to Asia, and to Europe, which are still astonished by such a sudden political blow, and her Cabinet takes all her steps with a strength and dignity equal to her undertaking. Other hordes and peoples of adjacent districts are always offering spontaneous submission, promising obedience and fidelity to the powerful Russian Eagle both for themselves and for their Successors, not ceasing to repeat everywhere among the incessant applause and happy cheers the august name of the invincible Catherine the Second.[6]

Becattini's conclusions reflect the interest in Russian foreign campaigns among Venetian observers as Russia began to play an increasingly important role in the politics of the Mediterranean.

Russian aggression in the Black Sea and Crimea shifted power in the region and gave hope for the development of Italian trade with the Levant, particularly among the Venetians and Genoese with former colonies in the area.[7] In fact, Becattini's account drew heavily on reports published in newspapers, especially the Venetian *Notizie del mondo*, and as such is a good indicator of the timbre of contemporary popular reporting.[8] Catherine's 1786 triumphal voyage to newly-conquered Crimea, and subsequent renewal of campaigns against the Ottoman Empire, triggered a flurry of European publications. Venetian interest was high. In 1788, the writer, commentator and newspaper editor Domenico Caminer produced the first volume of his *Prospetto degli Affari Attuali dell'Europa, ossia Storia della Guerra Presente*, which informed Venetian readers of developments in almost real time. Like Becattini's biography of

[6] "In tal guisa la Corte di Pietroburgo con un ammirabile fermezza ha saputo sostenere e assicurare l'atto vigoroso dell'occupazione della Crimea sottomessa in faccia all'Asia, e all'Europa, che sono ancora stupefatte da un sì improvviso colpo di politica, e il di lei Gabinetto si dirige in tutti i suoi passi con una forza e con una dignità eguale alla sua intrapresa. Altre Orde e popoli di adjacenti contrade vanno sempre offerendo una spontanea sommissione, promettendo obbedienza e fedeltà alla potentissima Aquila Russa tanto per sé medesimi che per li loro Successori, non cessando ovunque di ripetere tra gli incessanti applausi, e i lieti evviva l'augusto nome dell'invittissima Caterina Seconda." Francesco Becattini, *Storia della Crimea, Piccola Tartaria ed altre Provincie circonvicine. Soggetto delle recenti vertenze tra la Russia e la Porta Ottomana. Con un esatto ragguaglio delle usanze, costumi di que' Popoli, ultime loro vicende, e produzioni del paese inservienti al commercio d'Europa* (Venice: L. Bassaglia, 1785), 131.

[7] Dario Amore, *Napoli, San Pietroburgo e il Mediterraneo, 1777-1861* (PhD diss., Università degli Studi di Napoli Federico II, 2017), 129-130.

[8] Franco Venturi, *The End of the Old Regime in Europe, 1776-1789, Part II: Republican Patriotism and the Empires of the East* (Princeton: Princeton University Press, 2014), 781-782.

Catherine, Zatta sold Caminer's *Prospetto* in Venice, but it was published in Lugano in a total of 41 volumes issued between 1788 and 1801. The first volume featured a portrait of Catherine as its frontispiece, confirming the Russian empress's leading role in the power struggles of the period. Also in 1788, Vincenzo Formaleoni published a book in Venice "about commerce and navigation, enthusiastically advocating Venetian trade with Catherine's empire by the way of the Black Sea."[9] Formaleoni was another long-term associate of Zatta, having worked as a proof-reader in Zatta's printing house as a young man and contributing to the *Atlante novissimo*.[10]

The generally pro-Catherinian feeling of the 1780s in Venice gave way to a more complex view by the time of her death at the end of the century. At the point that his life of Catherine was published, Becattini had a more ambivalent attitude towards Russia, especially Russians in Italy, criticizing such "foreign guests" in his life of the Holy Roman Emperor Leopold II, published in 1796.[11] Nevertheless, his *Vita* is largely flattering portrait of Catherine, which presents her as a powerful sovereign who ushered in momentous change both at home and abroad. Like Becattini's text, the printed image that opened the book sought to situate Catherine's reign within the established mythology of Peter the Great, affirming her greatness, but also allowing more space for divergent opinions than a triumphant image of the empress herself.

Analysis of the Opening Print

Novelli's view of Peter the Great founding St. Petersburg, which opens the *Vita e Fasti di Caterina*, depicts the emperor consulting plans with his architect as workers construct new buildings around them. In the distance fortification walls are visible, situating the action on the Peter and Paul Fortress on Zaiachii (Hare) Island. Novelli has prominently highlighted laborers cutting and working stone at the right of the composition, and has placed an assemblage of stone elements, some unhewn and some antique, in the foreground. Though it professes to show a historical subject, with an inscription in Italian and French detailing the date and location, the scene was an invention. None of the buildings are recognizable as part of the original arrangement of the fortress, and even the fortification on the plan perused by Peter is obviously different to the actual footprint, a detail which would have been easily checked against any contemporary plan of the city. These deliberate deviations from reality indicate that the artist was not striving for historical accuracy but rather sought to construct a set of messages about the city and its founder.

With his careful composition, Novelli used the vocabulary of allegory for which he was well known. He had produced several allegories of cities and other geographical entities, such as rivers, over the course of his career. He favored this mode for frontispieces of books in which allegorical constructions could represent the themes of the text or the identity of the dedicatee. Perhaps best known is the frontispiece to the *Atlante novissimo*, one of the most important and lavishly illustrated atlases of the

[9] Larry Wolff, *Venice and the Slavs: The Discovery of Dalmatia in the Age of Enlightenment* (Stanford: Stanford University Press, 2001), 211.
[10] Mario Infelise, "Vincenzo Antonio FORMALEONI," in *Dizionario Biografico degli Italiani*, 49 (1997), https://www.treccani.it/enciclopedia/vincenzo-antonio-formaleoni_%28Dizionario-Biografico%29/.
[11] Francesco Becattini, *Vita pubblica e privata di Pietro Leopoldo d'Austria, granduca di Toscana poi imperatore Leopoldo II* (Milano: Galeazzi, 1796).

eighteenth century, which was published by Zatta in 1779 and featured a double-spread titlepage centered on a personification of Venice designed by Novelli and engraved by Zuliani (Figure 6). A similar figure of Venice as patroness of the sciences and arts also appears in a pen and brown ink drawing, probably a design for a frontispiece, which was in Iusupov's collection (Figure 7). This drawing may have been based on a design for a frontispiece by Giambattista Piazzetta published in Antonio Maria Zanetti's *Delle Antiche Statue Greche e Romane* (Venice, 1740; Figure 8), in which Minerva pays Homage to Venice, and owes a debt to Pompeo Batoni's *Triumph of Venice* of 1737, now in the North Carolina Art Museum.

Figure 6: Giuliano Zuliani after Pietro Antonio Novelli, titlepage to *Atlante novissimo, illustrato ed accresciuto sulle osservazioni, e scoperte fatte dai più celebri e più recenti geografi*, vol. 1 (Venice: Antonio Zatta, 1779). David Rumsey Gallery (11598.002).

Figure 7: Pietro Antonio Novelli, *Allegory of Venice-Patroness of the Sciences and Arts*, second half of the eighteenth century, pen and brown ink with grey wash on paper, The State Hermitage Museum, St. Petersburg (OP-20330). Photograph © The State Hermitage Museum. Photo by Konstantin Siniavskii.

Figure 8: Felicità Sartori after Giovanni Battista Piazzetta, *Minerva paying homage to Venice, with the Palazzo Ducale in the distance*; frontispiece to A.M.Zanetti's "Delle Antiche Statue Greche e Romane," 1740, etching on paper. © The Trustees of the British Museum (1951,0714.270). © Shared under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International (CC BY-NC-SA 4.0) licence.

Of particular note among Novelli's inventions in his image of the foundation of St. Petersburg is a curious half-built brick structure with a curved abutment and archway that stands in the background of the scene. This structure bears no resemblance to any building constructed on the fortress. Instead, it recalls the rendering of the Temple of Solomon that opens Johann Bernhard Fischer von Erlach's epic 1725 essay on the history of architecture (Figure 9). Throughout the seventeenth, eighteenth, and nineteenth centuries, theologians and artists attempted to reconstruct the Temple of Solomon. Fischer von Erlach, along with several contemporaries, drew on the influential calculations and illustrations of the Spanish mathematician Juan Bautista Villalpando (1552-1608), who published his analysis of the Temple in his treatise on the prophet Ezekiel in 1604.[12] Novelli's inclusion of the distinctive structure would have been immediately recognizable to an informed audience as the immense buttressed base first visualized by Villalpando.

[12] For a thorough analysis of Villalpando's ideas about the Temple and their influence, see Sergey R. Kravtsov, "Juan Bautista Villalpando and Sacred Architecture in the Seventeenth Century," *Journal of the Society of Architectural Historians* 64:3 (Sep., 2005): 312-339.

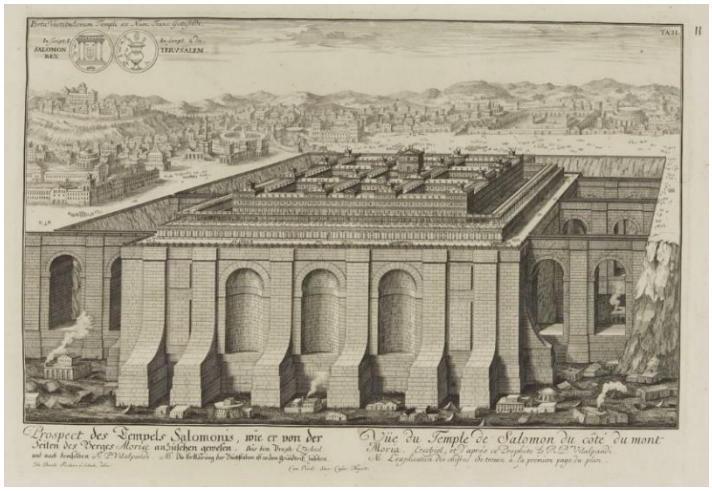


Figure 9: Johann Bernhard Fischer von Erlach, "View of the Temple of Solomon", etching and engraving on paper, in *Entwurff einer historischen Architectur* (Vienna: 1725), book 1, pl.II, Paris: Bibliothèque nationale de France (PET FOL-HB-105).

This identification of the building as the Temple of Solomon is bolstered by evidence of Novelli's engagement with the theme elsewhere. He had worked closely with the architect Tommaso Temanza and cast Tomanza's Church of la Maddalena in Venice as the Temple of Solomon in an illustrative vignette for a 1760 edition of Torquato Tasso's *Jerusalem Delivered* (*Il Goffredo, ovvero, Gerusalemme liberate*) (Figure 10).[13] In the Iusupov collection drawing of Venice as patroness of the sciences and arts, Novelli placed the personification of architecture, a female figure holding a pyramid, in front of a round temple which recalls La Maddalena and may be another reference to the Temple as the origin of architecture.

Figure 10: Jacopo Leonardis after Pietro Antonio Novelli, in Torquato Tasso, *Il Goffredo, ovvero, Gerusalemme liberata* (Venice: Antonio Groppo, 1760), vol. 1: 30. Getty Research Institute, Los Angeles (88-B13133).

[13] Massimo Favilla and Ruggero Rugolo, "Un'architettura di 'scientifica semplicità': Tommaso Temanza e la chiesa della Maddalena," *Studi veneziani*, LV (2008): 203-282, 215-216.

The incorporation of the iconic building, especially in the form popularized by Fischer von Erlach, who cast it as the origins of architecture, served to position St. Petersburg's buildings in the lineage of great architecture. The reference to architectural heritage was reinforced by the carefully placed pile of rubble in the foreground, consisting of the elements of a Corinthian column combined with rough-hewn blocks of stone. The vegetation gives the sense of old stone, but the architectural fragments are pristine, and the blocks are new, unworked stone, as made clear by the cutting tool resting on top. The elements of the column obviously signify the classical tradition and recall a trope in allegories of architecture, most notably in the frontispiece to the second edition of Marc-Antoine Laugier's *Essai sur l'architecture* designed by Charles-Dominique-Joseph Eisen (Figure 11).

Figure 11: Jacques Aliamet after Charles Eisen, Frontispiece to Marc-Antoine Laugier, *Essai sur l'architecture* (Paris: N.-B. Duchesne, 1755), New York: The Miriam and Ira D. Wallach Division of Art, Prints and Photographs: Art & Architecture Collection, The New York Public Library (b13954617).

The combination of biblical and classical architectural prototypes in Novelli's imagined view was typical of masonic imagery in the late eighteenth century. The stonemasons at work add to the masonic flavor, and the composition as a whole, with Peter and his architect consulting plans with the construction site stretching out over their shoulders, is reminiscent of the frontispiece to *The Builder's Dictionary*, a touchstone for freemasons (Figure 12). Peter's gesture makes clear the direction of

progress and frames the city as a new metropole rising from the remnants of past civilizations. Russian and European freemasonry of the late eighteenth and early nineteenth centuries shared a common belief in the infinite perfectibility of man and the moral obligation of self-improvement. Though they might have disputed the correct route to reformation, and what a perfected man would look like, masons agreed that the improvement of self would necessarily lead to the improvement of society. In both visual and verbal arts, as well as in ceremony and ritual, architecture and the working of stone were metaphors for this moral and societal progress. As such, a view of Peter founding the first stone city in Russia signified the capital as evidence of his role as improver and civilizer. Indeed, Peter the Great was something of a masonic hero, especially in St. Petersburg, where freemasons sang songs dedicated to him in the lodges.[14]

Figure 12: William Henry Toms after John Devoto, Frontispiece to *The Builder's Dictionary* (London: A. Bettesworth and C. Hitch; S. Austen, 1734), Getty Research Institute, Los Angeles (85-B15016).

It is perhaps unsurprising that Novelli's view of St. Petersburg should have been filtered through masonic ideas, which were familiar in Enlightenment Venice. The artist would have been well versed in this imagery, even if he was not a freemason himself. Novelli's associate Temanza had masonic connections. Moreover, the church of la Maddalena was commissioned by a patron who was a member of the Knights Templar,

[14] *Premudrost' Astrei: Pamiatniki masonstva XVIII – serediny XIX veka v sobranii Ermitazha* (St. Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2013), 73.

whose patronage likely informed the masonic symbolism that Temanza deployed above the door.[15] Masonic networks were a key route for European ideas to travel into Russia, and vice versa. Because Freemasonry was a European import, many of its practitioners in Russia, particularly in St. Petersburg, were steeped in European intellectual and cultural discourses, either because they were European immigrants themselves, or because they had travelled or studied in Europe. This was especially true of artists, architects, and the powerful figures who patronized the arts. Iusupov, for example, was a prominent freemason.

Novelli's choice to use masonic imagery at this moment in a publication about Russia, and especially about Catherine, is very telling. The decades around 1800 were tumultuous for Russian freemasonry. Catherine was extremely suspicious of masons, partly because she perceived them as plotting with her son Paul against her. From the mid-1780s the empress issued a range of draconian publishing bans and sent prominent masons into exile. When Paul revoked Catherine's sanctions immediately on his ascension to the throne in 1796, freemasonry was briefly revived. Although the book would have been planned during Catherine's reign, it was published in the brief period before Paul's positive attitude towards freemasonry changed to one of distrust, and the lodges were banned just three years into his reign in 1799.

Novelli's print complemented the text in emphasizing Peter's active role in bringing the city of St. Petersburg into being as the foundational moment in the creation of a new Empire and a new ruling dynasty. The image had considerable longevity and international impact, especially in masonic circles. In Venice, the primacy of this print within a book dedicated to the life of Catherine demonstrates the persistent fascination with Peter among European readers at the very end of the eighteenth century. Moreover, Peter remained a legendary figure who had cultural and political resonance despite the changeover of power both in Russia and Venice.

The Role of Venice in the Mythology of Peter the Great

Becattini's *Vita e Fasti di Caterina II* was one of several publications about Russia and Catherine's reign that appeared in Venice during the final third of the eighteenth century. The range and number of these publications should be understood as an evolution of the Venetian interest in Peter the Great, which began shortly after his death in 1725 and continued throughout the century. The primacy of Novelli's print of Peter founding St. Petersburg in Becattini's *Vita* can partly be explained by the first volume's focus on the history of the Russian Empire preceding Catherine's reign, particularly the time of Peter the Great and his descendants. This very framing shows that Venetians understood Catherine in relation to Peter.

Several books published about Russia in Venice during the eighteenth century were dedicated to the life of Peter. The first significant work, issued in the year of his death, 1725, consisted of a compendium of accounts of episodes from the emperor's life compiled by the printer and publisher Almorò Albrizzi. This coincided with a surge in the celebratory presentation of Peter in important European fora, epitomized by the presentation of a eulogy by Bernard de Fontenelle at the French Académie des Sciences. A decade later, in 1736, an Italian translation of Jean Rousset de Missy's French memoirs

[15] Favilla and Ruggolo, 211.

of Peter's reign was published in Venice under the pseudonym Iwan Nestesuranoi. The frontispiece, by Giovanni Cattini, shows Peter bestowing on Russia the gifts of the sciences, the arts, and religion (Figure 13). The message is clear that Peter was a civilizing force that brought a grateful Russia out of darkness. Through the open window are two of the main outcomes of Peter's project for a new Russia: a magnificent ship symbolizing the new naval might of the empire, and the Peter and Paul Fortress in his great new city of St. Petersburg.

Figure 13: Giovanni Cattini, frontispiece and title page, Iwan Nestesuranoi (Jean Rousset de Missy), *Memorie del regno di Pietro il Grande Imperadore di Russia, Padre della Patria ec. ec. ec..: Tomo primo* (Venice: Appresso Giammaria Lazzaroni, 1736), National Library of the Czech Republic – Slavonic Library (Rd 30076/1).

Also in 1736, the first edition of one of the most widely read and influential books on Peter the Great was published in Venice: Antonio Catiforo's *Vita di Pietro il Grande*. First published anonymously, the book was compiled from several smaller pieces that Catiforo had written while in Holland and France. Following the success of this first version, the book was published with Catiforo's name seven more times between 1737 and 1806. A key aspect of Catiforo's positive assessment of Peter was his vision for, and successful oversight of, the new city of St. Petersburg, beginning with the Peter and Paul Fortress on *Zaiachii* (Hare) Island. The author outlined what would become two main themes: the tsar's personal genius and leadership in the city's design and construction, and the city's role in heralding Russia as a European power with one of the most beautiful capitals in Europe: "He himself drew up the plan of the Citadel, which was to serve as a Fortress for this new Colony; and built it almost miraculously, reducing it in

a short time to become one of the most beautiful fortresses in all of Europe."[16] Catiforo did acknowledge the loss of some two hundred thousand lives among the "unfortunates" that were forced to work to bring Peter's vision into existence. However, he concluded that:

> Despite all this, the work continued with such diligence, that in less than five months the entire interior of the fortress was in excellent condition: and in this way the foundations of a city were established, which the Tsar had the consolation of seeing enlarged, enriched, and populated on a par with the main Maritime Cities of Europe.[17]

As the first comprehensive biography of Peter in any language, Catiforo's work became a handbook for Russian history, setting the tone for books about Russia published in Europe in which the personality of Peter played the central role. It was also translated into several Eastern European languages—Greek, "Illyrian Slavic" (modern Serbo-Croatian), and Romanian—addressing those Orthodox societies that were under Ottoman control.[18] This fact attests to a growing movement in the region to promote Peter's legacy and recognize him as a protector of Orthodoxy against Muslim domination. A Russian translation was made relatively quickly in 1743 by Stefan Pisarev, based on the Greek version, at the behest of Empress Elizabeth, who recognized the significance of this work to her father's memory and therefore her own legitimacy. However, the translation was not published until 1772 under Catherine.[19] Pisarev was an enthusiastic proponent of the mythology of Peter as Father of the Fatherland, an epithet that Peter had bestowed upon himself when he proclaimed himself emperor, and, as an active freemason, Pisarev added to the masonic heroization of the first emperor.[20]

Books published in Venice about Peter appeared not only in Italian, but also in other European languages. One fascinating example is Zaharije Orfelin's 1772 *Žitije i slavnija dela gosudarja imperatora Petra Velikago* (*Life and glorious affairs of the Emperor Peter the Great*). Orfelin was a Serbian polymath, writer, and master engraver who lived and worked in both Venice and Vienna. His highly complimentary biography of Peter was published by Demetrio Teodosio, a Greek publisher who has founded his own printing house in Venice in order to specialize in works promoting Orthodox Christianity. This venture was funded by Pano Maruzzi, a Greek merchant who became

---

[16] "Dispose egli stesso il modello della Cittadella, che dovea servir di Fortezza a questa nuoval Colonia; e fabbricolla quasi miracolosamente, riducendola in poco tempo una delle più belle Fortezze, che vanti l'Europa tutta." Antonio Catiforo, *Vita di Pietro il Grande imperador della Russia* (Venice: Francesco Pitteri, 1736), 142.

[17] "Con tutto ciò il lavoro contnuossi con tanta diligenza, che in meno di cinque Mesi fu tutto l'interno in ottimo stato ; e stabilironsi in tal forma le fondamentta d'una Città, ch'ebbe poi il Czar la consolazione di vedere ingrandita, arricchita, e popolata al pari delle principali Città Marittime dell'Europa." Catiforo, *Vita di Pietro il Grande*, 143.

[18] M. G. Talalai, "Venetsianskii svidetel' rozhdeniia Severnoi Venetsii: Antonio Katiforo i ego 'Zhizn' Petra Velikogo'," *Istoriia Peterburga* 3:84 (2021): 10-13, 12.

[19] The printing of the six hundred copies was undertaken at the Academy of Sciences, but at the expense of Pisarev himself.

[20] See A. I. Serkov, *Russkoe Masonstvo 1731-2000, entsiklopedicheskii slovar'* (Moscow: Rosspen, 2001), 613 for more on Pisarev's masonic activities.

Russian Ambassador to Venice in 1768.[21] A second version, with illustrative plates by Orfelin himself, was published two years later at the Imperial Academy of Sciences in St. Petersburg with a dedication to Catherine. Orfelin's glorification of Peter as an enlightened ruler had a patriotic and spiritual purpose. His was one of the most prominent voices among many of the Orthodox diaspora who sought Russian support and used the image of the first Russian emperor as the father of Orthodoxy to bolster their cause.[22] The publication of Orfelin's biography in St. Petersburg around the same time that Pisarev's translation of Catiforo was finally published in Russia demonstrates that there was a heightened moment in which Peter's reputation was framed in Russia itself for different audiences, as both father of the Russian Empire and also father of Orthodoxy. Simultaneously, the publication of these works in Venice demonstrates the power of the figure of Peter the Great for non-Russian audiences during Catherine's time, two generations after his death. It also indicates the cultural diversity of publishing in Venice and the exchanges between Venetian and Russian publishing operations, particularly among Orthodox communities.

Venetian histories of Petrine Russia inevitably took inspiration from the most famous work on the subject: Voltaire's *Histoire de Russie sous Pierre le Grand*. Elizabeth commissioned the high-profile author in 1757 and his history was published in two volumes in 1759 and 1763, spanning the final years of Elizabeth's reign and the coup d'état that brought Catherine to power and killed her husband Peter III. Multiple versions followed, with the last to be personally overseen by Voltaire published in 1775. As such, Voltaire's representation of Peter is more reflective of his relationship with Catherine than with his original patron. Voltaire's view of Peter was complicated. His account was not entirely complimentary, recognizing Peter's cruelty and the great human suffering endured in his "reforms," especially through long wars, the lack of improvement of conditions for the poor, and his failure to even attempt to tackle serfdom. He chose to title his work as a history of Russia under Peter the Great, rather than a biography of the emperor, to allow space for this criticism. Overall, however, Voltaire created an idealized picture of Peter's reign, in which Russia was brought from barbarism to civilization. Like Voltaire's other works, his history of Russia was published in Paris but read across Europe. As such it became a foundational text in the European acceptance of Peter as icon of Russian "progress" and an archetypal "great man" who changed the course of history.[23]

In his preface for first volume of the *Vita e Fasti di Caterina*, which outlined the history of the Russian Empire from the time of Peter the Great, Becattini was explicit about his debt to both Catiforo and Voltaire. He also cited "le Clerch" (Nicolas Gabriel Le Clerc) and "l'Eveque" (Pierre Charles Levesque), two respected authors of Russian history. Italian translations of Levesque's *Histoire de Russie* and Le Clerc's *Histoire physique, morale, civile et politique de Russie* were published in Venice in 1784 by Domenico Costantini and in 1785 by Giovanni Antonio Pezzana, respectively. Though

---

[21] Sotheby's London. *Continental and Russian Books and Manuscripts*. London: Sotheby's, July 8, 2008. Auction catalog: lot 94. https://www.sothebys.com/en/auctions/ecatalogue/2008/continental-and-russian-books-and-manuscripts-l08403/lot.94.html

[22] Vladimir Simić, "Politics, Orthodoxy and Arts: Serbian-Russian Cultural Relations in the 18th Century," *МУЗИКОЛОГИЈА / MUSICOLOGY* 28 (2020): 79-98, 84-85.

[23] Inna Gorbatov, "Voltaire and Russia in the Age of Enlightenment," *Orbis Litterarum* 62:5 (2007): 381-393.

Zatta's publication obviously took Catherine as its primary focus, Novelli's print, with its idealized view of St. Petersburg and the legacy of Peter the Great fit well into this lineage of publications. Western European readers widely accepted the foundation and development of St. Petersburg as the greatest achievement of Peter's reign, a physical manifestation of his will, which created a blueprint for Catherine to follow. Further, as the capital of a new empire, the city represented Russian imperial might, which continued to prove decisive in contemporary geopolitics.

What neither Novelli's print nor Becattini's text could capture was the complexity of Catherine's feelings about Peter's legacy. From her accession in 1762, and throughout the early years of her reign, Catherine had deployed the existing cult of Peter particularly skillfully to establish her claim to the throne and cast herself as the legitimate successor to his reforms. Born into a branch of the German princely family of Anhalt-Zerbst, she could not claim consanguinity with Peter. She had come to power through a violent coup which resulted in the death of Peter's grandson, her husband Peter III. In fact, Catherine worked to establish a closer link between herself and Peter than that between him and his descendants – after all, she had to prove her resemblance through her deeds, rather than relying on the accident of blood ties. Further, as influential factions of the Russian public had harshly criticized Peter III for his desire to revise the transformations of Peter I, the stage was set for Catherine to construct an ideological rather than a dynastic line of inheritance from the first emperor. However, as her reign matured it became crucial for Catherine to imprint her own persona in the public consciousness. As a result, she began to position herself as not only Peter's successor but as a more enlightened monarch who corrected his mistakes and took Russia to new heights of power and success.[24]

This evolution of messaging was accelerated in Catherine's latter years as Peter's legacy was revised among prominent thinkers in the empress's orbit. Ekaterina Dashkova, for example, fiercely condemned the despotism and cruelty in Peter's founding of St. Petersburg – forcing it into existence at the expense of hundreds of thousands of lives. Dashkova professed that it was only under Catherine's enlightened rule that the city could flourish. As touched on by both Catiforo and Voltaire, the construction of St. Petersburg on the Ingrian swamp was the crux of the critique of Peter's despotism. The cost of countless lives, mostly of serfs and Swedish prisoners of war, seemed a high price to pay for the creation of the city. As such, when Catherine celebrated Peter's feat of building the city, the messaging had to be carefully navigated. Fair labor and the avoidance of slavery were major themes in the political philosophy of the Baron de Montesquieu, whose *Spirit of Laws* was a major source for Catherine's *Velikii Nakaz* ("Great Instruction") of 1767. Montesquieu saw technology as a solution and encouraged the "skillful use of ingenious machines" to avoid the "violent fatigues which slaves are made to undergo." He gave mining as his illustrative example: "The Turkish mines in the Bannat of Temeswear, though richer than those of Hungary, did not yield so much, because the working of them depended entirely on the strength of

[24] For more on Catherine's complex relationship with the image of Peter see Karen Rasmussen, "Catherine II and the Image of Peter I," *Slavic Review* 37:1 (March 1978): 51-69 and Nicholas V. Riasanovsky, *The Image of Peter the Great in Russian History and Thought* (Oxford: Oxford University Press, 1985), especially 34-42.

their slaves."[25] Catherine would have been keen to avoid accusations of "oriental despotism" that could have been levelled at Peter, especially against the backdrop of the Russo-Turkish war.

The racist distinction between European "civilization" and Asian despotism or barbarism was fundamental to the imagery of both Peter and Catherine, both within Russia and in the eyes of Western European observers. Novelli's emphasis of skilled and free labor in his view of construction under Peter may be understood as a framing of Peter's legacy in morally favorable "European" terms, which added nuance to the earlier descriptions of Catiforo, Voltaire, and others who stressed the emperor's might and determination over the care for his subjects. The evolution of Peter into a masonic hero further aligned him with a message of self- and societal improvement, which softened his despotic reputation. It is crucial to remember that the Venetian view of Russia was mediated through both powers' changing dynamic with the Ottoman Empire over the course of the entire eighteenth century, and the shared stereotypes and biases that this generated.

Venetian Opinions of St. Petersburg

The question of whether Peter and his city should be understood in European or Asian terms also characterized the impressions of visitors to St. Petersburg during the eighteenth century. The image of the city as a magnificent triumph of Peter the Great's will is far from the accounts of Venetians who actually visited St. Petersburg. The cliché of St. Petersburg as "The Venice of the North" was not an association made by Venetian visitors in the eighteenth century, who generally noted more differences than similarities between the cities.[26] If visitors ever compared the city to a European counterpart, its scale and numerous monuments recalled Rome, which had been a conscious model for the city from its inception. More common, however, was the criticism that St. Petersburg was only pretending to be European.

A notable example of this criticism dates to the early 1760s, in a series of publications of observations that the Venetian polymath Francesco Algarotti (1712-1764) had made during a trip over twenty years earlier, during the reign of Empress Anna Ioannovna. Algarotti was critical of the city's climate, architecture, building materials and inhabitants, declaring that if all these things were different "St. Petersburg would surely be one of the finest towns in the world."[27] Algarotti blamed the city's failings on the despotism of Peter the Great. In this sense, he agreed with Catiforo that St. Petersburg was brought forth by the strength of Peter's will but characterized this as a formula for failure rather than success. A key difference is that Catiforo never made it to Russia and so never saw the city with his own eyes. He had attempted the journey,

[25] Baron de Montesquieu, Charles Louis de Secondat, "The Spirit of Laws," in *The complete works of M. de Montesquieu. Translated from the French. In four* volumes, vol.1 (London: T. Evans & W. Davis, 1777), 318.
[26] For an excellent summary of the impressions of Italian visitors to the city see Maria di Salvo, "A Venice of the North? Italian Views of St. Petersburg," in *St. Petersburg, 1703–1825*, ed. Anthony Cross (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003), 71-79.
[27] Algarotti's *Viaggi di Russia* took the form of twelve letters written to the British statesman Lord John Hervey during his trip which began in 1739. They were published in varying degrees of completeness in a series of editions, including after the author's death in 1764. For a full account, see Robert Bufalini, "The Czarina's Russia through Mediterranean Eyes: Francesco Algarotti's Journey to Saint Petersburg," *MLN* 121:1 (Jan., 2006): 154-166.

but was shipwrecked, rescued by a Dutch ship, and diverted to Holland. Here a clear divide is evident between the image of Peter and St. Petersburg abroad and the experiences of those who actually spent time in the Russian capital. Although Algarotti was the first to describe St. Petersburg as a "window" through which Russia looks at Europe, he implied that Peter had failed to implement his European vision.

Venetian visitors under Catherine the Great, such as the poet Vittorio Alfieri, who visited St. Petersburg in 1770, were similarly cutting. In fact, Alfieri expressed his immense disappointment on arrival in the city, precisely because his expectations had been raised by reading Voltaire's history of Russia:

> I had read the history of Peter the Great by Voltaire – a work which I obtained at the Academy of Turin from the Russian students, whose nation was much spoken of at this time as lately emerged from barbarism. My imagination, which had never yet failed to magnify everything, left me on the present occasion as usual the regret of being deceived. Hence, I approached Petersburg with a mind wound up to an extraordinary pitch of anxiety and expectation. But, alas! no sooner had I reached this Asiatic assemblage of wooden huts, than Rome, Genoa, Venice, and Florence, rose to my recollection; and I could not refrain from laughing.[28]

Alfieri's response to St. Petersburg was indicative of a growing belief among visitors and foreign observers, as well as some Russians, that the city was built in a fundamentally inappropriate location for a capital. The great cities listed by Alfieri were born of a totally different climate, which, in line with the theories of Montesquieu and others, was thought to be inherently tied to the character of the people and the place. This critique may be understood as an inversion of the positive myth of the city as an almost miraculous achievement of Peter the Great, instead casting it as a transgression of natural laws.[29]

Catherine herself envisaged a more temperate Southern capital as part of her "Greek Project," the ambitious plan to capture land from the Ottoman Empire with the ultimate goal of "liberating" Greece as the cradle of European culture. This capital could be understood both as the stated ambition for a "free" Constantinople and the restoration of Christian Byzantium, continuing a preoccupation of Peter, and more concretely in the creation of new cities as part of the annexation of Crimea.[30]

Alfieri's scorn at the "Asiatic huts" makes clear that he believed Russia was not, in fact, part of Europe. Several contemporary visitors expressed the view that St.

---

[28] Vittorio Alfieri, *Memoirs* (Oxford: Oxford University Press, 1961), 102.

[29] Wladimir Berelowitch and Olga Medvedkova, *Histoire de Saint-Pétersbourg* (Paris: Librarie Arthème, 1996), 214.

[30] For an overview of Catherine's "Greek Project" see Hugh Ragsdale, "Evaluating the Traditions of Russian Aggression: Catherine II and the Greek Project," *Slavonic and East European Review* 66:1 (1988): 91-117; Andreas Schönle, "Garden of the Empire: Catherine's Appropriation of the Crimea," *Slavic Review* 60:1 (Spring, 2001): 1-23. More recent scholarship on Catherine's Southern advances and their depiction in visual and verbal culture includes Erin McBurney, "Picturing the Greek Project: Catherine II's Iconography of Conquest and Culture", *Russian Literature* 75:1–4 (2014): 415-443; Yelena Severina, "Crimean Tableaux or Catherine II's Court as the Visual Record of the Russian Empire's Southern Expansion," *ВИВЛІОѲИКА: E-Journal of Eighteenth-Century Studies*, vol. 10 (2022): 113-140.

Petersburg was an illusionistic impression of a great European capital, for example, in the *Encyclopédie* article on St. Petersburg, published in 1765:

> Although this city first appears as one of the beautiful cities in Europe, there is disillusion when seen up close [...] The materials of the buildings are very weak and the architecture is hybrid. The palaces of the great lords are of bad taste, badly built and badly maintained. Someone has said that everywhere else ruins occur of their own accord, but they are made in Petersburg.[31]

Alfieri was not only damning about St. Petersburg, but also about the empress:

> I took no measure to be presented to the celebrated Autocratrix Catherine II. Nor did I even behold the countenance of a sovereign who in our days has outstripped fame. On investigating at a future period the reason of such extraordinary conduct, I became convinced that it proceeded from a certain intolerance of character and a hatred to every species of tyranny, and which in this particular instance attached itself to a person suspected of the most horrible crime – the murder of a defenseless husband. I have frequently heard it alleged by the defenders of Catherine that she had no other object, in assuming the reins of government, than to repair the evils committed by her husband, to give a constitution to the contrary, and to restore the Russians at least in part to the rights of which they had been deprived by slavery. I beheld them, however, groaning beneath the despotic yoke of this philanthropic Clytemnestra. Indignant at what I saw, I declined going to Moscow, as had been my original intention, and I ardently longed to return to Europe.

Alfieri's desperate wish to "return to Europe," combined with his characterization of Catherine as cruel, proud, and despotic, repeated many of the tropes found in accounts of Russia during Peter the Great's time. Again, the message was clear: Russia was not in Europe and its monarch did not uphold the characteristics expected of an enlightened European monarch.

Some accounts by Venetian and other Western European travelers who visited St. Petersburg during Catherine's reign were, however, more positive. Towards the end of the century, visitors were more complimentary about both building materials and the

---

[31] "Quoique cette ville paroisse d'abord une des belles villes de l'Europe, on est bien désabusé quand on la voit de prés [...] Les matériaux des édifices sont très-peu solides, & l'architecture en est bâtarde. Les palais des boyards ou grands seigneurs, sont de mauvais goût, mal construits & mal entretenus. Quelqu'un a dit que partout ailleurs, les ruines se font d'elles-mêmes, mais qu'on les fait à Pétersbourg." Le Chevalier de Jaucourt, "Pétersbourg," *Encyclopédie*, vol. XII (1765), 463a–464a, Académie des Sciences, *ENCCRE* (Édition Numérique Collaborative et CRitique de l'*Encyclopédie* ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers de Diderot, D'Alembert et Jaucourt (1751-1772)) (2017), http://enccre.academie-sciences.fr/encyclopedie/article/v12-1021-0/. Translation note: "bâtarde" is translated to "hybrid" to convey the mixing of architectural styles in St. Petersburg. This is in line with eighteenth-century French dictionaries that define the word as meaning "of two different natures." However, the original French contains a double meaning that suggests the city had illegitimate roots, that is, it appeared European but was not built on true European foundations. It is implied that the illusion of architectural style, without solid foundations and heritage, is the catalyst for the buildings to keep falling into ruin, in addition to poor materials and workmanship.

city's governance and social life. One example was the noted adventurer Giacomo Casanova, who visited in 1765, early in Catherine's reign, but did not publish his memoirs until 1789-1798. Despite his mainly positive anecdotes, Casanova did not make a connection between St. Petersburg and his hometown, even though much of the city was designed by Italian architects. Though St. Petersburg was beginning to offer an experience similar to that which cosmopolitan travelers would find elsewhere in Europe, it was still regularly framed as "other," and often as "Asiatic."

Venetian opinions of Catherine, St. Petersburg, and Russia during the final years of the empress's reign can be best characterized as ambivalent. This ambivalence is perhaps why Zatta commissioned Novelli to frame Catherine's life in relation to Peter's. The placement of visual emphasis on the earlier, mythologized moment, of Peter the Great founding St. Petersburg, rather than a contemporary assessment of the state of the Russian Empire and its monarch, allowed the publication to maintain some political ambiguity: there was space for criticism even within a publication that attested to the empress's strength and influence.

1797: A Crossroads for Europe

This paper sought to understand why the Venetian producers of a biography of Catherine II at the close of the eighteenth century chose an image of Peter the Great founding St. Petersburg to memorialize the empress's reign. While it may seem a curious choice, Novelli's print in fact neatly summarized how Venetians viewed Russia. The empire was represented by the monarch, and Peter the Great was the archetypal Russian monarch. The city of St. Petersburg was understood as an allegory of Peter's role as a civilizing force, bringing Russia closer to Europe. Artists such as Novelli drew on masonic symbolism to signify this trope of societal improvement. The fact that Catherine based her own mythology on the completion of Peter's project for Russia further bolstered this narrative.

The loss of the Russian empress and the fall of the Venetian Republic synchronized in an intense period of geopolitical change. Yet the publication must have been underway before this moment and attests to a strong established interest in Russia among Venetians which reflected a slower shift in the balance of power in Europe across the eighteenth century. The rise of the Russian Empire, declared by Peter the Great in 1712, coincided precisely with the decline of the Venetian Empire as a mercantile, naval, and political force. Catherine's recent territorial expansion and influence in the Mediterranean brought this ascendant power closer to home for Venetians. Two factors added to the understanding of Russia as European at this moment: Catherine's Germanic roots and the fact that both Russia and Venice were at war with the Ottoman Empire. Becattini and other Venetian commentators praised Catherine in part due to a sense of shared identity in distinction to a more clearly defined "other."

This commonality contrasted sharply with contemporary critiques of Russia and her capital city which centered on the "Eastern" non-Europeanness of Russia. Respect and disdain coexisted in the discourse among Venetians as to whether Russia could be defined as truly European. The books and images published in Venice, as a leading hub of European print culture, give extraordinary insight into how Russia was viewed in Western Europe. Novelli's print for Becattini's biography of Catherine II, while seemingly simple, exemplifies these complex identity narratives.

Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 125-141

In Search of Nature and Consciousness in Andrei Bialobotskii's *Pentateugum*: Classical Echoes and Modern Impulses

Erica Camisa Morale
University of Southern California
camisamo@usc.edu

Abstract:
Through close reading and reference to the philosophies of the time, this paper demonstrates how the long poem Pentateugum *(1690s) by Andrei Bialobotskii (ca. 1640-1720) offers us a dynamic picture of the tensions — between Classical and Orthodox cultures and between religious and secularized literatures—leading to the East Slavic Enlightenment. According to Andrei Bialobotskii, culture is vain because such is human knowledge. Simultaneously, culture triumphs because, through it, the subject acquires and expresses their consciousness in a* summa *that comprises the whole history of humankind. In this context, Classical culture provides a model for writing techniques and functions as the highest instance of punished vanity, while expressing the harmony between nature and the individual.*

Keywords:
Andrei Bialobotskii/Belobotskii, Jan Białobocki, Socinianism, Ramon Llull, reception of the Classics, Orthodoxy, East Slavic poetry, Enlightenment

In *Pentateugum*, a long poem composed in the 1690s, Andrei Bialobotskii represents how East Slavic culture is bustling with ideas and experimentation at this time.[1] Although scholars started investigating the figure of Andrei Bialobotskii at the beginning of the twentieth century, it was in a 1962 article that Aleksandr Gorfunkel' solved the mystery surrounding the identity of this author.[2] His Polish name was Jan Białobocki, which he changed to Andrei Bialobotskii upon relocating to Muscovy. He was born in a small agricultural town in what is now Poland around the 1640s and died in Muscovy around 1720. From 1665 he traveled throughout Europe—especially, Brandenburg, France, Holland, Spain, and Italy—before moving to Muscovy in February 1681, where he lived for the remainder of his life.[3] Here Andrei Bialobotskii was tried for heresy, from which he was

[1] Aleksandr Kh. Gorfunkel' discusses the date of composition of the long poem in his articles: "Andrei Belobotskii—poet i filosof kontsa XVII-nachala XVIII vv.," *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [hereafter *TODRL*], 18 (1962), 196; Aleksandr Kh. Gorfunkel', "'Pentateugum' Andreia Belobotskogo (Iz istorii pol'sko-russkikh literaturnykh sviazei)," *TODRL*, 21 (1965), 43. Throughout the article I adopt the name Andrei Bialobotskii, as this is how it is spelled in the only extant manuscript, Sobranie Uvarova, n. 472/268, ff. 355-369, Gosudarstvennyi istoricheskii muzei, Moscow. The Russian form "Andrei Belobotskii" is used when quoting other scholars' works, who adopt such a spelling.
[2] Gorfunkel', "Andrei Belobotskii," 188-213.
[3] Gorfunkel', "'Pentateugum'," 39-40; Aleksandr Kh. Gorfunkel', "Jan (Andrei) Belobotski. Gli albori della tolleranza religiosa nella Russia del tardo Seicento," in *La formazione storica della alterità: studi di storia della tolleranza nell'età moderna offerti a Antonio Rotondò*, vol. 2, eds. Henri Méchoulan, Richard H. Popkin,

acquitted after he defended himself with the *Confession of Faith* (*Wyznanie wiary*), which Marina Ciccarini has analyzed in *The Last Stakes*, the only monograph to date on the author.[4] After this experience, Andrei established himself as an intellectual in Moscow, positioning himself as being in continuity with the existing literary tradition.

Notwithstanding Gorfunkel's statements that "the literary creativity of Andrei Khristoforovich Belobotskii has left a noticeable mark in the history of the Russian seventeenth- and eighteenth-century Enlightenment" and that "Andrei Belobotskii's *Pentateugum* belongs [...] to the number of the most meaningful works of Russian poetry at the end of the seventeenth century," scholars have not yet explored the novelty that *Pentateugum* constituted in East Slavic culture and its author is still little known in the field of Slavic studies.[5] Researchers have thus far analyzed Andrei Bialobotskii's thought by considering his prose, like *Confession of Faith* (*Wyznanie wiary*, 1681), *The Rhetoric of Ramon Llull* (*Ritorika*, 1690s), and *The Great Science of Ramon Llull* (*Velikaia nauka*, 1698-1699), without examining the cultural innovations and philosophical elements of *Pentateugum*. In this work, the poetic voice celebrates at once Classical culture's triumph and vanity by combining religious culture (especially Bible and Eastern Orthodoxy) and secular culture (particularly from Western Europe). In *Pentateugum*, Andrei Bialobotskii moves beyond the mere inclusion of external elements of Classical culture, thereby laying the foundations for a deeper reevaluation of earthly life, which is necessary for the subsequent affirmation of Enlightenment culture. Andrei Bialobotskii's views on nature and human ethical behavior indicate a proximity with the thought of Faustus Socinus (1539-1604) and his followers in Poland, where reformed Christian doctrines rapidly spread in the seventeenth century.[6] Hence, *Pentateugum* offers us a dynamic picture of the tensions characterizing East Slavic culture at the turn of the eighteenth century—those between Classical and Orthodox cultures, and religious and secularized literatures—and of Bialobotskii's way of negotiating their interaction.

The Author in Context: Andrei Bialobotskii in Rus'

In the second half of the seventeenth century, Muscovy "began a westward movement" that saw territorial expansion as well as openness "to new people and ideas."[7] This change is marked by the Pereiaslav Agreement between the Hetmanate and Muscovy, signed in 1654 after the Cossack uprising led by Bohdan Khmel'nyts'kii; by the subsequent Don Cossack revolt led by Sten'ka Razin (1670-1671); and by the expansion toward Siberia

---

Giuseppe Ricuperati, Luisa Simonutti (Florence: Leo S. Olschki, 2001), 787-788; *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi XVII v.*, vol. 1 (St. Petersburg: Nauka, 1992), 128-131.

[4] Marina Ciccarini, *Gli ultimi roghi. Fede e tolleranza alla fine del Seicento. Il caso di Andrej Christoforovič Belobockij* (Rome: Armando Editore, 2008).

[5] Gorfunkel', "Andrei Belobotskii," 188, 208.

[6] Michael Tworek, "Education: The Polish-Lithuanian Commonwealth," in *Companion to the Reformation in Central Europe*, eds. Howard Louthan, Graeme Murdock, vol. 61 (Leiden: Brill, 2015), 360-389.

[7] Serhii Plokhy, *The Origins of the Slavic Nations: Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), 251.

that led to a conflict with China and lasted into the eighteenth century.[8] The 1650s are also characterized by the schism between the Russian Orthodox Church and the Old Believers, which started in 1652-1654 with Nikon's reforms and whose effects were felt in the subsequent decades, for instance in the years 1666-1667 and the tumultuous proceedings of the Great Moscow Synod.[9] Alongside the ongoing wars, schisms, and nationalist ambitions, in this period, East Slavic territories (comprising today's Ukraine, Belarus, Russia, and parts of Poland and the Baltic States) continued to have a unified literature, alphabet, and language, called Church Slavonic, which presented regional variations that were however mutually understandable.[10] Roman Jakobson points out the cultural and historical relevance of this phenomenon when observing that "the linguistic and folkloric proximity of these [Slavic] populations has continued to play an important role in the history of their mutual relations and has often encouraged their encounters, which have generated fruitful contaminations."[11] As Serhii Plokhy writes:

> The second half of the seventeenth century saw the beginnings of the first modern national project, that of Russian imperial identity, [which] was fully formed in the first decades of the [eighteenth] century, during the era of the Petrine reforms. The construction of Ukrainian Cossack identity, which laid the foundations for the Ukrainian national project of the modern era, was completed at about the same time. The Ruthenian identity that developed in the Grand Duchy of Lithuania prepared the ground for the nineteenth-century Belarusian national project.[12]

Plokhy furthermore observes that "up to the late eighteenth century ethnonational identities were secondary to other types of identity and loyalty, such as those based on family, clan, social group, region, dynasty, and religion."[13] Hence, although we can "identify the roots of many features that define the 'national character' of modern-day Russians, Ukrainians, and Belarusians" in the pre-modern and early modern eras, the process of nation formation until the first decades of the eighteenth century was incomplete in these territories.[14] The use of the same linguistic variety further encouraged the circulation of peoples and ideas and innovative, creative exchange. Such phenomenon contributed to building a common cultural area, exemplified by the intellectual experiences of Simeon

---

[8] Plokhy, *The Origins of the Slavic Nations*, 241-249; Roland Mousnier, "Part Two: Russia: The Peasants in the Revolts of the 'Time of Troubles' and in the Anabasis of Stenka Razin," in *Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia and China*, vol. 15 (London: Taylor & Francis Group, 2023), 216-229; Alan Wood, *The History of Siberia: from Russian Conquest to Revolution* (London: Routledge, 1991).

[9] Viktor M. Zhivov, *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* (Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002), 319-363.

[10] Dmitrii S. Likhachev, *Poetika drevnerusskoi literatury* (Leningrad: Nauka, 1967), 6-7.

[11] Roman Jakobson, *Premesse di storia letteraria slava* (Milan: Il Saggiatore, 1975), 359.

[12] Plokhy, *The Origins of the Slavic Nations*, 7-8.

[13] *Ibid.*, 7.

[14] *Ibid.*, 360.

Polotskii (1629-1680) and Andrei Bialobotskii himself.[15] Muscovy partook in the broader East Slavic culture, in which the Kyiv-Mohyla Academy was the cultural and educational hub and the Polish-Lithuanian Commonwealth the mediator between European and East Slavic cultures.[16] Notwithstanding the tensions between national identity and transnational culture, only "[b]y the end of the eighteenth century, literary works written in languages very close to modern Russian and Ukrainian had emerged from the cocoon of bookish Church Slavonic."[17] This is why I deem it appropriate to call this culture "East Slavic" up until the foundation of the Russian Empire.

Andrei Bialobotskii composed *Pentateugum* at a time when crucial changes in culture and literature were occurring in Muscovy. Daniel Waugh documents how "[o]ral transmission of knowledge continued to be essential for most of the population" until the end of the seventeenth century.[18] However, this was also the era in which the first state typography (*Verkhniaia Tipografiia*) and the first Muscovite academy (Slavic-Greek-Latin Academy) were founded. Their establishment was encouraged by Simeon Polotskii, who is widely recognized as the initiator of East Slavic authorial and literary poetry, as he introduced the syllabic meter and the stanzaic system, as well as composing *The Multiflowered Garden* (*Vertograd mnogotsvetnyi*, 1676-1680), the first collection of poetry in Muscovy.[19] Moreover, he also translated the *Psalter* (*Psaltyr'*, 1678), which inaugurated the tradition of spiritual poetry that became popular throughout the eighteenth century.[20] Simeon was also pivotal in shaping a literary community that fostered artistic creation and exchange, thereby exerting a remarkable influence on the next generation of poets. The literary community started to delineate a literary sphere that was distinct from the religious one and put an end to the tradition of the open text, or the practice of creating new texts by adapting excerpts from one text to another.[21] This is the period that scholars, including Anthony Hippisley, Lidiia Sazonova, and Viktor Zhivov, call the Russian baroque. This period is characterized by "eclecticism [...] typical of all writers and theoreticians [...]

---

[15] Simeon, born Petrovskii-Sytnianovich, adopted the toponym "Polotskii" upon being ordained. His name also exists in several variations: Simeon Polotskii is the spelling I use throughout the article as it is the transliteration of his signature in most of his manuscripts; Symeon Polotsky, Symeon of Polotsk, and Simeon Polockij are other existing spellings of his name.

[16] Svitlana R. Kagamlyk, "'Kyiv-Mohyla Academy Intellectual Space' as a Manifestation of Intercultural Communications (on the Basis of the Ukrainian Hierarchs' Epistolary Legacy)," in *Kyiv-Mohyla Humanities Journal* 5 (2018): 61–82.

[17] Plokhy, *The Origins of the Slavic Nations*, 8.

[18] Daniel Waugh, "The Eighteenth Century: From Reading Communities to the Reading Public," in *Reading Russia: A History of Reading in Modern Russia*, eds. Damiano Rebecchini & Raffaella Vassena, vol. 1 (Milan: Ledizioni, 2014), 47.

[19] On his life and works, see Lidiia I. Sazonova, *Poeziia russkogo barokko: vtoraia polovina XVII-nachalo XVIII v.* (Moscow: Nauka, 1991); and eadem, *Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia* (Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2006).

[20] Sazonova, *Poeziia russkogo barokko*, 14-6; Nadezhda Iu. Alekseeva, *Russkaia oda: Razvitie odicheskoi formy v XVII-XVIII vekakh* (St. Petersburg: Nauka, 2005), 36-37; Mikhail L. Gasparov, *Ocherk istorii russkogo stikha: metrika, ritmika, rifma, strofika* (Moscow: Izdatel'stvo Nauka, 1984), 20-22, 29-31, 47-49.

[21] Harvey Goldblatt, Riccardo Picchio, "Old Approaches and New Perspectives: Once Again on the Religious Significance of the 'Slovo o Polku Igoreve'," in *Harvard Ukrainian studies* 28: 1/4 (2006): 129–154.

without exception [...] [by which] external elements were borrowed, but not the deeper context [...] As a result, these elements become liberated and acquire a completely new pedagogical function."[22] By introducing new poetic techniques, themes, genres, and practices stemming from Classical to Renaissance to baroque literature, authors active between the seventeenth and eighteenth centuries contributed to the extraordinary fervor of East Slavic culture.

Though not a pupil of Simeon, Andrei Bialobotskii was part of the cultural élite of the time and interacted with people belonging to his circle. Bialobotskii arrived in Moscow following archimandrite Simeon Smolenskii in order to teach at the newly established Slavic-Greek-Latin Academy. He entered the Zaikonospasskii Monastery and met such noteworthy figures as Pavel Negrebetskii, hieromonks Kozlovskii and Kudritskii, hierodeacon Manuil, archimandrite Gavriil Dometskii, and the Leichoudes brothers.[23] He was also acquainted with Sil'vestr Medvedev, the rector of the Zaikonospasskii Monastery, who was a pupil of Simeon Polotskii and court poet following the latter's death. Moreover, he knew Evfimii Chudovskii, the hieromonk who belonged to the Grecophile faction that was at odds with the Latinophiles led by Simeon, yet had a relationship of mutual respect with him. Bialobotskii, who "[i]n Poland was persecuted by the Jesuits, who called him *Ketzermeister*, or 'teacher of heresy,'" encountered similar treatment in Muscovy.[24] Soon doubts about Bialobotskii's conversion from Catholicism to Orthodoxy arose, and Pavel Negrebetskii and Sil'vestr Medvedev accused him of Lutheran-Calvinist heresy, from which he successfully defended himself between 1681-2 with his *Confession of Faith*.[25] Gorfunkel' explains the success of Bialobotskii's defense as follows: "in formulating the main mistake of the novice, who was considered undeserving of being admitted to the Orthodox Church, the accusers encountered almost insurmountable challenges. They could not understand exactly which Western heresy Bialobotskii intended to spread in Holy Muscovy."[26] After the trial, Andrei Bialobotskii continued to play the role of the mediator between cultures through his participation in Fedor Golovin's diplomatic expedition to China as a translator (1686-1691) and through his writings, which testify to his knowledge of European thought.[27] We can even say that such a role goes back to his origins, since Bialobotskii was born in a liminal region, in a small town in the Polish district of Przemyśl that is close to the boundary with Ukraine. Hence, his education brought together elements of East Slavic culture and European philosophy and theology, and, through his life experience, he learned how to combine and adapt them to the cultural climate of turn-of-the-century Muscovite Rus'—something that *Pentateugum* represents in a masterful way.

---

[22] Viktor M. Zhivov, "K tipologii barokko v russkoi literature XVII-nachala XVIII v.," in *Chelovek v kul'ture russkogo Barokko* (Moscow: IF RAN, 2007), 26-27.
[23] Ciccarini, *Gli ultimi roghi*, 58-59.
[24] Gorfunkel', "Andrei Belobotskii," 199.
[25] Riccardo Picchio, Michele Colucci, *Storia della civiltà letteraria russa* (Turin: UTET, 1997), 189-190. Dmitrii V. Tsvetaev, "Na eretika Iana Belobodskogo," in *Pamiatniki k istorii Protestanstva v Rosii*, vol. 20 (Moscow: Universitetskaia Tipografiia, 1888), 196-197, 219-240.
[26] Gorfunkel', "Jan (Andrei) Belobotskii," 792.
[27] Ciccarini, *Gli ultimi roghi*, 63. Gorfunkel', "'Pentateugum'," 40.

Is There an Author in this Text?

Pentateugum—an eschatological long poem of 1328 lines divided into five books of different length in syllabic verses organized in octaves with alternating rhymes—does so by placing itself in-between translation and adaptation. Little is known about the publication and circulation of this work, and the only existing version is in manuscript form in the archives of the State Historical Museum in Moscow.[28] Given the contemporaneous practice of writing original works in manuscript form and circulating them within a selected circle of fellow monks and pupils (such as those in the Moscow Academy where he wished to teach), we can hypothesize that the audience and circulation of *Pentateugum* was similar. Its first four sections are a translation-adaptation of *Funerary Lament* and *The Last Judgment* by Matthew Rader (1561-1634) and of *The Eternal Torments of Hell* and *The Eternal Happiness of the Blessed* by Johann Niess (1580-1640), as well as four odes contained in the eschatological work, *The Last Four Things* (*Quatuor hominis ultima*, 1647). The fifth section is a translation-adaptation of *On the World's Vanity* (*De vanitate mundi*, 1638) by Jakob Balde (1604-1668). It has now been established that Andrei Bialobotskii did not consult such texts in the original, but in the versions produced by the Polish Jesuit Zygmunt Brudecki (1610-1647), who published several versions of these works in Polish translation alongside the original Latin text.[29] Because of this structure, the long poem does not conform to the modern criteria of originality and authority and some view it as a mere transcription. However, Gorfunkel' demonstrates that *Pentateugum* "is drastically different from the [...] source text" and is "free and original," and Vladimir Toporov and Marina Ciccarini agree with such statements.[30] Bialobotskii's composition can be considered original not only because "each poetic translation is to a large extent a literary work" and

[28] See Gorfunkel', "Andrei Belobotskii," 203; Gorfunkel', "'Pentateugum'," 43; Aleksandr M. Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia XVII-XVIII vv.*, 2nd ed. (Leningrad: Sovetskii pisatel', 1970), 382; Vladimir N. Toporov, "K istorii rannemoskovskogo barokko: 'Pervaia kniga o smerti' iz 'Pentateuguma' Andreia Belobotskogo," in *Barokko v avangarde-avangard v barokko: tezisy i materialy konferentsii Moskva, dekabr' 1993* (Moscow: Nauchnyi sovet po istorii mirovoi kul'tury RAN, 1993), 13. The poem's transcription has been published by both Gorfunkel' and Panchenko and I have consulted the latter's version in the current study.

[29] The term translation-adaptation is from Marina Ciccarini, "Le fonti latine e polacche del 'Pentateugum' di A. Ch. Belobockij," in *Plurilinguismo letterario in Ucraina, Polonia e Russia tra XVI e XVII secolo*, eds. Marina Ciccarini & Krzysztof Żaboklicki (Warsaw & Rome: Accademia Polacca di Roma, 1999), 22; Gorfunkel', "'Pentateugum'," 25-26, 41, 43.

[30] Gorfunkel', "'Pentateugum' Andreia Belobotskogo," 41-42. Toporov, in particular, has established that Bialobotskii's *Pentateugum* is an original work by closely analyzing the linguistic and rhythmic characteristics of the poem's fifth book. Toporov's work, however, focuses on only one of the long poem's five books and presents several inaccuracies due to the scholar not being able to consult the Latin and Polish originals, as Ciccarini shows. See Ciccarini, "Le fonti latine," 22-23, 27-30; Vladimir N. Toporov, "'Pentateugum V. Son zhizni cheloveka ili sueta.' Russkii iazyk–pol'skii iazyk: bor'ba i soglasie (stranichka iz rannykh russko-pol'skikh literaturnykh sviazei)," in "Put' romantichnyi soversil...": *Sbornik statei pamiati B. F. Stakheeva* (Moscow: Institut slavianovedeniia i balkanistiki Rossiiskoi Akademii Nauk, 1996), 199-244, especially note 12 on page 235. Since the goal of the present article is to demonstrate the intellectual novelty brought about by *Pentateugum* within Muscovite culture, I will not engage in an analysis of the long poem to showcase its originality. This is a study that I aim to undertake in a future article.

because in seventeenth-century Muscovite Rus' translating and combining excerpts from distinct texts "was not perceived as an actual translation, but as incorporation and recreation of Western literature."[31] *Pentateugum* is an original work because Bialobotskii operates specific choices within it, such as translating the poems into a form of Church Slavonic that is rich with Polonisms and Russianisms. He also adapts the meter and rhyme scheme to the target language, as well as focusing on the themes of human nature and the destiny of human life and selecting which lines from the original poems to translate, omit and add in his poem. *Pentateugum*, hence, constitutes a unique, independent poem, distinct from those of the authors it drew upon.

Gérard Genette's definition of the paratext can help us to understand how Andrei Bialobotskii manifests himself as the author of *Pentateugum*. According to this concept, we can grasp an author's intention through elements posited at the threshold of the text; namely the epigraph, the notes, the dedication, the author's name, and the title.[32] The full title of Bialobotskii's work is *Pentateugum, or Five Books of Short Creations by Andrei Bialobotskii about the Four Last Things, Vanity, and Human Life. The First Book is about Death. The Second is about God's Last Judgment. The Third is about Gehenna and Infernal Torments. The Fourth is about the Eternal Glory of the Blessed. The Fifth is about the Vanity of the World, Called The Dream of Human Life*.[33] Bialobotskii defines the books as "creations of Andrei Bialobotskii." By signing his work, as Simeon and the poets in his circle had started to do about a decade earlier, Bialobotskii overcomes the principle of anonymity that characterized East Slavic culture until the seventeenth century, according to which, since written words are the direct expression of God's wisdom, the message that a text conveys is more important than the individuality of the author who composed it. Bialobotskii furthermore presents in the title the logical progression of the subject matter from one topic to the other, so that there is no doubt that he sees himself as the author of the long poem and that he sees *Pentateugum* as his own composition.

The very title *Pentateugum* (from the ancient Greek "pentateukhos," meaning "five cases"), chosen by Bialobotskii, points to his creative and communicative intentions. "Pentateugum" designates the first five books in the Hebrew Bible, which constitute the Torah, or the "teaching" that its readers are supposed to get from reading these texts. By entitling his poem *Pentateugum*, Bialobotskii shows that he ascribes a crucial role to the teachings conveyed in his composition and that he deems his inspiration faithful to divine revelation, both of which characteristics are shared with the homonym Biblical texts. Andrei Bialobotskii considered himself a religious writer, so much so that in the fourth book he affirms the superiority of the biblical psalmist David over the mythological poet Orpheus: "David, holding the lute, plays, cheering the prophets up, / The lute of the

[31] Gorfunkel', "Andrei Belobotskii," 204. On the poem's linguistic features, see, A. Kamin'ska, "O iazyke perevoda *Pentateuguma* Andreia Belobotskogo (K voprosu o pol'sko-russkikh literaturnykh i iazykovykh sviaziakh)," in *Slavica Wratislaviensia*, XII (1977): 133-145. Also see Giovanna Brogi Bercoff, "La cultura letteraria barocca in Russia," in *Il Barocco letterario nei paesi slavi*, ed. Giovanna Brogi Bercoff (Rome: La Nuova Italia scientifica, 1996), 235.

[32] Gérard Genette, *Paratexts: Thresholds of Interpretation*, trans. Jane E. Lewin (Cambridge: Cambridge University Press, 1997), 81-89.

[33] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 218.

glorious Orpheus does not dare to stand with him" (book 4, st. 20, ll. 3-4).[34] If we consider that about a decade prior to the composition of *Pentateugum* Bialobotskii was tried for heresy, we may even interpret his choice of the title as a statement of his Orthodox faith.

The act of translating and adapting the German poems thus demonstrates what Andrei Bialobotskii's intellectual positions are and becomes a means for him to reflect on philosophical and theological themes that interest him. In this way, he contributes to introducing stylistic devices, themes, and the idea of authority by drawing on the words of authoritative intellectual figures in the contemporaneous literary and religious fields and by conciliating them with the culture of early modern Rus'.

Pagan Culture can also Teach us Something

In seventeenth- and eighteenth-century East Slavic culture, translation was one of the main tools through which writers adopted thematic motifs and stylistic devices emanating from European literature.[35] Among the authors active at this time, Simeon Polotskii (1629-1680), Karion Istomin (1640-1718), and Antiokh Kantemir (1708-1744) dedicated a great deal of their literary activity to translation. The process of translating enabled writers to take from the authority of established European models, which helped them to distinguish the fields of literature and religion, to shape the literary sphere, and to introduce previously unexplored genres and themes into East Slavic space.

Yet, transposed in early modern Rus', the adapted work also acquired new traits. Gorfunkel', for instance, points out that Andrei Bialobotskii either omits Classical names and myths or replaces them with East Slavic concepts.[36] Bialobotskii translates the pagan expressions "Pluto" and "reign of Pluto" present in the original texts into the Christian phrase "door of Satan" (book 3, st. 16, l. 1), while omitting such pagan names as Croesus and Olympus.[37] These changes coexist with other instances in which Bialobotskii instead maintains the original Classical names, as we shall see below. The variety of techniques used to translate Classical myths and names testifies to Bialobotskii's effort to adapt traits typical of Classical and Western philosophy and lyric—which he read during his fifteen years in Europe—to East Slavic culture. In this way, Andrei Bialobotskii partakes in the process of reception of Classical culture in East Slavic literature, which Simeon Polotskii had started with the composition of his *Multiflowered Garden* in 1680 during the baroque period and which culminated in the 1730-1750s with the so-called age of classicism. Bialobotskii fostered the inclusion of the Classics into Orthodox culture by using pagan

---

[34] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 243. Throughout the article, when quoting Andrei Bialobotskii's *Pentateugum*, I indicate, respectively, the cited book (book), the stanza (st.), and the line(s) (l. or ll.).

[35] The phenomenon is analyzed in Giovanna Brogi Bercoff, Maria Di Salvo, Luigi Marinelli, eds., *Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia del XVI-XVIII secolo* (Alessandria: Edizioni dell'Orso, 1999), 109-41, 187-197, 215-247, 267-289. A. V. Beliakov, A. G. Gus'kov, D. V. Liseitsev, S. M. Shamin, *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI-nachala XVIII stoletiia* (Moscow: IRI RAN, 2019).

[36] Gorfunkel', "Andrei Belobotskii," 205.

[37] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 233.

elements to convey Orthodox values and by mentioning Greek and Latin history as negative examples. Thus, Andrei employs Western literary traditions to develop his attacks on sinful life and its consequences on the afterlife, and simultaneously encourages the reception of these traditions in an area that used to condemn Classical culture, understood as superficial, external knowledge.[38]

Andrei Bialobotskii repeatedly mentions pagan culture throughout *Pentateugum*, using it to represent human vices and sins: Hades, the Greek God of the underworld, is asked to show "Gehenna's passions" (book 3, st. 1, l. 1); the mythological monster Cerberus is portrayed as the guardian of hell who reveals "where the sinner's dwelling with the demons is," as in Dante's *Inferno* (book 3, st. 1, l. 4); Gehenna is populated by mythological figures like Hekate (book 3, st. 2, l. 3) and Cupid (book 3, st. 6, l. 1); and those who are destined to eternal torments "sit in the vessel of the Acheron" (book 3, st. 5, l. 20).[39] The speaking voice realizes his educative goal by employing Classical culture as a negative ethical and spiritual example. The voice himself declares this: "Ancient Greeks and Romans, you will not tell your fables: / Having lived faithful to factual truth, you will listen to revealed truths" (book 3, st. 11, ll. 1-2).[40] The attack against Classical culture is expressed directly in *Pentateugum*'s fifth book, in which examples of vanity from antiquity are considered: "Where once was the capital city of Troy, they have sowed the earth with wheat" (st. 1, l. 4).[41] Throughout the fifth book, the history of Rome is highlighted, above all, as an instance of punished pride, confirming the critical lens through which the pagan past is portrayed.

To juxtapose the negative example constituted by Classical mythology and history Andrei Bialobotskii champions Biblical culture, which already appears as an ethical reference in the epigraph to *Pentateugum*'s first book: "Oh death! How bitter is the thought of you."[42] The epigraph—a quotation from Sirach 41: 1 present in the original text—is an innovation within East Slavic culture that adapts well to the Orthodox tradition, functioning as a thematic clue typical of this genre of literature. The thematic clue consists in collocating a citation from the Bible or the writings of the Church Fathers in a predominant position within the text, which is usually the beginning. It recurs throughout the text like a leitmotiv in order to remind the audience of the ethical and religious message.[43] In the epigraph to *Pentateugum*'s first book, the thematic clue expresses the speaker's awareness that death defines human identity. So, even in the epigraph, Bialobotskii mediates between the cultures of western Europe and eastern Slavdom.

---

[38] Boris A. Uspenskii, "Otnoshenie k grammatike i ritorike v Drevnei Rusi (XVI-XVII vv.)," in *Literatura i iskusstvo v sisteme kul'tury* (Moscow: Nauka, 1988), 123.

[39] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 231-232.

[40] *Ibid.*, 232.

[41] *Ibid.*, 244.

[42] *Ibid.*, 218. On the diffusion of the use of the epigraph in eighteenth-century Russia, see Laura Rossi, "Citazioni alloglotte in epigrafe nella letteratura russa del Settecento," in *Esempi di seconda mano. Studi sulla citazione in contesto europeo ed extraeurope*, eds. Monica Barsi & Laura Pinnavaia (Milan: Ledizioni, 2019), 31-43; A. L. Grishunin, "Epigraf," in *Kratkaia literaturnaia entsiklopediia*, vol. 8 (Moscow: Sovetskaia entsiklopediia, 1975), 516.

[43] Riccardo Picchio, "The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of 'Slavia Orthodoxa'," in *Slavica Hierosolymitana* III (1977): 1-31.

Zigismund Kržižanovskii has defined epigraphs as "light, movable bridges that are able to connect one language with another, and a culture with another."[44] In this instance, west European culture is represented by the introduction of the new stylistic technique of the epigraph, and the Biblical and Orthodox cultures are represented by the reference to the tradition of the thematic clue; their combination realizes a successful union between these cultures.

Within *Pentateugum*, Andrei Bialobotskii places Classical and East Orthodox cultures in a complementary relationship. Ancient Greek and Latin cultures deserve our attention because they provide important examples of civilization, and its extinction, together with their historical and mythological figures, which show us that the vanity of earthly life is only dust. Only through divine revelation, following the teachings of East Orthodox culture, can we overcome earthly dust and achieve salvation.

"The Earth Calls the Sky"[45]

Throughout *Pentateugum*, however, Classical culture not only constitutes the negative example opposed to the salvation brought about by Orthodox spirituality, but it becomes a shared legacy when it names celestial bodies and depicts the beauty of the universe. We can see this function play out in *Pentateugum*'s fourth book, entitled *The Eternal Glory of the Blessed*. Here, the lyric voice addresses a "you" that corresponds with himself, as we learn in the fifth stanza: "My soul, elevate yourself" (book 4, st. 5, l. 1).[46] The "I" invites the "you" not to despair "in the repository of dry bones" (book 4, st. 1, l. 1) and to rejoice "of the conversation with the stars" (book 4, st. 2, l. 1):[47]

> Let us look at these things, let's observe this, Boötes rules in the stellar place.
> Pollux and his brother Castor are standing, the seven sisters Pleiades are in one place.
> Orion shows the sword, Sagittarius stands out with the bow,
> A star overtakes another star, their path becomes bright.
>
> Let us look at Arcturus at midnight, let us look at Diana here,
> The days are delimited by the night, Phōsphoros and Esper are wonderful (book 4, st. 3, ll. 1-4; book 4, st. 4, ll. 1-2).[48]

As is traditional for astrological language and poetic texts, the names of mythological figures denominate celestial corpses, but it is challenging to distinguish the name from the character who inspires it. Indeed, constellations are personified and described as the

---

[44] Quoted from Rossi, "Citazioni alloglotte in epigrafe," 34.
[45] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 242.
[46] *Ibid.*, 240.
[47] *Ibid.*, 240. In the first quote, I translate "костех" ("*kostekh*") in locative case, as "костей" ("*kostei*") in genitive case, because it seems the more correct understanding of the phrase.
[48] *Ibid.*, 240.

corresponding mythological figures, as in the line: "Orion shows the sword." In this "conversation with the stars" a unique radiance embraces all that exists and Classical figures, and the reader is involved in the movement by which the "earth calls the sky." From this stems the appreciation of nature and the order of things in it.

The same occurs in the first three quatrains of the first book. Here, the speaker praises all that exists as a rich and various universe in which everything has its own place:

> Lawns, little herbs, little flowers, orchards, fields, mountains, grapes,
> Earth and the fruits of the trees, yards, woods, gardens,
> Springs of clear water, gatherings of birds singing sweetly (book 1, st. 3, ll. 1-3).[49]

The speaker is aware of the transitoriness of human nature: "everything that is born, dies, in the world nothing lasts forever" (book 5, st. 4, l. 1).[50] The voice depicts the world in an apocalyptic light in the second book, which is in fact dedicated to the Last Judgment, but represents it as beautiful and gentle in the first book:

> Stars, let us shine in the sky; planets, let us go in circles,
> Sisters Pleiades, please, let us send the rain to us on earth.
> Castor and Pollux, your kindness is clear to those who sail on the sea (book 1, st. 2, ll. 1-3).[51]

The poet praises every aspect of the universe and wishes that everything will be able to continue on this path: "Under the celestial sphere every creation, moving in its own space, / Be cherished by God now and forever" (book 1, st. 4, ll. 3-4).[52] This distich means that all that exists follows a dynamic order, regulated by rules inscribed in the tangible world and knowable to humans. The statement, which is one of Andrei Bialobotskii's original insertions into *Pentateugum*, is reminiscent of the philosophy of Ramon Llull (1232-1316), one of his main philosophical references, to whom he dedicated two works. In the late Middle Ages, at a time when in Europe Scholastic analytical thinking held sway, Llull had expressed the ideal of a synthetic science of the sciences, which could gain insight into the essence of the natural world and help the progress of knowledge. As the distich cited above suggests, this corresponds to one of the cornerstones of Bialobotskii's conception of nature.

Andrei Bialobotskii projects his reevaluation of the earthly dimension on to his anthropological thought. His sense of self constitutes an innovation with respect to the Hebraic and the Orthodox traditions. As Sergei Averintsev notes, "[i]n old Jewish literature there appear many most peculiar 'personalities,' but not even one 'individuality.' A person exists—or does not exist—as a 'personality' independently from what they think about themselves, but as an 'individuality' a person does—or does not— define themself in their

[49] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 219.
[50] *Ibid.*, 244.
[51] *Ibid.*, 218.
[52] *Ibid.*, 219.

consciousness."[53] In *Pentateugum*, we witness one of the first instances of acquiring self-awareness within an East Slavic written text. Indeed, Bialobotskii deals with the human presence and final life events—death, divine judgment, hell, and paradise—as personal experiences: "You want not to be afraid of death, so be ready for the fight" (book 1, st. 21, l. 1).[54] The subject is not only a grammatical figure, but the protagonist of conscious behavior, as we see in the following distich: "Conscience reveals to you the essence of things, denounces your sins. / Truth pronounces a verdict on you, condemns you to eternal death" (book 2, st. 38, ll. 3-4).[55] Here, the voice is telling us that the Final Judgment occurs within one's consciousness. This is an innovation with respect to conceptions in other early modern East Slavic texts and is connected, at the historical level, to the call for individual awareness that developed after Nikon's reforms and, at the doctrinal level, to Andrei's familiarity with Catholicism and with Christian reformed groups.[56]

However, Andrei Bialobotskii's reconsideration of human nature goes beyond the system of belief of western strands of Christianity in the form of Catholicism, Lutheranism, and Calvinism. In explaining Bialobotskii's position, Gorfunkel' speaks "of the proximity of Belobotskii's views to the ideas of the 'natural' and bloodless religion of the Deists" and of the "pantheistic identification between God and 'nature'."[57] Such an explanation, however, emphasizes excessively the pantheist and enlightened aspects of Bialobotskii's thought. Elsewhere, Gorfunkel' briefly mentions the possibility that traces of Socinian thought are present in Bialobotskii's works.[58] This is a hypothesis that Ciccarini advances more convincingly and that I consider historically accurate.[59] Indeed, Socinianism is one of the movements that led to the Enlightenment philosophies mentioned by Gorfunkel'. For instance, thinkers who expressed positions close to pantheism, deism, and physicotheology, such as Baruch Spinoza, John Locke, and Isaac Newton, were to a certain extent inspired by Socinianism.[60] Similar to these authors, Bialobotskii conveyed positions close to Socinianism, especially those laying claims to religious freedom. Although Ciccarini notes that "we have not direct proofs that Bialobotskii knew the works by Socinus or later Socinian authors," we know that Socinianism was broadly popular both in Poland

---

[53] Sergei S. Averintsev, *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* (Moscow: Shkola "Iazyki russkoi kul'tury," 1996), 20.
[54] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 222.
[55] *Ibid.*, 230.
[56] Zhivov, *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii*, 319-343.
[57] Gorfunkel', "Andrei Belobotskii," 212, 209.
[58] Gorfunkel', "Jan (Andrei) Belobotskii," 792.
[59] Ciccarini, *Ultimi roghi*, 107.
[60] Diego Lucci, "The Biblical Roots of Locke's Theory of Personal Identity," in *Zygon* 56:1 (2021): 168–187. John Marshall, "Locke, Socinianism, 'Socinianism', and Unitarianism," in *English Philosophy in the Age of Locke*, ed. M. A. Stewart (Oxford: Clarendon Press, 2000), 111-82; Victor Nuovo, *Christianity, Antiquity, and Enlightenment: Interpretations of Locke* (Dordrecht: Springer, 2011), 21-51, 36-43, 75-101; Ruth Savage, "Locke's Proof of the Divine Authority of Scripture," in *Philosophy and Religion in Enlightenment Britain* (Oxford: Oxford University Press, 2012), 56-76; Stephen David Snobelen, "Isaac Newton, Socinianism and 'the One Supreme God'," in *Socinianism and Arminianism. Antitrinitarians, Calvinists and Cultural Exchange in Seventeenth-Century Europe*, eds. Martin Mulsow & Jan Rohls (Leiden, Boston: Brill, 2005), 241-288.

when he was born and in the Netherlands when Bialobotskii lived there.[61] The heart of the movement was the Polish city of Raków, in which Socinianism flourished at the turn of the seventeenth century. Throughout the century, however, the political and cultural climate in Poland changed with the reigns of the religiously zealous kings Sigismund III (1587-1632) and Jan III (1674-1696) and with the Swedish invasion of Poland (1655-1660). Socinians were persecuted until 1658, when the resolution of the Polish Diet condemned them to exile. A subsequent Diet in 1659 mandated them to leave Poland by 1660.[62] A Socinian catechism was even written and published in Raków in 1605 and 1619 and reprinted three times in the Netherlands (1665, 1666, 1667) and twice in German-speaking lands (1608, 1612), which were regions that Bialobotskii had visited.[63] Since Bialobotskii was born around 1640 and started traveling around Europe in 1665, during which he showed clear philosophical interests, it is entirely possible that he became acquainted with Socinian ideas at this time.

We can find traces of Socinianism in Andrei Bialobotskii's body of works. *Pentateugum* encompasses theological statements that are close to the Socinian notion of nature as eternal and uncreated.[64] In the first book, the speaker addresses the sun and the moon, saying: "The two of you shined day and night, your time does not know old age" (st. 1, l. 4). This statement is strengthened in the fourth book: "The sun in the sky is the most eternal" (st. 12, l. 4).[65] One may hypothesize that Rader, Niess, and Balde, the German authors of the original odes, or Brudecki, the Polish translator that Bialobotskii consulted when writing *Pentateugum*, were conditioned by Socinianism and that, hence, Bialobotskii indirectly drew elements of Socinianism from them. However, we know that both the German authors and the Polish translator were fervent Jesuits and strongly rejected Socinian thought.[66] In the *Confession of Faith*, Andrei acknowledges the Trinity, a position opposite to Socinian belief. The same occurs in *Pentateugum*'s fourth book: "O sacred Trinity, let us rejoice, I, your servant, salute you. / One God in three persons, the eternal throne is your honor, your glory" (book 4, st. 15, ll. 1-2).[67] However, about a decade prior to this, Bialobotskii had to defend his notion of the Trinity and, in Muscovite Rus', "the accusation of anti-Trinitarianism was quite dangerous."[68] The coexistence of Christian dogmas and the typically Socinian way of understanding nature as uncreated, supported

[61] Ciccarini, *Ultimi roghi*, 107, 109; eadem, "Racjonalizm humanistyczny w kulturze XVII wieku. O Janie Andreju Bialobockim i srodowisku socynian," in *Humanizm polski dlugie trwanie–tradycje–wspolczesnosc*, eds. Alina Nowicka-Jeżowa & Marcin Cieński (Warsaw: Neriton, 2008), 88.

[62] Stanislas Kot, *Socinianism in Poland: The Social and Political Ideas of the Polish Antitrinitarians in the Sixteenth and Seventeenth Centuries* (Boston: Starr King Press, 1957), 130, 135, 204; Earl Morse Wilbur, *A History of Unitarianism*, vol. 1, *Socinianism and its Antecedents* (Boston: Beacon Press, 1977), 459-509.

[63] Wilbur, *A History of Unitarianism*, vol. 1, 433, 822.

[64] This is one of the key principles of Socinianism and draws on the exegesis of Genesis 2. We can find this concept in Johannes Völkel's *De vera religione*, the first thorough explanation of Socinianism published five times between 1630 and 1642 by the Academy of Raków. We can also read it in Valentin Schmalz's notes of the lectures by Faustus Socinus, which have been transcribed and published in Delio Cantimori & Elizabeth Feist, eds., *Per la storia degli eretici italiani in Europa nel secolo XVI* (Rome: Reale Accademia d'Italia, 1937).

[65] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 218, 242.

[66] Gorfunkel', "'Pentateugum'," 41, 43.

[67] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 242.

[68] Ciccarini, *Ultimi roghi*, 89.

by the theoretical statements in books 1 and 4 and by the numerous descriptions of nature throughout *Pentateugum*, reveals both Andrei Bialobotskii's closeness to Socinianism and the creative combination of distinct religious inspiration in his work.

What is more, several statements in *Pentateugum* highlight the importance of personal consciousness and moral behavior—cornerstones of the Socinian catechism of Raków.[69] The speaker expresses this idea in *Pentateugum*'s second book: "Let us disappear as you have lived" (st. 35, l. 4), and: "Consciousness reveals the essence of things, denounces your sins" (st. 38, l. 3).[70] For Bialobotskii, consciousness and virtuous behavior are the measure of eternal destiny, of which the individual is only responsible because "virtue is the coronation of everything" (book 1, st. 20, l. 2).[71] These verses convey a conception which is in line with the Socinian belief that God has put humans in the condition of shaping their own lives through free will, without being subject to predestination but following their consciousness. Contrasting Lutheranism and Calvinism, Faustus Socinus also emphasizes human responsibility and free will, rejecting original sin, as we can see in the Socinian catechism of Raków.[72] In this text, sin is not described as a legacy inherited from previous generations but as a "voluntary transgression" carried out by the individual; sinners are likewise "rebels" for Andrei Bialobotskii (book 2, st. 38, l. 2).[73] Bialobotskii, like Socinus, theorizes the identity of religion and ethics and conceives of Christianity as a method to achieve salvation. For both the Socinians and Bialobotskii, this method is based on the free choice of following Christ's example and the norms included in the Gospel. In *Pentateugum*'s second book, Bialobotskii posits the conduct illustrated by Jesus during the Sermon on the Mount (Matthew 25: 34-45) as the criterion to attain eternal life. In the fourth book, he turns to individual choice and judgment: "Do not stand there, stupid man [...] Let us look at these things, let us observe this" (st. 2, ll. 1-2; st. 3, l. 1).[74] This address to individual will reveals that for both Bialobotskii and the Socinians individuals can make right choices by using the reason and the will that are present in each of us since divine creation. This echoes such statements on will in the Catechism of Raków as: "Commonly by nature there is very little power in people to do what the Lord God wants them to do; but the will to do it is by nature in everybody."[75] In reevaluating ethics, Bialobotskii and the Socinians reclaim tolerance, showing that they bear similarities on issues of religious politics as well. Johann Crell (1590-1633), a German theologian who lived and preached in the same Polish Unitarian environment in which Bialobotskii grew up, affirms that it

[69] Wilbur, *A History of Unitarianism*, vol. 1, 431-443. I refer to the Racovian Cathechism published in 1619. See *Katechizm* (Raków: Rakówa Akademiia, 1619), 2.
[70] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 229-230.
[71] *Ibid.*, 222.
[72] In it, for instance, we read: "Is not human free will corrupted by the original sin? You have no original sin. It could not destroy human free will. For even from the Holy Writs it is nowhere shown that there was original sin and the fall of Adam, since there was only one person, and he could not have such power that he spoiled the nature of Adam himself, and with preparation that of all his descendants." See *Katechizm*, 80.
[73] *Katechizm*, 80; Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 230.
[74] Panchenko, *Russkaia sillabicheskaia poeziia*, 240.
[75] *Katechizm*, 81.

matters more how a person lives and acts than their religious confession.[76] In his *Confession of Faith*, Bialobotskii also affirms that "although the regulations of the Holy Greek and Roman Churches differ, those who in any way cannot discern which faith is the more certain and pious, will be saved in both."[77] According to Bialobotskii, obedience to God and to the model represented by Jesus Christ matters more than the blind obedience to dogmas, unintelligible to human reason. In the seventeenth century, when religious wars ravaged Europe, such principles often led to suspicions and accusations of infidelity and even persecution.

The conception of nature as uncreated and eternal and, above all, the centrality of individual and ethical responsibility bring Andrei Bialobotskii close to the Socinians and simultaneously lead to stark criticisms against his work. Yet, the idea of Socinians—and Bialobotskii—that righteous behavior matters more than adhering to one specific religious doctrine had the potential to lead to religious tolerance, thereby opening the path to the philosophies of Locke and Voltaire and to the reception of other religious movements in eighteenth-century Russia.

Conclusion

Pentateugum testifies to an ongoing process at the turn of the eighteenth century in East Slavic territories; namely the beginnings of authorial and literary poetry and the opening to Classical and western European culture.[78] We have seen how, in many passages of *Pentateugum*, mythology and Rome's past glory often function as negative examples of punished vanity. However, their inclusion within the poem allows for their reception within East Slavic culture. Such an interweaving of diverse elements demonstrates that the stark opposition between Orthodox religious culture and Classical and secular culture does not adequately represent the process of artistic creation and the sharing of knowledge in Muscovite Rus' at the turn of the eighteenth century.[79] Instead, Andrei Bialobotskii welcomes elements that are foreign to the East Slavic cultural system and merges them with those that are foundational of this system. Bialobotskii especially welcomes and spreads the focus on the natural order and on the human self and reason that is typical of Classical and Renaissance philosophies, especially that of Ramon Llull, whose works have

[76] Tworek, "Education: The Polish-Lithuanian Commonwealth," 380. Kot, *Socinianism in Poland*, xxv, 156.
[77] Quoted from Ciccarini, *Ultimi roghi*, 171.
[78] This cultural phenomenon is analyzed in several works. See, for example, Alekseeva, *Russkaia oda*, 14, 33-52; Sazonova, *Rannee Novoe vremia*; Viktor M. Zhivov, "Religioznaia reforma i individual'noe nachalo v russkoi literature XVII veka," in *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* (Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2002), 323-324, 328, 332.
[79] Among the recent studies on the religious roots of the East Slavic Enlightenment, see, Andrey Ivanov, *Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia 1700-1825* (Madison, WI: University of Wisconsin Press, 2023); Olga A. Tsapina, "Pravoslavnoe Prosveshchenie—oksiumoron ili istoricheskaia real'nost'?" in *Evropeiskoe Prosveshchenie i tsivilizatsiia Rossii*, eds. S. Ia. Karp & S. A. Mezin (Moscow: Nauka, 2004), 301–313. Elise Wirtschafter, *Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon* (DeKalb: NIU Press; 2014).

inspired trends of thought that eventually led to the Enlightenment.[80] These ideas, fostered by knowledge of Socinianism, are in tune with those that were then spreading across Europe, such as John Locke's *Letter Concerning Toleration* (1689). At a time when religious controversies could culminate in accusations of heresy and death sentences—which Bialobotskii endured in the first person—his choice of proposing a cultural model based on the inclusion of diverse, apparently contradictory, cultural elements appears as even more brave and original. In this context, forging a poetic voice that speaks through the voice of other authors and men of letters allows him to foster the dynamism of early modern East Slavic culture and to promote ideas of religious tolerance and dialogue among cultures.

Although *Pentateugum* exemplifies phenomena that would become prominent a few decades later, its reception was limited to Muscovite élite circles. However, between the seventeenth and eighteenth centuries, these are the circles where artistic and cultural experimentations were in full swing. Hence, further analysis and reflection on this work can enrich our understanding of the cultural milieu of the time and of the various paths that have brought to the East Slavic Enlightenment. At the literary level, studying Andrei Bialobotskii's literary endeavors provides a further tile to the mosaic leading to the establishment of the literary sphere and of authorial literature, specifically philosophical poetry.[81] At the historical level, examination of *Pentateugum* can significantly contribute to current debates about why only some of the possible realizations of the early Enlightenment ever took place in Muscovite Rus' and, later, Russia.[82] Indeed, throughout the eighteenth century, the ever closer contacts with west European culture help such movements as neoclassicism and Freemasonry and such philosophies as espoused by Voltaire, Jean-Jacques Rousseau, and the radical Enlightenment to take root and to

[80] Gorfunkel' points out that the "*Great Science* never reached printing press [...] [yet] throughout the eighteenth century, it remained a favorite reading within the democratic circles of readers." See Gorfunkel', "Andrei Belobotskii," 212-213. On Llull and the Enlightenment, see, Lola Badia, Joan Santanach i Suñol & Albert Soler i Llopart, *Ramon Llull as a Vernacular Writer: Communicating a New Kind of Knowledge* (Martlesham: Boydell & Brewer, 2016), 265-310; Josep Batalla, "Llull as Lay Philosopher and Theologian," in *A Companion to Ramon Llull and Lullism*, eds. Amy Austin, Mark D. Johnston & Alexander Ibarz (Leiden: Brill, 2018), 399-532; Mark D. Johnston, *The Spiritual Logic of Ramon Llull* (Oxford: Clarendon Press, 1987); Teun Koetsier, "The Art of Ramon Llull (1232–1350): From Theology to Mathematics," in *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric: the Journal of University of Bialystok* 44:1 (2016): 55–80; Andranik Tangian, *Analytical Theory of Democracy: History, Mathematics and Applications*, 1st ed. (Dordrecht: Springer Nature, 2020), 94-98.

[81] P. E. Bukharin, "O problematike dukhovnykh od M. V. Lomonosova," in *Russian Literature* 75, nos. 1-4 (2014): 57–71; Marcus C. Levitt, "The Ode as Revelation: On the Orthodox Theological Context of Lomonosov's Odes," in *Early Modern Russian Letters* (Boston: Academic Studies Press, 2009), 320-338; Lidiia I. Sazonova, "Ot russkogo panegirika XVII veka k ode M. V. Lomonosova," in *Lomonosov i russkaia literatura* (Moscow: Nauka, 1987), 103-126.

[82] On the early Enlightenment, see, Wayne Hudson, *The English Deists: Studies in Early Enlightenment*, vol. 7 (Abingdon: Routledge, 2016); James R. Jacob, *Henry Stubbe, Radical Protestantism and the Early Enlightenment* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983); John Marshall, *John Locke, Toleration and Early Enlightenment Culture: Religious Intolerance and Arguments for Religious Toleration in Early Modern and "Early Enlightenment" Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006); Jon Parkin & Stanton Timothy, *Natural Law and Toleration in the Early Enlightenment* (Oxford: Oxford University Press, 2013); Ann Thomson, *Bodies of Thought: Science, Religion, and the Soul in the Early Enlightenment* (Oxford: Oxford University Press, 2008).

overcome the moderate mediation operated by Andrei Bialobotskii.[83] Nevertheless, his experimentations help us to complete the picture of the unique cultural vibrancy that characterized Muscovite Rus', as well as recognizing its original literary forms and its refined philosophical reflections.

[83] I refer to the notion of radical Enlightenment as elaborated by Margaret Jacob in *The Radical Enlightenment: Pantheists, Freemasons and Republicans* (London: Allen & Unwin, 1981). Also see, Margaret Jacob, "The Radical Enlightenment and Freemasonry: Where We Are Now," in *Philosophica* 88:1 (2013): 13–29; eadem, "How Radical Was the Enlightenment? What Do We Mean by Radical?," *Diametros* 40:40 (2014): 99–114.

Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 142-162

Making Sense of the Empire's Others: Mikhail Chulkov's *Dictionary of Russian Superstitions* and the European Enlightenment

W. Forrest Holden
University of Michigan
wfholden@umich.edu

Abstract:
This article is an analysis of Mikhail Chulkov's Dictionary of Russian Superstitions, *published in 1782. It places the dictionary in the historical and cultural context of Enlightenment Europe, from which the genre was drawn, and suggests that Chulkov's use of the genre was part of his own efforts to fashion himself as a civilized, Enlightened man. The article considers the various practices and beliefs described in the dictionary and lays out the various categories of people those which "superstitious" practices and beliefs were ascribed. By comparing the various categories of people described in the dictionary, the article argues that Chulkov's vision of the Others of the Russian Empire was characterized by a sympathy towards Orthodox Christians and a skepticism about the ability of non-Orthodox subjects of the empire to become civilized. It also considers how Chulkov's treatment of women and Old Believers reveals his own anxieties about the persistence of superstition into an ostensibly Enlightened era of history.*

Keywords:
Mikhail Chulkov, Enlightenment, dictionaries, superstition, empire, peasants, women, Old Believers, rationality

In 1782, the Russian bureaucrat and litterateur Mikhail Chulkov (1743-1792) published his *Dictionary of Russian Superstitions*. It consists of alphabetically arranged articles regarding the apparently "superstitious" practices of the Russian Empire's less Enlightened subjects. Chulkov summed up the purpose of the project nicely in its introduction:

> Delusion is the same everywhere, and this great foe of human reason formerly and even today holds many peoples partially under its yoke, not excluding learned people. The goal for the publication of this book is to announce aversion to those laughable superstitions by frequent examination, and to eradicate them altogether, as much as possible, because fortunately today the majority of inhabitants of the world have been liberated from it.[1]

This document, which has received relatively little attention from modern scholars of the Russian Empire, offers important insights into the cultural and intellectual worldview of Chulkov. The notion of superstition in eighteenth-century Europe was inflected with debates over the nature of reason and its proper relationship to faith in matters of religious

[1] Mikhail Dmitrievich Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii* (St. Petersburg: Pechatano v vol'noi tipografii u shnora, 1782), pref. 2. There is separate pagination for the prefatory material and the substantive articles of the dictionary itself. Quotes from prefatory material are cited as pref.

belief. As a category, it denoted a belief that reflected stupidity, gullibility, charlatanry, or religious error on the part of the believer.[2] Chulkov's *Dictionary* thus represents an effort to catalog and order the irrational and gullible beliefs of the various peoples residing within the empire that produced him.

Mikhail Chulkov was born to a middling merchant family in European Russia. Widely regarded as a seminal figure in the history of Russian literature for his psychological fiction, he is particularly remembered for his novel *The Comely Cook, or the Adventures of a Dissolute Woman* (1770), notable for its innovative use of unreliable first-person narration. In addition to fiction, Chulkov showed a keen interest in folklore and ancient Slavic culture from the beginning of his career.[3] In the 1780s he turned away from *belles lettres* and pursued a number of scholarly projects funded by a wealthy merchant family, the Golikovs. Brothers Mikhail and Ivan, prominent merchants who were deeply involved in the early colonization of Alaska, generously funded Chulkov's *History of Russian Commerce,* in addition to two encyclopedic projects: *The Dictionary of Established Festivals*, and, indeed, the *Dictionary of Russian Superstitions.*[4]

The vast and ongoing expansion of the Russian Empire in the eighteenth century, in which Chulkov's patrons were direct participants, produced an impulse on the part of the Empire's elite imperial subjects to study so-called primitive forms of knowledge.[5] Chulkov's *Dictionary* is revealing precisely because it reflects beliefs and associations about the empire's Others—those who were supposed to be unenlightened, unreasonable, and less civilized than the elite literati of Moscow and St. Petersburg. By positioning himself and his supposed reader as appropriately virtuous and rational, as opposed to the superstitious people who were his objects of study, Chulkov also produced a text that reflects his own self-fashioning as an Enlightened, civilized man.

At the same time, Chulkov's project reflects the general awareness among the educated elite of the Russian Empire that they were on the periphery of European Enlightenment culture and that their status as a fully Enlightened nation was seen as rather

---

[2] Michael D. Bailey, *Fearful Spirits, Reasoned Follies: The Boundaries of Superstition in Late Medieval Europe* (Ithaca: Cornell University Press, 2013) and *Magic and Superstition in Europe: A Concise History from Antiquity to the Present* (Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2007), 49-50; Randall Styers, *Making Magic: Religion, Magic, and Science in the Modern World* (Oxford: Oxford University Press, 2004), 51-59.

[3] In 1766 he published *The Mockingbird, or Russian Folktales*, a collection of stories that ostensibly emerged from Slavic tradition. The following year, his *Short Mythological Dictionary* appeared, a text that included articles on an array of ancient Greek and ancient Slavic pagan gods and goddesses. The *Short Mythological Dictionary* was republished in *This and That* (*I to i s'e*), a weekly journal he founded in 1769 that featured *belles lettres* and philosophical writings, including extended tracts on superstition; its run ended before the year was over. Between 1770 and 1774 he published multiple volumes of *The Collection of Various Songs*, in which he compiled the lyrics to songs that he claimed were linked to the deep Russian past. See Viktor Shklovskii, *Chulkov i Levshin* (Leningrad: Izdatel'stvo Pisatelei v Leningrade, 1933), 59-88; A. Zapadov, "Zhurnal M. D. Chulkova 'I to i s'o' i ego literaturnoe okruzhenie," *XVIII Vek* 2 (Moscow-Leningrad, 1940), 95-141.

[4] Shklovskii discusses the Golikov family's colonial and literary pursuits in detail in *Chulkov i Levshin*, 44-58. For a detailed account of the exploration and colonization of Alaska see Ilya Vinkovetsky, *Russian America: An Overseas Colony of a Continental Empire, 1804-1867* (Oxford: Oxford University Press, 2011).

[5] Yuri Slezkine, *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North* (Ithaca: Cornell University Press, 1994) 47-71.

dubious by many western European Enlighteners.[6] His objects of study were beyond the boundaries of Enlightenment and the fact that these superstitious ideas and practices defied the norms of civilization was the source of their scientific value.[7] His reported fascination with the Others is also consistent with a general literary preoccupation with the empire's subjugated peoples in the eighteenth century.[8] The *Dictionary*, which consists of alphabetically arranged articles on individual superstitious beliefs and practices totaling 271 pages, represents an attempt on the part of an educated writer from European Russia to articulate the phenomena at the edges of imperial civilization within the framework of European Enlightened rationalism. It thus serves as a valuable example of the historical and intellectual links between Enlightenment thought and European colonialism.[9]

This article is divided into a few sections. First, I will discuss the existing literature on the European Enlightenment and the ways in which Chulkov's dictionary must be understood within that context. Next, I will survey Chulkov's treatment of superstition in five parts, based on five rough "categories of Others" that I have identified in the text. Each of these categories reflects an aspect of Chulkov's worldview and his sense of himself in relation to other, supposedly less Enlightened, subjects of the empire. My reading of the *Dictionary* reveals a subtle and slippery hierarchy of superstition and rationality among Chulkov's objects of study. As the evidence below demonstrates, Chulkov implicitly portrayed Orthodox Russian peasants as, although eminently superstitious, more civilizable than the non-Russian and non-Orthodox subjects of the empire. Chulkov's writing also reflects his own misogynistic worldview, in which his discussion of modern women implicitly compares their behavior with that of pre-civilized, "superstitious" peoples. Finally, I offer some general reflections on the historiographical significance of these findings. Most centrally, *The Dictionary* offers a direct example of the ways in which Chulkov's self-conception was rooted in an understanding of himself as a member of Enlightened civilization and the educated elites of the Russian Empire as a civilizing force for its supposedly unenlightened subjects.

Dictionary as Enlightenment Genre

---

[6] See Richard Butterwick, Simon Davies & Gabriel Sánchez Espinosa, eds., *Peripheries of the Enlightenment* (Oxford: The Voltaire Foundation, 2008); Andreas Schönle & Andrei Zorin, *On the Periphery of Europe, 1762-1825: The Self-Invention of the Russian Elite* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2018); Andreas Schönle, Andrei Zorin & Alexei Evstratov, eds., *The Europeanized Elite in Russia, 1762-1825: Public Role and Subjective Self* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016). On western European perceptions of the Russian empire see Larry Wolff, *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Stanford: Stanford University Press, 1994).

[7] Charles W. J. Withers, *Placing the Enlightenment: Thinking Geographically about the Age of Reason* (Chicago: University of Chicago Press, 2007).

[8] Harsha Ram, *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire* (Madison: University of Wisconsin Press, 2003); David Schimmelpenninck van der Oye, *Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration* (New Haven: Yale University Press, 2010), 31-59.

[9] See Damien Tricoire, ed., *Enlightened Colonialism: Civilization Narratives and Imperial Politics in the Age of Reason* (Cham: Palgrave Macmillan, 2017).

The Enlightenment is a famously nebulous concept, one that scholars have taken great pains to define more precisely in recent decades. In response to a once prevailing vision of the Enlightenment as an epistemological watershed based on an impulse to systematize and rationalize various fields of knowledge, some scholars have emphasized the localized context of Enlightenment thought and have focused on the heterogeneous manifestations of the Enlightenment in various national contexts.[10] While acknowledging the importance of differing national contexts in the study of the Enlightenment, more recent scholarship has asserted that there was a transnational Enlightenment with particular characteristics that can be observed across languages and cultures in eighteenth-century Europe, and beyond. As John Robertson succinctly put it, the Enlightenment is best understood as "a distinct intellectual movement of the eighteenth century, dedicated to the better understanding, and thence the practical advancement, of the human condition on this earth."[11] Further, several scholars stressed that the self-conscious adoption of language, values, and practical efforts explicitly linked to the intellectual movement described by Robertson was also a key component of Enlightenment as a cultural phenomenon.[12]

In addition to the problem of national difference, scholars have done much to unpack the difficult question of Enlightenment's relationship to religion. The language of "Enlightenment" as a metaphor for the practical advancement of historical progress has its origins in a Christian theological context.[13] In many parts of Europe, religious institutions far overshadowed their secular counterparts in terms of their professed commitment to Enlightenment values.[14] The Russian Empire was no exception in this regard, and the notion of Enlightenment (*"prosveshchenie"*) carried ambiguously religious and secular meanings throughout the eighteenth century.[15] Although educated elites in the Russian Empire undoubtedly did distinguish between ideas and cultural products that were from Muscovite tradition and those that were of western or central European origin, there were many explicit

---

[10] The former attitude is reflected in Ernst Cassirrer, *The Philosophy of the Enlightenment*, trans. Fritz C. A. Koelln and James P. Pettegrove (Princeton: Princeton University Press, 1951). Also see, Peter Gay, *The Enlightenment: An Interpretation*, 2 vols (New York: Knopf, 1966). The latter interpretation can be credited to J. G. A. Pocock, *Barbarism and Religion* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).

[11] John Robertson, *The Enlightenment: A Very Short Introduction* (Oxford: Oxford University Press, 2015). See also his *The Case for the Enlightenment: Scotland and Naples, 1680-1760* (New York: Cambridge University Press, 2005); Silvia Sebastiani, *The Scottish Enlightenment: Race, Gender, and the Limits of Progress* (New York: Palgrave Macmillan, 2013).

[12] Dena Goodman, *The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment* (Ithaca: Cornell University Press, 1994); Dan Edelstein, *The Enlightenment: A Genealogy* (Chicago: University of Chicago Press, 2010).

[13] Anton Matytsin, "Whose Light Is It Anyway? The Struggle for Light in the French Enlightenment," in *Let There Be Enlightenment: The Religious and Mystical Sources of Rationality*, eds. Anton Matytsin and Dan Edelstein (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2018), 62-85.

[14] David Sorokin, *The Religious Enlightenment: Protestants, Jews, and Catholics from London to Vienna* (Princeton: Princeton University Press, 2008).

[15] Simon Dixon, "'Prosveshchenie': Enlightenment in Eighteenth-Century Russia," in *Peripheries of the Enlightenment*, ed. Richard Butterwick et al., 229-249; Gary Hamburg, *Russia's Path toward Enlightenment: Faith, Politics, and Reason* (New Haven: Yale University Press, 2016).

proponents of Enlightenment who embodied traditional institutions of the Russian Empire—for example, Platon, the Metropolitan of Moscow.[16]

While I have not located evidence of what dictionaries Chulkov had personally read before embarking on his project,[17] the genre of dictionary certainly would have been understood by someone like Chulkov as representative of a more secular, western orientation. By the 1780s it clearly evoked Denis Diderot's *Encyclopedia* (subtitled *A Reasoned Dictionary of Sciences, Arts, and Crafts*) which, as Jean le Rond D'Alembert described, was meant "to contain the general principles that form the basis" of each relevant subject "and the most essential facts that make up the body and substance of each."[18] The dictionary genre in the eighteenth century was distinguished, above all, by its alphabetical order. The alphabetical arrangement had the advantage, according to D'Alembert, of being "more convenient and easier for our readers who, when they wish to inform themselves on the meaning of a word, will find it more readily in an alphabetical dictionary than in any other."[19] As a result of this, "dictionaries, by their very form, are suitable only to be consulted, and they do not lend themselves to any continuous reading."[20] Yet the presumed reader of the dictionary was surely not one without any leisure time, as the long and detailed essays of Diderot's *Encyclopedia* demonstrate. Following the style of Pierre Bayle's *Historical and Critical Dictionary* (1697), Diderot's dictionary was full of dry, ironic wit, clearly meant to entertain the reader. In this way, the eighteenth-century dictionary reflected cultural meanings of both pragmatic utility and leisure.

The generic features of Chulkov's *Dictionary*, then, help to illuminate the ways in which his project was embedded in Enlightenment practices of reading and thus was structured by Enlightenment notions of general human progress. In Chulkov's view, as his *Dictionary* shows, a commitment to rationalist principles of epistemology and a belief in universal natural law was a key aspect of civilization and indispensable for the forward march of historical progress. Thus, in his article on "Eclipse," he mocked the "rude ignoramuses" who failed to understand natural phenomena as "the invariable action of nature and the ordered arrangements of her laws, as they were observed by the ancient writers."[21] For Chulkov, irrationality was a component of superstitious beliefs and behaviors, while the *Dictionary* represented the opposite of superstition: ordered, rationalized, and accessible knowledge based on supposedly empirical observation. Clearly, Chulkov's

---

[16] Elise Kimerling Wirtschafter, *Religion and Enlightenment in Catherinian Russia: The Teachings of Metropolitan Platon*, (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2013).

[17] Unfortunately, Chulkov did not state his sources of information for the dictionary. While I have not found proof, it is possible that he drew from the highly publicized accounts of the Academic Expeditions to Siberia. See S. A. Kozlov, "Sibir v kontekste akademicheskikh ekspeditsii ekaterinskogo vremeni" in *A Century Mad and Wise: Russia in the Age of the Enlightenment: Papers from the IX International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia*, eds. Emmanuel Waegemans, J. S. A. M. van Koninsbrugge, Marcus C. Levitt (Groningen: Netherlands Russia Centre, 2015), 221-233. Nevertheless, he represented the information in the *Dictionary* as empirically true.

[18] Jean Le Rond d'Alembert, *Preliminary Discourse to the Encyclopedia of Diderot*, trans. Richard N. Shwab (Chicago: University of Chicago Press), 4.

[19] D'Alembert, *Preliminary Discourse*, 113.

[20] D'Alembert, *Preliminary Discourse*, 107.

[21] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 162-163.

understanding of the category of superstition reflected Enlightenment notions of rationality and civilization as much as it reflected a commitment to Enlightenment in the Orthodox Christian sense. In a passage quoted above, he insisted that "delusion is the same everywhere" and that "the majority of inhabitants in the world have been liberated" from superstition.[22] For Chulkov, his superstitious objects of study were the remainder of a historical process of rationalization and the last obstacles to the immanent victory of knowledge over ignorance.

Five Categories of Others

Chulkov's decision about what kinds of people and what kinds of practices should be included in a dictionary of superstition reflect his own worldview and his own internal sense of social hierarchy. I have identified five categories of Others that Chulkov discusses in *The Dictionary* below. Although there are a handful of outlying articles, nearly all of the "superstitious people" mentioned in the text fit easily into these categories. Most notably, this list excludes discussion of Muslims and Catholics in the Russian Empire. I have excluded them here because they received hardly any attention in the dictionary itself.[23]

1) **Ancient Slavs**. This generally refers to inhabitants of Ancient Rus'. Chulkov's discussion of this category draws mainly on material drawn from the *Primary Chronicle* and other monastic texts. This category, clearly, refers to practices that occurred in the past and for the most part stayed there, although he does draw links between ignorant contemporaries and ancient Slavs.
2) **Orthodox Peasants**. Chulkov rarely explicitly referred to peasants, opting for the much more generic "superstitious people" or "simple people," without offering ethnic, linguistic, or confessional descriptors. Still, in many cases he offered clues that situate his descriptions within a rural and clearly Christian milieu. Chulkov framed contemporary superstition, including among peasants, as a historical vestige that had survived from a more ignorant and irrational era. In many cases, Chulkov linked contemporary peasants' superstition with that of ancient Slavs.
3) **Non-Russian, Non-Orthodox Peoples** within the claimed territory of the Russian Empire. Chulkov offers extensive discussion of so-called "pagans," much of which is in reference to Finnic, Turkic, and other peoples of the steppe, Siberia, and the Urals regions. As with contemporary superstitious Russians, Chulkov represented non-Russian pagan beliefs and practices as vestiges of the past that have survived to the present.
4) **Women**. At several junctures Chulkov implied that women were particularly prone to superstition. His concern about the irrational tendencies of women reflects his own gendered understanding of reason and historical progress. Crucially, as I argue,

[22] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, pref. 2.
[23] The primary mention of Catholicism is under the article for "Mosque" (*Mechet'*), in which Chulkov wrote that "the Imam for the Mohammedans is the same as the first parish priest among the Catholics, and the Mullah is like a doctor of theology." Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 195-197.

many women appear here as superstitious moderns, that is, Russian contemporaries of Chulkov who, despite access to the fruits of civilization, were supposed to be naturally inclined to superstition.

5) **Old Believers**. In several places Chulkov mentioned those who broke with the mainline Russian Orthodox Church in the mid-seventeenth century in the wake of the Nikonian reforms. To some extent, this category overlaps with categories two and four, but not entirely. While Chulkov represented this break from the Church and the retention of pre-Nikonian Russian Orthodox practices as superstitious, he was cautious when it came to drawing links between Ancient pre-Christian Slavs' superstition and that of the Old Believers. At times, he explained the proliferation of Old Belief as a result of the peasants' inherent innocence and gullibility. In other cases, however, he emphasized the malicious duplicity of those who manipulated the innocent and thus drove the Old Belief movement.

1. Ancient Slavs

Chulkov showed a consistent fascination with the pre-Christian Slavic past. He described "polytheism, that is idolatry and superstition" as a phenomenon observed among "the ancient Slavs" and "still many who have lived in Russia."[24] The Gods of the ancient Slavic pantheon were his main point of entry into the Ancient Slavic world. Belbog, for example, was "a God of the Varangian Slavs" who "had a bloody appearance covered with a multitude of flies." Nevertheless "they considered him a kind god. The flies designated him as a feeder of grasses; they paid tribute to him with revelry, games, and happy feasts."[25] The article on "Perun," the apparent patriarch of the Slavic pantheon, offers another example by way of a detailed account, drawn from chronicles, of the first Slavic converts to Christianity casting an idol of him into a river and watching the god swim away downstream.[26] Clearly, Chulkov's understanding of superstition was historicized. If history was gradually progressing for the general weal of humankind, Chulkov saw superstition as naturally belonging to the past.[27]

Yet, Chulkov's fascination with the ancient Slavic pantheon also touched on the place of Hellenic paganism in the eighteenth-century Russian imagination. As historian Andrei Zorin argued, the persistent representational bonds between the Hellenic pantheon and the Russian imperial state—and the decades-long plan to conquer Istanbul and resurrect the Byzantine Empire—reflected a widespread desire among elites to link the culture of elite Russian society with the cultural heritage of western Europe.[28] Catherine II and her court could demonstrate their legitimate ties to the culture of Western Europe by asserting Russia's continuity with Hellenic antiquity. Chulkov's work reflects a general cultural

[24] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, pref. 2.
[25] *Ibid.*, 43-44.
[26] *Ibid.*, 220-221.
[27] Johannes Fabian, *Time and the Other: How Anthropology Makes Its Object* (New York: Columbia University Press, 1983).
[28] Andrei Zorin, *By Fables Alone: Literature and State Ideology in Late-Eighteenth—Early-Nineteenth-Century Russia*, trans. Marcus C. Levitt et al. (Boston: Academic Studies Press, 2014), 24-61. On Hellenic themes in court pageantry see Richard Wortman, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy, vol. 1: From Peter the Great to the Death of Nicholas I* (Princeton: Princeton University Press, 1995).

ambiguity about the relationship between the Russian Empire and the legacy of Classical Greece. For example, at times Chulkov seemed to suggest an analogy between ancient Slavic and ancient Greek paganisms. In an article on "Volots," Slavic mythological giants, Chulkov wrote that "these monsters were giants (*velikany*) and meant the same thing for the Slavs as what Giants (*Giganty*) meant for the Greeks, they brought them sacrifices."[29] His interest in comparing Slavic and Greek pantheons went back as far as 1767, when he authored his *Short Mythological Lexicon,* mentioned above, a dictionary composed of descriptions of Hellenic and Slavic pagan gods side by side, suggesting an analogy between the pre-Christian Slavic and western European epochs. It is easy to see that this fits in nicely with Zorin's interpretation of the place of ancient Greek cultural representation in eighteenth-century Russia.

On the other hand, as a good Christian man Chulkov was hardly endorsing pagan ideas or practices, neither Greek nor Slavic. His choice to include long and substantive passages regarding "polythesism, that is idolatry and superstition" in his *Dictionary of Russian Superstitions* is alone sufficient evidence to demonstrate that for Chulkov paganism should be contained in antiquity, where it belonged.

2. Orthodox Peasants or "Superstitious People"

Explicit mentions of peasants in the dictionary are rare and usually come up in passages regarding the vaguely defined "superstitious people" (*suevery*); however, the Christian, agricultural, and rural contexts often seem to imply that Chulkov had the peasantry in mind in many of these discussions. He derided the "simpletons" who celebrated *Maslenitsa* (Butter Week), describing how they spent "almost the entire week with a table full of foods specifically prepared for that week," and this "in place of preparation for abstinence during the time of Lent."[30] In a separate article dedicated to "Thunder," he wrote that "simple people say that when there is thunder the prophet Elijah is riding around the sky on a flaming chariot and kills him who has angered God, the devil, who then takes cover totally and asks for shelter, addressing himself to various people, and especially to infants."[31] An article on "Adam's Head" describes a "grass used to fumigate (*okurivaiut*) captives or nooses (*silki*), with which they catch wild ducks, but this fumigation must happen on Maundy Thursday, otherwise the fumigation will be inefficacious in the opinion of superstitious people, and the nooses will not catch."[32] Despite few explicit references to peasantry, the Christian and rural contexts implicit in these passages suggest a peasant setting.

Chulkov's treatment of Russian Orthodox peasants is a good testing ground for his ideas about Christianity and its relationship to historical progress. In a passage quoted above, Chulkov made clear that "the majority" of people in the world had "been liberated" from superstition, suggesting that the remaining "superstitious people" in the world were

[29] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 45.
[30] *Ibid.*, 194.
[31] *Ibid.*, 130.
[32] *Ibid.*, 2.

remainders of an inevitable historical progress.[33] As Christians, Orthodox peasants had the potential to cultivate a positive moral impulse, but they could be (and had been) easily corrupted by ignorance or superficial adherence to ritual. Indeed, for Chulkov one of the primary corrosive features of superstition was that those who fell under its sway still believed themselves to be in the right. "With some sins man recognizes himself as a sinner," declares the *Dictionary's* epigraph, "but with superstition it seems that he renders service to God, and thus when dying he thinks of himself as someone who will be saved."[34] In other words, believing oneself to be Christian was not enough to achieve salvation; but it was a step in the right direction.

The implicit explanations offered by Chulkov as to why Orthodox Christian peasants remained under the shadow of superstitious beliefs are varying and sometimes contradictory. On the one hand, at times he suggested that these superstitions are the remnants of pagan belief. An illustrative example can be found in an article on "Koliada," "considered a god of peace," who was worshipped as "an idol in Ancient Kyiv." Practitioners of this superstition celebrated Koliada on December 24, "with games, revelry and feasts, for which they have not stopped practicing this custom." Clearly, Chulkov saw this contemporary superstition as a remnant of a bygone time. "Even now," he went on, "in certain cities and villages they continue to honor the idol of Koliada, even without the practice of idolatrous customs."[35] Those who have shed idolatrous customs, in other words, could still be found practicing the remnants of past superstitious beliefs. Describing funeral practices, he wrote that "Ancient Slavs had funeral feasts of food and drink at graves, so that now many in certain cities and in villages do this, bringing pies, pancakes, pastries, thin pancakes, white bread rolls, and so on to the grave."[36] In another article he recalled how "in ancient times, that is, in the time of idolatry, Slavs brought tribute to lakes, rivers and springs, and in rare cases they threw people into the water." He went on to recount how, "in memory" of this ancient practice, "even now many superstitious people pour water into a river, a lake or a well if someone has slept through the morning on the first day of saints' weeks and on other holidays."[37] The antiquated quality of Russian peasantry was demonstrated to Chulkov by their links to the pagan past.

In other parts of the text, however, he eschewed links to paganism and discussed contemporary superstition in unambiguously Christian terms. Witchcraft, for example, emerged as related to antiquated beliefs derived from Christian cosmologies. In the article on "witches" (*ved'my*) he wrote that "simpletons (*prostaki*) and charlatans claim that such people exist, especially old women, who by use of certain ointments and somersaults through twelve knives, turn into great beasts and birds, and especially into wolves, swine, magpies, and bales of hay."[38] In a separate article entitled "Fortune-tellers, Witches, black magicians, sorcerers, magi and Magicians" (*Vorozhei, kolduny, chernoknizhniki, charodei, volkhvy, i kudesniki*), Chulkov defined these various synonyms for witch as those who "by the

[33] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, pref. 2.
[34] *Ibid.*, pref. 1.
[35] *Ibid.*, 184-186.
[36] *Ibid.*, 249.
[37] *Ibid.*, 217-218.
[38] *Ibid.*, 52-53.

use of some grasses, roots, and incantations on wine, oil, and water, heal various sicknesses or worsen them." Notably, this understanding of witchcraft drew much more from early modern European and Muscovite notions of *maleficium* than it did from notions of paganism.[39] In fact, at times he made the Christian context of this particular superstition explicit, such as when he wrote that witches "claim to be acquainted with devils. They conclude a contract with them, and they receive assistance from them in everything relating to fortune and misfortune."[40] In addition to demonstrating Chulkov's understanding that witchcraft as a superstition could appear in a Christian context, this also highlights the absorption of the western European "Satanic pact" trope—one which was absent in seventeenth-century Muscovite witchcraft accusations—on the part of the Europeanized Russian elite.[41] Elsewhere, Chulkov described a form of divination that involved a "maiden" sitting in front of a mirror, placing the mirror and a candle on a table before reciting the words, "*betrothed mummer, come to me to eat dinner*." The mirror was supposed to fog up, at which point the maiden would clean it off "with a towel prepared especially for this." About five minutes later, "finally someone comes and looks through her shoulder at the mirror; and when the bride observes all the lines on his face, then she will cry out *keep away from this place*: then the devil (*d'iavol'*), who took on the image of her bridegroom, disappears, and from that time the maiden knows exactly who her bridegroom will be."[42] Again, the Christian context and the influence of western European tropes about magic (here evidenced by the use of the Latin-origin "*d'iavol'*") are obvious here.

Ultimately, as we have seen, for Chulkov the superstitious beliefs and behaviors of Orthodox peasants compromised their self-professed commitment to true Christian faith. Still, where superstitions appeared among the peasantry, whether from historical links to paganism or from heretical Christian beliefs, they were an aberration and an exception to a universal and inevitably historical process. It is worth noting that while I have focused here on passages that reflect discussion of superstitious Orthodox subjects specifically, the vague category of "superstitious people" is a capacious one, and Orthodox peasants were rarely given explicit mention. There is not any space in the dictionary specifically dedicated to discussing superstition among this population. The reader is left to deduce from the context that some of these examples are drawn from ostensibly Christian populations. In the following section, I will summarize Chulkov's discussion of the non-Orthodox and non-Russian subjects of the Russian Empire, who receive much more focused and explicit attention in the text. Comparing the *Dictionary's* treatment of these respective groups

[39] For a respected overview of early modern witch hunts in Europe see Brian P. Levack, *The Witch-Hunt in Early Modern Europe* (London: Longman, 1987). For a comprehensive overview of witchcraft trials in early modern Muscovy see Valerie Kivelson, *Desperate Magic: The Moral Economy of Witchcraft in Seventeenth-Century Russia* (Ithaca: Cornell University Press, 2013).
[40] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 48.
[41] Valerie A. Kivelson, "Lethal Convictions: The Power of a Satanic Paradigm in Russian and European Witch Trials," *Magic, Ritual, and Witchcraft* 6:1 (2011): 56.
[42] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 119-120. Italics in original.

illuminates details about Chulkov's imagined geography and the social hierarchies in which Chulkov sought to fashion himself.[43]

3. Non-Orthodox Subjects of the Russian Empire

Chulkov imagined subjects of the empire from non-Orthodox confessions as extraordinarily vulnerable to superstition. In a passage quoted above about the pagan god Koliada, worshipped as an idol in "ancient Kyiv," Chulkov wrote that some contemporaries "have not stopped practicing this custom, [now dedicated] to the idol Tura."[44] This reference to Tura, drawn from the Chuvash pantheon, reflects the general slipperiness in Chulkov's presentation between various pagan pantheons, which sometimes appear analogous to and interchangeable with each other. In the article "Idol," he described the object as "a block of wood made by human hands that was considered by ancient idolaters to be gods known by various names and appearances. Aside from those with human appearances there were those idols, *now considered pagan*, of wood, beast, bird, and so on."[45] Clearly, contemporary pagans and ancient idolators were linked in Chulkov's imagination.

Elsewhere, he suggested that the ancient Slavic Gods still had sway among the non-Russian pagans of the empire. Discussing Polkan, a centaur-like creature "recognized as a demi-God by the Slavs," he went on to say that "this kind of made-up monster was recognized by the ancient peoples; but the contemporary Chuchki believe that on some islands remote from them, there live people with the tails of dogs, and others have the legs of ravens."[46] This is but one example of his propensity to compare the contemporary beliefs of the Russian Empire's colonized peoples with the beliefs of ancient Slavs. In his article "Wood Goblin" (*Leshii*), Chulkov wrote that "these monsters were considered by Ancient Slavs to be forest gods," adding that in the present day "the Votiaks [Udmurts, a Finno-Ugric tribe] call the wood goblin Alida and believe that he lives in the forest." Confusingly, Chulkov sometimes explained the superstitions of non-Slavic peoples with reference to ancient Slavic pagan ideas, presenting these contemporary superstitions as a vestige of a pre-Christian past.

The ambiguous relationship between non-Orthodox contemporaries and the Slavic past is also evident in his discussion of magic, witchcraft, and divination. He discussed magical practices in a series of articles entitled "Wizards" (*Volshebniki*), "Fortune-Telling" (*Vorozhba*), "Sorcerers" (*Charodei*), "The Possessed" (*Klikushki*), and "Shamans" (*Shamany*). Aside from shamanism, each of these terms have indigenous Slavic roots and had long been ascribed to magic practitioners in Slavic contexts.[47] It is noteworthy, then, that Chulkov's

---

[43] The term "Imagined Geography" is drawn from Edward W. Said, *Orientalism* (New York: Vintage Books, 1979), 54.
[44] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 184-186.
[45] *Ibid.*, 168-169. Emphasis mine.
[46] *Ibid.*, 223-224. The ethnonym refers to the Siberian indigenous people native to the Chukchi Peninsula, the shores of the Chukchi Sea, and the Bering Sea region of the Arctic Ocean.
[47] For an overview of magical practices in Russia see W. F. Ryan, *The Bathhouse at Midnight: Magic in Russia* (University Park: The Pennsylvania State University Press, 1999). For an overview of magic and witchcraft in

discussion of these magic-related terms focuses almost exclusively on non-Russian contexts, despite the brief mention of Satanic pacts. Much of the space dedicated to these magical categories details magical practices by non-Orthodox peoples under the rubric of recognizably Slavic terms for magical activity. The "Wizards" article, for example, details a ritual of blessing observed by the Sami people involving the beating of drums.[48] The discussion of fortune-telling begins with a claim that "Gypsies (*tsygany*) in this trade enjoy a great deal of advantage, and our simple folk always believe the Gypsies are great experts at divination, not seeing that they deceive them, steal from them, and that their words never come true."[49] The five-page article "Sorcerer" is dedicated entirely to a discussion of Samoyed idolatry, eschewing the Slavic context of the term altogether.[50] The article on "Shaman" also deals exclusively with non-Russian magic, in this case with a focus on Kamchadals.[51] The mention of Satanic pacts, in fact, is followed by a brief summary of Kyrgyz sorcery, where Chulkov wrote that "there are seven ranks of sorcerers understood among the Kyrgyz," for example the "falcha," who can "predict [the future] from a book and according to the stars, but this art is considered a science."[52] The seamless transition from the context of Orthodox inner Russia to the non-Orthodox periphery suggests an equivalency between the superstitious witchcraft belief of the Orthodox and non-Orthodox peoples of the empire.

Yet elsewhere he emphasized the foreign origins of superstitious beliefs and seemed fascinated by the absurd and amusing details of non-European cultures. One useful example of this dynamic is Chulkov's discussion of Kalmyk cosmology, under the article on "Faith." By his account, Kalmyks believed in "many worlds such as this visible one, and they describe a lower abyss, believing that it was not created by anyone, but came on its own from the eons." Chulkov's reference to the absence of a creator suggests an implicit comparison with the cosmology of Christianity. He went on to mock the absurdity of their belief, writing that "their thoughts penetrate this void so deeply that they have found a way to measure it and believe it to be six million one hundred sixteen thousand *beres* in width and depth."[53] The ironic use of the scientific language of measurement works to emphasize the absurdity of this foreign metaphysical belief. According to Chulkov, "Ukir Tutup," one of the "four large worlds" in which the Kalmyks apparently believed, was named "from the fact that no other livestock can be found there besides cows; for in Mongolian *Ukir* means cow."[54] As these passages suggest, the foreign and oriental character of some superstitious beliefs served for Chulkov as both an explanation and a source of amusement regarding the superstitions of non-Orthodox peoples.

In several places, he depicted non-Russians as having superficial contact with Orthodoxy but lacking the capacity to comprehend the true spirit of its beliefs and practices.

Russia in the eighteenth century see E. B. Smilianskaia, *Volshebniki, bogokhul'niki, eretiki: narodnaia religioznost' i 'dukhovnye prestupleniia' v Rossii XVIII v*. (Moscow: Indrik, 2003).

[48] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 45-46.

[49] *Ibid.*, 47.

[50] *Ibid.*, 255-260.

[51] *Ibid.*, 264-269.

[52] *Ibid.*, 49.

[53] *Ibid.*, 66.

[54] *Ibid.*, 67-68.

In his article on "Christmas," for example, he referred to the Mordvins, a term for a number of Uralic tribal peoples within the Russian Empire, writing that "every Sunday, and especially on this day [Christmas] the Mordvins bring birds, pastries, and beverages to Russian Saints, about whom they have no understanding."[55] The Mordvins could go through the motions of Christianity, or worship signs of the Christian faith, but he figured this as benignly superficial at best, and corrupting idolatry at worst. As with the Slavic peasants, the historical links to paganism among non-Russians was a significant problem for Chulkov that compromised the Christian practice of these peoples. The Chuvash and Mordvins, for example, "although enlightened through holy baptism, still have families among them who live according to the old faith, and it is the rare village in which one would not find visible remnants of their former pilgrimage."[56] Indeed, as he wrote elsewhere, "there are still those regions (*oblasti*) in the Russian Empire where idolatry has not been fully extirpated."[57] Even where he conceded contact with Christianity among non-Orthodox peoples, Chulkov still emphasized differences and the supposed inability of these peoples to meet the Enlightened European man at his level of knowledge and civilization.

Whether originating in local ancient paganism or in foreign absurdities, superstitious practices among non-Orthodox peoples were, in Chulkov's view, a result of a failure to properly cultivate knowledge and virtue. Recounting the burial practices of the "Votiaks," he wrote that "their opinion about human souls is in accord with that of the Cheremis, and their burial customs display the same ignorance, which is peculiar to all nations under the shadow of idol-worship and led by the urge for empty and foolish superstition."[58] At times, Chulkov seemed to suggest that Slavic presence among non-Orthodox peoples had a civilizing effect, such as his discussion of a monthly Kamchadal ritual that was reduced to an annual event after the arrival of Russian presence in Kamchatka.[59] The Kamchadals had also given way on their marriage traditions: where previously they had a strict prohibition on the remarrying of widows, Chulkov wrote that they had apparently grown more flexible in this regard due to the continued presence of Russian-speaking Cossacks.[60] Still, as in some of the examples mentioned above, Chulkov displayed some skepticism about the ability of Kamchadals to adapt to modern (i.e. European) ways, "for according to their opinion it is better to die and not live than to live not according to their customs, from which frequent suicides occur."[61]

Clearly, these passages reflect a certain anxiety on the part of Chulkov regarding imperial encounters with non-Orthodox peoples in the territory of the empire. As we have seen, there were subtle differences in Chulkov's understanding of non-Orthodox peoples' relationship to the Enlightenment narratives of historical progress, and an implicit skepticism about their ability to adopt an Enlightened worldview. Although calling oneself Christian was not enough to ensure Enlightenment in Chulkov's mind, his only references to the stubborn refusal or inability of "superstitious people" to share in the epistemological

[55] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 235.
[56] *Ibid.*, 109.
[57] *Ibid.*, 160-161.
[58] *Ibid.*, 207.
[59] *Ibid.*, 154.
[60] *Ibid.*, 44.
[61] *Ibid.*, 155.

spoils of historical progress were in reference to the non-Orthodox peoples. Unlike in the case of the superstitious Orthodox peasants, Chulkov largely portrayed non-Orthodox peoples as having no desire to adopt modern, Enlightened beliefs and customs.

Alongside Chulkov's taxonomy of superstitions is a subtle assessment of the relative distance between savagery and civilization that would need to be traversed in order for his "superstitious" subjects to be "liberated" from the shackles of the past. While I do not claim that Chulkov's worldview is coherent, his repeated comparisons of Orthodox and non-Orthodox "superstitious people" show that he believed non-Orthodox peoples to be extraordinarily resistant to the Enlightenment values whose opposite was signified by superstition. This offers insight into the ambiguous religious and western/secular meanings of Enlightenment in eighteenth-century Russian culture, mentioned above. In Chulkov's worldview, the global movement to "liberate" the world from superstition began in the Christian world and saw its fiercest resistance outside of it. From this perspective, the Enlightenment of Christianity and the Enlightenment of the *philosophes* were part of the same grand and progressive historical movement.

For Chulkov, as I have alluded to above, superstition was a historical problem. But superstitious moderns were the most historically problematic of all, as they represented the remainder of a process of liberation from the bondage of ignorance, a process in which Chulkov fashioned himself as an advocate and participant. In order to afford a clearer picture of his understanding of contemporary superstition, however, it is necessary to attend to the question of gender.

4. Women

As we have seen, the narrative of historical progress undergirding Chulkov's understanding of superstition positioned him as a fundamentally modern, rational, and Enlightened Orthodox Russian man. Understanding the place of women in this schema reveals yet another aspect of Chulkov's hierarchical imagination: although he remarked on women and their superstitions across time and across cultures (ancients, moderns, pagans, Christians), there seems to be little distinction between the irrational proclivities of women in antiquity and modernity. Thus, women appear in the dictionary as a site of transhistorical irrationality and as a social force requiring containment in the service of Enlightenment.

Educated men in the eighteenth century were consistently captivated with the question of women's position among supposedly primitive or savage societies. As Silvia Sebastiani has written, the Enlightenment view of civilization's relationship to the savage "implied changes not only in modes of subsistence and laws, but also in domestic arrangements, which resulted in the improvement of women's status, with the introduction of monogamous marriage and the moralization of gender relationships."[62] The character of sexual and conjugal relations, then, was a measuring stick for Enlightenment's progress against the darkness, and eighteenth-century historians displayed a real preoccupation with the differences between "savage" and "civilized" gendered relationships.

[62] Sebastiani, *The Scottish Enlightenment*, 17.

Women's supposed vulnerability to superstition, then, was a historical as well as social problem for Enlightenment thinkers. Male Enlighteners understood women to be naturally less rational than men, but at the same time, women's supposed kindness and heightened emotional faculties were imagined by many as a kind of "civilizing force" whose historical effect was a "transformation from brutal oppression to gentle equality." [63] Nonetheless, women's role in civilization and the extent to which their alleged irrationality was an obstacle for the forward movement of historical progress was a controversial issue debated by many Enlightenment thinkers. As Sebastiani writes, "the ambiguous destiny of the savage, who had not yet become civil and remained anchored in the first stage, held true for women as well: their inscription in a historic discourse held the promise of emancipation, but their own nature seemed to confine them to the private sphere."[64] Thus, Chulkov's mentions of women and gender in this text reflect his own efforts to work through unsettled philosophical and historical issues around which there was no real Enlightened consensus.

One key set of articles dealing with gender are those relating to marriage, reproduction, or other customs involving gender relations. Such articles are numerous in Chulkov's *Dictionary*. In an article called "To Smother a Baby," for example, he wrote that "women [who are] careless, and thus sleep heavily, or [who are] drunk, often crush [their] babies by pressing them down on the sheets." In such cases, the infants' souls were supposedly unable to ascend to heaven and, as Chulkov noted, "this brought about a funny, still unbelievable superstition." According to "simpletons," such a bereaved mother had to the following:

> [She had to] stand in the church alone for three nights, making an outline in a circle with chalk, the outline of which must be taught by a clergyman. On the first, night demons pass by her and, carrying her baby, they show it to her. On the second night, they bring it and crush it as they pass by her, beat and bite it, and tell her that if she only leaves the circle then they would give her back her baby; and as soon as she steps out of it, she will be the prey of devils (*d'iavolov*). On the third night, they torture it unspeakably, exhorting her to leave the circle, but when she leaves, they will torture it to death. By the cock's crow, they disappear and leave the mother with the dead baby, which she will then show everyone and carry out the needed burial.[65]

Here, Chulkov's discussion of superstition among women echoes familiar anxieties about maternity and reproduction that characterized the culture of witchcraft accusation in much of central Europe.[66] Elsewhere, he wrote that "superstitious old women collect locks under the threshold [of the church] and when the bride and groom leave the church, and when

---

[63] Dena Goodman, *The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment* (Ithaca: Cornell University Press, 1994), 7.
[64] Sebastiani, *The Scottish Enlightenment*, 17.
[65] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 161-162.
[66] Lyndal Roper, *Oedipus and the Devil: Witchcraft, Sexuality, and Religion in Early Modern Europe* (London: Routledge, 1994), Roper, *Witch Craze: Terror and Fantasy in Baroque Germany* (New Haven: Yale University Press, 2004).

they step over an unlocked lock, then at that moment they pick it up and lock it, and they throw the key into a river or a well so that the husband will live agreeably with his wife."[67] In his discussion of demonic possession (*klikushestvo*) he described "possessed (*vdokhnovennyia*) or cursed women who, coming into a rage, talk nonsense and sometimes make prophecies." In one passage from his article on "Schism," dedicated to the emergence of Old Belief in the seventeenth-century, he wrote that "the schismatics choose wealthy homes, rather than poor ones, and people who are easily persuaded, who are in essence simpletons, and in particular the female sex."[68] These mentions of specifically female superstition demonstrate the degree to which women's belief and practices presented a historical problem for Chulkov.

In his discussion of the empire's less Enlightened peoples, Chulkov often used the treatment of women as a measuring stick for the relative degree of civilization achieved by a given nation. This is consistent with much Enlightenment writing on women, which was largely characterized by a preoccupation with the place of women among "savage" nations.[69] As Marianna Muravyeva has shown, the Russian Empire was no exception to this tendency among eighteenth-century intellectuals to see marriage and nuptial practices as reflective of a civilization's progressive historical development.[70] In his article on "Marriage" Chulkov detailed the nuptial customs of Iaitsk and Don Cossacks, Kamchadals, Mordvins, Chuvash, Kalmyks, Votiaki, Kyrgyz, Tatars, Bashkirs, ancient Russians, "Little Russians" (Ukrainians), and merchants. He reported that Iaitsk Cossacks observed a period of up to twenty weeks before the wedding during which "the convinced bride gathers with [women] friends every evening, they sing songs, dance, and play with the young men (*s molodtsami*)." During this period "the bridegroom can almost treat her like a husband treats his wife." He described some of the garments and jewelry required for the wedding and concluded by offering that "among these Cossacks there used to be a custom that if someone no longer wanted to keep his wife, he would give her away by sending her off to the town square."[71] Among the Don Cossacks, by contrast, "the bridegroom goes on horseback after his wife and the horse under him is covered in bells so that the bride can hear her bridegroom's arrival."[72] Notably, it is unclear what precisely linked these customs to superstition in Chulkov's understanding. Particularly in the discussion of Cossacks mentioned above, Chulkov did not describe magical beliefs or even customs associated with paganism. Instead, he included this information because of his Enlightened belief that relations between women and men could be used as a yard stick for determining a relative degree of civilization.

Elsewhere, Chulkov dwelled on aspects of marriage practices that he found troubling or barbaric. For example, he reported that Kamchadals "usually look for their brides in another, and not in their own village (*ostrozhke*), move to live there, and announcing their intentions to the father or mother of the bride [they] work for some time, showing their

---

[67] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 161.
[68] *Ibid.*, 231.
[69] Sebastiani, *The Scottish Enlightenment*, 133-162.
[70] Marianna Muravyeva, "Abduction of Women in Early Modern Russia: Modernizing the Empire," *Russian History* 43:3-4 (2016): 338-371.
[71] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 6-7.
[72] *Ibid.*, 7.

boldness and dexterity, and serving everyone as a servant (*kholopa*)—most of all his future father-in-law, mother-in-law, and bride—then demands permission to take the bride."[73] Although Chulkov did not explicitly condemn these practices, his focus on customs where mutual consent was apparently lacking suggests that this was one way in which Chulkov identified primitive or savage people's practices that differed from his own and those of his Enlightened contemporaries.

Another noteworthy discussion of women in the *Dictionary* is in the article on "Fashion," where he critiqued the perceived decadence and effeteness of elite urban society.[74] Chulkov excoriated the superficial obedience of those who slavishly adhere to "such rules that anyone can follow if they dare: and whoever objects will thus be chased out of society or labeled as an eternal fool." [75] His examples of the corrosive impacts of fashion are focused on women. "Here red hair is considered ugly," he wrote, "but in the mountains of the Caucuses it is an excellent beauty mark for women, such that they cover it in a special ointment, like they blacken teeth here." Whereas "Persians and other pagan peoples who have settled in Russia wear a ring in the nose through both nostrils," Russian women "wear earrings on their ears." Unlike Russian women who "pile straps on their dresses," Chulkov reported that Kamchadals "add embroideries to their own skin, and their faces as well, in place of these straps."[76] Here, we see direct examples of the imaginative links between women and savagery, described so eloquently by Sebastiani, that characterized Enlightenment thought regarding gender and its relationship to civilization. Like with pagans and idolators with whom much of the volume is concerned, Chulkov's implicit claim was that women's proclivity toward fashion exerted an irrational and arbitrary power over society and slowed the forward march of historical progress.

Thus, women emerge from Chulkov's *Dictionary* as a transhistorical site of irrationality whose effect was tyranny over everyday customs. He lamented that even if "a professor…, a person of good human qualities" failed to meet the standards of the purveyors of fashion, "then at that very minute they call him an ignoramus and a fool." In his view, clearly, fashion distorted one's ability to distinguish between legitimate knowledge and superstition, and thus worked to perpetuate historical ignorance. He concluded this passage about the wrongly maligned, unfashionable professor with an exhortation: "about all of this and more, understand (*razumevai*)."[77] This last term, *razumevai*, is drawn from Old Church Slavonic and alludes to Job 37:14: "Stop and understand (*razumevai*) the miraculous works of God." It is also worth noting, however, that the root of this word, *razum*, was a standard word in eighteenth-century Russian to signify "reason" in the Enlightenment sense of the word. This passage was likely meant to amuse the reader with its stylistic clash between discussion of uncivilized superstition and the sacral, elevated quality of Church Slavonic. Even so, it highlights the ambiguously religious and secular contexts of Chulkov's critique of

---

[73] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 7-8.

[74] This portrayal of elite decadence, largely understood as the result of unrestrained French influence at the court (*voltarianstvo*), was tied to nascent discussions on the Russian national character. See Hans Rogger, *National Consciousness in Eighteenth Century Russia* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960).

[75] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 210-211.

[76] *Ibid.*, 211.

[77] *Ibid.*, 211.

superstition. Women's apparent interest in fashion reflected a feminized failure to "understand," both in the religious sense of comprehending the truth of the gospel and in the Enlightened sense of deploying reason and sensibility to understand the phenomena of the material world.

Like peasants and non-Orthodox subjects of the empire, therefore, women represented for Chulkov an example of contemporary superstition which defied the general process of liberation from ignorance that he laid out in the *Dictionary*'s introduction. Unlike other supposedly superstitious groups of people, however, women's vulnerability in this regard was not a result of their ties to the pagan past, nor of a slavish adherence to ancient foreign customs. Instead, women appear in the *Dictionary* as a transhistorical site of irrationality and a general problem for the historical progress of Enlightened civilization. As his inclusion of examples from across time and across different contexts demonstrate, women's supposed irrationality and credulity was a problem not only among savages, but also among educated European moderns. Chulkov's choice to critique women's superstition even in his own social milieu contributed to his own project of self-fashioning by positioning himself as a man endowed with superior faculties of sensibility and Enlightened reason.

5. Old Believers

Like the apparently superstition and fashionable women of elite society, Old Believers appear in Chulkov's *Dictionary* as superstitious moderns who have failed to benefit from the process of historical progress that ran from early Christianity to the philosophy of the Enlightenment. As was the case in his treatment of certain non-Orthodox peoples, Chulkov attributed a foreign origin to the schismatics' misapprehension of the truth. "The beginnings of the coming of schismatics followed the time of the great Prince Vladimir I," he explained, "for soon after his reign, a certain Armenian by the name of Vlasii composed a book about the faith with many vanities, and they increased as a result of the correction of church books under Patriarch Nikon."[78] As this mention of Nikon suggests, Chulkov was surely aware that the Old Belief movement was precipitated by Church reforms in the mid-seventeenth century. His decision to locate the origins of the schism in the time of Kyivan Rus' is thus all the more striking.

Chulkov represented Old Believers as especially duplicitous and the prevalence of superstitious belief among them as a result of conscious manipulation on the part of the movement's progenitors.[79] As mentioned above, Chulkov wrote that "to attract people to their madness the schismatics choose wealthy homes, rather than poor ones, and people who are easily persuaded, who are in essence simpletons, and in particular the female sex."[80]

---

[78] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 228.

[79] It seems that Chulkov drew many details in his portrayal of Old Believers from Dmitrii Rostovskii's well-known writing condemning schismatics, entitled *Rozysk o raskol'nicheskoi Brynskoi vere*, from the early eighteenth century. Discussion of this tract can be found in Evgenii Akel'ev, *Russkii misopogon: Petr I, bradobritie I desiat' millionov "Moskovitov"* (Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2022). I am indebted to Dr. Ernest Zitser for this observation.

[80] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 228.

He clearly located the epicenter of Old Belief among elites who manipulate the "simple people" with excessive performances of piety. "Simpletons," Chulkov wrote, "are greatly surprised by this life of theirs [Old Believers], their fasting, prayers, and gentle temper, and consider them great saints." Innocent peasants were seduced by the fact that Old Believers "pray with great diligence and lamentation, taking questions from holy writings, and with great tenderness and with a pious and pallid expression and, sometimes, shedding tears."[81] In an article on "Cranberries" he wrote that "when schismatics from the Bryn' forest aren't able to convince someone of their heresy through flattery, they give [them] a cranberry, soaked in some poisons, which makes whoever eats it invariably have a desire to go to the small monasteries of Bryn'," as a result of which the schismatics' targets go into "a frenzy of the mind" and "throw themselves into it [Old Belief] for it appears to them as paradise and angels sit on it."[82] Interestingly, Chulkov's treatment of the peasantry in the context of Old Belief figured them as clay to be molded, so to speak; their superstitious beliefs in this regard could be explained by the ill intentions of malicious charlatans.

In his description of the specific beliefs of schismatics, Chulkov emphasized their comical absurdity. He enumerated those who were, according to Old Belief, condemned to damnation: "those who don't recognize the holiness in octagonal mustaches and beards, and those who don't believe that the head was given to us by nature solely and only to have a place for a beard, in which one's soul resides," in addition to "whoever drinks tea and coffee, snuffs, smokes, or puts tobacco behind their lips, whoever eats olives or capers, lamprey, oysters, eel, hares, lobsters, pigeons, sausages (*sosiski*), sauces, jelly, [or] sausages (*kolbasy*)," and whoever fails to "believe that there are witches (*kolduny*), forest trolls, devils, curses, baba iagas, werewolves, possessed women, fortune-tellers, and walking dead." Elsewhere, he wrote that schismatics considered their beards "more important than all of their members and dearer than their own heads, thinking that with beards they present the image and likeness of God, not understanding that God is a spirit (*bog est' dukh*), so our flesh cannot have the smallest resemblance to him."[83] For Chulkov, the amusing absurdity of Old Belief was the result not of the cultural vestiges of paganism, but of duplicity on the one hand and grave intellectual error on the other.

As superstitious contemporaries whose beliefs seemed to have emerged in the mid-seventeenth century, Old Believers fit awkwardly into the historical schema that undergirded Chulkov's understanding of superstition and its relationship to Enlightenment. Perhaps the reputation for zealotry among Old Believers made it harder for Chulkov to attribute their eccentricities to the remnants of paganism. As in his discussion of many non-Orthodox subjects of the empire, Chulkov explained this deviation from mainstream Orthodoxy as the result of a foreign intervention by a medieval Armenian. Although the "simpletons" among them had succumbed to Old Belief because they were deceived, Chulkov represented the core of the movement as consisting of duplicitous charlatans who could deceive the simple people into following them. Thus, paradoxically, Old Belief appears in Chulkov's *Dictionary* as a moral problem that, like women's inherent irrationality, was

[81] Chulkov, *Slovar' ruskikh sueverii*, 228-229.
[82] *Ibid.*, 184.
[83] *Ibid.*, 4-5.

coincidental with modernity. As a result, according to this logic, these populations required a different kind of containment than the vestigial cultural deviations observed among peasants and non-Russians. Chulkov saw himself as appropriately skeptical about superstition, in contrast to women, peasants, and non-Russians; but he was also moral, in contrast to the duplicitous charlatans who propagated Old Belief.

Conclusion: Chulkov's Imperial Enlightenment

These five categories of Others are mine, not Chulkov's. The reason why I have focused on these categories is because each of them demonstrates an aspect of Chulkov's own self-fashioning. The implicit comparisons made legible through Chulkov's representation of various "superstitious" peoples show how the heterogeneous and varied subjects of the Russian Empire were ordered in his imagination. First, he displayed a vague sympathy toward Orthodox peasants and had a tendency to explain their supposed superstition as a result of gullibility. His treatment of non-Orthodox populations, however, reveals a subtle skepticism about their ability to comprehend the essence of Christianity or Enlightened reason.

As some historians have shown, the integration of Enlightenment ideas and practices in the Russian Empire was shaped in important ways by existing imperial institutions. This is evident in the ways in which religious leaders were able to deploy the language of Enlightenment in such a way that it shored up traditional institutions of ecclesiastical and imperial power.[84] In the late-eighteenth century, figures like Metropolitan Platon distinguished their own brand of Enlightened reason from the radical secular pronouncements emerging from the intellectual milieu of western Europe.[85]

My reading of Chulkov suggests that this distinction between Orthodox Enlightenment and radical secular Enlightenment had its limits and was not operative across all contexts. He had absorbed many post-Reformation notions of religion and Enlightenment through the Russian Orthodox Church, which had integrated many important elements of Protestant theology over the course of the eighteenth century.[86] Superstition, in its valence as a vestige of paganism, was for Chulkov both a sign of insufficient comprehension of Christianity and a sign of insufficient exposure to the fruits of secular learning and the rationalist practices inherited from western Europe. For Chulkov, I argue, this was a distinction without a difference. The very distance of Chulkov's Others from his own civilized vantage point negated the importance of this distinction. Superstition, for Chulkov, was the opposite of Enlightenment, and in the imperial context he seemed to view the relative ability of subject peoples to comprehend Christianity and secular learning on a kind of spectrum. Proper Orthodox belief and practice and secular

---

[84] Elise Kimerling Wirtschafter, "Thoughts on the Enlightenment and Enlightenment in Russia," *Journal of Modern Russian History and Historiography* 2:1 (1-26); Hamburg, *Russia's Path Toward Enlightenment*.

[85] Wirtschafter, *Religion and Enlightenment in Catherinian Russia*. On the Radical Enlightenment see Jonathan Israel, *A Revolution of the Mind: Radical Enlightenment and the Intellectual Origins of Modern Democracy* (Princeton: Princeton University Press), 2009.

[86] Andrey Ivanov, *A Spiritual Revolution: The Impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia* (Madison: University of Wisconsin Press, 2020).

learning both emerge as elements of civilization and Enlightenment toward which, in Chulkov's view, these superstitious people ought to gravitate in order to escape the shackles of ignorance. The act of writing the dictionary was at once a sign of Chulkov's sufficient understanding of religion and of his cultivated Enlightened reason. By ordering the empire's Others, Chulkov performed an act of integration for himself and his patrons into the cultural sphere of Enlightenment Europe.

These categories of Others reveal much about Chulkov's understanding of himself as an Orthodox Russian and as a member of European civilization. These were not contradictory categories in the mind of an educated Russian man in his position.[87] His ability to order the empire's Others projected a civilized quality onto the Russian Empire and thus strengthened imperial claims of legitimate power over uncivilized or savage populations. If Chulkov's *Dictionary* is not an expression of radical Enlightenment, it is surely an expression of colonial Enlightenment, and it is representative of the large body of Enlightenment-era literature that was oriented towards assimilating the uncivilized on the peripheries of Europe's eighteenth-century empires.[88] It is important not to lose sight of these imperial and colonial dimensions of Enlightenment thought in our assessment of the particularities of the Enlightenment in the Russian Empire.

As discussed above, some of the superstitious subjects of Chulkov's *Dictionary* appear uncivilizable. In addition to the non-Orthodox peoples, this also included women, who had avoided liberation from ignorance even in the civilized world because of their supposed gendered constitution. In this way, Chulkov also performed his inclusion in the world of Men of Letters. Clearly, he did not share the opinion of some Enlighteners that women's supposed gentleness had a civilizing effect on society. Women for Chulkov were comparable to the ignorant subjects on the periphery of the empire whose tendency toward superstition had to be contained.

Chulkov's text positioned him and his patrons as people with the capacity to evaluate the magnitude of civilizational development among the subjects of the empire. In this way, *The Dictionary* can be understood as an instrument of imperial Enlightenment. In addition to cataloging and ordering the strange and irrational beliefs of the empire's Others, it also provided amusement and education for the Enlightened (male) Russian reader. By eliciting amusement toward the absurdity of superstitious beliefs, Chulkov positioned himself and his implied readers as individuals who were Enlightened enough to laugh at superstitious beliefs, whereas the subjects of *The Dictionary* were tempted by them.

[87] Schönle and Zorin, *On the Periphery of Europe*, 69.

[88] Richard Vulpius, "Civilizing Strategies and the Beginning of Colonial Policy in the Eighteenth-Century Russian Empire," in *Enlightened Colonialism*, ed. Damien Tricoire, 113-132.

Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 163-184

Translation as Politics: Translating Nikolai Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* in Nineteenth-Century France[1]

Rodolphe Baudin
Sorbonne University
Rodolphe.baudin@sorbonne-universite.fr

Abstract:
This article examines the three translations of Nikolai Karamzin's Letters of a Russian Traveler *published in nineteenth-century France. Relying on Descriptive Translation Studies so as to challenge the traditional narrative about the political innocuousness of Karamzin's travelogue, it reconstructs the historical contexts of the three publications in order to highlight the political agendas of their translators and/or translating patrons. Far from being the innocent product of the translators' sheer curiosity, the three translations prove to be political objects, used at three key moments in the history of Franco-Russian relations in the nineteenth century, in order to call for political change, to try and restore Russia's damaged reputation, or to attempt to forge new diplomatic alliances.*

Keywords*:*
Karamzin, Letters of a Russian Traveler*, travelogue, Descriptive Translation Studies, France, Russian-French cultural relations, politics.*

In November 2022, the Paris-based Institute of Slavonic Studies published my French translation of Nikolai Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*.[2] The motivation behind this publication was to give French speakers full access to Karamzin's famous travelogue. Indeed, all previous French-language editions of *Letters of a Russian Traveler* focused solely on the French part of Karamzin's text, sometimes adding isolated episodes from the German and Swiss sections. Thus, no full translation offering the entire four parts—German, Swiss, French and British—was therefore available to the French reading public. While the idea of translating the full travelogue originated in 2020 and the translation and comments were completed in 2021, usual editorial procedures delayed the publication for months. As a result, the book came out after the Russian invasion of Ukraine, at a time when Russian culture and its ties to Russian imperialism became part of a general conversation and any celebration of Russian literature the object of legitimate debate. This new context seemed to give an unwanted political meaning to a candid translation attempt, whose introduction and comments did not convey any message in support of Russian imperialism, either now or in Karamzin's time.

This unexpected chronological clash between the big picture of tragic historical events and the supposedly minor event of translating into French a text from eighteenth-century Russian literature did raise questions, however, and fueled the need to take a

[1] I wish to express my gratitude to colleagues from Princeton University, the Study Group on Eighteenth-century Russia and New York University's Jordan Center, whose feedback was paramount in shaping the arguments at the center of this paper. I also thank my two anonymous reviewers for their constructive criticism and comments.

[2] Nikolai Karamzin, *Lettres d'un voyageur russe*, trans. & ed. Rodolphe Baudin (Paris: Institut d'Études slaves – L'Inventaire, 2022).

closer look at Karamzin's previous translations. A study of the introductions to these previous translations, carried out in order to examine how early translators had legitimized their decision to make Karamzin available to the French public, soon revealed the political dimension of the legitimizing discourse they were mobilizing.

Scholars working on translation since the "cultural turn" of translation studies and the rise of Descriptive Translation Studies in the late 1980s and early 1990s have all emphasized the political dimension of any translation attempt. In the words of André Lefevere: "Translation has to do with authority and legitimacy and, ultimately, with power [...] Translation is not just a 'window opened on another world,' or some such pious platitude. Rather, translation is a channel opened [...] through which foreign influences can penetrate the native culture, challenge it, and even contribute to subverting it."[3] Additionally, as Gideon Toury has shown, a translation is not just a textual product, but what he labelled a "translation event," that is the "social, historical, cultural, ideological [...] context of situation in which the act of translation [...] is embedded."[4] This attention to context incited descriptive translation studies to focus on the agents and institutions involved in "translating events," from the translators themselves to the institution granting them the authority and material conditions necessary to accomplish acts of translation. The work of these agents and institutions, and the relations they develop with translators, form what Lefevere called "translation patronage," which almost always follows political and/or economic agendas.[5]

This attention to the political dimension of translation events seems particularly relevant in the Russian context. As Derek Offord and Vladislav Rjéoutski have shown, starting from the eighteenth century, "literature and in particular the theatre, as a public form of art, were useful means of improving the image of Russia in Europe. However, the only way to demonstrate the excellence of Russian literature and theatre to Enlightenment Europe was through translation [...] Translation therefore had an important place [...] in the cultural strategy of the Russian court."[6] Starting with efforts to circulate translations of Kantemir's satires and Sumarokov's tragedies in French journals during the reign of Elizabeth Petrovna, "the conduct of literary propaganda through translation into French was [...] a long-term enterprise,"[7] which did not end with the eighteenth century but carried on well into the following one.

Together with translations, accounts on Russian literature published abroad were instrumental in offering a positive image of Russia to foreign audiences. Here again, as Carole Chapin has shown, efforts started in the mid-eighteenth century, with the

---

[3] André Lefevere, *Translation/History/Culture* (London: Routledge: 1992), 2.

[4] Gideon Toury, *Descriptive Translation Studies and Beyond* (Amsterdam: John Benjamins, 1995), 249. Quoted in Christina Schäffner, "Politics and Translation", in *A Companion to Translation Studies*, eds. Piotr Kuhiwczak & Karin Littau (Cleveland, Buffalo, Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2007), 136.

[5] André Lefevere, *Translating Literature. Practice and Theory in a Comparative Literature Context* (New York: The Modern Language Association of America, 1992), 116-118. On the activity of translating agents and institutions in the Russian imperial context, see *Laboratoriia poniatii: perevod i iazyki politiki v Rossii XVIII veka*, eds. S. V. Pol'skoi & V. S. Rzheutskii (Moscow: NLO, 2022).

[6] Derek Offord & Vladislav Rjéoutski, "Translation and propaganda in the mid-eighteenth century: French versions of Sumarokov's tragedy *Sinav and Truvor*," in *French in Russia*, eds. Derek Offord, Gesine Argent & Vladislav Rjéoutski (Bristol: The University of Bristol, 2017), 2, https://doi.org/10.5523/bris.3nmu0gz0xzmpx21l2u1m5f3bjp.

[7] Offord & Rjéoutski, "Translation and propaganda," 10.

publication of papers in French journals on the state of literature in Russia, which "testify rather of the existence of a Franco-Russian network than of a sudden interest in Russian literature among French-speaking journalists."[8] Among the agents of this active network, Russian grandees, including Andrei Shuvalov, French diplomats stationed in Russia, such as the Chevalier d'Éon and Paris-based French journalists like Élie Fréron collaborated to produce papers pursuing, as Alexandre Stroev has noted, "literary and political goals," which were meant to assert "the reputation of the (Russian) empress" and strengthen political ties between the two countries.[9] Here again, far from disappearing in the eighteenth century, such efforts continued well into the next century. Indeed, they peaked in the 1880s with the publication of Melchior de Voguë's *Le roman russe*, at a time when eighteenth-century-style literary patronage had disappeared.[10]

A St. Petersburg-based French diplomat, Voguë played a major role in popularizing Russian literature in France. The publication of his famous book contributed to a boom in translations of Russian novels into French. As Pauline Gacoin Lablanchy has noted, translations of Russian novels increased from 16 in 1886, the year Voguë's book was published, to 25 in 1888.[11] And here again, the combined effort of publicizing and translating Russian literature into French was, at least partly, politically motivated. A firm supporter of an anti-German political alliance between France and Russia, Vogüé wrote the following in his introduction to *Le roman russe*:

> For reasons of a different nature, which I will not elaborate here since everybody understands them as it is, I believe it is important to work on getting both countries closer by means of a mutual penetration of matters of the mind. As between two men, there can be no close friendship nor solidarity between two cultures before their minds have come into contact.[12]

It seems, then, that commenting on Russian literature to the French public and translating Russian literature into French were often politically motivated endeavors in the eighteenth and nineteenth centuries, long before they became an element of Cold War politics, with the French communist party developing a policy of translating Soviet classics on the one hand, and anti-Soviet publishing houses translating the works of Pasternak and Solzhenitsyn on the other.[13] With this in mind, the present article aims at

---

[8] Carole Chapin, "Représentations du théâtre russe dans la presse francophone des Lumières," *Vivliofika: E-journal of Eighteenth-Century Russian Studies* 4 (2016), 128.

[9] Aleksandr Stroev, "Zashchita i proslavlenie Rossii: istoriia sotrudnichestva sheval'e d'Eona i abbata Frerona," *Francuzy v nauchnoi i intellektual'noi zhizni Rossii XVIII-XIX vv.* (Moscow: Olma media Grup, 2010), 173.

[10] Melchior de Voguë, *Le roman russe* (Paris: Plon-Nourrit, 1886). On Voguë and his book, see Magnus Röhl, *Le* Roman russe *de Eugène-Mélchior de Voguë. Étude préliminaire* (Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1976).

[11] Pauline Gacoin Lablanchy, "Le vicomte Eugène-Melchior de Voguë et l'image de la Russie dans la France de la IIIe République," *Bulletin de l'Institut Pierre Renouvin* 1:39 (2014), 71.

[12] Gacoin Lablanchy, "Le vicomte Eugène-Melchior de Voguë," 75.

[13] On translated Russian literature as an element of Cold War politics in France, see Pavel Chinksy, "La littérature russe et soviétique dans les 'Lettres françaises' de Janvier 1946 à mars 1953," *Revue des Études slaves* 72:1-2 (2000): 81-95. For a British perspective on the impact of political contexts on translation

studying the political aspects of all nineteenth-century French translations of Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*. Such a study has hitherto never been attempted, if only because Karamzin's sentimental travelogue seemed less politically oriented than his *History of the Russian State*. A text immediately perceived as a manifesto of Russian political conservatism, Karamzin's historical opus became the subject of heated debates among liberals, both in Russia and abroad, who felt compelled to counter its historical narrative. When the French painter and printmaker Gustave Doré published *Histoire pittoresque, dramatique, et caricaturale de la sainte russie* during the Crimean War in 1854, he used Karamzin not only as a source of information on Russian history, but also as a political text with which to argue.[14] By comparison, *Letters of a Russian Traveler*, which was mainly regarded as an imitation of Laurence Sterne's *A Sentimental Journey Through France and Italy*,[15] may have seemed like a politically neutral literary product. Consequently, the translations of *Letters of a Russian Traveler* were never studied as political objects. Widening our focus from translations as pure textual products to include a study of how they are generated by patronage structures and specific historical contexts can help us shed light on the political significance of these texts.

In this article, I comment on these translations in chronological order and begin by introducing an early translation into the picture, unknown to contemporary historians of Russian literature and specialists on the history of cultural relations between France and Russia. Since this study focuses on translation, it offers a few reflections in the field of textual traductology, especially when the stylistic or hypertextual strategies chosen by the translators directly depended on the political contexts of their translation acts. It does not, however, study their market strategies or the reception of their translations by their contemporary audience in France. Studying the first aspect would indeed require an in-depth analysis of the politics of the French print market in the nineteenth-century that would far exceed the specific scope of the present paper. As for the question of reception, whilst I did succeed in identifying several reviews published in French journals after the publication of the two later translations, they focus exclusively on Karamzin's style, the quality of the translations or the value of *Letters of a Russian Traveler* as a source of information on the French Revolution and hence cannot serve as material for the study of the politics of translation.[16]

---

practices vis-à-vis Russia, see the "Translating Russia, 1890-1935" Special Issue of *Translation and Literature* 20:3 (Autumn 2011).

[14] Gustave Doré, *Histoire pittoresque, dramatique, et caricaturale de la sainte Russie* (Paris: J. Bry aîné, 1854). For an English translation, see Gustave Doré, *History of Holy Russia*, trans. Daniel Weissbort (Chicago : Open Court Publishing Company, 1971). On Doré's opinion about Russia, see David Kunzle, "Gustave Doré's *History of Holy Russia*:" Anti-Russian Propaganda from the Crimean War to the Cold War," *The Russian Review* 42 (1983): 271-299. On satire and history in Doré's *Histoire*, see Alain Vaillant, "Rire de l'histoire et *comique absolu*: la *Sainte Russie* de Gustave Doré," *Écrire l'histoire* 10 (2012): 89-100.

[15] See Laurence Sterne, *A Sentimental Journey Through France and Italy* (London: T. Becket and P. A. de Hondt, 1768). On Sterne's influence on Karamzin, see Faina Kanunova, "Karamzin i Stern," *XVIII vek* 10 (Leningrad: Nauka, 1975): 258-264.

[16] I could not find any review on the first of the three translations studied in the present article. The second translation, published in 1866, was reviewed in the following publications: *La Revue moderne* 41 (1867): 677; *Le Correspondant. Recueil périodique* 71 (1867): 783-787; and *La Revue des deux mondes* 68 (1867): 545. The third and last translation, published between 1883-1885, was reviewed in the following publications: *Revue des questions historiques* 36 (1884): 314; *Revue de la Révolution* 6 (1885): 238; *Revue de géographie* 17

Translating Karamzin's *Letters* at the Time of the Downfall of the First French Empire

As Tat'iana Bykova has shown, Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* was fully translated into German and English during the author's lifetime.[17] Although it did not enjoy similar success in France, it is erroneous to think that it was entirely ignored in this country before the death of its author in 1826. It was translated, albeit partially and in some fortuitous way, quite early in the nineteenth century. Indeed, the first French translation of *Letters of a Russian Traveler* was not, as the traditional narrative has it, the edition published in 1867 by Viktor Stepanovich Poroshin, which I discuss in my second part. It was the translation of Joseph-Golven Tuault de la Bouvrie (1744-1822), a moderate politician, deputy of the third estate for the seneschalty of Ploërmel at the Estates General of 1789, then a deputy of Morbihan during the First Empire and the Bourbon Restoration.

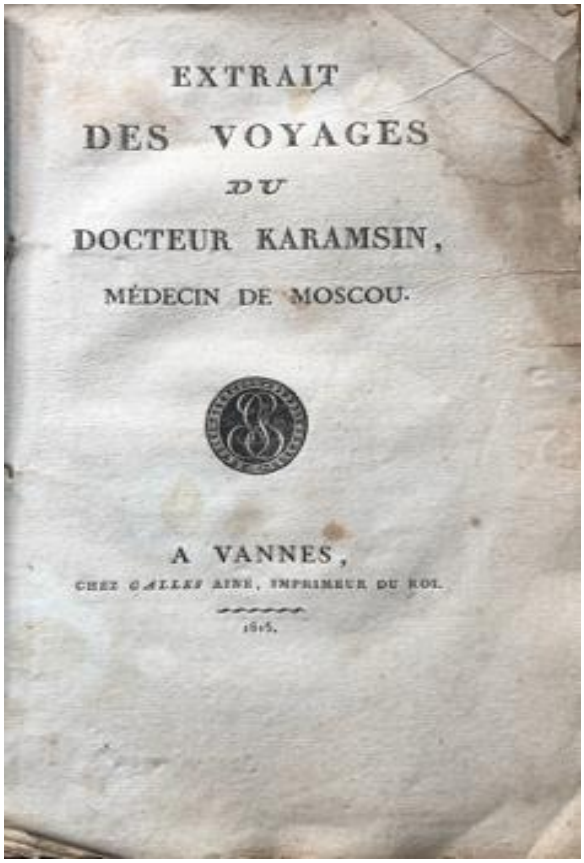
Fig. 1: Joseph-Golven Tuault de La Bouverie (1744-1822), député du tiers-état de la sénéchaussée de Ploërmel aux Etats-Généraux de 1789 (Paris: Dejabin, 1789).

In 1815, the Breton politician and writer published a 75-page booklet, entitled *Extrait des voyages du Docteur Karamsin, médecin de Moscou,* in the press of Galles Aîné, the king's printer in Vannes.[18]

(1885): 469; *Bibliothèque universelle et revue suisse* 28/82-84 (1885): 191 and *Le Livre. Revue du monde littéraire* 7 (1886): 73. For brief mentions of this translation, also see *La Revue internationale* 8 (1885): 36 and Paul Lacombe, *Bibliographie Parisienne. Tableau de moeurs (1600-1800)* (Paris: Rouquette, 1887), 55-56.

[17] Tat'iana Bykova, "Perevody proizvedenii Karamzina na inostrannye iazyki i otkliki na nikh v inostrannoi literature," *XVIII vek* 8 (Leningrad: Nauka, 1969): 324-342.

[18] The reason why Tuault de la Bouvrie presented Karamzin as a doctor remains unclear. Karamzin's British translator did not do so.



EXTRAIT
DES VOYAGES
DU
DOCTEUR KARAMSIN,
MÉDECIN DE MOSCOU.

A VANNES,
CHEZ GAILLES AINÉ, IMPRIMEUR DU ROI.
1815.

Fig. 2: the title page of Tuault de la Bouvrie's 1815 translation of Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*.

In his introduction, written on October 21, 1813 in Ploërmel, where he fulfilled the functions of deputy justice of the peace and county head, Tuault de la Bouvrie wrote:

> Monsieur Nicolas KARAMSIN, a Doctor from Moscow, and a very rich man, made a trip to Courland, Poland, Prussia, Switzerland, France and England; he gave the account of it in a work in three volumes, in German, translated into English by an unknown person. I do not understand German, but passably English. The content, the style, the details, the descriptions offered by this interesting journey, where I found new truths for me, as well as a mix of French, English, and even slightly Oriental elements, all presented in a poetic way, pleased me so much that I couldn't resist the temptation to translate the last part, relating to London and the domestic life of the rural inhabitants of this famous island. I wrote it in haste, but as best as I could, according to my custom, without wasting precious time, especially at my age, in correcting the mistakes with which everything that comes out of my pen abounds: I will be satisfied if the reader can guess the talent of the original author, and find a moment of amusement, recreation or distraction! The beginning of the book offers as much interest for foreigners to France as for those curious in history, in science: but it did not please me to the point of giving me the hope of pleasing the audience by translating them. Two episodes provided me

> with the material for two little tales in verse, or rather with rhymes. I placed the locations of the scene, situated in Germany for one and in Switzerland for the other in the original book, in the province of Brittany, where I was born, where I lived, where I hope to die, and which was always so dear to my heart. I will try to copy them one after the other, if my health allows me, and I ask for the whole thing a lot of indulgence. I feel how much I need it, and I do not conceal the distance between Mr. KARAMSIN and myself.[19]

As this introduction suggests, the first French translation of Karamzin's *Letters* was therefore an indirect translation made on the basis of the English edition of 1803, translated by a man called Feldborg.[20] It was also partial, since it only concerned the letters on England. Additionally, even these English letters were translated partially, as Tuault de la Bouvrie faithfully followed Feldborg, who had removed from his translation two of Karamzin's original letters (numbers 153 and 154 in Lotman and Uspenskii's edition).[21] Similarly, Tuault de la Bouvrie's faithfulness to Feldborg's translation resulted in the removal of entire paragraphs from the end of Karamzin's original letters (numbers 136, 151 and 155).[22] Finally, Tuault de la Bouvrie, just like Feldborg, merged some of Karamzin's letters. But if Feldborg had merged only two letters—numbers 144 and 146[23]—Tuault de la Bouvrie merged six, the same two as Feldborg, but also letters 136 and 137[24] and 142 with 143.[25] In this respect, Tuault de la Bouvrie showed more paratextual creativity than Karamzin's English translator. This creativity also materialized at the hypertextual level. As he noted in his introduction, the Breton writer added to his translation two verse rewritings of two prose episodes from Karamzin's

---

[19] [Tuault de la Bouvrie], "Préface," in *Extrait des voyages du Docteur Karamzin, médecin de Moscou*, (Vannes: Chez Galles Aîné, Imprimeur du Roi, 1815), n.p.: "Monsieur Nicolas KARAMSIN, Docteur-Médecin, de Moscou, fort riche, fit un voyage en Courlande, Pologne, Prusse, Suisse, France et Angleterre ; il en a donné le récit dans un ouvrage en trois volumes, en langue allemande, traduit en anglais par un inconnu. Je n'entends pas l'allemand, mais passablement l'anglais. Le fonds, le stile, les détails, les descriptions de cet intéressant voyage, où j'ai trouvé des vérités neuves pour moi, un genre mixte tenant du français, de l'anglais, et un peu de l'oriental, toujours plus ou moins poétique, m'ont plu au point que je n'ai pas pu résister à la tentation d'en traduire la dernière partie, relative à Londres et à la vie domestique des habitants des campagnes de cette île si renommée. Je l'ai écrit à la hâte, mais de mon mieux, suivant mon usage, sans perdre un tems précieux, surtout à mon âge, à corriger les fautes dont fourmille tout ce qui sort de ma plume: heureux si le lecteur peut y deviner l'auteur original, et trouver un moment d'amusement, de récréation ou de distraction! Les commencemens offrent autant d'intérêt pour les étrangers à la France, que pour les curieux en histoire, en sciences : mais ils ne m'ont pas plu au point de me donner l'espoir de plaire en les traduisant. Deux épisodes m'ont fourni la matière de deux petits contes en vers, ou plutôt en rimes. J'ai placé les lieux de la scène, en Allemagne pour l'un, et en Suisse pour l'autre, dans cette province de Bretagne, où je suis né, où j'ai vécu, j'espère mourir, et, dans tous les tems, si chère à mon cœur. Je tâcherai de les copier à la suite, si ma santé me le permet, et je demande pour le tout beaucoup d'indulgence. Je sens combien j'en ai besoin, et je ne me dissimule pas la distance entre M. KARAMSIN et moi."

[20] On the identification of A. A. Feldborg as the anonymous British translator of Karamzin's *Letters*, see Bykova, "Perevody proizvedenii Karamzina na inostrannye iazyki," 334.

[21] Nikolai Karamzin, *Pis'ma russkogo puteshestvennika*, eds. Iu. M. Lotman, N. A. Marchenko & B. A. Uspenskii (Leningrad: Nauka, 1987), 371-376.

[22] *Pis'ma russkogo puteshestvennika*, 334-335, 368-370 & 377-380.

[23] *Ibid.*, 355-357 & 360-362.

[24] *Ibid.*, 334-339.

[25] *Ibid.*,351-355.

original text. The first is the story about Jean and Lisette, told in letter 87 in Lotman and Uspenskii's edition, while Karamzin's narrator travels across the Pays de Gex in France on March 4, 1790.[26] The second is the tale about Count Gleichen, told by the Russian traveler in letter 36 in Lotman and Uspenskii's edition, written from Erfurt on July 22, 1789.[27]

These two rewritings, offered by Tuault de la Bouvrie in an appendix to his translation, are interesting in several ways. First, they testify to Tuault de la Bouvrie's specific mechanisms of hypertextual appropriation. The French translator relocated the action of Karamzin's tales to his home region of Brittany. The first tale, retitled "Lise and Hylas" in Tuault de la Bouvrie's translation, takes place in the Baie des Trépassés, that is the Bay of the Dead in Western Brittany, from which it borrows its subtitle "The Cape of the Dead." The second tale, retitled "A True story," substitutes Count Gleichen with Count du Chastel, a famous Breton medieval vassal. This *Frenchification* of Tuault de la Bouvrie's Russian hypotext is remarkable, as it is an early example of reverse dynamics in the circulation mechanisms of literary borrowing from center to periphery in eighteenth-century European literature, an interesting case of French "*sklonenie na nashi nravy,*" to quote the borrowing model advocated by Vladimir Lukin in eighteenth-century Russia.[28]

But these two rewritings provide yet additional information. First, they demonstrate that Tuault de la Bouvrie's interest in *Letters of a Russian Traveler* was broader than a mere interest in Britain, which he mentions to justify his translation. Second, they testify to the translator's taste for the aesthetic regime used by Karamzin in both tales. As Tuault de la Bouvrie explains concerning the first appendix: "I borrowed from this short episode the subject of the following idyll or elegy; but making it really interesting would require the talent of Theocritus."[29]

What this quote reveals is Tuault de la Bouvrie's admiration for Karamzin's ability to imitate in prose the idyllic or elegiac register of ancient poetry, which he himself feels able to render only in verse. In a sense, he bestowed upon Karamzin the same degree of talent as Gessner, who had set the model for adapting modern prose to the sensibility of these two genres of ancient poetry. This specific talent of Gessner and Karamzin resulted in their "elegant simplicity," a distinctive feature of the latter's prose according to another French translator, Henri de Coiffier, who translated Karamzin's *Natalia, the Boyar's Daughter, Poor Liza* and *Julie* in 1808. In his introduction, Coiffier wrote: "The way they are written is not the least of their merits; and those who have had the chance to read them in the original have saluted the successful mix of elegance and simplicity, of naivety and elevation which reigns in Karamzin's style."[30]

---

[26] *Pis'ma russkogo puteshestvennika*, 189-192.

[27] *Ibid.*, 79-81.

[28] Lukin explained this conception of borrowing from foreign literary models in the forewords to his plays *Nagrazhdennoe postoianstvo* and *Pustomel'ia*. See *Sochineniia i perevody Vladimira Ignat'evicha Lukina i Bogdana Egorovicha El'chaninova*, ed. P. A. Efremov (St. Petersburg: Izdanie Ivan Il'icha Glazunova, 1868), 82-84 & 110-120.

[29] [Tuault de la Bouvrie], *Extrait des voyages du Docteur Karamzin, médecin de Moscou*, 66: "J'ai puisé dans ce court épisode le sujet de l'idylle ou élégie suivante; mais il faudrait pour la rendre intéressante le talent de *Théocrite*."

[30] *Romans du Nord, imités du russe et du danois, de Karamsin et de Suhm, par Henri de Coiffier*, Nouvelle édition, revue par le traducteur, tome premier, (Paris: Frechet, 1808), 9: "La manière dont ils sont écrits,

Karamzin's simplicity was obviously seen by Coiffier as a distinctively Russian feature, in accordance with the symbolic hierarchies elaborated by French cultural imperialism, which identified a center (France) and a periphery (Europe's margins, America), whose youth guaranteed its preserved innocence. As Coiffier put it in his introduction: "I will only say that [Karamzin's] sensibility seems to me, so to speak, newer than ours and closer to nature."[31] Tuault de la Bouvrie expressed a similar idea when he wrote:

> The content, the style, the details, the descriptions offered by this interesting journey, where I found new truths for me, as well as a mix of French, English, and even slightly Oriental elements, all presented in a poetic way, pleased me so much that I couldn't resist the temptation to translate the last part.[32]

In this sentence, the reference to the supposedly oriental elements of Karamzin's prose was used to explain its appeal. Karamzin's sensibility was neither totally French, nor totally English. It was newer, because it was more natural and simple, thanks to its peripheral character.

Despite its accuracy, apart for the translation of a few names (Bomelli instead of Romelli in letter 135, Brank instead of Banks in letter 140, Sownley instead of Townley – in fact Towley – in letter 141), Tuault de la Bouvrie's translation remained unnoticed and does not appear in the catalogues of France's main libraries.[33] We only know, thanks to

---

n'est pas leur moindre mérite; et tous ceux qui ont pu les lire dans l'original, ont admiré le mélange heureux d'élégance et de simplicité, de naïveté et d'élévation qui règne dans [le] style [de Karamzine]."

[31] *Romans du Nord*, 8-9: "[…] j'oserai dire seulement que [la] sensibilité [de Karamzine] me paraît, si l'on peut s'exprimer ainsi, plus neuve que la nôtre, plus rapprochée de la nature."

[32] [Tuault de la Bouvrie], "Preface," *Extrait des voyages du Docteur Karamzin*, n.p.: "Le fonds, le stile, les détails, les descriptions de cet intéressant voyage, où j'ai trouvé des vérités neuves pour moi, un genre mixte tenant du français, de l'anglais, et un peu de l'oriental, toujours plus ou moins poétique, m'ont plu au point que je n'ai pas pu résister à la tentation d'en traduire la dernière partie."

[33] Tuault de la Bouvrie's translation is absent from the catalogue of the Bibliothèque nationale de France (BNF) and the catalogue of the French unified university library system (SUDOC). However, for references to the translation, see the catalogue of Sylvestre de Sacy's private library: *Bibliothèque de M. le Baron Sylvestre de Sacy*, vol. 3 (Paris: Imprimerie royale, 1847), 203-204. Also see the 1867 catalogue of the City Library of Nantes: Émile Péhaut, ed., *Catalogue méthodique de la Bibliothèque publique de la ville de Nantes*, volume 4, History, Part One (Nantes: Imprimerie de Vincent Forest et Émile Grimaud, 1867), 56. In Russia, it seems to have been on sale, among other rare books, in St. Petersburg in 1869. See V. I. Mezhov, ed., *Sistematicheskii katalog russkim knigam, prodaiushchimsia v knizhnom magazine Aleksandra Fedorovicha Bazunova* (St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa A. F. Bazunova, 1869), 712. To my knowledge, it was also mentioned three times in print: first in the proceedings of the St. Petersburg Imperial Library in 1864. See *Otchet Imperatorskoi Publichnoi Biblioteki za 1864 g.* (St. Petersburg: v tipografii II Otdeleniia Sobstvennoi E. I. V Kantseliarii, 1865), 30. It was next mentioned in the proceedings of the Philology Section of the Imperial Academy of Sciences in 1867. See *Izvlecheniia iz protokolov Otdeleniia russkago iazyka i slovesnosti. Sbornik statei, chitannykh v Otdelenii russkago iazyka i slovesnosti Imperatorskoi Akademii nauk*, vol. 1 (St. Petersburg: v tipografiii Imperatorskoi Akademii nauk, 1867), L-LII. The third mention can be found in S. Pomonarev's bibliography of Karamzin's works. See S. Pomonarev, *Materialy dlia bibliografii literatury o N. M. Karamzine. K stoletiiu ego literaturnoi deiatel'nosti (1783-1883)* (St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1883), 48-49. It is likely that knowledge of the book was mostly secondhand, as mentions of Tuault de la Bouverie's translation soon vanished after these mentions and the booklet never became an object of study in Russian and Soviet Slavistics. Significantly, it is absent from the list of foreign translations of Karamzin's works published by the Russian National

Tuault de la Bouvrie's comments in the introduction to his own translation, that he presented his two rewritings in verse to the Paris Philotechnical Society and the Paris Atheneum of the Arts, two learned societies of which he was a member.[34]

The sessions of the two learned societies during which Tuault de la Bouvrie presented his rewritings took place at some point between the end of 1813 and 1815, since they must have occurred during or after the completion of Tuault de la Bouvrie's translation, which he dated October 21, 1813 and published in Vannes in 1815. This chronology of events reveals another possible reason for Tuault de la Bouvrie's interest in translating *Letters of a Russian Traveler* into French: a political rationale.

By translating from English a Russian text that offered a positive picture of British society, Tuault de la Bouvrie expressed unambiguous political sympathies at a time when the Bourbons were in the process of being restored to the throne of France thanks to the combined efforts of Britain and Russia. Additionally, by dating his translation back to 1813 in his introduction, the French translator emphasized that these sympathies were not new, and as such that they were politically bold, since French literary texts and the press had been dominated by a violently Anglophobic discourse during the last years of the first Empire.[35] *Tippo-Saëh*, a tragedy by the French playwright Étienne de Jouy, which featured a plot that took place in India, was staged before the emperor that very same year. It abounded in anti-British verses like:

> An invincible Terror
> Seizes my heart when I hear the name English.
> My bosom is full of inextinguishable hatred
> For this treacherous, miser and cruel Nation.
> [...] These bandits from Albion
> Deserve the hatred which I attach to their name.[36]

Tuault de la Bouvrie's political agenda became even clearer at the end of his booklet. Immediately after the end of his translation, he introduced a paratextual reference that contained an unambiguous hint at ongoing events: "Translated in Ploërmel, from the beginning of October 1813 to this day, October 21. People are dancing in our small town

---

Library (RNB) in 2016. See "Proizvedeniia N. M. Karamzina v perevodakh na evropeiskie iazyki," *Ispolin russkoi slovesnosti. K 250-letiiu so dnia rozhdeniia Nikolaia Mikhailovicha Karamzina. Katalog vystavki* (Moscow: Pashkov dom, 2016), 102-116.

[34] [Tuault de la Bouvrie], *Extrait des voyages du Docteur Karamzin*, 75. The *Société philotechnique* was established in 1795. The *Athénée des Arts* was established in 1792 as the *Lycée des Arts*. It received its later name in 1803. See, "Athénée des arts, sciences, belles-lettres et industrie de Paris," *Comité des travaux historiques et scientifiques*, accessed November 13, 2023, http://cths.fr/an/societe.php?id=100413&soc_liees=.

[35] On anti-British sentiments in French newspapers and literature under Napoleon, see E. d'Hauterive, "Napoléon et la presse," *Revue des deux mondes* (1906): 111-134; Jean Guiffan, *Histoire de l'anglophobie en France: de Jeanne d'Arc à la vache folle* (Rennes: Terre de brume, 2004), 101-103.

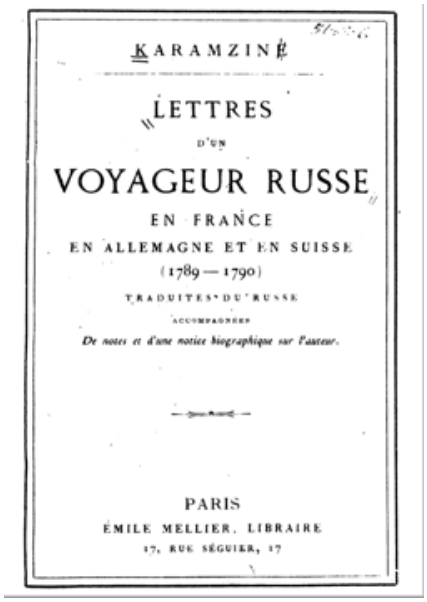
[36] Guiffan, *Histoire de l'anglophobie en France*, 103: "[...] une invincible horreur / Au seul nom des Anglais fait tressaillir mon cœur. / Pour cette nation fourbe, avare, cruelle, / Je porte dans mon sein une haine éternelle. / [...] ces brigands d'Albion / Ont mérité la haine que j'attache à son nom."

on the occasion of the wedding of the *sous-préfet's* son; people would probably not dare to dance in Paris."[37]

By emphasizing the happiness associated with the Breton wedding and by contrasting it to the sadness supposedly reigning in Paris as the First French Empire was collapsing, Tuault de la Bouvrie introduced a metaphorical opposition between beginnings and endings and clearly suggested where his sympathies lay. Additionally, his translation was offering a glimpse at what new beginnings could look like for France. Britain, in Karamzin's depiction, was a stable country, where constitutional monarchy and parliamentarism were the keys to a flourishing economy. This model was obviously Tuault de la Bouvrie's favorite political option. A politically moderate deputy, he would survive three consecutive regimes: the Revolution, the Empire and the Bourbon Restoration.[38]

Translating Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* after the January Uprising in Poland:

If the first French translation of Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* was published in the aftermath of the Napoleonic wars, its second translation appeared in the aftermath of another political crisis, which opposed, if not France and Russia as states, the French public and the politics of the Russian government during the times of Napoleon III. This second French translation was published under the title *Letters of a Russian Traveler in France, Germany and Switzerland (1789-1790)*.


KARAMZINE

LETTRES

D'UN

VOYAGEUR RUSSE

EN FRANCE

EN ALLEMAGNE ET EN SUISSE

(1789 — 1790)

TRADUITES DU RUSSE

ACCOMPAGNÉES

De notes et d'une notice biographique sur l'auteur.

PARIS

ÉMILE MELLIER, LIBRAIRE

17, RUE SÉGUIER, 17

Fig. 3: Front page of Viktor Poroshin's translation of Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* (Paris: Émile Mellier, Libraire, 1866).

[37] [Tuault de la Bouvrie], "Préface," *Extrait des voyages du Docteur Karamzin*, 65: "Traduit à Ploërmel, au commencement du mois d'octobre 1813, et fini ce jour 21 octobre. On danse dans cette petite ville à l'occasion du mariage du fils du sous-préfet; on n'oserait peut-être pas danser à Paris." As Paul Keenan noted, October 21 is just a few days after Napoleon's first major defeat: the Battle of Leipzig, which went from October 16 to October 19, 1813. I am thankful to Paul Kennan for this observation.

[38] "Tuault de la Bouvrie (Joseph-Golven)," in *Dictionnaire des parlementaires français comprenant tous les membres des Assemblées françaises et tous les ministres français depuis le 1er mai 1789 jusqu'au 1er mai 1889*, 5 (Pla-Zuy), eds. Adolphe Robert, Edgard Bourloton & Gaston Cougny (Paris: Bourloton, 1891), 457-458.

It appeared in print in December 1866,[39] at a time when the French public was still trying to recover from the indignation with which it was filled by the brutal crushing of the Polish insurrection of 1863-1864 by the Russian army.[40] The translator, Viktor Stepanovich Poroshin (1811-1868), was trained as an economist in Tartu (Dorpat) and in Germany before becoming a professor of political economy and statistics at the University of St. Petersburg.

In 1847, he had left his position at the university and moved to Paris in order to dedicate himself to writing on Russian affairs for the French reading public. His publications included numerous papers for the journal *Le Nord*, as well as various brochures, such as *Régénération sociale de la Russie* (1860), *Solution pratique de la question des paysans en Russie* (1864), and *Les ressources matérielles de la Russie* (1864).[41] Obviously, the greater part of Poroshin's publications commented on the great reforms of Alexander the Second, notably the greatest of them all: the abolition of serfdom. Other publications by Poroshin, however, focused on more politically sensitive topics, such as the brochure *Une nationalité contestée, Russie et Pologne* (1862). According to Charles Corbet, Poroshin's departure from Russia did not mean that he stopped working for the Russian State. His activity as a journalist was just another way to serve it and he was probably on the Russian payroll. A loyal and "conscientious Russian civil servant,"[42] Poroshin must have been affected by the wave of anti-Russian sentiments that hit France when Russia crushed the Polish uprising. It is only natural, then, that he joined the efforts of the "Russian counter-propaganda in Paris" to fight it.[43]

Fig. 4: Anti-Russian sentiments in France in the early 1860s: lithograph by Félicien Rops, *L'Ordre règne à Varsovie* (1863).

[39] This second translation is mentioned in "Liste des ouvrages et publications diverses qui ont paru dans le mois de décembre (résumé d'après le *Journal général de la librairie*)," *Revue bibliographique et littéraire* III/1 (January 1867), 60.
[40] Charles Corbet, *À l'ère des nationalismes. L'opinion française face à l'inconnue russe (1799-1894)* (Paris: Didier, 1967), 330.
[41] V. R-v, "Poroshin (Viktor Stepanovich)," in *Entsiklopedicheskii slovar'*, vol 24, eds. F. A. Brokgauz & I. A. Efron (St. Petersburg: Tipolitografiia I. A. Efrona, 1898), 594-595.
[42] Corbet, *À l'ère des nationalismes*, 322.
[43] *Ibid.*, 323-324, 326.

Far from disappearing with the end of the Russian repression in Poland in 1864, anti-Russian publications continued to flourish in France until the middle of the 1860s. Later in 1864, Schédo-Ferrotti published *Que fera-t-on de la Pologne?*[44] and in 1866 Henri Martin published *La Russie et l'Europe*[45], a pamphlet in which he asserted Russia was neither European nor even really Slavic, and called European countries to unite against it.[46]

In the face of such criticism, it seemed difficult to find a better response than to give the French public access to Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*, a text whose hero embodied the ideal figure of the Europeanized Russian gentleman, perfectly integrated into the space and culture from which Henri Martin wished to exclude his country. As Poroshin put it in his foreword: "This is, it seems to us, the proper way to acknowledge Karamzin's service to his nation, to the brotherly union of men and to '*European patriotism*,' to use the excellent formulation invented by M. Villemain on a memorable occasion."[47]

Officially, this decision to use Karamzin's text to restore Russia's reputation by presenting it as a refined and xenophile country,[48] relied on the centenary of Karamzin's birth, an event widely celebrated in Russia.[49] If, as Poroshin suggested in his introduction, introducing French readers to Russia's best son would undoubtedly win him many French hearts, it seems reasonable to assume that Karamzin's translator hoped that this sympathy would extend to Karamzin's country as well. As Poroshin wrote:

> Karamzin served the cause of literature; he worked for the propagation of knowledge and the softening of mores: *Emollit mores nec sinit esse feros*. Russia today celebrates the hundredth anniversary of his birth. May this little book, published for the first time in a language that could be said to be universal, make him many friends abroad and inspire in them something of the high and sincere esteem that we profess for his memory![50]

Though elegantly translated, in a style still relatively close to that of the eighteenth century, Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*, in Poroshin's version, was also

---

[44] D. K. Schédo-Ferrotti, *Que fera-t-on de la Pologne?* (Berlin: E. Bock (B. Behr), 1864). Schédo-Ferrotti was the pseudonym of Theodor, Baron von Fircks (1812-1872), a Baltic nobleman and civil servant, who wrote several works on the Russian administration and economy, the "Polish question," the Old Believers and Russian nihilism.

[45] Henri Martin, *La Russie et l'Europe* (Paris: Furne, Jouvet et Cie, 1866).

[46] Corbet, *À l'ère des nationalismes*, 334.

[47] V. S. Poroshin, preface to Karamzin, *Lettres d'un voyageur russe en France, en Allemagne et en Suisse (1789-1790), traduites du russe, accompagnées de notes et d'une notice biographique sur l'auteur*, trans. V. S. Poroshin (Paris: Émile Mellier, 1866), viii: "Telle est, ce nous semble, la part à faire aux services rendus par Karamzine, soit à la cause nationale, soit à la cause fraternelle des hommes et au 'patriotisme européen,' suivant le mot heureux échappé à M. Villemain dans une circonstance mémorable."

[48] On Karamzin as a xenophile, see Joachim Klein, "Karamzin, un Européen russe en France," in *Nikolaï Karamzin en France. L'image de la France dans les* Lettres d'un voyageur russe," ed. Rodolphe Baudin (Paris: Institut d'Études slaves, 2014), 201-206.

[49] On Karamzin's centennial celebrations in 1866, see Iakov Grot, "Dni karamzinskogo iubileia 1866 goda: (Otryvok 'Dnevnika' Ia. K. Grota)," *Istoricheskii vestnik* 119 (1866): 993-1003.

[50] Poroshin, preface to Karamzin, *Lettres d'un voyageur russe en France, en Allemagne et en Suisse*, xvii.

incomplete. As its title suggested, this new translation excluded the English episode of the original text, therefore reducing it to its German, Swiss and French parts. Additionally, the title of the translation evoked these parts in an illogical order—first France, then Germany and Switzerland—in order to appeal to its target audience by flattering their personal cultural hierarchies.

Besides, the removal of the English part of the Russian text was not the only reduction imposed on the original text by its second French translator. Even within the three preserved parts, Poroshin made a selection among the German and Swiss letters, and pruned even some of the French ones, when he did not simply remove them. If the text of the translation logically restored the geography mistreated in the title, it offered only 7 of the 40 letters of the German part of the Russian text, beginning it with the depiction of Weimar, which corresponds to letter 33 in Karamzin's original travelogue. The second part of the text, which corresponds more or less to the journey through Switzerland, offered only 32 of the 43 original letters. As for the fourth part, which describes the end of the French episode and the English one, it offered only 16 letters out of the 51 of the original text, mainly as a result of the removal of the part on England. As a consequence, only the third part of Karamzin's original text, which corresponds to the bulk of the French episode, was fully offered by Poroshin's translation. Besides, this does not mean that Poroshin did not prune some of the French letters. For instance, he removed some of Karamzin's sentimental metadiegetic embedded narratives as well as some of the Russian traveler's digressions. These editorial interventions were the result of Poroshin's indifference to the rhetoric of feelings so popular in Karamzin's time. This indifference was obviously common to most readers in the 1860s. If Poroshin himself has nothing but praise for Karamzin's tender heart in his foreword, one of the French reviewers of the 1866 translation expressed this general lack of interest as follows:

> These specimens make us regret that, in his book at least, the traveler confined himself to these isolated sketches of the physiognomy of Paris on the day after August 10 and on the eve of the Fête de la Fédération! How much more charming and valuable would paintings painted with this lively, familiar brush be today than *this bland pilgrimage to Jean-Jacques' tomb*, for example, which is twelve pages long in Karamzin's book, when the portraits of the queen and the dauphin each are less than one![51]

Additionally, Poroshin partly reorganized the original text, as Tuault de la Bouvrie had before him, splitting some of the longest letters into two when he obviously considered them too long (see letter nos. 57, 75, 83, 84, 89, 90, 97 and 128), or moving some letters from one place to another inside the translated text (see letter nos. 99 and 100). This free attitude towards the Russian original text was obviously considered too unrestrained by

[51] *Le Correspondant. Recueil périodique* 71 (1867), 787: "Ces spécimens font regretter que le voyageur s'en soit tenu, dans son livre du moins, à ces esquisses isolées de la physionomie de Paris au lendemain du 10 août et à la veille de la fête de la Fédération! Comme des peintures touchées de ce pinceau vif et familier auraient plus de charme et de prix aujourd'hui que ce fade pèlerinage au tombeau de Jean-Jacques, par exemple, qui contient douze pages, chez Karamzine, quand le portrait de la reine et du dauphin n'en ont pas chacun une." *Emphasis mine (R. B.).*

Karamzin's third and last French translator in the nineteenth century: the historian Arsène Legrelle (1834-1899).

Translating Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* after the Franco-Prussian War

Legrelle's translation of Karamzin's *Letters of a Russian Traveler* was published in Paris in 1885.

KARAMZINE

VOYAGE EN FRANCE

1789-1790

TRADUIT DU RUSSE ET ANNOTÉ

PAR

A. LEGRELLE

PARIS

LIBRAIRIE HACHETTE ET Cie

79, BOULEVARD SAINT-GERMAIN

1885

Fig. 5: Title page of Karamzin, *Voyage en France 1789-1790*, trans. Arsène Legrelle (Paris: Librairie Hachette et Co., 1885).

As Legrelle wrote in his introduction:

> Why did [Poroshin] remove almost half of the letters and especially why did he decide to prune, squeeze, in other words distort the text he had in front of him? As a result of this systematic reduction effort, instead of a deeply personal way of seeing and expressing things, all that remained was a deeply impersonal text, an insipid one, written in the style of people who do not know how to write.[52]

Besides respecting the textual integrity of Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*, Legrelle also delivered a particularly faithful translation. This was noted by many of his reviewers, who also commended the translation as an enjoyable read. Charles d'Héricault, the reviewer in *Revue de la Révolution*, noted that Legrelle succeeded in

[52] Arsène Legrelle, foreword to Karamzin, *Voyage en France, 1789-1790*, trans. A. Legrelle (Paris: Hachette, 1885), xxxi: "Pourquoi faut-il [que Porochine] ait passé à peu près la moitié des lettres, et surtout qu'il ait cru partout devoir émonder, resserrer, dénaturer en un mot le texte qu'il avait sous les yeux? Au lieu d'une façon de voir et de dire essentiellement personnelle, il n'est plus resté, grâce à ce système de condensation, qu'une phraséologie sans accent propre, sans relief quelconque, le style enfin de tous ceux qui n'en ont pas."

"respecting both the French language and the Russian spirit,"[53] while the anonymous reviewer from the *Bibliothèque universelle et revue suisse* praised Legrelle's "scrupulously faithful translation," which, "far from ruining the elegance of the original text, only emphasized it."[54] Far from trying to make Karamzin's text sound like a sophisticated French text from the eighteenth century, Legrelle's prosaic translation succeeded in capturing the elegant simplicity of the original.

The son of a notary from Normandy, Legrelle studied at the Royal High School of Versailles, then at the Law School of Rouen University and at the School of Arts and Science of Douai University.[55] After graduating from university, he embarked on a career as a journalist and a historian, while developing a strong interest in foreign languages and literatures. As a journalist, he was a frequent contributor to the *Revue de l'Instruction publique*, the *Revue contemporaine* and the *Revue européenne*. He was also an active traveler and visited Germany several times. During one of his sojourns in Germany he stayed in Weimar, where he enrolled to write a doctoral dissertation on Goethe. He completed his doctorate in 1863 and defended it at the University of Jena.[56]

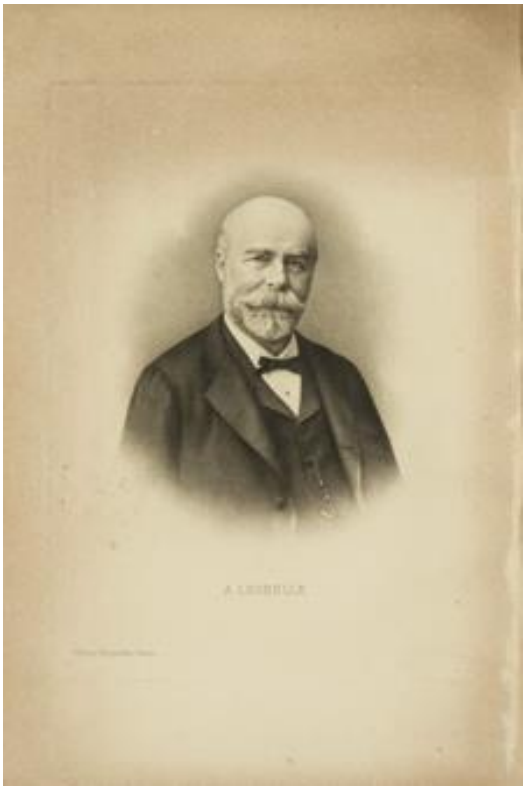


Fig. 6: Portrait of Arsène Legrelle (1834-1899). Published in Maurice Croiset, *Notice sur la vie et les ouvrages de M. Arsène Legrelle* (Braine-Le-Comte: Zech et fils, 1900).

[53] *Revue de la Révolution* 6 (1885), 238: "Le traducteur a un plus grand mérite encore à nos yeux, c'est d'avoir respecté la langue française, tout autant que l'esprit russe."
[54] *Bibliothèque universelle et revue suisse* 28/82-84 (1885), 191: "C'est ce caractère principalement que M. Legrelle s'est appliqué à mettre en relief par une fidélité scrupuleuse, qui du reste n'ôte rien à l'élégance, au contraire."
[55] Maurice Croiset, *Notice sur la vie et les ouvrages de M. Arsène Legrelle* (Braine-Le-Comte: Zech et fils, 1900), iv-vi.
[56] Croiset, *Notice*, viii.

His initial interest in Germany soon led him to develop an interest in Denmark, whose language he started studying in order to write a second doctoral thesis on Molière and Holberg, which he defended at the University of Paris in 1864.[57] After considering an academic career, Legrelle dropped the idea and resumed traveling, visiting first Italy and Spain before developing an interest in Russia, where he traveled for the first time in 1869.[58]

This first trip to Russia led him to study Russian after his return to France and he found an instructor among the Russian émigré community living in Vevey, Switzerland, who taught him the language from 1869 until 1872. He would visit Russia again in 1872, 1875, 1881 and 1884. After his third trip, Legrelle published an account of a journey through the European part of the Russian Empire. The book, entitled *Le Volga*, was published in 1877.[59] This first book on Russia was soon followed by several translations, which Legrelle published between 1882 and 1888. They included *Le Tsar Boris* by Aleksei Tolstoi, *Le Malheur d'avoir de l'esprit* by Aleksandr Griboedov, *L'Orage* by Aleksandr Ostrovskii, *La Chicane* by Vasilii Kapnist and *Ô temps!* by Catherine II.

As this list suggests, Legrelle seems to have shared a special interest in theater, a literary genre he eventually tried himself in later years.[60] What is most striking about this list, however, is the eclectic character of Legrelle's literary interests. As a translator, his choice of texts to translate included both important and often recent works, such as Griboedov, Ostrovskii and Tolstoi's plays and more modest texts of historical, rather than literary significance. Additionally, he seems to have been especially interested in eighteenth-century Russian literature, which may explain his decision to translate Karamzin.

If initially fed by intellectual curiosity, possibly in relation to his interest in Holberg, who served as a model for Russia's criticism of Gallomania in the eighteenth-century, Legrelle's interest in Russia soon became political. Indeed, four out of his five trips to Russia happened after the Franco-Prussian War of 1870-1871, which deeply troubled Legrelle, who had previously been a Germanophile for many years. As his biographer Croiset asserts, Legrelle's sympathy for the hard-working and peaceful Saxons soon gave way to a deep hatred of Prussians, whom he saw as essentially brutal and oppressive.[61] This opinion resonated with the wider anti-German feelings of the French population. Legrelle's political evolution, which anticipated the dramatic shift in the European geopolitical alliances that followed the death of Bismarck, is evident in the introduction to his translation. The French translator uses it to express his negative judgement about Prussia:

> [Karamzin] arrived [in Berlin] on June 29 and left in haste on July 9, eight days earlier than expected. The truth is that he felt overwhelmed and deeply frustrated by an unbearable sense of boredom. True, Berlin was then celebrating and Karamzin got a chance to see the royal family at a gala show. But the absence of sewers and hygienic measures filled the city

[57] Croiset, *Notice*, x.
[58] *Ibid.*, xi.
[59] *Ibid.*, xii.
[60] *Ibid.*, xiii. In 1894, Legrelle published a historical drama entitled *Le Siège de Corbie*. The play is set during the reign of Louis XIII.
[61] Croiset, *Notice*, xiii-xiv.

with 'smells so bad you needed to pinch your nose.' Additionally, he had to deal with the countless humiliating formalities imposed on travelers by inquisition-like police. Grandees, regardless of their wealth, distinguished themselves only by their squalid stinginess. As for men of letters, they spent their time in literary feuds that reminded the quarrels of lackeys.[62]

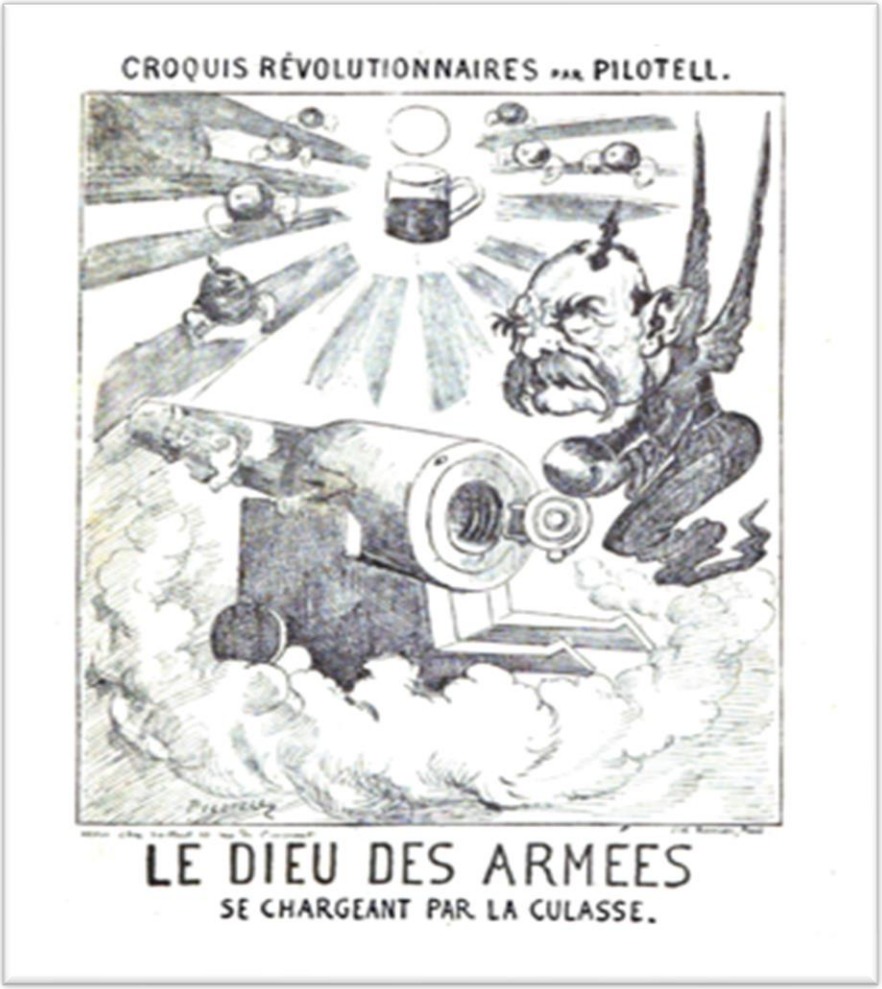


Fig. 7: Anti-Prussian sentiment in France after the French-Prussian War of 1870-1871 was high. See the caricature above by Pilotell, "Le Dieu des armées se chargeant par la culasse," in John Grand-Carteret, *Bismarck en caricatures* (Paris: Perrin, 1890), 171.

Another passage from the translation reveals Legrelle gloating at Karamzin's hint at Russia's victory over Prussia and its occupation of Berlin during the Seven Years' War

[62] Legrelle, foreword to Karamzin, *Voyage en France, 1789-1790*, viii: "Ce fut le 29 juin [que Karamzine] arriva [à Berlin], et le 9 juillet qu'il en déguerpit, huit jours plus tôt qu'il avait d'abord compté le faire. La vérité est qu'il s'y sentit envahi, débordé, énervé par un ennui incommensurable. Berlin cependant était alors en fête, et Karamzine put y apercevoir la famille royale à un spectacle de gala. Mais, faute d'égouts et de mesures hygiéniques, 'c'étaient partout des odeurs à se boucher le nez.' De plus, il fallait compter à toute heure avec une inquisition policière qui multipliait à plaisir les formalités vexatoires. Les plus riches seigneurs, de leur côté, ne se faisaient remarquer que par les raffinements d'une avarice sordide. Enfin les gens lettrés s'abandonnaient à des tournois de plume qui ressemblaient fort à des querelles de portefaix."

in October 1760: "[Karamzin] could not refrain from experiencing a patriotic satisfaction as he passed by the statue of Frederik-Wilhelm, known as the Great, whose pedestal, if not more, had been damaged by the swords of his compatriots."[63]

Finally, while summarizing the stay of Karamzin's traveler in Dresden, Legrelle hinted at a recent event, which shocked French and European public opinion and was widely used by French propagandists to demonstrate Prussian brutality: the bombing of Strasbourg Cathedral during the Franco-Prussian War of 1870-1871: "In the Catholic church [of Dresden], [Karamzin], moved by the striking and heavenly notes of the organ, kneeled down. The Prussian shells of 1760, whose traces were still visible in various places of the city, had fortunately not hit these wonders."[64]

Fig. 8: Anti-Prussian sentiment in France after the Franco-Prussian War of 1870-1871: Lithograph entitled *Le bombardement de Strasbourg* (after 1870).

[63] Legrelle, foreword to Karamzin, *Voyage en France, 1789-1790*, ix: "[Karamzine] ne passa pas non plus sans une certaine satisfaction patriotique devant la statue de Frédéric-Guillaume, dit le Grand, dont le piédestal tout au moins avait été quelque peu ébréché par l'arme blanche de ses compatriotes."

[64] Legrelle, foreword to Karamzin, *Voyage en France, 1789-1790*, x: "À l'église catholique [de Dresde], [Karamzine] s'agenouilla tout ému sous les foudroyantes et célestes harmonies de l'orgue. Les boulets prussiens de 1760, dont la ville portait encore çà et là les traces, n'avaient heureusement pu détruire ces merveilles."

Legrelle's references to Karamzin's text to express his own anti-Prussian feelings was, however, not the only expression of his chauvinism. The translator also used the Russian text to express an essentialized form of Anglophobia, a common feeling in France in the 1880s, as French and British imperialist interests increasingly came into conflict in Africa:[65]

> "[Karamzin's] usual benevolence could not win over this selfishness, either brutal or hypocritical, which serves as the basic rule for every British action and which makes our neighbors from over the Channel the purest type, like the proof before the print, of the Anglo-Saxon race.[66]

Fig. 9: Anti-British sentiment in France in the 1880s-1890s: A caricature entitled "Le Petit chaperon rouge," from *Le Petit Journal* (November 20, 1898).

Considering Legrelle's prejudices against Germany and Britain, they alone could have justified his decision to translate and publish only the French part of Karamzin's *Letters of a Russian Traveler*. However, his decision originated in yet another argument. It was the result of Legrelle's vision of Karamzin's travelogue mainly being a document about the history of the French Revolution. This understanding of the text explains why

[65] According to Jean Guiffan, the 1880s saw the return of strong anti-British sentiment among the French, as France and Britain vied over control of Egypt. See Guiffan, *Histoire de l'anglophobie en France*, 127-132.
[66] Legrelle, foreword to Karamzin, *Voyage en France, 1789-1790*, xxv: "[La] bienveillance ordinaire [de Karamzine] ne put prendre le change sur cet égoïsme tantôt brutal, et tantôt hypocrite, qui sert de règle invariable à toutes les actions britanniques et qui a fait de nos voisins d'outre-Manche le type le plus pur, comme une épreuve avant la lettre, de la race anglo-saxonne."

Legrelle's translation was initially published in the scholarly *La Revue de la Révolution*, before being published as a separate volume.[67]

This conception of Karamzin's text as a document explains two of the three arguments brought up by Legrelle to justify his decision to make the Russian travelogue available to the French public. By translating *Letters of a Russian Traveler*, Legrelle wished to offer them "a picture of Paris in 1790" and a "cold-blooded, common sense-based evaluation of the Revolution."[68] The last reason he gave was characteristic of the dominant political discourse in France after the 1871 defeat against Prussia. According to Legrelle, Karamzin's "good spirit and sincerity" could play a role in the moral regeneration many in the country were now demanding. Legrelle considered that the Russian eighteenth-century writer could serve as "an excellent antidote against this harmful affliction of contemporary minds," whose characteristics included the following:

> A moral imperative of outrageous frivolity, the habit of making fun of every serious matter and every religion, as well as the habit of juggling with ideas, while making fun of oneself and other people, and of treating the most serious questions in the language of Mascarille and Pasquin.[69]

As this quote suggests, Karamzin's appeal to Legrelle lay in the Russian writer's moderate conservatism, as well as in his rejection of radical Enlightenment ideas. As such, Karamzin offered a model for contemporary French politics, but also for contemporary French literature, which Legrelle had violently criticized in a previous series of articles in which he expressed his hostility to contemporary naturalism.[70] In this sense, Legrelle echoed Vogüé, whose *Roman russe*, as Gacoin Lablanchy reminds us, had popularized Russian Christian-based novelistic realism in the hope that it could replace Zola-type naturalism.[71] Legrelle only came up with a different substitute product that was based on a nostalgia for eighteenth-century elegance, which prefigured its use as a response to Russian populist realist painting by artists of the *Mir iskusstva* collective, such as Alexandre Benois.

Conclusion

As this article has demonstrated, all three translations of *Letters of a Russian Traveler* published in nineteenth-century France were not only the products of their authors' curiosity for eighteenth-century Russian literature, but also of contemporary

---

[67] Legrelle, "Dédicace à M. Ch. d'Héricault, Directeur de la *Revue de la Révolution*", in Karamzin, *Voyage en France, 1789-1790*, n.p.

[68] Legrelle, foreword to Karamzin, *Voyage en France, 1789-1790*, xxxiii-xxxiv: "Un tableau de Paris en 1790" and a "jugement de sang-froid et de bon sens" [sur la Révolution].

[69] Legrelle, foreword to Karamzin, *Voyage en France, 1789-1790*, xxxvi-xxxvii: "un excellent antidote à cette diathèse néfaste de l'esprit contemporain" [marqué par] "un parti-pris de frivolité à outrance, le dédain railleur de tout sérieux et de toute foi, l'habitude de jongler avec les idées en se moquant de soi-même en même temps que des autres, de traiter dans le langage de Mascarille ou de Pasquin les questions de l'ordre le plus élevé."

[70] Croiset, *Notice*, xi.

[71] Gacoin Lablanchy, "Le vicomte Eugène-Melchior de Voguë," 72. Interestingly, tasking Karamzin with the same purpose as Tolstoi and Dostoevskii integrated him into a Russian literary canon that was only too quick to reject anything written before Pushkin. On Legrelle's Catholicism, see Croiset, *Notice*, iv.

local political circumstances, which they wished to comment on and influence. For Tuault de la Bouvrie, translating Karamzin was a declaration of Anglophilia and a political statement in favor of a liberal Bourbon restoration based on the English political model. For Poroshin, translating Karamzin was an attempt, probably sponsored by the Russian government, to present the French public with the portrait of an enlightened, xenophile and fully European Russian nobleman, in order to fight the dominant narrative about Russian political and military brutality that had been exemplified by the recent repression of the Polish insurrectionists in the early 1860s. Lastly, for Legrelle translating Karamzin was a way to fight contemporary French naturalism and cynicism and to replace them with a cultural and moral model imported from Russia in order to fuel pro-Russian sentiments. In 1885, it seemed like a vital political task as France was looking for allies against Germany. The reason why *Letters of a Russian Traveler* was such a convenient vehicle for the expression of different agendas has to do with the very nature of the work. As a text focusing on Russian-Western relations and as an epistolary text, the episodes of which could easily be decontextualized and recontextualized, they were bound to be instrumentalized for extra-literary purposes, both domestically and abroad. In France, they proved useful at three defining points in the history of Franco-Russian relations in the nineteenth century, serving as a positive political, cultural and literary model meant to bring the two countries closer in order to serve the specific political agendas of their translators and/or the patrons that sponsored them.

К истории концепта “Общество как государственное установление”: Памяти Дитриха Гайера (1928-2023)

Майя Лавринович
Независимый исследователь

Ингрид Ширле
Тюбингенский университет

On the History of the Concept “Society as a State Institution:” In memoriam Dietrich Geyer (1928-2023)

Maya Lavrinovich
Independent Researcher
https://independentresearcher.academia.edu/MayaLavrinovich

Ingrid Schierle
University of Tübingen
ingrid.schierle@uni-tuebingen.de

Abstract:
Dietrich Geyer’s article “‘Gesellschaft’ als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert,” had a significant impact on both German and American historiography, which is not the case with the Soviet historiography of the 1960-1980s. Nevertheless, late Soviet and early post-Soviet historiography was preoccupied with the same problems of the relationship between “state” and “society” in Imperial Russia and sometimes followed the line of D. Geyer’s thinking. In the 1990s, when the “grand narrative” of modernization was called into question, historians engaged in a polemic about the very productiveness of the opposition of “state” and “society” as categories of historical knowledge. They turned to the local level of late imperial Russian society, or adopted new methods of examining legislative sources, avoiding access to “backwardness” or “underdevelopment,” preferring to examine the language and rhetoric of eighteenth-century documents.

Keywords:

Eighteenth-century history, state and society, social history, noble assemblies, Soviet historiography, Russian historiography

В октябре 2023 г. в возрасте 94 лет скончался профессор Дитрих Гайер – историк и директор Института истории Восточной Европы и страноведения при Тюбингенском университете в 1965–1994 гг. Его исследования по истории политических идей, социальных и политических трансформаций в Российской империи и Советском Союзе давали глубокие импульсы исследованиям и научному сотрудничеству в годы “холодной войны” и перестройки. Монография Д. Гайера о российском империализме, переведенная на английский язык,

убедительно показала связь между внутренней и внешней политикой империи,[1] а его статья “‘Общество’ как государственное установление: Социально-исторические аспекты российской государственной власти в XVIII веке,” опубликованная в 1966 г., дала новый импульс для изучения XVIII в.[2] Эта работа принадлежит оживленной дискуссии об “основных исторических понятиях,” которую вели немецкие историки, поставившие вопрос о применимости концептов и аналитических категорий, сформировавшихся в западноевропейской истории, к изучению истории России. Тезис Гайера о созданных в эпоху правления Екатерины II сословных выборных корпорациях как “государственном установлении” дал толчок многочисленным исследованиям по социальной истории, прежде всего, работам его ученика М. Хильдермайера по истории города в Российской империи, а также дворянства XVIII и XIX вв.[3]

В основу публикуемого здесь перевода, осуществленного М. Лавринович, положен незначительно переработанный автором вариант статьи, опубликованный в 1975 г.[4] Статья Д. Гайера “‘Общество’ как государственное установление” едва ли хорошо известна российским ученым – специалистам по истории России XVIII в., чего нельзя сказать о самой проблеме, которой посвящена статья. В этом ключе – через призму соперничества государства и общества с заранее известным результатом – историю России XVIII–XIX вв. рассматривали дореволюционные историки, о влиянии которых на западную историографию XX в. хорошо известно. Д. Гайер обратился к этой проблеме в середине 1960-х гг., использовав понятия “общество” и “государство” как категории анализа истории России XVIII в.: противостоящие друг другу в рамках “большого нарратива” русской истории, они стремятся друг к другу, находят друг друга, но не могут подобрать ключей для взаимодействия. Д. Гайер в своей статье спроецировал эту проблему на современные российскому государству XVIII в. абсолютистские режимы – габсбургскую и прусскую монархии. Этот фон: поиск способов администрирования больших территорий в условиях крепостного права или других форм личной несвободы значительной массы населения – позволяет увидеть общность научной проблематики и представляет собой попытку включить российскую историю в общий ход европейской истории. Глядя из позднего XIX в. как исследователь, Д. Гайер увидел причину “недоразвитости” “гражданского общества” позднеимперской России в порождении общества государством в России XVIII века. Предложив свое видение этой проблемы, Д.

---

[1] Dietrich Geyer, *Russian Imperialism: The Interaction of Domestic and Foreign Policy, 1860–1914* (Leamington Spa: Berg, 1987). (Original: *Der russische Imperialismus: Studien über den Zusammenhang von innerer und auswärtiger Politik* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977)).

[2] Dietrich Geyer, “‘Gesellschaft’” als staatliche Veranstaltung: Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert,” *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 14 (1966): 21–50; *idem*, “Staatsausbau und Sozialverfassung. Probleme des russischen Absolutismus am Ende des 18. Jahrhunderts,” *Cahiers du monde russe et soviétique* 7 (1966): 366-77.

[3] Manfred Hildermeier, *Bürgertum und Stadt in Russland 1760-1870: rechtliche Lage und soziale Struktur* (Cologne: Böhlau, 1986); Manfred Hildermeier, “Der russische Adel von 1700 bis 1917,” *Geschichte und Gesellschaft* 13 (1990): 166–216.

[4] Dietrich Geyer, “‘Gesellschaft’ als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert,” in Dietrich Geyer (Hrsg.), *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Russland* (Cologne: Kiepenheuer & Witsch, 1975), 20–52.

Гайер оказался среди тех западноевропейских ученых, кто в 1960-е гг. начал формировать новый, самостоятельный взгляд на XVIII столетие в России.[5]

Хотя у статьи, написанной западногерманским ученым, практически не было шансов дойти до советских историков в 1960–1980-е гг., отметим, что последние по сути работали над той же проблемой формирования социальных основ империи в XVIII в., с той лишь разницей, что они отдавали дань "производящим" социальным стратам и оставляли на долю дворянства лишь "культуру." Признавая приоритет социально-экономических факторов по сравнению с законодательными инициативами, но все же принимая в расчет последние, П. Г. Рындзюнский и позднее Б. Н. Миронов предлагали свои объяснения связи экономического развития и институтов городского самоуправления.[6]

В 1980–1990-е гг. о работе Д. Гайера можно было опосредованно узнать из работ американских коллег в силу того, что англоязычная историография была немного более доступна. Так, Д. М. Гриффитс и В. Камендровский в статье 1978 г., посвященной дебатам о торгующем дворянстве в 1760–1770 гг., ссылаются на описанную Д. Гайером законодательную схему 1770–1780-х гг., состоявшую в привязке неслужащего дворянства к местному управлению и представлявшую собой малозатратный способ создания локальной администрации при полном сохранении прав дворян на землю и крепостные души.[7] Позднее, в своей концептуальной статье о "Жалованных грамотах" дворянству и городам 1785 г., которые Д.М. Гриффитс считал конституцией "старого порядка" (*ancien régime*), он разделил мнение Д. Гайера об установленных этими документами сословных корпорациях как "приводных ремнях" самодержавия – институтах, передающих усилие монарха (через генерал-губернаторов или наместников) соответствующим категориям населения в губерниях. Американский историк соглашался с

[5] А. Б. Каменский, "Русский XVIII век Дэвида Гриффитса," в Д. М. Гриффитс, *Екатерина II и ее мир: статьи разных лет* (Москва: Новое литературное обозрение, 2013), 16. (A. B. Kamenskii, "Russkii XVIII vek Devida Griffitsa," in D. M. Griffiths, *Ekaterina II i ee mir: stat'i raznykh let* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013), 16).

[6] П. Г. Рындзюнский, *Городское гражданство дореформенной России* (Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958); П. Г. Рындзюнский, "Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население," в *Общество и государство феодальной России:* сборник статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина, ред. В. Т. Пашуто (Москва: Наука, 1975), 86–95. (P. G. Ryndziunskii, *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoj Rossii* (Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958); P. G. Ryndziunskii, "Soslovno-podatnaia reforma 1775 g. i gorodskoe naselenie," in *Obshchestvo i gosudarstvo feodal'noi Rossii*: Sbornik statei, posviashchennyi 70-letiiu akademika L. V. Cherepnina, red. V. T. Pashuto (Moscow: Nauka, 1975), 86–95); Б. Н. Миронов, *Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие* (Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 199). (B. N. Mironov, *Russkii gorod v 1740–1860-e gody: demograficheskoe, sotsial'noe i ekonomicheskoe razvitie* (Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1990)).

[7] David Griffiths & Victor Kamendrowsky, "The Fate of the Trading Nobility Controversy in Russia: A Chapter in the Relationship Between Catherine II and the Russian Nobility," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* 26 (1978): 198–221; зд. цит. по перев.: Д. М. Гриффитс и В. Камендровским, "Дебаты о торгующем дворянстве в России: Глава из истории отношений между Екатериной II и русским дворянством," в Гриффитс, *Екатерина II и ее мир*, 151–89. (D. M. Griffiths & V. Kamendrowsky, "Debaty o torguiushchem dvorianstve v Rossii: Glava istorii otnoshenii mezhdu Ekaterinoi II i russkim dvorianstvom," in Griffiths, *Ekaterina II i ee mir*, 151–89).

немецким в том, что дворянство рассматривалось самодержавием не как помеха, но как необходимое условие собственного существования.[8]

Сама проблематика – отношения между государством и обществом на протяжении всей истории России – актуализировалась в российской историографии в конце 1980-х–1990-е гг. на фоне переживавшейся в те годы социально-политической трансформации. Именно тогда в исторической науке стал ощутим большой методологический провал, связанный с незнанием западной историографии предыдущих десятилетий, не доходившей до большей части советских ученых в силу причин как идеологических, так и довольно банальных – плохого владения иностранными языками. К концу 1990-х гг. эта проблема уже не только осознавалась большинством ведущих историков, но и решалась: один за другим в начале 2000-х гг. появились сборники переводов на русский язык важнейших работ американских историков.[9] К этому времени и восходит публикуемый здесь перевод статьи Д. Гайера, и остается только сожалеть, что соответствующего сборника работ немецких историков-русистов не появилось и, как кажется, даже не задумывалось.

Между тем, в 1990-е гг. в западной историографии уже шел активный отказ от основанного на бинарных оппозициях категориального аппарата в исторической науке, пересмотр проблематики в целом и поиск новых языков описания. В русскоязычном поле первопроходцем стал журнал *Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве* (с 2000 г.). Неслучайно, что в 2003 г. в журнале была опубликована большая работа немецкого историка Люца Хэфнера, поставившего под сомнение аморфную категорию “гражданского” / “буржуазного” общества применительно не только к имперской истории России, но и в целом как нормативное понятие европейской истории, вытекающее из механистического понимания социальной стратификации. В социальных науках в целом, отметил историк, отсутствует консенсус по поводу того, что считать “гражданским” или “буржуазным” обществом, в чем отличие одного от другого и какие смыслы: социальные, культурные, экономические – вкладывает в эти понятия та или иная

---

[8] David M. Griffiths, “Introduction: Of Estates, Charters and Constitutions,” in *Catherine II’s Charters of 1785 to the Nobility and the Towns*, eds. David M. Griffiths & George E. Munro (Bakersfield, CA: Charles Schlacks, Jr. Publisher, 1991): XVII–LXIX (= The Laws of Russia. Series II: Imperial Russia, vol. 289: April 29, 1785); зд. цит. по перев.: Д. М. Гриффитс, “Жалованные грамоты Екатерины II дворянству и городам 1785 года: о сословиях, грамотах и конституциях,” в Гриффитс, *Екатерина II и ее мир*, 190–250, зд. цит. 199–200. (Griffiths, “Zhalovannye gramoty Ekateriny II dvorianstvu i gorodam 1785 goda: o sosloviiakh, gramotakh i konstitutsiiakh,” in Griffiths, *Ekaterina II i ee mir*, 190–250, citation: 199–200).

[9] М. Дэвид-Фокс, ред., *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период*: Перев. с англ. яз. (Самара: Самарский университет, 2000); М. Дэвид-Фокс, ред., *Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период*: Перев. с англ. яз. (Самара: Самарский университет, 2001); Дж. П. Маджеска, ред., *Американская русистика: вехи историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси*: Пер. с англ. яз. (Самара: Самарский университет, 2001). (M. David-Fox, ed., *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period* (Samara: Samara University, 2000); M. David-Fox, ed., *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskii period* (Samara: Samara University, 2001); Dzh. P. Madzheska, ed., *Amerikanskaia rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Period Kievskoi i Moskovskoi Rusi* (Samara: Samara University, 2001)).

национальная историография.[10] Действительно, в своей работе Д. Гайер ничего не сообщает о содержании анализируемого им понятия "гражданское общество" (*staatsbürgerliche / bürgerliche Gesellshaft*). Однако в более ранней, журнальной версии статьи историк говорит о том, что рассматривает это понятие на пересечении социальной истории (*Sozialgeschichte*) и истории законодательства (*Verfassungsgeschichte*), перенося на почву русской истории подход, разработанный в рамках структурной истории немецкими учеными Отто Бруннером и Вернером Конце. Работая над большим исследованием – социальной историей государственного управления в России XVIII–XIX вв., Д. Гайер сконцентрировался на переломной для европейской истории эпохе 1750–1850 гг., когда из сословного "*societas civilis*" возникло общество, включающее всех людей ("*qui embrasse tout les hommes*," если использовать цитату из статьи Д. Гайера).[11]

Концепция Д. Гайера, изложенная столь убедительно, имела, хотя и неявно, воздействие на раннюю постсоветскую историографию, как видно из монументального труда Б. Н. Миронова *Социальная история России*, первое издание которого вышло в 1999 г. Миронов, отдавая дань "большому нарративу"– поступательному движению к гражданскому обществу и правовому государству – и раскладывая по полочкам общество имперской России, увидел в дворянском обществе, как оно сложилось в результате екатерининских реформ, то самое "гражданское общество," вопрос о возникновении которого поставил Гайер в своей статье. В структурном и функциональном дуализме общества, обслуживавшего как местные, сословные, так и государственные интересы, в тесной связи с государством, считавшим дворян социальной опорой в провинции и возлагавшим на него обязанности по местному коронному управлению, Миронов, в отличие от Гайера, увидел не отклонение от нормы, а наоборот, практически полное совпадение с "магистральным путем" условной европейской истории. Дворянское общество возникло спонтанно, возродившись как корпорация после упадка служилого города, и по всем пунктам отвечало характеристикам сословия: объединяло свободных людей, управлялось представительным собранием и выбранными должностными лицами и не имело принудительного характера и административно-полицейской власти над своими членами, а организация и компетенция этого общества были определены законами.[12] Так, применив те же критерии к местным дворянским корпорациям, учрежденным в 1785 г., Миронов сделал противоположные выводы.

---

[10] Люц Хэфнер, "*Civil Society, Bürgertum* и 'местное общество': в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России," *Ab Imperio* 3 (2002): 161–208. (Lutz Häfner, "*Civil Society, Bürgertum* i 'mestnoe obshchestvo': v poiskakh analiticheskikh kategorii izucheniia obshchestva i sotsial'noi evoliutsii v pozdneimperskoi Rossii," *Ab Imperio* 3 (2002): 161–208).

[11] Так согласно Райнхарту Козеллеку: Reinhart Koselleck, "Einleitung," in Otto Brunner, Werner Conze, Reinhart Koselleck (Hrsg.) *Geschichtliche Grundbegriffe* vol. 1 (Stuttgart: Klett-Cotta, 1979): XIII–XXVII; Geyer, "'Gesellschaft' als staatliche Veranstaltung," 21.

[12] Б. Н. Миронов, *Социальная история России периода империи (XVIII–начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства,* т. 1–2 (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1999). (B. N. Mironov, *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (XVIII–nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva*, t. 1–2 (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1999); зд. цит. по: изд. 3-е (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003), 521.

В упомянутой выше работе Л. Хэфнер, помимо методологических вопросов, предложил редуцировать концепт “гражданского общества” до “обозримых рамок ‘местного общества’,” предложив, таким образом, свой аналитический инструмент для социальной истории России и обозначив границы его применения сферой общественной самоорганизации, лежащей между государством и семьей.[13] Он исследовал местные общества поволжских городов 1870–1914 гг. с упором на формы самоорганизации, находившиеся за пределами контроля гипертрофированного российского государства.[14] Если на тот момент его исследование было едва ли не единственным, в центре которого находились локальные сообщества и учреждения,[15] то в последующие годы внимание историков к локальному уровню только усиливалось. Попыткой пробиться на “местный уровень” стал четырехтомный труд о дворянстве Орловской и Тульской губерний эпохи Уложенной комиссии 1767–1774 гг. – результат большого проекта, осуществлявшегося в Германском историческом институте в Москве на протяжении нескольких лет.[16]

Благодаря методологическим сдвигам, открывшим новые подходы к историческим источникам, прежде всего – лингвистическому повороту, снова стало возможным вернуться к исследованию законодательства и законодательных проектов, но уже в русле изучения риторических стратегий, с помощью которых современники в XVIII в. осмысляли социальную структуру. Место государства – всевластного левиафана, лепящего по своему усмотрению сословия и классы из “глины” социального материала – занимает другой инструмент: язык. Так, под влиянием античной политической и литературной традиций дворяне в екатерининскую эпоху начинают восприниматься как свободные граждане, а служба государству переосмысляется как гражданская доблесть. Права и привилегии у дворянства возникают как у “хороших граждан,” а “язык гражданственности,” вырабатывающийся в екатерининскую эпоху в законодательстве и в многочисленных проектах, по мысли историка К.Д. Бугрова, становится средством обоснования неравенства и принуждения, в свою очередь серьезно повлиявшим на создание представления о России как о расколотом и отсталом обществе.[17] В каком-то смысле сам XVIII век задал проблематику, на

---

[13] Хэфнер, “*Civil Society, Bürgertum* и ‘местное общество’,” 164. (Häfner, “*Civil Society, Bürgertum* i ‘mestnoe obshchestvo’,” 164.

[14] В самом названии его исследования заложена полемика со статьей Д. Гайера: Lutz Häfner, *Gesellschaft als lokale Veranstaltung in Rußland: städtische Eliten und Öffentlichkeit in Kazan’ und Saratov 1870 bis 1914*. Habilitationsschrift. Fakultät für Geschichtswissenschaften und Philosophie (Bielefeld: Universität Bielefeld, 2001).

[15] Среди историков, первых обратившихся в 1990-е гг. к исследованию локальных сообществ в России, следует назвать А. Каплуновского, см. его диссертацию: А. П. Каплуновский, *Русская мещанская община в городах казанского Поволжья. 1870–1918 гг.* (Москва, 1998). (A. P. Kaplunovskii, *Russkaia meshchanskaia obshchina v gorodakh kazanskogo Povolzh'ia. 1870–1918 gg.* (Moscow, 1998)) и др. его работы о местных общинах Казани в конце XIX в.

[16] Ольга Е. Глаголева и Ингрид Ширле, ред., *Культура и быт дворянства в провинциальной России XVIII века,* т. 1–4 (Москва: РОССПЭН, 2021–2022). (Ol'ga E. Glagoleva & Ingrid Schierle, eds., *Kul'tura i byt dvorianstva v provintsial'noi Rossii XVIII veka*, t. 1–4 (Moscow: ROSSPEN, 2021–2022)).

[17] К. Д. Бугров, “Бездна неравенства: ‘язык гражданственности’ в России от XVIII века до XVIII съезда,” *Новое литературное обозрение* 141 (2016): 245–258. (K. D. Bugrov, “Bezdna neravenstva: ‘iazyk grazhdanstvennosti’ v Rossii ot XVIII veka do XVIII s"ezda,” *Novoe literaturnoe obozrenie* 141 (2016): 245–258).

многие десятилетия определившую взгляд на него из последующих эпох, но уже на излете модернизационной парадигмы историки следовавшего за Д. Гайером поколения показали, что и у “отсталости” были свои “привилегии.”[18]

[18] Назовем здесь одну из самых влиятельных работ, предложивших новый подход к проблеме “отсталости” России: Manfred Hildermeier, “Das Privileg der Rückständigkeit: Anmerkungen zum Wandel einer Interpretationsfigur der neueren russischen Geschichte,” *Historische Zeitschrift* 244 (1987): 557–604.

"Общество" как государственное установление. Социально-исторические аспекты российской государственной власти в XVIII веке*

Перевод: Майя Лавринович, Независимый исследователь

"Society" as a State Institution: Social-Political Aspects of the Administration System in Eighteenth-Century Russia

Translated by Maya Lavrinovich
Independent Researcher
https://independentresearcher.academia.edu/MayaLavrinovich

Abstract:
In 1966, Dietrich Geyer published an article on the subject of state-society relations in eighteenth-century Russia, which appeared again in 1975 in an updated form. Geyer placed Catherine II's reform policy in a European context and asked about the policy of absolute monarchies towards corporative structures and the conditions for the development of civil societies. In the Russian case, Catherine II created "societies" in the form of noble and urban corporations in order to expand provincial administration. According to Geyer's thesis, both the statist origins of these corporate estates and the connection between noble societies and provincial administration hindered the emergence of a dualism between state and society in Russian history.

Keywords:
Enlightened absolutism, Catherine II, estates, civil society, local administration, noble corporations, town corporations, legislation

Изучая исторические предпосылки для гражданского общества в России, ученый-историк попадает в весьма обширную сферу смежных проблем. К тому же, вскрывающиеся при их исследовании разногласия имеют собственную историю. Современная историография – за исключением советской – пришла, наконец, к достойному внимания консенсусу: социальное устройство допетровской России никак не соответствовало социальному устройству Европы той эпохи. Во времена московского самодержавия обособленная от государственной сферы "сословность" так и не появилась на свет ни в городе, ни в провинции.[1] Созданные на корпоративных принципах общества, политические объединения не развились

* Перевод осуществлен по немецкому оригиналу: Dietrich Geyer, "'Gesellschaft' als staatliche Veranstaltung. Sozialgeschichtliche Aspekte des russischen Behördenstaats im 18. Jahrhundert," in *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland*, ed. Dietrich Geyer (Cologne: Kiepenheuer & Witsch, 1975), 20–52. Статья является новой редакцией опубликованной в первый раз в 1966 г. статьи: Dietrich Geyer, "'Gesellschaft' als staatliche Veranstaltung. Bemerkungen zur Sozialgeschichte der russischen Staatsverwaltung im 18. Jahrhundert," *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* [hereafter, *JGO*] 14 (1966): 21–50. Ссылки на исторические источники приводятся по изданиям на русском языке. Некоторые библиографические ссылки и примечания уточнены и расширены по сравнению с оригиналом.

[1] Günther Stökl, "Gab es im Moskauer Staat 'Stände'?," *JGO* 11 (1963): 321–342.

в Российской империи и после появления в самодержавии рационального элемента в эпоху абсолютизма. Государство и "общество" не разошлись в разные стороны. Даже дворянские и городские "общества," вызванные к жизни Екатериной II, нельзя квалифицировать как "политические." Российские общественные институты конца XVIII в. как искусственный продукт просвещенного деспотизма выдерживают только очень условное сравнение с сословным устройством Западной Европы. Они лишены как исторического значения, так и укорененности в российской провинциальной жизни. В своем обзоре, давшем импульс дальнейшим исследованиям, Дитрих Герхард показал, что сословный регионализм продолжал жить и дальше, в то время как российские общественное устройство и власть функционировали контрапунктическим образом; и этот контрастный фон сделал еще более ярким своеобразие учреждений старой Европы.[2]

При всем этом попытки дать какое-либо определение особым российским учреждениям почему-то неуверенны или остаются в пределах наблюдений другого рода. Это относится даже к советской исторической науке, которая в последнее время много и противоречиво дискутировала об "особенностях" российской социальной и экономической истории на материале абсолютизма.[3] Разумеется, она не могла допустить применительно к России того, что вслед за Марксом и Энгельсом также и Макс Вебер описал как "восточный деспотизм" и что самих Плеханова и Ленина заставило подчеркнуть "азиатские" формы в социально-экономическом развитии самодержавной России.[4] На размышления может навести то, что понятие "восточного деспотизма," введенное Отто Хинтце в сравнительную историю государственного и правового устройства на рубеже XX в., распространялось им и на Россию XIX в.[5] Эти старые тезисы вновь обосновал

---

[2] Dietrich Gerhard, "Regionalismus und ständisches Wesen als ein Grundthema europäischer Geschichte," *Historische Zeitschrift* 174 (1952): 307–377. Ср. компаративные исследования и размышления Д. Герхарда о методологии в сборнике его статей: Dietrich Gerhard, *Alte und neue Welt in vergleichender Geschichtsbetrachtung* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1962); см. также изданный им сборник статей: Dietrich Gerhard, *Ständische Vertretungen in Europa im 17. und 18. Jahrhundert* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969).

[3] Мы не можем здесь подробно останавливаться на начавшейся в СССР после выхода в 1964 г. в Москве сборника, посвященного Б. Б. Кафенгаузу, дискуссии об абсолютизме: *Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.). Сборник статей.* Под ред. Н. М. Дружинина и др. (Москва: Наука, 1964). (*Absoliutizm v Rossii (XVII –XVIII vv.). Sbornik statei.* Pod red. N. M. Druzhinina et al. (Moscow: Nauka, 1964)). Сориентироваться в этом вопросе могут помочь сообщения Х.-Й.Торке: Hans-Joachim Torke, "Die neuere Sowjethistoriographie zum Problem des russischen Absolutismus," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 20 (1973): 113–133; Hans-Joachim Torke, "Die Entwicklung des Absolutismus-Problems in der sowjetischen Historiographie seit 1917," *JGO* 21 (1973): 493–508. Ср. также: Alexander Gerschenkron, "Soviet Marxism and Absolutism," *Slavic Review* 30 (1971): 853–869. Прежде всего сравнительные аспекты советской дискуссии разработал восточногерманский историк В. Кюттлер в достаточно информативном обзоре: Wolfgang Küttler, "Geschichtliche Voraussetzungen und Entwicklungstyp des Absolutismus in Rußland," *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas* 13 (1969): 71–108; далее: Peter Hoffmann, "Entwicklungsetappen und Besonderheiten des Absolutismus in Rußland," *Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas* 14 (1970): 107–133.

[4] Samuel H. Baron, "Plekhanov's Russia: The Impact of the West upon an 'Oriental Society'," *Journal of the History of Ideas* XIX (1968): 388–404; Ю. З. Половой, "Г. В. Плеханов о восточном деспотизме," *Народы Азии и Африки* 2 (1967): 73–80. (Iu. Z. Polovoi, "G.V. Plekhanov o vostochnom despotizme," *Narody Azii i Afriki* 2 (1967): 73–80).

[5] Otto Hintze, "Staatenbildung und Verfassungsentwicklung. Eine historisch-politische Studie," *Historische Zeitschrift* 88 (1902): 1–21; Otto Hintze, *Staat und Verfassung: Gesammelte Abhandlungen zur*

Карл Август Виттфогель в нынешней дискуссии, исключив общий ход истории России – от эпохи монгольского ига до советского периода – из европейской истории.[6] Состояние современных исследований не позволяет, однако, и далее соглашаться с таким глубоким обособлением российской социальной и государственной истории, тем более что нельзя не признать мощного движения России по направлению к общеевропейским формам в XIX в. Освобождение крестьян и общественные последствия "буржуазных реформ" и промышленно-капиталистической трансформации придали этому направлению движения значение европейской проблемы.[7] Отсюда следует новая постановка вопроса в компаративном ключе: при каких условиях и с какими присущими ей особенностями Россия вступила в европейский процесс эмансипации гражданского общества?

*

Одно наблюдение могло бы нам помочь. Оно принимает во внимание факт, значимость которого подчеркивают последние работы по социальной истории Германии. При детальном историческом исследовании обнаруживается, что не только Французская революция и последовавшие за ней "выхлопы," но еще и предшествовавший ей абсолютизм, особенно в его "просвещенной" форме, подготовил эмансипацию нового общества вторгаясь с помощью государственного управления в изолированный мир дворянской власти и городских общин через "благочиние" ("*gute Policey*") и публичный суд, регулируя крестьянские повинности, ослабляя запрет на внецеховое ремесло и стремясь поставить всех подданных в распоряжение государства для его нужд.[8] В эпоху Просвещения "общее благо," которое ранее представляла абсолютная монаршая власть, все больше приобретало "гражданскую" окраску. Однако эта субординация сословий и их корпоративных институтов по отношению к государству Нового времени и его управлению все же почти в полном объеме

---

allgemeinen Verfassungsgeschichte, ed. Gerhard Oestreich, 2. erweiterte Aufl. (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 196), 34–51, особ. 41 и далее.

[6] Karl August Wittfogel, *Die Orientalische Despotie* (Deutsche Ausg.) (Cologne/Berlin: Kiepenheuer & Witsch 1962), особ. 234 и далее и 424 и далее. К этой же дискуссии: Pierre Vidal-Naquet, "Histoire et idéologie: Karl Wittfogel et le concept de 'Mode de production asiatique'," *Annales: économies, sociétés, civilisations* 19 (1964): 531–549; Z. R. Dittrich, "Wittfogel and Russia: On the Origins of Russian Autocracy," *Acta Historiae Neerlandica* (1966): 53–66; М. П. Павлова-Сильванская, "Зарубежные критики о книге К. Витфогеля 'Восточный деспотизм'," *Народы Азии и Африки* 2 (1971): 157 и далее. (M. P. Pavlova-Sil'vanskaia, "Zarubezhnye kritiki o knige K. Vitfogelia 'Vostochnyi despotizm'," *Narody Azii i Afriki* 2 (1971): 157 et seq.).

[7] Ср. особ. другие статьи данного сборника: *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland*, ed. Dietrich Geyer (Cologne: Kiepenheuer & Witsch, 1975), 166 и далее.

[8] Зд. в особенности: Reinhart Koselleck, "Staat und Gesellschaft in Preußen, 1815-1848," in *Staat und Gesellschaft im deutschen Vormärz 1815-1848. Sieben Beiträge von Theodor Schieder u.a.*, Werner Conze (Stuttgart: Klett-Cotta, 1962), 79–112. Значение прусского государства, давшего импульсы для изменения социального устройства, подчеркнуто в заостренной формулировке: "гражданское общество" как административный продукт. Ср. появившуюся недавно большую работу этого же автора: *Preußen zwischen Reform und Revolution: Allgemeines Landrecht, Verwaltung und soziale Bewegung von 1791 bis 1848* (Stuttgart: dtv Verlagsgesellschaft, 1967). – Кроме того, см. так же увлекательную, как и острую критику прусской бюрократии Ханса Розенберга: Hans Rosenberg, *Bureaucracy, Aristocracy, and Autocracy: The Prussian Experience, 1660-1815* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1958).

сохраняла сословную форму организации общества на исходе XVIII в. Не только государственный чиновник – чужак, который приезжал в деревню, чтобы сбалансировать провинциальные интересы с государственными, – но и сословные объединения стали со всей очевидностью неотъемлемыми частями абсолютизма как институты, транслирующие волю ["приводные ремни"] регулярного государства. Сохранив деполитизированные сословные объединения и преобразовав сословные учреждения в государственные, власть создала себе вполне пригодную базу, на которой могла основываться система местного управления.[9] Прежде всего, это отчетливо видно на примере Пруссии: сословные корпорации, теперь "государственные установления," подобно фундаменту, придавали устойчивость этому государству. *Всеобщее прусское уложение* (1791 г.) и *Прусское всеобщее земское право* (1794 г.) говорят о "сословиях государства" ("*Ständen des Staates*"), из которых создается гражданское общество.

Не вызывает сомнения, что в России эти отношения строились иначе. Петру Великому, прививавшему Московскому царству регулярные войско и управление, отсутствие в России общественного строя, сравнимого со старым сословным устройством Европы, казалось, возможно, ее преимуществом.[10] Хотя царь возобновил действие немецкого сословного права для рыцарства и сословий в Лифляндии и Эстляндии и гарантировал их соблюдение в капитуляциях, мотивы, которыми он руководствовался при этом, вряд ли были значимы для самой России. Если Петр все же опробовал некоторые из подобных моделей на русской почве, это не означало, что он стремился заменить централизованную власть модернизированного самодержавия лифляндским земским устройством ("*Landesstaat*"). Московское родовое дворянство слилось с широким слоем подданных, только что получивших дворянство, а потом было и вовсе подчинено модерному принципу заслуг перед государством и принуждено нести привилегию пожизненной службы в особо жесткой форме. Уравненное в своей среде "шляхетство" не могло и не желало добиваться своих корпоративных прав у монарха. Даже в московских событиях 1730 г. проблема региональной организации дворянства, отделенной от государственной службы, еще не возникала, а рассуждения о "конституционном движении" в широких слоях дворянства приводят к непониманию проблемы.[11]

Наверное, можно сказать, что тенденция к заимствованию иностранных примеров сословной организации в слоях российских подданных отсутствовала потому, что требования абсолютизма Нового времени на самом деле не были противоположны традиционному общественному устройству. В конце концов, Петр изменил это устройство лишь поверхностно. Возникшее в Московской Руси

---

[9] Hintze, *Staatenbildung und Verfassungsentwicklung*, 49.

[10] См. зд. и далее о Петре Великом и его времени: Reinhard Wittram, *Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit.* vol. 1-2. (Göttingen: Vanderhoeck & Ruprecht, 1964); об истории учреждений: Erik Amburger, *Geschichte der russischen Behördenorganisation von Peter dem Großen bis 1917* (Leiden: Brill, 1966).

[11] Наряду с насыщенным размышлениями трудом Хедвига Флайшхакера (Hedwig Fleischhacker, "1730. Das Nachspiel der petrinischen Reform," *JGO* 6 (1941): 201–71) по вопросу о критике источников ср.: Г. А. Протасов, "Записка Татищева о 'произвольном рассуждении дворянства в событиях 1730 г.'," *Проблемы источниковедения* вып. 11 (1963): 237–265. (G. A. Protasov, "Zapiska Tatishcheva o 'proizvol'nom rassuzhdenii dvorianstva v sobytiiakh 1730 g.'," *Problemy istochnikovedeniia*, vyp. 11 (1963): 237–265).

понятие о государстве поддавалось "без труда переводу на язык новой Европы."[12] Понятие "общество," однако, не передавалось традицией. Даже в окружении Петра, где оказалось, что "естественный разум" мог сформулировать самые актуальные вопросы, где, помня о выборе царя в 1613 г., считали, что "преславно ныне процветшая Монархия Всероссийская" имела свое происхождение "в первоначальном согласии" народа, ход мысли возвращал к "естественному" и божественному обоснованию самодержавия: "сам бо народ доброхотным своим повиновением являет на тое преклоненную волю свою;" "воля народа," впрочем, "направлялась не без собственного смотрения Божия."[13]

Представляется, однако, что в последние годы правления царю-реформатору стало ясно, что перманентные неудачи его дорогостоящих экспериментов в области государственного управления изначально связаны с отсутствием организованного общества и дворянских объединений в провинции, а также способных функционировать городских общинных объединений. Действительно, между слаборазвитостью провинциального общества и функциональной слабостью нового государства существовала внутренняя связь. Хотя абсолютизм петровской эпохи был избавлен от борьбы с "исконным правом" сословного политического устройства, он был таким образом лишен и тех общественных энергии и опыта, которые на Западе могла поставить себе на службу его целям государственная административная власть нового типа. Признав, очевидно, эту взаимозависимость, царь с помощью жестоких мер старался, возможно, воспитать в дворянстве и купечестве корпоративную внутрисословную ответственность – для "общего блага," которое для него соответствовало благу всего государства. Однако об успехе подобных образований всерьез нельзя было думать. В условиях, когда дворянство выступало лишь как одна из категорий в государственных ведомостях, местная администрация не могла развиваться в коллегиальных формах, провозглашенных Петром, с "ландратами" и "президентами." "Общество," выдуманное с целью набора рекрутов и несения общей ответственности, еще невозможно было создать "указами," не говоря уже о том, чтобы стимулировать самостоятельную активность корпораций. Благородный, приведенный на выборы под ружьем, был заслуживающим внимания продуктом этой системы.

С отсутствием сословных корпораций был связан еще и второй не менее важный недостаток, который вдвое усиливал этот изъян: невозможность для государства сформировать из служилых классов и фискальных объединений крепкий чиновничий аппарат, который отвечал бы как его собственным, так и общественным нуждам. Это явление часто объясняется печально известной нехваткой людей на далеких, еще не освоенных территориях. Малолюдство,

---

[12] Wittram, *Peter I. Czar und Kaiser,* vol. 2: 123. О терминологии официального языка ср.: Friedhelm Berthold Kaiser, "Der europäische Anteil an der russischen Rechtsterminologie der petrinischen Zeit," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 10 (1965): 75–333.

[13] Феофан Прокопович, "Правда воли монаршей," в *Полное собрание законов Российской империи* (далее: *ПСЗ РИ*), т. 7 (Санкт-Петербург: Тип. II Отделения Собственнй Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830): 624 (no. 4870). (Feofan Prokopovich, "Pravda voli monarshei," v *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* (hereafter, *PSZ RI*), t. 7 (St. Petersburg: Tip. II Otdeleniia Sobstveni i Ego Imperatorskago Velichestva Kantseliarii, 1830): 624 (no. 4870)). Ср. также: Nikolaj N. Alexeiev, "Beiträge zur Geschichte des russischen Absolutismus im 18. Jahrhundert," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 6 (1958): 7–81.

однако, не было единственной причиной слаборазвитости и некачественности чиновничьего аппарата. Не меньшее значение имело жесткое закрепление петровской организации дворян в Табели о рангах, основанной на военной службе. Продвижение по службе, уважение дворяне заслуживали, как правило, не в канцеляриях, но в полках, особенно в гвардии. Сам принцип заслуги проявился прежде всего в армии. Отсюда становится понятным, что в России гражданская служба в XVIII в. не приобрела собственной репутации, тем более – служба в провинциальных канцеляриях, где занимали места чины в мундирах. Возвращение от петровских коллегиальных институтов к старомосковской системе воевод отвечало требованиям времени.[14] Это началось уже в 1727 г., через два года после смерти царя-реформатора. Этот, так сказать, "допетровский" порядок управления сохранялся в послепетровское время, до 1775 г., когда, наконец, Екатерина решилась на реформирование местных учреждений на основе новых принципов. Фигуре воеводы, возникшей еще раз в XVIII в., не было суждено привести в совершенство государственный абсолютизм в России.

Чтобы примирить фискальные и полицейские интересы с таким институтом крепостного права, как подушная подать, и с потребностями провинции, если таковые тогда вообще определились, требовались иные учреждения. В жалко обставленные канцелярии были пересажены повсеместно не штатские чиновники, делавшие карьеру, но в большинстве случаев поседевшие и израненные в боях обер-офицеры, изрядно потрепанные отставные военные, так и оставшиеся бы неустроенными, если бы не жалования и "акциденции." Умение соблюсти частные интересы на службе в официальных учреждениях принадлежало к основным принципам этой системы управления, напрасно пытавшейся утвердиться на местах. Вероятно, чреватым самыми тяжелыми последствиями для нее было отсутствие связей между властями в провинции и населением, подчиненным этим учреждениям. Лучше всего эти отношения описал видный русский историк Юрий Готье.[15] В течение 1740–1766 гг. действовало правило, согласно которому воевода не имел права собственности на подведомственной ему территории; кроме того, начиная с 1730 г., он не мог оставаться на своей должности более двух лет. За подобными предписаниями стояли добрые намерения: таким образом правительство надеялось контролировать самотек возникновения доходных мест, обогащение и злоупотребления служебным положением. Однако быстрая смена воевод отняла чувство устойчивости у чиновников и только усилила внутреннюю отчужденность маленьких властелинов в пределах своей территории,

[14] Основополагающей работой о петровских реформах провинциальной администрации остается: М. М. Богословский, *Областная реформа Петра Великаго. Провинция 1719-1727 гг.* (Москва: Университетская типография, 1902). (M. M. Bogoslovskii, *Oblastnaia reforma Petra Velikogo. Provintsiia 1719-1727 gg.* (Moscow: Universitetsaia tipografiia, 1902)).

[15] Ю. В. Готье, *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*, т. 1 (Москва: Издание Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете, 1913; Ю. В. Готье, *История областного управления в России от Петра I до Екатерины II*, т. 2. (Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР: 1941). (Iu. V. Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii ot Petra do Ekateriny II.* t. 1. (Moscow. Izdanie imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1914); Iu. V. Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii ot Petra do Ekateriny II*, t. 2. (Moscow-Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk SSSR: 1941)).

потребности и нужды населения которой были им чужды и редко представляли для них интерес.

Вряд ли можно подвергнуть сомнению то, что прогресс государственного устройства, совершенствование государственного абсолютизма зависели от прогресса социального устройства в направлении сословно-корпоративном. И это тем более, что иначе немыслимо было создать чиновнический аппарат на огромных, часто отдаленных территориях громадной империи, который удовлетворял бы растущие потребности государства в провинции. Пока было невозможно привязать местные и сословные интересы к государственной администрации в провинции, нельзя было рассчитывать на то, чтобы благородный человек стремился добиться престижа и авторитета в местных учреждениях и сопротивлялся бы карьере в армии или в столицах. Российское самодержавие вынуждено было поэтому наверстывать тот опыт, который история предоставила абсолютизму на Западе. Для него было очень важно получить себе в распоряжение "общество" путем создания сословных объединений, социальных институтов, которые были бы способны выполнять функцию государственных органов снизу, в провинциях и уездах. Это зависело прежде всего от организации дворянства.

*

Государственное строительство через создание провинциального общества в России не было чем-то само собой разумеющимся. В середине XVIII в. дворянство, как и прежде, удерживалось государством в традиционных формах принудительной службы, а полковая субординация была единственной формой организации этого класса. Неслужащего дворянина сложно еще было представить, не говоря уже о дворянском "обществе" в стороне от службы. В довершение, у русских городов все еще отсутствовала "коммунальная физиономия," – даже в важных торговых местах, где административное назначение "города" как места расположения управленческого аппарата скрывалось за товарными складами и гостиными дворами, приезжими крестьянскими торговцами и ремесленниками.[16] Если городские магистраты и купеческие гильдии кое-где и получили возможность функционирования благодаря петровским указам, то, скорее, в интересах их самих, а не населения, которое могло бы выступать в городской общинной жизни как "гражданство."

[16] Труд И. И. Дитятина *Устройство и управление городов России*, т. 1–2 (Санкт-Петербург: Тип. П. П. Меркульева, 1875–1877. (I. I. Ditiatin, *Ustroistvo i upravlenie gorodov Rossii*, t. 1–2 (St. Petersburg: Tip. P. P. Merkul'eva, 1875–1877)), хотя и устаревший и по источниковой базе, и по методологии, однако до сих пор незаменим. Советские исследования в последнее время уделяют много внимания экономической истории русского города: П. Г. Рындзюнский, *Городское гражданство дореформенной России* (Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1958). (P. G. Ryndziunskii, *Gorodskoe grazhdanstvo doreformennoi Rossii* (Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1958)). Об этом прежде всего: Ю. Р. Клокман, *Очерки социально-экономической истории городов Северо-запада России в середине XVIII века* (Москва: Изд-во Акад. наук СССР. Ин-т истории, 1960); Ю. Р. Клокман, "Город в законодательстве русского абсолютизма во второй половине XVII-XVIII вв." в *Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.),* 320–354; Ю. Р. Клокман, *Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII века* (Москва: Наука, 1964). (Iu. R. Klokman, *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii gorodov Severo-zapada Rossii v seredine XVIII veka* (Moscow: Izd-vo Akad. Nauk SSSR. In-t istorii, 1960); Iu. R. Klokman, *Absoliutizm v Rossii (XVII –XVIII vv),* 320–354); Iu. R. Klokman, *Sotsial'no-ekonomicheskaia istoriia russkogo goroda: Vtoraia polovina XVIII veka* (Moscow: Nauka, 1964)).

Посадские общины (их внутренняя структура была изучена историком-либералом А. А. Кизеветтером в большой монографии, основанной на архивных материалах),[17] установленные для удобства казенных сборов, ничем не компенсировали отсутствия самостоятельных коммунальных объединений. Также не заметно, чтобы в этом отношении существенно изменили что-нибудь достойные внимания экономические инициативы графа Петра Ивановича Шувалова в царствование императрицы Елизаветы. Развертывание купеческого предпринимательства, которое правительство поддерживало в рамках новой экономической науки, учения о полиции и камерализма, без сомнения, пошли на пользу купечеству и придали более четкие очертания понятию "фабрикант" с подъемом недворянской мануфактуры. Этому же способствовало ослабление государственной монополии на торговлю, отмена внутренних таможен и развитие кредитного и вексельного права. Однако показательно, что инициативы Шувалова по реорганизации социальных отношений в городе, изложенные в Уложенной Комиссии и Комиссии о коммерции в конце 1750-х гг., так и остались на бумаге.[18] Русские города не имели собственной силы, способной создать общество.

Несравненно более четко особые условия, при которых в России могло появиться "общество," видны в социальной истории дворянства.[19] Подписанный в конце 1736 г. императрицей Анной Иоанновной Высочайший манифест давал дворянину возможность просить о милости отставки после 25 лет службы – "для лучшей государственной пользы и содержания шляхетских домов и деревень."[20] Хотя это распоряжение выросло из обычной, пусть и совершенно не поддающейся оценке практики Военной коллегии времен Петра – увольнения в отпуск, – здесь,

---

[17] А. А. Кизеветтер, *Посадская община в России XVIII ст.* (Москва: Университетская типография, 1903). (A. A. Kizevetter, *Posadskaia obshchina v Rossii XVIII st.* (Moscow: Universitetskaia tipografiia, 1903)).

[18] Разъяснения по этому вопросу можно найти в следующей работе: Н. Л. Рубинштейн, "Уложенная Комиссия 1754-1766 гг. и ее проект нового уложения 'О состоянии подданных вообще'," *Исторические записки* вып. 38 (1951): 208–251. (N. L. Rubinshtein, "Ulozhennaia Komissiia 1754–1766 gg. i ee proekt novogo ulozheniia 'O sostoianii poddannykh voobshche'," *Istoricheskie zapiski* vyp. 38 (1951): 208–251*);* ср. также изданный С. О.Шмидтом материал*:* "Проект П. И. Шувалова 1754 г. 'О разных государственной пользы способах'," *Исторический архив* 6 (1962): 100–118. (S. O. Shmidt, "Proekt P.I. Shuvalova 1754 g. 'O raznykh gosudarstvennoi pol'zy sposobakh,'" *Istoricheskii arkhiv* 6 (1962): 100–118); об этом же: М. Я. Волков, "Отмена внутренних таможен," *История СССР* 2 (1957): 78–95. (M. Ia. Volkov, "Otmena vnutrennikh tamozhen," *Istoriia SSSR* 2 (1957): 78–95).

[19] Материалы Полного собрания законов Российской империи по этой проблеме приводятся в работе: А. Романович-Славатинский, *Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования* (Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1870). (A. Romanovich-Slavatinskii, *Dvorianstvo v Rossii ot nachala XVIII veka do otmeny krepostnogo prava. Svod materiala i priugotovitel'nye etiudy dlia istoricheskogo issledovaniia* (St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1870)). Попытку сравнительной классификации русского дворянства предпринял в своей статье Карл-Хайнц Руффманн, приведя множество примеров: Karl-Heinz Ruffmann, "Russischer Adel als Sondertypus der europäischen Adelswelt," *JGO* 9 (1961): 161–78. По истории идей и социальной психологии русского дворянства XVIII в. ср. богатый мыслями труд: Marc Raeff, *Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth-Century Nobility* (New York: Harcourt, Brace & World, 1966); см. также неудачную критику этой работы: Michael Confino, "Histoire et psychologie: A propos de la noblesse russe au XVIIIe siècle," *Annales: économies, sociétés, civilisations* 22 (1967): 1163–1205.

[20] *ПСЗ РИ*, т. 9, № 7142. (*PSZ RI*, t. 9, no. 7142).

тем не менее, впервые проглядывает тенденция, которая приобрела впоследствии значение для социальных изменений в классе русского дворянства. Оказалось, что была все же возможность примирить "партикулярные" желания служащих дворян – владельцев земель и душ – с представлениями о государственном интересе. Исследователю, который будет изучать возможности такого баланса, следует обдумать связующую функцию системы крепостного права, из которой государство тянуло подати и рекрутов, а помещики – доходы и состояния. Для дворянства имело значение свести к минимуму свои служебные обязанности, получить правовую защиту и ослабить жесткое налоговое бремя, но прежде всего – поправить жалкое состояние своих поместий. Растущему самосознанию русского дворянства, которое училось мерить себя по стандартам европейского дворянского мира, должно было претить, что суровые уголовные законы той эпохи не делали исключения для благородных людей ни в пытках и наказании кнутом, ни в конфискации имущества. С другой стороны, неустойчивость на вершине государственной власти и расстроенные за время длительных войн финансы заставили носителей высшей государственной власти задуматься, как согласовать их политику с частными интересами дворянства.

Действительно, полицейские и фискальные устремления самодержавия могли реализоваться в частных интересах владельцев земли. Высшая власть, освободив дворянина от службы, переместила его из полка в деревню, чтобы он и там, в своей частной сфере, нес государственную службу: как помещик, как полицмейстер и ответственный собиратель налогов, как местный посредник по отношению к крепостным ревизским душам. В условиях крепостного права власть помещика (больше, чем в любом другом случае) имела и административное значение: укрепить ее означало помочь государству преодолеть свою слабость в отсталой провинции. Поэтому нельзя было ожидать, что фигура неслужащего дворянина-землевладельца, первые контуры которой проявились с ограничением срока службы, когда-нибудь полностью отделится от государства. Эта связь дворянской частной жизни и управления государством является квинтэссенцией крепостного порядка. Растущее укрепление власти помещиков в XVIII в. имело здесь свои основания, являясь элементом государственного строительства, в итоге – тем средством на пути к "дворянским обществам" времен Екатерины, желавшим перенести русское понятие "общество" из теоретических трактатов о государстве эпохи Просвещения в действительность русской провинции. Сохранение и объединение интересов абсолютизма и партикулярных интересов неслужащего поместного дворянства, выраженных в институте крепостного права, стало впредь принадлежностью "*ratio*" устанавливаемого государством "общества."

В долгих совещаниях елизаветинской Уложенной Комиссии, где обсуждалось фиксирование прав подданных в "фундаментальных законах," речи о "дворянском обществе" еще, конечно, не шло, но уже получили новое значение понятия дворянской "вольности и свободы." В своей статье, весьма новаторской по сравнению с прежниими работами по этому вопросу, Н. Л. Рубинштейн проследил перипетии слушаний в Уложенной Комиссии.[21] Сначала, до осени 1760 г., проекты кодекса "О состоянии подданных вообще" носили печать той

[21] Рубинштейн, "Уложенная Комиссия 1754-1766 гг.," 221 и далее. (Rubinshtein, "Ulozhennaia Komissiia 1754–1766 gg.,"221 et seq.).

социально-экономической мысли, реализации которой хотел содействовать граф П. И. Шувалов. Он попробовал отделить друг от друга задачи и области жизни дворянства и городских классов и навести порядок в местах их соприкосновения, а там, где сталкивались интересы дворянства и купечества, – побудить их действовать для общего блага в ограниченных и отмеренных для каждого рамках. Охватить и ту, и другую сферу могло государство, но не область частного права. Стремление дать преимущество гражданским привилегиям дворянства за счет купечества усилилось только после того, как граф [Р. И.] Воронцов вмешался в работу Комиссии. Никогда прежде помещичье хозяйство не оказывалось настолько непосредственно под влиянием принципов римского права. Теперь дворянам открылись иные, по сравнению с проектами Шувалова, горизонты "новой свободы": впредь готовность заслужить себе репутацию и проявить характер на службе должно было быть отдано во власть решения самого дворянина. Инфантильный император Петр III дал эту милость "всему российскому дворянству" 18 февраля 1762 г., в неспокойные дни своего короткого царствования.[22]

Этот знаменитый манифест, расширивший простое облегчение службы манифестом 1736 г. до "фундаментального и непременнаго правила [...] на вечныя времена," весь, вплоть до формулировок, вышел из материалов Уложенной Комиссии. И действительно, этот документ о высочайшей милости имеет фундаментальное значение, – но, конечно, иное, чем принято у тех, кто еще продолжает обвинять в том, что 18 февраля 1762 г. глупый монарх своей низкой страстью разрушил нравственную легитимацию петровской формулы служилого класса. У историка нет никакого повода верить тем чувствам, которые новгородский архиепископ выразил в "Праздничной благодарственной речи" по поводу свержения Петра III: "Внутренности государственного тела пришли в беспорядок, а согласие в государстве лежит в постели больное." Иерарх, задетый за живое отнятием монастырских и церковных имений, видел в дворянской свободе, включая разрешение поездок за границу, "несчастье России."[23] Однако Манифест следует понимать не в сентиментальном, а в историческом смысле: он полностью отвечал государственным интересам российского абсолютизма. Это "*passe-partout* на ничегонеделание"[24] не только положило начало много раз описанному "золотому веку" себялюбивого, привилегированного "leisure class" (праздного класса). Благодаря ему стала возможна фигура частного человека-дворянина, и таким образом одновременно созданы условия для того, чтобы принадлежавшие к классу владевших землей и душами поданные могли теперь устраивать свои собрания и вне полков. В каждой строчке Манифеста видно, что речь не шла о том, чтобы действительно освободить дворянство – "главный член государства," а о том, чтобы прикрепить его к государству еще и с помощью современных понятий о чести и добродетели. Дворянство и при новой "свободе"

[22] "О даровании вольности и свободы всему Российскому дворянству," в *ПСЗ РИ*, т. 15, № 11444. ("O darovanii vol'nosti i svobody vsemu Rossiiskomu dvorianstvu," v *PSZ RI*, t. 15, no. 11444).

[23] *Feyerliche Danck-Rede des hochwürdigsten Ertz-Bischoffens von Gross-Novgorod [Setchin] auf die Abthronung Peters des dritten Czaars in Russland [...] den [...] 9 Julius des neuen Stils 1762 gesprochen, und aus dem Griechischen in die deutsche Sprache übersetzt, von Czsar Jelim Ivanowiz* (Smolensk, 1762), 31. Данное издание на русском языке не найдено (прим. перев.).

[24] Hedwig Fleischhacker, "Porträt Peters III.," *JGO* 5 (1957): 127–89, зд. 161. Ср.: Marc Raeff, "The Domestic Policies of Peter III and his Overthrow," *American Historical Review* 75 (1970): 1289–1310.

должно было оставаться в распоряжении государства. Этот освободительный эдикт важен не столько для понимания психологии Петра III, сколько для социальной истории российского государственного управления: абсолютизм в России осознавал, что должен создать государству более крепкий фундамент на местах с помощью класса помещиков. Только тогда и можно взвешенно решать, как, опираясь на крепостное право, учредить дворянское "общество" в губерниях и уездах и включить его в систему государственного управления.

*

Екатерина принялась за все сразу: устройство государственных учреждений и законодательство о подданных, организацию полиции в провинции и регулирование "сословного права." Предметом забот императрицы стали слабость местной администрации и разрушенное при Петре III устройство служилого класса. И то, и другое соединялось для нее в единую проблему и стало по-новому очевидным в понятиях просвещенной эпохи. Однако устроить все по-новому со стремительного разбега узурпаторше не удалось. Первое десятилетие своего правления Екатерина вынуждена была принимать во внимание неустойчивость своей власти. После 1768 г. русско-турецкая война и значительные европейские дела отнимали у императрицы много энергии. До 1775 г. ее меры в области местной администрации не выходили за рамки принятой практики управления. Ни новые штаты, утвержденные указом 15 декабря 1763 г., ни многословное "Наставление губернаторам" 21 апреля 1764 г. не привели к преобразованиям в провинциальной администрации, но стали робкой попыткой подступиться на основе рационализма экономической науки к старой системе воеводского управления и канцелярий и тому вреду, который она наносила.[25] Существовавшим с 20-х гг. XVIII в. учреждениям следовало придать более четкие формы, улучшить их снабжение, но не преобразовывать их. Институт губернаторов, обязанных заботиться о доверенной каждому огромной территории как "глава и хозяин," как настоящий "опекун," хотя и под высочайшим надзором, имел целью, как и раньше, физическое продление самодержавной власти, а не интеграцию региональных и сословных интересов в государственное управление. Это была система минимальной помощи с капелькой просвещенной справедливости и человеколюбия, которую Екатерина в первое десятилетие своего правления в состоянии была доверить ветхому аппарату власти, начинавшемуся сразу за пределами столиц. Бумаги новгородского губернатора Якоба Иоганна Сиверса, управлявшего в 1764-1781 гг. территорией, которая в три раза превосходила по площади дореволюционную Францию, показывают, что состояние местного управления действительно было жалким.[26]

Сомнения в способности дальнейшего развития старых административных учреждений появились у Екатерины еще в самом начале ее правления. При этом следовало принять во внимание прежде всего ту изменившуюся ситуацию, в

[25] *ПСЗ РИ*, т. 16, № 11982, 11988, 11991, 12137. (*PSZ RI,* t. 16, nos. 11982, 11988, 11991, 12137).

[26] Carl Ludwig Blum, *Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jakob Johann Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Rußlands*, vol. 1 (Leipzig, Heidelberg: C. Winter Verlag, 1857), 159 и далее. Для сравнения российского и французского управления в XVIII в. см.: John A. Armstrong, "Old-Regime Governors: Bureaucratic and Patrimonial Attributes," *Comparative Studies in Society and History* 14 (1972): 2–29.

которой оказалось дворянство после 1762 г. В источниках, к сожалению, нет подробных сведений о масштабах ухода с государственной службы. Если, однако, широкий слой служилого дворянства в силу новой "вольности" все же отдалился от государства, если эти частные лица обратились к "дворянской провинциальной и сельской жизни," в основе которой лежала только партикулярная сфера помещичьего хозяйства, тогда правительство должно было столкнуться с целой серией новых проблем. Была ли вообще пережившая себя система воеводского управления способна взять под полицейский административный надзор дворян-помещиков? Не было ли это, наоборот, поводом, чтобы при радикальном преобразовании системы управления использовать это едва освобожденное сословие для усиления государственных институтов и вернуть неслужащее дворянство в сферу службы, но на этот раз местной? Десятилетие пролежало предложение графа Шувалова о создании второго эшелона власти на основе системы комиссаров из дворян, живших в провинции, и распространения ее вплоть до уездов для исправления кричащих недостатков местного управления.[27] Подобный ренессанс петровских учреждений теперь, когда дворяне получили свободу селиться в своих поместьях, мог неожиданно стать актуальным.

Однако и дворянам после 1762 г. главные недостатки управления, которые сами могли бы стать многообещающим предметом исследования стали представляться иначе. Тот, кто решил поехать жить помещиком в деревню, даже не претендуя на многое, оказывался перемещенным из центров государственной жизни, из мира относительно просвещенных форм и понятий, в "варварство" крестьянской России, ближе к "дикому полю" исполнителей былин, чем великолепию и блеску резиденций, придворных балов и гвардейских парадов, вдалеке от тех сфер, где, в соответствии с дворянским достоинством, можно было более или менее сносно жить. В дворянской провинциальной жизни было мало привлекательного, и все, у кого было достаточно дохода, чтобы содержать дом в губернском городе, тем более в столицах, уже не возвращались к занятиям собственным хозяйством. Провинцию же населяли массы далеко не зажиточных, преимущественно даже бедных дворян.[28] И здесь дворянин оказался перед теми же властями и судьями, что и простой народ – ревизские души, обязанные податями и рекрутами. Подвергаться суду нижних чиновников было для них унизительно; подчинение им провоцировало подчас трогательные жалобы: "подлые при дворянах чинят неучтивства и, не уступая мест, отваживаются при оных сидеть, а дворяне принуждены стоять и сносить то с обидою."[29] Отсюда

---

[27] Готье, *История областного управления в России,* t. 2, 135 и далее. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 135 et seq.).

[28] Ср.: Н. Чечулин, *Русское провинциальное общество во второй половине XVIII в.: Исторический очерк* (Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашева, 1889). (N. Chechulin, *Russkoe provintsial'noe obshchestvo vo vtoroi polovine XVIII v. Istoricheskii ocherk*. (St. Petersburg: Tip. V. S. Balasheva, 1889)). Об этом же статья в данном сборнике: Arcadius Kahan, "Die Kosten der 'Verwestlichung' in Rußland: Adel und Ökonomie im 18. Jahrhundert," in *Wirtschaft und Gesellschaft im vorrevolutionären Rußland*, ed. Dietrich Geyer (Cologne: Kiepenheuer & Witsch, 1975), 53–82; а также: Rex Rexheuser, *Besitzverhältnisse des russischen Adels im 18. Jahrhundert. Historische Fragen, methodische Probleme* (Phd. diss., University Erlangen-Nürnberg, 1971).

[29] *Сборник Императорскаго Русскаго историческаго общества* [далее: *СИРИО*], т. 68 (Санкт-Петербург: Тип. Н. А. Лебедева, 1888): 388. (*Sbornik Imperatorskago russkago istoricheskago obshchestva* (hereafter, SIRIO), t. 68 (St. Petersburg: Tip. N.A. Lebedeva, 1888): 388); цит. по: Готье,

становится ясно, что и дворянством двигало требование изменить государственную власть в провинции. Жившие в провинции дворяне стремились найти реальную защиту от произвола канцелярий – будь то через выборных посредников, которые бы представляли интересы благородных перед воеводами, или через особые местные институты и судебные учреждения, которые бы заполнялись дворянством или, во всяком случае, создавались исключительно для него. Эта тенденция отчетливо проявилась в дворянских наказах 1767 г.

Таким был фон совещаний комиссии высоких сановников, получившей 11 февраля 1763 г. указание императрицы привести в совершенство дворянские права и на их основе сделать возможным разумное использование полученной ими свободы "к пользе и службе нашей и нашего любезного отечества."[30] Рекомендовалось также связать неслужащее провинциальное дворянство с местным управлением, слить в единое целое живших своими частными жизнями дворянство и местную администрацию в интересах развивающегося государственного абсолютизма. Граф А. П. Бестужев, реабилитированный государственный канцлер императрицы Елизаветы, предложил, чтобы дворяне выбирали из своего "общества" "ландратов," которым после утверждения Сенатом поручалось бы "исправлять [...] все, потребное для службы государственной, так и для пользы дворянства," в их уездах.[31] Таким образом, предлагалось заместить воевод выборными чиновниками – после 1762 г. это значило больше, чем просто возвращение петровских земских комиссаров, так как теперь дворянство получило возможность приравнивать местные дела к своим собственным. Между тем, большинство Комиссии [о вольности дворянской], заседавшей под председательством Н. И. Панина, не советовало приобщать дворянство к государственному управлению через местные службы по выбору и дополнительное принуждение. Считалось, что распространение просвещения и дворянские представления о чести и без того заставят дворян предоставить себя в распоряжение отечества.

История областного управления к *в России,* t. 2, 201. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 201).

[30] *ПСЗ РИ*, т. 16, № 11751. (*PSZ RI*, t. 166, no. 11751); *СИРИО*, т. 7 (1871): 232 и далее. (*SIRIO*, t. 7 (1871): 232 et seq.). См. материалы о работе Комиссии: А. Н. Куломзин, "Первый приступ в царствование Екатерины II к составлению Высочайшей грамоты Российскому дворянству," в *Материалы для русского дворянства*, ред. Н. Калачов, вып. 2 (Санкт-Петербург: Типо-лит. А. Е. Ландау, 1885): 13–71. (A. N. Kulomzin, "Pervyi pristup v tsarstvovanie Ekateriny II k sostavleniiu Vysochaishei gramoty Rossisskomu dvorianstvu," v *Materialy dlia russkogo dvorianstva*, red. N. Kalachov, vyp. 2 (St. Petersburg: Tipo-lit. A. E. Landau, 1885): 13–71). К оценке этих событий современниками 1762–1763 гг. см.: Н. Чечулин, *Проект Императорскаго совета в первый год царствования Екатерины II.* (Санкт-Петербург: Тип. В. С. Балашев, 1894). (N. Chechulin, *Proekt Imperatorskogo soveta v pervyi god tsarstvovaniia Ekateriny II* (St. Petersburg: Tip. V. S. Balashev, 1894)); также см.: Georg Sacke, "Katharina II. im Kampf um Thron und Selbstherrschaft," *Archiv für Kulturgeschichte* 23 (1933): 191–216. См. традиционную точку зрения на дворянскую политику Екатерины: Paul Dukes, *Catherine the Great and the Russian Nobility: A Study based on the Materials of the Legislative Commission of 1767* (Cambridge: Cambridge University Press, 1967). Нам не удалось еще воспользоваться важной монографией: Robert E. Jones, *The Emancipation of the Russian Nobility, 1762–1785* (Princeton: Princeton University Press, 1973).

[31] Пункты, предложенные графом Алексеем Петровичем Бестужевым-Рюминым см.: Куломзин, "Первый приступ в царствование Екатерины II," 26–34. (Kulomzin, "Pervyj pristup v tsarstvovanie Ekateriny II," 26–34).

В этих обстоятельствах не имел никаких последствий для реальной жизни и более детализированный план, который представил по инициативе Екатерины князь Я. П. Шаховской.[32] Речь снова шла о том, как интегрировать дворянство и администрацию: при генерал-губернаторах Шаховской предлагал создать институт выборных помощников ("товарищей") из дворянства, ландратов (земских советников) нового типа; подобным же образом следовало поступить на уровне губернаторов и воевод. Как "самые подходящие заступники" местного населения эти выборные чиновники должны были заботиться прежде всего о таком деликатном деле как раскладка и сбор податей. Более того, подобно Шувалову, автор советовал учредить выборных "комиссаров" для защиты обывателей от притеснений со стороны расквартированных полков, для поставки фуража войскам, для улаживания споров, для борьбы с воровством, для надзора над дорогами, улицами и лесами и предотвращения злоупотреблений и прежде всего, для наблюдения за тем, "чтобы корчемств не было." Также был разработан порядок выборов: ежегодно в ноябре из местного дворянства, съезжающегося в губернский город, следовало выбирать образованных, безупречных и почтенных людей; участие в съездах должно было быть обязательным, но состоявший на государственной службе не имел права быть избранным. В спорах вокруг этого плана были приведены показательные аргументы. Так, утверждалось, что русское дворянство пока еще не достигло той ступени, "чтобы всякий знал благосостояние империи и закона сохранение и имел бы такой дар разума, чтобы мог, будучи малого перед губернатором чина и не считая, что он определен в депутаты на время, ему, генерал-губернатору, противу поступка его несправедливого доказать законом и натуральным правом, и не имел бы опасения." Такие дворяне были все еще "самая редкость." Если все же выбирали неподходящего кандидата, тогда в его лице получали не "защитника губернии," а покладистое создание в руках всемогущего губернатора, который был достаточно силен, чтобы отомстить, если ему противоречили.[33] Это возражение не следует недооценивать, поскольку оно указывает на границы, поставленные стремлению сделать освобожденное от принудительной службы дворянство основой местной администрации.

Тем не менее, можно утверждать, что мысль о местном управлении провинции через рекрутирование дворян, не состоящих на службе, впредь не была оставлена в России. Обратная сторона этой реформаторской мысли, однако, имела не меньше значения: путем, предложенным Бестужевым и Шаховским, институт государства и понятие "общего блага" еще более неразрывно, чем ранее, должны были срастись с крепостным порядком, с партикулярной экономической жизнью поместного дворянства. Учреждение провинциальных "дворянских обществ" должно было отвечать этой связи.

*

В середине 60-х гг. могло показаться, что для императрицы эти споры отошли на второй план. С ее честолюбивыми предприятиями 1767 г. – *Наказом* и

[32] Готье, *История областного управления в России,* t. 2, 170 и далее. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 170 et seq.)
[33] Готье, *История областного управления в России,* t. 2, 181. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 181).

Уложенной Комиссией в Москве – была связана мысль о реформировании государства и групп подданных в соответствии с представлениями эпохи Просвещения.[34] Труд Монтескье *О духе законов* (1748) пронизывает весь текст *Наказа*; давно известно также о влиянии других источников.[35] На свет должно было появиться новое Уложение, но созданное не "в Кабинете," а с помощью многочисленного собрания депутатов, где вместе заседали люди, представлявшие все "государственные роды:" рядом с дворянством – горожане, черносошные и дворцовые крестьяне, иноплеменные народы вплоть до самоедов и тунгусов. У некоторых современников это вызывало недоразумение, как будто императрица созвала "генеральные штаты" (*Generalstände*, или *Etats généraux*) своей империи у подножья трона.[36]

Видеть в *Наказе* Екатерины отражение расчетливого кокетства с *Духом законов*, направленного на то, чтобы предъявить всему миру милосердную мудрость коронованной дочери Просвещения, означало бы уменьшить значение этого начинания до того, что лежит на его поверхности. Чувство собственного достоинства императрицы, которое всегда обгоняло оптимистические эмоции своей эпохи, нуждалось в просвещенной рефлексии и для принятия прагматических решений. Чтобы оставаться верной главной тенденции века, с которой она идентифицировала свой образ действий, она была вынуждена все время искать поддержки в "философском законодательстве." Сделать ставшего модными творения известного француза податливыми в самых различных целях соответствовало стилю времени.[37] Возможность применения принципов *Духа*

---

[34] Лучшее издание: *Наказ императрицы Екатерины, данный комиссии о сочинении проекта новаго уложения*, ред. Н. Чечулина (Санкт-Петербург: Тип. Акад. Наук, 1907). (*Nakaz imperatritsy Ekateriny, dannyi komissii o sochinenii proekta novago ulozheniia*, red. N. Chechulin (St. Petersburg: Tip. Akad. Nauk, 1907)). О состоянии американских исследований правления Екатерины см.: *Canadian Slavic Studies* 4:3 (1970): 373–627; мнение М. Раева об этом специальном выпуске см.: Marc Raeff, "Random Notes on the Reign of Catherine II in the Light of Recent Literature," *JGO* 19 (1971): 541–556.

[35] Friedrich Andreae, *Beiträge zur Geschichte Katharinas II. Die Instruktion vom Jahre 1767 für die Kommission zur Abfassung eines neuen Gesetzbuches* (Berlin: Georg Reimer, 1912); см. также об этом: Ф. А. Тарановский, "Монтескье о России. К истории Наказа императрицы Екатерины II," *Труды русских ученых заграницей. Сборник академической группы в Берлине* т. 1 (Берлин: Слово, 1922): 178–223. (F. A. Taranovskii, "Montesk'e o Rossii. K istorii Nakaza imperatritsy Ekateriny II," *Trudy russikh uchenykh zagranicey. Sbornik akademicheskoi gruppy v Berline* t. 1 (Berlin: Slovo, 1922): 178–223).

[36] А. В. Флоровский, "Состав законодательной Комиссии 1767–1774 гг." *Записки имп. Новороссийскаго ун-та, ист.-фил. фак-та* т. 10 (Одесса: Экономическая типография, 1915). (A. V. Florovskii, "Sostav zakonodatel'noi Komissii 1767–1774 gg." *Zapiski imp. Novorossiiskago un-ta, ist.-fil. fakt-ta* t. 10 (Odesa: Ekonomicheskaia tipografiia, 1915)). Последнее монографическое исследование с подробной критикой источников: Georg Sacke, *Die Gesetzgebende Kommission Katharinas II. Ein Beitrag zur Geschichte des Absolutismus in Rußland* (Breslau: Priebatsch, 1940). В тезисах этого лейпцигского историка, погибшего в 1945 г. в концентрационном лагере, заметно, вероятно, отдаленное влияние русско-советской школы М. Н. Покровского. Это касается не только разоблачающего анализа тактики власти Екатерины, но и переоценки "растущего значения гражданства" и склонности связывать приход к власти Екатерины с концом "эпохи дворянского правления" в России (с. 35 и далее); ср.: Dietrich Geyer, "Georg Sacke (1901-1945)," in *Deutsche Historiker*, vol. 5, ed. Hans-Ulrich Wehler (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1972), 117–129.

[37] Rudolf Vierhaus, "Montesquieu in Deutschland. Zur Geschichte seiner Wirkung als politischer Schriftsteller im 18. Jahrhundert," in *Collegium Philosophicum. Studien. Joachim Ritter zum 60. Geburtstag*, ed. Ernst-Wolfgang Böckenförde et al. (Basel & Stuttgart: Schwabe & Co. Verlag, 1965): 403–37. Примеры рецепции Монтескье в России: Ф. А. Коган-Бернштейн, "Влияние идей Монтескье в

законов в России зависела от того, можно ли было согласовать его критерии и нормы с условиями и предпосылками российского самодержавия. Простое перетолкование оригиналов и новые законы могли способствовать этому, но впереди шла рефлексия: "Россия есть европейская держава", – этой формулой *Наказа* были строго разграничены самодержавие и деспотия, причем первое уподоблено модели "*gouvernement monarchique*" (правительства монаршего) Монтескье: "где правит одно лицо посредством основных законов."[38] Но за декламациями уже была видна рецепция "*pouvoires intermédiaires*" ("властей средних"); она касалась актуальных проблем реформирования, перед которыми стояла Екатерина, и ее заметки по этому поводу полностью соответствовали тем максимам, которые повсюду нес с собой "просвещенный абсолютизм" той эпохи.

Связывающие воедино монарха и дворянство "фундаментальные законы," на создание которых надеялся Монтескье, должны были, согласно Екатерине, покоится только в руках правительства. "Власти средния" Монтескье в действительности воспринимались иначе, чем в его сочинении: не сословия, а собственно власти, суды, "малые протоки, сиречь правительства, чрез которые изливается власть государева" (*Наказ*, ст. 20). Не дворянство, а правительствующий Сенат, "*dépôt des lois*" (хранилище закона), получил черты "*corps politique*" (политической корпорации). То, что Екатерина называла "всеобщей, или политической, свободой", – свободу в государстве, "то есть: в собрании людей, обществом живущих, где есть законы" (*Наказ*, ст. 37), – гарантом этой "естественной свободы" должна была быть фигура самого монарха.[39] Судебные учреждения и "правительства," "*canaux moyens*" (средние каналы) как посреднические инстанции ("власти средния") власти монарха, – согласиться с этим означало не что иное, как опрокинуть полученную по наследству административную систему России. В интерпретации императрицы учение Монтескье означало устройство государства путем "разделения властей," отделения канцелярии (исполнительной власти) от суда, а исходившая из немецких ученых трудов популярная в то время идея полицейского государства была подходящей, чтобы собрать разделенные между ведомствами власти в руке губернатора.

Не было ли, однако, заложено в *Большом наказе*, как и во всем предприятии с Московской комиссией, одновременно новое понимание общества? Конечно, здесь еще нельзя говорить о политически устроенном обществе и "корпоративной свободе."[40] Дворянство – "*un titre d'honneur*" ("нарицание в чести") – определялось "каталогом добродетелей," который вместо гражданских привилегий суммировал

России в XVIII в.," *Вопросы истории* 5 (1955): 99–110. (F. A. Kogan-Bernshtein, "Vliianie idei Montesk'e v Rossii v XVIII v.," *Voprosy istorii* 5 (1955): 99–110).

[38] Шарл Луи Монтескье, *О духе законов* в его же. *Избранные произведения* (Москва: Госполитиздат, 1955), 175 (прим. перев.). (Sharl Lui Montesk'e. *O dukhe zakonov* v idem, *Izbrannye proizvedenii* (Moscow: Gospolitizdat, 1955), 175 (prim. perev.).

[39] Автор статьи использовал немецкий перевод *Наказа* Екатерины II: *Ihro Kayserlichen Majestät Instruction für die zu Verfertigung des Entwurfs zu einem neuen Gesetz-Buche verordnete Commißion* (Frankfurt & Leipzig: n.p., 1769) (прим. перев.).

[40] См. об этом основополагающую работу: Kurt von Raumer, "Absoluter Staat, korporative Libertät, persönliche Freiheit," *Historische Zeitschrift* 183 (1957): 55–96. – Новый пример традиционной идеализации намерений Екатерины без всякой критики источников: K. A. Papmehl, "The Problem of Civil Liberties in the Records of the 'Great Commission'," *The Slavonic and East European Review* 42 (1964): 274–91.

нормы дворянского достоинства, определенные государством: ревность к службе, любовь к отечеству, послушание и верность по отношению к своему суверену, готовность быть в распоряжении для сохранения и защиты государства. Говоря о "мещанах," "среднем" или "третьем роде," о "сельских обывателях," Екатерина ограничивалась просвещенными формулировками, в одежды из которых был облачен *status quo* подданных (*Наказ*, §358-383). И в заключение, находившиеся в крепостной зависимости ревизские души были предоставлены исключительно человеколюбивым чувствам своих владельцев. Заставляет задуматься другое: Екатерина наделила депутатов, съехавшихся в Москву на заседания, привилегиями, которых никогда не имело даже дворянство. Каждому депутату, будь он дворянин, горожанин или государственный крестьянин, христианин, язычник или мусульманин, – всем им было обещано освобождение от смертной казни, пыток и телесных наказаний "на протяжении всей жизни" за любое преступление, "какого бы то ни было свойства."[41] Также и имущество их, начиная со дня избрания, не могло быть конфисковано, кроме как за долги. Никакой суд не мог осмелиться исполнить приговор над депутатом "без утверждения императрицы." Непривычный "гражданский" принцип, выходивший за рамки классов и сословий, был, казалось, заложен в депутатском иммунитете и позволял подозревать, что эти различия должны были потерять свое значение там, где речь шла о службе государству и общем благе. Утвердив депутатские привилегии "всесословной" Комиссии, Екатерина тем самым дала понять, что и в России просвещенному государственному разуму присуще выделять фигуру гражданина государства из старых категорий подданных. Это означало и признание в том, что, если бы до этого действительно дошло, государственный абсолютизм был бы лишен предпосылок собственного существования.

Фактически, московское собрание депутатов, которое в июле 1767 г. приступило к "сочинению нового Уложения," было в высшей степени неустойчивой, отчужденной моделью будущего гражданского общества. Тот, кто оказался в Комиссии благодаря высочайшим указам, приехал не как депутат от сословного объединения, которому он обязан отчетом, а как подданный, для которого избрание было видом рекрутирования в службу. Способ командирования выборных от подданных в центр власти соответствовал старой традиции и не предполагал существования сословий, созданных на корпоративной основе, для которых, впрочем, в русском языке так и не нашлось адекватного понятия.[42] Уложенные комиссии в России принадлежали к той системе вспомогательных средств, которую издавна практиковало самодержавие перед лицом слабого функционирования администрации и укоренившегося

[41] *ПСЗ РИ*, т. 17, № 12801. (*PSZ RI*, t. 17, no. 12801).

[42] Старое, определяющее положение в системе службы и рангов понятие "чин," заменявшее при Анне Ивановне понятие "сословие" ("статус"), во второй половине XVIII в. при обозначении категорий подданных было заменено другими образованиями. В *Лексиконе* В. Н. Татищева дворянство представлено как "главный и честнейший стан государства" (ср.: П. К. Алефиренко, "Социально-политические воззрения В. Н. Татищева," *Вопросы истории* 10 (1951): 103–114, зд. 106. (P. K. Alefirenko,"Sotsial'no-politicheskie vozzreniia V.N. Tatishcheva," *Voprosy istorii* 10 (1951): 103–114, here 106); освободительный манифест Петра III называет дворянство "главным членом в государстве"; в документах Уложенной Комиссии Екатерины в значении "сословие" употребляется слово "род." Исследований по истории более ранних областей значений терминов "сословие" и "состояние" еще недостаточно.

недоверия к местным органам. Чтобы создавать законы, высшая власть нуждалась в информации об обширных территориях, в достаточных знаниях о них, чего не могла обеспечить канцелярская бюрократия на местах. Да и для замыслов Екатерины – включить значительную реформу в кодекс законов империи – присутствие присланных представителей из провинций и от каждого из строго отделенных друг от друга классов населения, безусловно, было необходимо. Отправлявшиеся в Москву депутаты должны были привезти с собой собственные "наказы," в которых излагались пожелания и нужды местного населения. Подразумевалось, что эти документы не будут ни в коем случае использоваться как руководства для депутатов: они были подшиты в качестве "материалов" к документам Комиссии. О намерении императрицы передать законодательную власть в руки представителей сословий не могло быть и речи. Из наказов депутатам видно, что в России не было никого, кто хотел бы принять эту власть или даже "разделить" ее с государыней.

Здесь я не ставлю своей задачей подробно исследовать историю московской Уложенной Комиссии. Где шла речь о конкретной подготовке практических законопроектов, собрание депутатов было рассредоточено по предметным комиссиям бюрократического толка, подкомиссиям, которые годами трудились над вопросами устройства государства и "государственных сословий," полиции, судебных учреждений, населения, скотоводства, земледелия, ремесла, другими сложными предметами.[43] Когда Большое собрание было уже давно распущено, эти комиссии, получившие предписания работать и далее, заседали вместе – окруженные внушительными связками документов, депутаты вздыхали над плохими географическими картами в поисках городов и местечек, избежавших еще занесения в податные списки и внимания картографов, и нуждаясь все время в милостивой протекции своей благодетельницы, призвавшей их на службу. Высочайшая воля, однако, оставалась неясной, и "путеводная нить" – екатерининский *Наказ* – подвела при попытке воплотить человеколюбивые принципы государыни в пригодные для практики распоряжения.

*

Последствия привлекающих наше внимание предприятий той эпохи были все же бóльшими, чем можно было бы ожидать. Социальная история отдельных групп подданных в России, особенно дворянского сословия, тесно связана с периодом работы Комиссии. "Обряд выбора" 14 декабря 1766 г.[44] имел практическое значение для возникновения дворянских корпораций, дворянских обществ. При выборах депутатов дворяне регистрировались не по принадлежности к полкам и учреждениям, а как члены местного, связанного с помещичьей властью, объединения лиц. Владение собственностью и душами, а не "чин" или "должность," определяли здесь благородного человека. Дворяне каждого уезда должны были образовать "собрание," которому было отведено значение выборного объединения. Каждый, кто владел имением в уезде, имел право проголосовать – даже если он находился на службе в другом месте.

[43] Подробное исследование этого вопроса: Готье, *История областного управления в России*, t. 2, 213 и далее. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 213 et seq.).
[44] *ПСЗ РИ*, т. 17, № 12801. (*PSZ RI*, t. 17, no. 12801).

"Женщины же дворянки, владеющия своими имениями," участвовали в голосовании письменными заявлениями, не имея права присутствовать в собрании. Из среды уездного дворянства, в городе, указанном губернатором, под надзором "приставленных начальников," следовало избрать "маршала," предводителя дворянства, который получал наименование "почтенного." Он должен был быть "честнаго и незазорнаго поведения," возглавлять как "оратор или предводитель" собрание своих собратьев по происхождению. После молебна и принесения присяги в церкви следовало избрать дворянина, который отправлялся в Москву в качестве депутата, а также еще несколько человек, которые должны были снабдить путешественника необходимыми наказами, разъяснявшими Екатерине местные проблемы ее подданных. Следующие несколько лет показали, что это явление, сопутствовавшее Московской комиссии, действительно положило начало региональной организации дворянства, так как дальнейшее развитие получил институт не депутатов, а дворянских предводителей и дворянских собраний. После роспуска Уложенной Комиссии должность предводителя потеряла свое прежнее значение. Вновь избираемый через два года, он в результате утвердился как носитель сословных полномочий, на которого власть тотчас возложила в изобилии государственные функции.[45] Наряду с сословными полномочиями, ему было позволено исполнять также свои "должности" на регулярной службе. Дворянский предводитель стал своего рода приложением к системе государственного управления, а не конкурирующей силой, которая могла бы отстоять местные интересы дворянства у государственной власти.

Не самостоятельная деятельность неслужащих дворян, а распоряжающаяся всем власть самодержавия способствовала тому, что "общество" смогло собраться вместе. Общество, однако, представляло собой прежде всего подчиненное государственной цели и регулируемое сверху объединение подданных. Чтобы осуществить попытку придать этим принудительным объединениям сословный характер, привить корпоративные взгляды и ответственность, не хватало опыта. Подобным стремлениям не могли способствовать ни исторические традиции, ни память о прежних формах самостоятельной сословной жизни и заветах дворянской свободы. Дворянство само не смогло смягчить искусственность "обществ," организуемых государством. Ни наказы в Уложенную Комиссию, ни заседавшая при ней комиссия о правах дворянства, которой было поручено зафиксировать дворянское гражданское право, не дали более четких представлений о корпоративной свободе. Разработанный в 1768 г. "Проект правам благородных" в изобилии содержал гражданские привилегии, но избегал определения дворянских сословных организаций.[46] Отмечалось, однако, что дворяне должны были иметь право посылать выборных из своей среды "в суды земские" и "ко всем земским службам," также как и "собираться в своих и законом предписанных случаях в своих провинциях," – то есть в установленном месте, в

[45] Примеры из законодательства: С. А. Корф, *Дворянство и его сословное управление за столетие 1762–1855 гг.* (Санкт-Петербург: Тип. Тренке и Фюсно, 1906), 84 и далее. (S. A. Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie za stoletie 1762–1855 gg.* (St. Petersburg: Tip. Trenke i Fiusno, 1906), 84 et seq.).

[46] Текст "Проекта правам благородных" и анализ дебатов в Комиссии приводятся согласно изданию: Корф, *Дворянство и его сословное управление,* 667–682, 59–78. (Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe,* 667–82, 59–78); см. также поправку Дирекционной комиссии в: *СИРИО*, т. 32 (1881): 328. (*SIRIO,* t. 32 (1881): 328).

установленное время. В дальнейшем дворянству каждой провинции разрешат вести именной "вписок," род матрикула, а для их детей учредить школы.

Тот, кто подошел бы к проекту Комиссии с мерилом европейской дворянской свободы, сохранившейся от старины, не смог бы не заметить ущемления чувства личного достоинства. Никто так болезненно не реагировал на это, как депутаты от немецкого рыцарства Лифляндии и Эстляндии, которые сочли подверженным чрезвычайной опасности свое историческое земское право, обеспеченное "пактом, мирным договором и гарантиями." В России сложилось противостояние, в котором, как и в других частях Европы, отразилось сопротивление старого сословного общества затягивающей силе абсолютного монаршего государства. О том, что нужно "благородству," чтобы в провинции оно могло проявить себя не только "в спокойном частном существовании," но и "вольным благородным обществом," представители рыцарства пространно высказывались в некоторых "*Reservata*" (возражениях): письменно подтвержденная, ненарушимая свобода корпораций по отношению к государственной администрации, собственная сфера права, которая защищена от посягательств извне и сверху; свобода иметь в провинции общественно-правовой статус местной власти, или "властей средних," носителей установлений – статус, который не могла бы продавить верховная власть.[47]

Однако при исторической оценке нельзя упускать из виду, что противопоставлять дворянские выборные собрания тем моделям сословной свободы, которые и на Западе в это время уже принадлежали истории, или, по крайней мере, как в Польше, стали мячиком в игре могущественных сил, было бы сомнительно. Немецкое рыцарство и его земские права в Лифляндии и Эстляндии не имели нормативной силы в европейском контексте, они существовали как реликты прошлого, которые в других странах абсолютизм уже оставил позади. Не политические сословия прежней эпохи, а деполитизированные формы, которые консервировало современное государство как фундамент своей системы управления, подходят как мерило для анализа "общества" как государственного установления в России с исторической точки зрения. Представления, заставившие графа Хертцберга, министра Фридриха Великого, заново обдумать функцию местных корпораций в прусской монархии,[48] были ближе начинаниям Екатерины II, чем традициям сословного устройства Европы. Таким образом, историческим контекстом возникновения дворянских объединений в России был не старосословный мир до-абсолютистской эпохи, а просвещенный абсолютизм, которому подъем значения сословных учреждений, хотя и ограниченный, во второй половине XVIII в. вовсе не помешал.[49] Сословия как искусственный продукт, созданный Екатериной, которые императрица обустраивала и в последующие десятилетия, были продолжением самодержавной практики управления, соприкасаясь, с другой стороны, с теми сословными формами, которые поглотило государство Нового времени на Западе. На основе разных

[47] Примеры см.: СИРИО, т. 32 (1881): 36. (SIRIO, t. 32 (1881): 36); Корф, *Дворянство и его сословное управление,* 70 и далее. (Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie,* 70 et seq.); ср. также: Sacke, *Die Gesetzgebende Kommission Katharinas II.,* 159 и далее.

[48] См. об этом: Vierhaus, "Montesquieu in Deutschland," 432.

[49] К сравнительной классификации мероприятий Екатерины см.: Robert R. Palmer, *The Age of Democratic Revolution: A Political History of Europe and America, 1760-1800. The Challenge* (Princeton: Princeton Univ. Press, 1959), 402 и далее.

предпосылок: здесь – русской служилой системы, там – сословного устройства, – социальные порядки России и Европы при абсолютизме шли навстречу друг другу, став подобными, но не идентичными друг другу. Остался открытым вопрос, могло ли это своеобразное сближение способствовать наполнению русского понятия "общества" чем-то из традиций дворянского мира прежней Европы, многократно преобразованных, но придававших ему постоянство и продолжительность в условиях абсолютизма, – хотя, правда, и некоторую сомнительность.

Несравнимо более архаичными и неподвижными, чем в дворянской среде, где служилый класс объединился в условиях новой свободы, оставались отношения в русском городе. В качестве настолько же явной, насколько и искусственной параллели уездным дворянским собраниям изданный в декабре 1766 г. "Обряд выбора" предписывал городам, где было не менее 50 домов, избирать по одному депутату. Преследуя политические цели, Екатерина создала себе городское представительство, которое вместе с выборными от крестьян составляло большинство в Московской комиссии в противовес дворянским представителям. Для проведения выборов было приказано обеспечить правом голоса всякого, кто имел "действительно дом, или дом и торг, или дом и ремесло, или дом и промысл в том городе."[50] Подобно предводителю уездного дворянства, в собрании горожан должен был председательствовать специально избираемый "городской голова."[51] По крайней мере в проекте горожане понимались в значении коммунального объединения; на развалинах петровского магистратского законодательства, которое стремилось установить власть, на мгновение появились очертания городского общества в стороне от системы власти. Однако шансы на дальнейшее развитие этого установления из зачаточного состояния были еще меньшими, чем корпоративная энергия дворянского сословия. Старые фискальные и ремесленные объединения не были в состоянии срастись в "*communauté*" (сообщество) новой эпохи; невозможность этого подчеркивали наказы 1767 г.[52] Выступавшим от городов важны были экономические привилегии отдельных профессиональных групп, вытеснение торгующих дворян и крестьян за городскую черту и – где речь шла о почестях – уподобление членов магистрата и гильдейских купцов дворянам: чины, шпаги, знаки должностного отличия казались достойными того, чтобы к ним стремиться, в отличие от общих интересов "городского состояния," образ которого императрица набросала на

[50] *ПСЗ РИ*, т. 17, 1101, № 12801. (PSZ RI, t. 17, 1101, no. 12801).

[51] *ПСЗ РИ*, т. 17, 1101, № 12801. (PSZ RI, t. 17, 1101, no. 12801). В ориг. "Обряд выборов" цит. по: J. J. Haigold (=A. L. Schlözer), *Neuverändertes Rußland oder Leben Catharinae der Zweyten* [...] 1. Theyl, 3. Aufl., (Riga & Mietau: Hartknoch, 1771), 284 и далее.

[52] С. Вознесенский, "Городские депутатские наказы в Екатерининскую комиссию 1767 года," *Журнал Министерства народнаго просвещения* 12 (1909): 89-119, 241–284. (S. Voznesenskii, "Gorodskie deputatskie nakazy v Ekaterininskuiu komissiiu 1767 goda," *Zhurnal Ministerstva narodnago prosveshcheniia* 12 (1909): 89-119, 241–284); А. А Кизеветтер, "Происхождение городских депутатских наказов в Екатерининскую комиссию 1767 года," в Кизеветтер, *Исторические очерки* (Москва: ОКТО, 1912), 209–241. (A. A. Kizevetter, "Proiskhozhdenie gorodskikh deputatskikh nakazov v Ekaterininskuiu komissiiu 1767 goda," v Kizevetter, *Istoricheskie ocherki* (Moscow: OKTO, 1912), 209–41). Новая работа на эту тему: М. П. Павлова-Сильванская, "Социальная сущность областной реформы Екатерины II," в *Абсолютизм в России (XVII-XVIII вв.),* 460–491, зд. 477 и далее. (M. P. Pavlova-Sil'vanskaia, "Sotsial'naia sushchnost' oblastnoi reformy Ekateriny II," v *Absoliutizm v Rossii (XVII-XVIII вв.),* 460–91, here 477 et seq.).

бумаге. Еще более нереальной была мысль о сословном представительстве крестьянского населения, от которого в Москву прибыли депутаты свободных от крепостной зависимости слоев.[53] Хотя с помощью воевод и “начальников” удалось отправить в путь таких людей в предписанном количестве, на общины государственных крестьян, скрепленные фискальными интересами и круговой порукой, не влияло то, что “местные обычаи” могло бы привести в движение.

*

Императрице была важна не эмансипация в значении самой корпоративной свободы, а включение “государственных сословий” в состав государства. Даже робкая попытка регулирования “сословного права” частными комиссиями при Комиссии Уложения сама уже содержала компонент административной реформы. Правовые сферы категорий подданных имели по определению свойства административных; изменить их означало в то же время изменить институты государства. Поскольку, однако, в России приоритет издавна отдавался государственным вопросам перед частными, дальнейшее законодательство об устройстве подданных шло не перед, а позади административного; оно неизбежно последовало за изменениями устройства губерний и уездов, которые были проведены Екатериной в середине 1770-х гг. Также дальнейшая эволюция дворянских собраний, узаконенных в 1766 г., оставалась связанной с перестройкой административной системы. Этот процесс был побочным продуктом реформы, которая в свою очередь подтвердила, что эти “общества” вошли в жизнь как субституты государства. При исследовании вопроса о мотивах губернской реформы на первый план все больше выносится связь между требованиями дворян, высказанными в наказах в Комиссию 1767 г., и тем, что исполнила в итоге Екатерина.[54] В этом смысле реформа чаще всего

[53] По вопросу о крестьянстве в 1767 г. наряду с богатыми материалом работами: В. И. Семевский, *Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II* т. 1–2 (Санкт-Петербург: Тип. Ф. С. Сущинского, 1881–1901); В. И. Семевский, *Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века* т. 1 (Санкт-Петербург: Тип. Товарищества Общественная польза, 1888), 95 и далее. (V. I. Semevskii, *Krest’iane v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* t. 1–2 (St. Petersburg: Tip. F. S. Sushchinskogo, 1881–1901); V. I. Semevskii, *Krest’ianskii vopros v Rossii v XVIII i pervoi polovine XIX veka* t. 1 (St. Petersburg: Tip. Tovarishchestva Obshchestvennaia pol’za, 1888), 95 et seq.). Ср.: А. В. Флоровский, “Из истории Екатерининской законодательной комиссии 1767 года. Вопрос о крепостном праве,” *Записки имп. Новоросскийскаго ун-та, ист.-фил. фак-та* т. 3 (Одесса: Экономическая типография, 1910). (A. V. Florovskii, “Iz istorii Ekaterininskoi zakonodatel’noi komissii 1767 goda. Vopros o krepostnom prave,” *Zapiski imp. Novorossiiskago un-ta, ist.-fil. fak-ta* t. 3 (Odesa: Ekonomicheskaia tipografiia, 1910)). Более новые советские исследования: М. Т. Белявский, *Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева* (Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1965). (M. T. Beliavskii, *Krest’ianskii vopros v Rossii nakanune vosstaniia E. I. Pugacheva* [Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1965)). – К проекту закона о крестьянах, который обсуждался в Комиссии о государственных родах, см.: *СИРИО*, т. 36 (1882): 247 и далее. (*SIRIO*, t. 36 (1882): 247 et seq.); Семевский, *Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века,* т. 1, 129 и далее. (Semevskii, *Krest’ianskii vopros v Rossii v XVIII*, t. 1, 129 et seq.).

[54] См. прежде всего остающуюся до сих пор единственной монографию, посвященную губернской реформе Екатерины: В. А. Григорьев, *Реформа местного управления при Екатерине II. Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.* (Санкт-Петербург: Рус. скоропеч., 1910), 120–200. (V. A. Grigor’ev, *Reforma mestnogo upravleniia pri Ekaterine II. Uchrezhdenie o guberniiakh 7 noiabria 1775 g.* (St. Petersburg: Russ. skoropech., 1910), 120–200).

представлялась как уступка самодержавия "благородству"; статьи *Учреждений о губерниях* как будто последовательно вытекали из требований дворян. В результате такого сравнения источников советская историческая наука делает вывод о том, что императрица в 1775 г. заплатила высокую дань "диктатуре дворянства" и продлила тем самым классовое господство помещиков – в тягость угнетенным народным массам, но и во вред капиталистическому развитию, зашевелившемуся в недрах феодального строя.[55]

Действительно, предложения дворянских наказов 1767 г. отчасти связаны с положениями административной реформы 1775 г. Эти русские "*cahiers de doléances*" отражали все более распространявшееся недовольство, которое испытывали дворяне в провинции по поводу царивших там непорядков. Однако содержавшиеся в них жалобы были давно известны правительству: бесчинства разбойников и грабежи на дорогах, акты произвола и дерзость местных властителей, волокита в судах, неподвижность дел в инстанциях, пьянство и продажность чиновников, незащищенность вдов и сирот – все это заполняло наказы. Без сомнения, что дворянство рассматривало существовавшую систему управления как нуждавшуюся в пересмотре и что для благородных вопрос состоял в том, чтобы как можно скорее укрепить свои позиции по отношению к местным властям. Желание ускользнуть из-под полицейской и судебной власти воевод окрыляло силу их воображения. Некоторые предложения содержали идею, не выходившую до того за пределы окружения императрицы: заменить низшую администрацию, включая воевод, выборными из уездного дворянства: "земскими судьями," "обер-комиссарами," или "начальниками." Тут же раздавались более осторожные предложения: поместить выборных опекунов, или "посредников," между провинциальным дворянством и воеводами или расширить компетенцию дворянских маршалов судебными и полицейскими функциями. Чаще можно было услышать пожелание, наряду с существующими уездными органами устроить особые судебные учреждения, примирительные комиссии, опеку, в компетенцию которых, независимо от губернских и воеводских канцелярий, входили бы только дела дворянства и которые заполнялись бы из его среды.[56]

Как видно, всеобщий разлад стимулировал размышления о самых различных формах особого дворянского управления. Его способность функционировать предполагала, разумеется, избрание дворян в местные учреждения, то есть возвращение их в службу из "партикулярного бытия." В то же время, незначительное участие в выборах 1767 г. и содержание наказов свидетельствовали о том, что корпоративное сознание дворянства было еще едва развито. Вопрос, следует ли воспринимать службу по выбору как службу государству или как почетную сословную должность, не ставился, проблема подчинения выборных лиц государственной власти не обдумывалась.

[55] М. Т. Белявский, "Требования дворян и перестройка органов управления и суда на местах в 1775 г.," *Научные доклады высшей школы* вып. 4 (1960): 125–43. (M. T. Beliavskii, "Trebovaniia dvorian i perestroika organov upravleniia i suda na mestakh v 1775 g.," *Nauchnye doklady vysshei shkoly* vyp. 4 (1960): 125–143). Аналогичное мнение см.: Павлова-Сильванская, "Социальная сущность областной реформы Екатерины II," 468. (Pavlova-Sil'vanskaia, "Sotsial'naia sushchnost' oblastnoi reformy Ekateriny II," 468).

[56] Анализ дворянских наказов см.: Корф, *Дворянство и его сословное управление,* 31 и далее. (Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie*, 31 et seq.); Григорьев, *Реформа местного управления при Екатерине II.*, 123 и далее. (Grigor'ev, *Reforma mestnogo upravleniia pri Ekaterine II.*, 123 et seq.).

Размышления о порядке местного управления ограничивались обстоятельствами одного уезда; уровни провинциальный и губернский оставались без внимания. Редкие попытки представить область сословного права отдельно от государственной сферы были слабы: корпоративная солидарность находилась in *statu nascendi*. Встречи собратьев по сословию на выборах вызвали у дворян некоторых уездов желание создать "корпус дворянский" или "общество дворянское" как постоянные учреждения;[57] из объединения лиц, основанного с целью выбора депутатов, должно было возникнуть установленное законом "общество." Иногда дворянская служба по выборам называлась "почти партикулярная": образовалось вспомогательное понятие для обозначения обязанностей,[58] которые теперь имели смысл и значение не только благодаря государю или государству, но и дворянскому сословию.

Оглядываясь на сказанное, можно утверждать, что между ожиданиями дворянства и представлением императрицы о реформах не было принципиального противоречия. Мысль об исполнении местных должностей выборными из дворян не была в новинку; она пришла из петровской административной традиции и была единственной практически воплощаемой альтернативой *status quo*, то есть канцелярской системе, которая как и прежде являлась хроническим недугом российского аппарата государственного управления. Модель обособления местных инстанций по "сословному" признаку оставил в наследство еще Петр Великий: она состояла в исключении городов из администрации уездов (или дистриктов), и к ней можно было обратиться и при изменившихся обстоятельствах. Новым было представление о разделении исполнительной власти и суда, которое Екатерина – несравнимо отчетливее, чем само дворянство, – хотела связать с предстоящей реформой. Таким образом, освобожденные от службы дворяне, в отличие от прежней эпохи, стали проблемой управления. Для правительства это значило употребить на государственную пользу этот человеческий резерв для нового устройства местных учреждений.

Наказы дворянства 1767 г. не были необходимы, чтобы убедить Екатерину и небольшой круг ее сподвижников в том, что включение провинциального дворянства в местную администрацию должно было стать принципом губернской реформы. К подготовке *Учреждений о губерниях*, изданных 7 ноября 1775 г., не привлекались ни наказы, ни "своды по материям," подготовленные в московской Комиссии. Основное направление реформы давно уже утвердилось и было опробовано на пригодность еще до того, как катастрофа казацко-крестьянской войны под предводительством Пугачева и внезапное крушение местного аппарата в районах восстания заставили императрицу принимать немедленные решения.[59]

---

[57] Ср. также: *СИРИО*, т. 3 (1868), 241, 271. (*SIRIO*, t. 3 (1868), 241, 271). Особый пример дворянской сословной организации с постоянным представителем при высшем государственном правлении и правом доклада у императрицы: *СИРИО*, т. 4 (1869), 255–256. (*SIRIO*, t. 4 (1869), 255–256); Корф, *Дворянство и его сословное управление,* 37–40. (Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie*, 37–40).

[58] "Наказ псковского дворянства," *СИРИО*, т. 14 (1875): 376 и далее. ("Nakaz pskovskogo dvorianstva," *SIRIO*, t. 14 (1875): 376 et seq.); Готье, *История областного управления*, т. 2, 199. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 199).

[59] John T. Alexander, *Autocratic Politics in a National Crisis: The Imperial Government and Pugachev's Revolt, 1773–1775* (Bloomington: Indiana University Press, 1969); Marc Raeff, "Pugachev's Rebellion," in *Preconditions of Revolution in Early Modern Europe*, eds. Robert Forster & Jack Philip Greene (Baltimore:

Еще в 1769 г. новгородский губернатор Сиверс самовольным решением вышел за рамки предусмотренного законом. С целью найти своей обширной губернии опору под провинциальными канцеляриями, он поручил выборным "комиссарам" из рядов местного дворянства функцию надзора в уездах и обязал помещиков добывать средства на жалование для этих выборных чиновников. В 1771 г., во время большой эпидемии чумы, должность комиссара была учреждена и в Петербургской губернии.[60] Немногим позже присоединение белорусских воеводств показало, что изжившая себя система учреждений России была не пригодна для управления доставшимися ей польскими территориями. Правительство поняло, что оно вынуждено как бы предвосхитить некоторые элементы предстоящей административной реформы на чужих территориях.[61] Важнейшие функции главы уезда в России были вложены в 1773 г. в институт уездного комиссара, земского исправника с 1775 г. Конечно, этот комиссар – иначе, чем потом исправник, – не был выборным из местного дворянства, а только чиновником на регулярной государственной службе. При трансформации польской судебной практики рекомендовалось следовать принципу разделения властей, который Екатерина хотела положить в основу здания власти своей империи. Примененная в земских судах Белоруссии форма институционального обособления исполнительной и судебной власти тут же показала, что "посредническая власть" губернатора заново связывала разъединенные было инстанции. Императрица не собиралась отделить гражданское судопроизводство от государства и передать его в компетенцию самоуправления дворянского сословия. Власть комиссаров в Белоруссии, как позднее и полицейская власть исправника, впитала в себя судебные полномочия. Более того, выборные польские судьи, которые до того исполняли почетные сословные должности, превратились в получающих жалование государственных чиновников, помещенных в "Табель о рангах." Так и здесь теперь соблюдение сословных интересов было связано с выполнением государственных обязанностей. Приспособление польских корпораций к правилам русских дворянских собраний брало начало в том же образе мыслей. От государства, не от сословия, брала свое начало служба выборных подданных.

*

Сущность взглядов императрицы на реформы проступает повсюду в тексте *Учреждений о губерниях* 7 ноября 1775 г.[62] И советский историк М. П. Павлова-

Johns Hopkins Press, 1970), 161–202. О состоянии советских исследований ср.: А. П. Пронштейн, А. А. Пушкаренко, "Крестьянская война в России в 1773-1775 гг.: итоги и перспективы исследования," *Вопросы истории* 8 (1971): 71–81. (A. P. Pronshtein, A. A. Pushkarenko, "Krest'ianskaia voina v Rossii v 1773–1775 gg.: itogi i perspektivy issledovaniia," *Voprosy istorii* 8 (1971): 71–81); П. Г., Рындзюнский, М. А. Рахматуллин, "Некоторые итоги изучения крестьянской войны в России 1773–1775 гг.," *История СССР* 2 (1972): 71–88. (P. G. Ryndziunskii, M. A. Rakhmatulin, "Nekotorye itogi izucheniia krest'ianskoi voiny v Rossii 1773–1775 gg.," *Istoriia SSSR* 2 (1972): 71–88).

[60] Павлова-Сильванская, "Социальная сущность областной реформы Екатерины II," 473. (Pavlova-Sil'vanskaia, "Sotsial'naia sushchnost' oblastnoi reformy Ekateriny II," 473).

[61] Unno Ludvig Lehtonen, *Die polnischen Provinzen Rußlands unter Katharina II. in den Jahren 1772–1782: Versuch einer Darstellung der anfänglichen Beziehungen der russischen Regierung zu ihren polnischen Untertanen*. Aus dem finnischen Original übersetzt von Gustav Schmidt (Berlin: Georg Reimer, 1907), 273 и далее.

[62] *ПСЗ РИ*, т. 20, № 14392. (*PSZ RI,* t. 20, no. 14392).

Сильванская, благодаря которой были изучены прежде неизвестные документы, не смогла по скудным в целом источникам доказать, что Екатерина или ее советники прислушались к требованиям дворян.[63] В докладных записках и рапортах высших чиновников времен пугачевского бунта речь идет о провинциальном дворянстве исключительно потому, что только оно рассматривалось как социальный материал для вывода расшатанной местной администрации из состояния агонии и разрушения. Ничто не свидетельствует о том, что дворянские собрания, выборы или решения "корпораций" должны были иметь какое-либо еще значение, кроме предоставления государству чиновников на нижние должности, ответственности за спокойствие и порядок в провинции, отправления в казну налогов и поставки рекрут. При этом, несомненно, императрица могла исходить из того, что дворяне-помещики разделяли высочайшее желание оздоровить положение дел в провинции. Частные интересы дворян состояли "в спокойствии и сохранении империи"; безопасность дворянства в обширной крестьянской стране опиралась лишь на авторитет государства. Смутные годы восстания обострили, должно быть, это понимание. Однако сделать на этой основе вывод о "союзе" между самодержавием и дворянством означало бы исказить исторические обстоятельства. Разумеется, Екатерина не могла править не принимая во внимание дворянство – это подточило бы фундамент ее государства, но этот класс подданных не был готов к сотрудничеству; эмансипация, которая сделала бы его достойным такого союза, не состоялась: этому противостоял крепостнический порядок. То, что было базисом социальных привилегий дворянства, оказалось одновременно самым крепким связующим средством для предотвращения его "освобождения." Нельзя себе представить отделенное от государства русское дворянство. Поэтому императрица никогда и не видела необходимости определять государство как установление для защиты дворянского сословия. Она считала само собой разумеющимся, что подданный благородного происхождения, руководствуясь своим нравственным долгом, предоставлял себя в распоряжение монархини, отечества и всеобщего блага повсеместно, для любой цели. Здесь еще раз видно, что заимствованная из более ранней европейской истории понятийная пара "государство *и* общество" может быть перенесена в исторические условия России только с большими оговорками.

Когда стал вопрос о губернских учреждениях, Екатерина снова, как и за несколько лет до того, при рецепции Монтескье, переписала по-русски иностранные образцы. В отличие от ландратов лифляндского надворного суда, дворянские суды, установленные в 1775 г., не могли защищать интересы дворянского сословия перед государственной администрацией. Их роль как "*custodes privilegiorum nobilitatis*" была ограничена; власть губернатора была гарантией того, что дворянские верхний земский и уездный суды не столкнутся с государственными интересами.[64] Также и английские модели, найденные

[63] Павлова-Сильванская, "Социальная сущность областной реформы Екатерины II," 460–491. (Pavlova-Sil'vanskaia, "Sotsial'naia sushchnost' oblastnoi reformy Ekateriny II," 460–491).

[64] Ср.: John P. LeDonne, "The Judicial Reform of 1775 in Russia," *JGO* 21 (1973): 29–45. – О роли губернаторов: И. Блинов, *Губернаторы. Историко-юридический очерк* (Санкт-Петербург: Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905). (I. Blinov, *Gubernatory. Istoriko-iuridicheskii ocherk* (St. Petersburg: Tipo-lit. K.L. Pentkovskogo, 1905)).

Екатериной в *Энциклопедии* Дидро и *Комментариях* [*на английские законы*]" Блэкстона, возможно было заимствовать только в сильно искаженной форме. Рекомендовавший подчинить административную власть судебной московский профессор С. Е. Десницкий не обрел в России воплощения своей схемы, созданной под влиянием английских правовых норм и опыта.[65] Хотя укомплектованные выборными заседателями от дворянства, городских жителей и государственных крестьян "совестные суды" *Учреждений о губерниях* восходили именно к этим импульсам, оказалось, что желание Екатерины предложить "руку помощи" "всеобщему человеколюбию" также и в судебных делах не пошло слишком далеко. Монархиня сопротивлялась искушению придать совестному суду в столице институциональный фундамент на английский манер, превратить его в "Высший совестный суд," который мог бы соперничать с правительством в обеспечении "благосостояния подданных" и справедливости. Сенат как "*dépôt des lois*" и высшая апелляционная инстанция не смог стать заменой тому, что так и осталось невоплощенным. Генерал-прокурор в эти годы превратился в главу внутренней администрации империи, в министра внутренних дел и полиции, полнота власти которого не оставляла никакой возможности для независимого судопроизводства. Перенесение реформой делопроизводственного процесса некоторых коллегий из центра в казенные и судебные палаты губерний было новшеством, но в пользу не "безопасности граждан," а должностной власти губернатора, и являлось перераспределением бюрократических функций, а не децентрализацией власти. И конечно, место, указанное новому земскому исправнику, во главе нижнего земского суда, не оставляло пространства для "*self-government*" дворянства в провинции. Этот избираемый уездным дворянством человек, чиновник IX класса, был подчинен губернскому правлению. Его особенность, состоявшая в "службе по выборам," отличалась от карьеры, "службы по назначению," только способом определения на должность и ограниченным временем службы, а не условиями какого-либо формулируемого задания или другими обязанностями, за которые этот выборный полицмейстер и судья отвечал бы перед своей корпорацией.

Новый вид службы – по выбору, – который впредь притягивал частных лиц благородного происхождения на места исправников, за столы нижних судов и в бесчисленные плохо оплачиваемые должности, был с самого начала неразрывно сплавлен с иерархией государственной администрации, полностью подчиняясь вышестоящим учреждениям. Право на существование дворянских обществ покоилось ни на чем ином, но лишь на обязанности обеспечивать новому порядку

[65] "Представление об учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи," *Записки Академии наук по ист.-фил. отд.* Серия 8, т. 7 (1905), № 4. ("Predstavlenie ob uchrezhdenii zakonodatel'noi, suditel'noi i nakazatel'noi vlasti v Rossiiskoi imperii," *Zapiski Akademii nauk po ist.-fil. Otd.* Seriia 8б t. 7 (1905), no. 4). См. об этом: Григорьев, *Реформа местного управления при Екатерине II.*, 174–81. (Grigor'ev, *Reforma mestnogo upravleniia pri Ekaterine II*, 174–181); Готье, *История областного управления,* т. 2, 209 и далее. (Got'e, *Istoriia oblastnogo upravleniia v Rossii*, t. 2, 209 et seq.). – С. Е. Десницкий был автором первого русского перевода *Commentaries on the Laws of England*: У. Блакстон, *Истолкования аглинских законов г. Блакстона, переведенные по высочайшему повелению великой законодательницы всероссийской.* Кн. 1–3 (Москва: Унив. тип., у Н. Новикова, 1780–1782). (U. Blakston, *Istolkovaniia aglinskikh zakonov g. Blakstona, perevedennye po vysochaishemu poveleniiu velikoi zakodnodatel'nitsy vserossiiskoi*. Kn. 1–3 (Moscow: Univ. tip., u N. Novikova, 1780–1782)).

управления адекватную систему рекрутирования чиновников путем периодических выборов. "Самоуправление" дворянского общества вряд ли могло основываться на дворянской опеке или на сотрудничестве с приказом общественного призрения. Также и дворянский предводитель, единственный сословный представитель дворянского уездного общества, все больше и больше встраивался в установленную государством пирамиду субординации. Круг задач, исполнять которые должны были предводители в рамках местного управления, превратил эту почетную сословную должность в институт, транслирующий губернаторскую власть. В обязанности предводителей дворянства входило приведение в согласие требований властей и местных возможностей. Возникает вопрос, могла ли вообще эта колеблющаяся фигура, находившаяся в переходной зоне между государством и "обществом," содействовать дворянскому корпусу в превращении в самостоятельную силу. Однако независимо от этого, новая система местных должностей и судебных учреждений, с которой провинциальное дворянство было теперь скреплено, в немалой степени повлияла на дальнейшее развитие его социального устройства: для высшей власти существование местного управления и хотя бы минимальная способность к функционированию дворянских собраний стали необходимостью. Признав это через десять лет, 21 апреля 1785 г. Екатерина надолго закрепила дворянские общества в правовой форме, вытекавшей из государственных интересов.

Сделаю лишь несколько замечаний об учреждениях, предназначавшихся городам губернским законодательством 1775 г.[66] Предусматривалось, что разносторонность скрепления дворянства с местным управлением и здесь должна была найти формальное соответствие. В посадах учреждались ратуши, в более крупных городах – магистраты из выборных бургомистров и ратманов. В лице губернского магистрата эти судебные учреждения, подобные верхнему земскому суду у дворян, получили апелляционную инстанцию в столице губернии. Привычная юрисдикция словесных судов с выборными старостами была сохранена; к ним прибавились еще городские сиротские суды. Выборы происходили согласно "Обряду" 1766 г.; купечество и мещанство Екатерина объединила понятием "общество градское." О неподвижности этого искусственного образования заботился городничий; он представлял собой квинтэссенцию всей конструкции: созданный по образцу земского исправника, наделенный исполнительными и полицейскими полномочиями, он являлся не продуктом городских выборов, но дворянским чиновником на регулярной службе. То есть власть над городом была отдана не "гражданину," а благородному. Он имел полицейские полномочия над жителями города и должен был держать его общество в послушании. *Устав благочиния* 8 апреля 1782 г. укрепил эту власть.[67] Таким образом, гарантий длительной включенности города как административной и фискальной категории в государство было достаточно. Никакого процесса созревания "гражданской" самостоятельности нельзя было и представить.

---

[66] Мы не можем здесь подробно останавливаться на фарсе, устроенном из "расправ" для государственных крестьян. Ср.: М. П. Павлова-Сильванская, "Создание в 1775 году сословных судов для крестьян," *Вестник МГУ. Серия 9, история* 3 (1963): 69–73. (M. P. Pavlova-Sil'vanskaia, "Sozdanie v 1775 godu soslovnykh sudov dlia krest'ian," *Vestnik MGU. Seriia 9, istoriia* 3 (1963): 69–73).

[67] *ПСЗ РИ*, т. 21, № 15447. (*PSZ RI*, t. 21, no. 15447).

Сложные учреждения, установленные в городах екатерининской *Жалованной грамотой* через десять лет после губернской реформы,[68] не должны были привести к эмансипации гражданского общества. Ни выборным общей думы, ни ее коммунальному органу – шестигласной думе – не было дано сплавить расписанное на шесть разрядов обывательской книги население в сословно устроенное гражданство. Городской голова, который руководил этим эфемерным образованием, не в состоянии был противостоять городничему. Даже преимущества, предоставленные состоятельному гильдейскому купечеству на основании избирательного ценза, не привели к расцвету городской экономики. В *Ремесленном положении* проявился тип мышления полицейского государства, не оставлявшего городу пространства для свободного движения. Новые общественные институты должны были нести обязанности и распределять повинности, но они не имели власти, чтобы защитить себя от назойливости государственных властей. Размышления над этим ограничительным законодательством приводят к выводу, что судьбы русских городов зависели от условий, находившихся за пределами городских ворот.

*

Это снова возвращает нас к дворянству. Немногое говорит в пользу того, что большинство дворян стремилось к независимости своего сословия от государства. Самодержавие и не готовило никогда ему такой судьбы. То, что позволяло дворянству жить в золотом веке, оказалось золотой клеткой со множеством замков. "Личные преимущества" дворянина, которыми Екатерина милостиво одарила благородное сословие по *Жалованной грамоте* 1785 г., представляются, наверное, самыми прочными засовами.[69] Здесь императрица следовала составленному еще в 1768 г. проекту [дворянских] привилегий, кодифицировав гарантии, накопленные за это время. Высочайшими распоряжениями были отменены все государственные регалии на помещичьи деревни и имущество, и право распоряжения помещиков своей собственностью, как земельной, так и человеческой, стало полным.[70] Гражданские же преимущества – свобода экономической деятельности и личная безопасность, которые помещик мог считать теперь личной собственностью в значении, придававшемся им римским правом, – как и прежде, оберегали фундаментальные цели государства. В частном бытии, в собственности и владении дворянина содержался государственный интерес; фискальный и полицейский институт крепостного права проникал в сферу дворянского частного права. Именно этот двойственный характер дворянской свободы избавил государство от необходимости внедрять собственные ведомства в помещичьи деревни. Статус частной обособленности помещичьего дворянства работал по аналогии с

[68] *ПСЗ РИ*, т. 22, № 16188. (*PSZ RI*, t. 22, no. 16188). См. об этом: А. А. Кизеветтер, *Городовое положение Екатерины II 1785 года* (Москва: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1909). (A. A. Kizevetter, *Gorodovoe polozhenie Ekateriny II 1785 goda* (Moscow: Tip. Imp. Mosk. un-ta, 1909)).

[69] *ПСЗ РИ*, т. 22, № 16187. (*PSZ* RI, t. 22, no. 16187). См. об этом: Корф, *Дворянство и его сословное управление,* 136 и далее. (Korf, *Dvorianstvo i ego soslovnoe upravlenie*, 136 et seq.).

[70] В исследовании русского помещичьего хозяйства конца XVIII в. новые основы были положены следующей работой: Michael Confino, *Domaines et seigneurs en Russie vers la fin de XVIII*^{e} *siècle. Etude de structure agraires et des mentalités économiques* (Paris: Inst. d'études slaves, 1963).

общественно-правовым институтом, обеспечивая подчинение крепостного населения государственным нуждам. Через помещиков, в которых соединились частные интересы и функции в "общественной сфере," рука государства достигала до крестьянских изб. Это было смыслом дворянских привилегий. Если власть помещиков в условиях крепостного порядка потому оставалась незаменимой для государства, что дворянство выполняло в деревне полицейские функции, то это сословие представляло собой немалый потенциал и для низших должностей и судов. Сцеплению провинциального дворянства с губернскими учреждениями не сопутствовала мысль о том, что государственные учреждения на локальном уровне должны быть основаны на дворянском сословии как "*constituted body*." Укрепляя крепостное право и проводя реформу 1775 г., самодержавие признавало, что оно не в состоянии заместить корпус дворян-помещиков корпусом чиновников, обязанных только государству.

Жалованная грамота 1785 г. стремилась компенсировать этот дефицит дополнительными мерами: ее корпоративные установления были направлены на то, чтобы придать единую законодательную форму дворянскому "обществу" как средству производства государственных слуг для провинции. Теперь это общество, прежде ограниченное уездами, было распространено на вновь учрежденные губернии, равные примерно по величине прежним провинциям. Соответственно, уездные дворянские собрания объединялись в собрания губернского дворянства. Корпоративные институты были перенесены в места пребывания губернских правлений. Там "общество" имело право владеть домом, содержать архив и иметь собственную печать; текущими делами занимался секретарь на жаловании. Губернатор имел право утверждать предводителя дворянства из двух предложенных кандидатов и созывал дворянскую корпорацию губернии раз в три года в зимнее время для выборов. Дворянин вынужден был изыскивать в своем хозяйстве не менее 100 рублей дохода в год, если он хотел не только присутствовать на собраниях, но и голосовать. Те, кому было менее 25 лет, кто никогда не состоял на службе, или служил, но не получил обер-офицерского чина, не имел избирательного права. Итак, полностью сословные права можно было получить только на службе, только офицерские эполеты делали дворянина "совершеннолетним" гражданином дворянского общества. Значение личных заслуг все еще было выше тех достоинств благородного происхождения, которые передавались по наследству. Имения и собственность же не были определяющими для корпоративного достоинства. Низкий имущественный ценз подчеркивал, что монархиня брала в расчет и бедное дворянство. В преамбуле к *Жалованной грамоте* звучала хвалебная песнь о заслугах благородного сословия на протяжении блестящей восьмисотлетней истории империи; но это "похвальное слово" не скрывало высочайшего мнения, что наследственное достоинство должно будет и впредь в каждом случае заново выдерживать испытание на преданность государству.

По сравнению с государственными обязанностями, которые должно было нести "общество," рамки для развития сословной деятельности были очень ограничены. Наряду с деятельностью по выборам предводителей дворянства, в качестве постоянных областей самостоятельной деятельности этой корпорации отводились забота о дворянских вдовах и сиротах и ведение родословных книг, причем последнее было вспомогательной службой для Герольдии в Петербурге и

архивов губернских правлений. Кроме того, дворянским собраниям было позволено представлять генерал-губернатору или губернатору о своих общих нуждах и требованиях. "Представления и жалобы" было разрешено передавать – "на законном основании" – также в Сенат и императрице посредством депутатов. Сомнительно, что такие неопределенные обещания воплощались на практике. Важнейшее назначение "общества" все же состояло в предписанных выборах на местные должности: десяти заседателей для дворянского верхнего земского суда, двух для совестного суда, земского исправника и уездного судьи и еще по двум дворянским заседателям в каждом уезде, кроме того, маршалов и хранителей дворянских книг, – целый набор местных должностей открывался для членов общества, а губернатор был обязан не отказывать в утверждении в должности выбранных лиц, если за ними не было известно "явного порока."

Ввиду такого количества должностей странно, что эксперименту Екатерины по укреплению государства посредством организации сословных обществ не сопутствовал ощутимый успех. Несмотря на новые учреждения, старые привычные беды управления и суда продолжали жить еще годы. Делопроизводство, как и прежде, накрепко замораживалось по усмотрению нижних чиновников или дремало в самотеке взяточничества – одного из немногих подвижных элементов этой "государственной машины." Усиление повсюду бюрократического формализма сделало очевидным лишь новый аспект того непредсказуемого, произвольного правления, которое было свойственно уже прежним учреждениям времен воеводского устройства. Применяя масштабы Пруссии Фридриха II или Австрии Иосифа II, нельзя сказать, что российский государственный абсолютизм совершенствовался во время долгого правления Екатерины. Хотя новый способ рекрутирования мобилизовывал, как правило, необходимое число выборных государственных служащих, этот метод был все же сомнительной заменой такого инструментария, как чиновничество, доступного в других странах абсолютистской государственной власти.

В научной исторической литературе царит согласие в том, что помещикам, жившим обособленной частной жизнью, службы по выбору, корпоративные учреждения вообще, давали минимальный стимул участвовать в них. Было широко распространено недовольство новыми притязаниями. С этим совпадало еще многое. Постоянное отсутствие прежде всего состоятельных господ, избегавших "общества" и проводивших "сезон" в столицах, где их никто не принуждал сидеть за одним столом с людьми низших рангов, действовало парализующе. Сознание принадлежности к благородному сословию коренилось не в принадлежности к местному дворянскому корпусу, а в ранге и состоянии, в близости ко двору и его "сферам."[71] В имениях бывали наездами, но в них не жили. "Оседлость" в провинции была знаком плохого жизненного вкуса, скудных средств, прерванных карьер. Однако и собственно провинциальное дворянство вело себя безучастно. Эти явления вряд ли можно назвать разочарованием,

[71] О том, что были исключения, связанные с ориентацией на более ранний европейский идеал дворянства, свидетельствует позиция князя М. М. Щербатова; см.: *Сочинения князя М. М. Щербатова* т. 1–2 (Санкт-Петербург: Изд. кн. Б. С. Щербатова, 1896-1898); М. М. Щербатов, *Неизданные сочинения* (Москва: Соцэкгиз, 1935). (*Sochineniia kniazia M. M. Shcherbatova* t. 1–2 (St. Petersburg: Izd. Kn. B. S. Shcherbatova, 1896-1898); M. M. Shcherbatov, *Neizdannye sochineniia* (Moscow: Sotsekgiz, 1935)). Ср. также: Georg Sacke, "Fürst M. Ščerbatov und seine Schriften," *Zeitschrift für Slavische Philologie* 16 (1939): 353–361.

поскольку последнее подразумевает ожидания, а их, вероятно, даже и не возникало. В большинстве случаев только бедные, рассчитывающие на дополнительный доход дворяне, проявляли интерес к выборным должностям. Чувство всеобщего равнодушия отступало разве только во время баллов и приемов, которые устраивал для "обществ" предводитель дворянства во время выборов. Тот факт, что и в будущем корпоративная энергия не перетекла к государству, следует объяснять не только значительной властью губернатора. Большое значение имело то обстоятельство, что должности, предлагавшиеся дворянам, занимали очень низкую позицию в Табели о рангах. Так, земский исправник получал ранг, который вряд ли привлек бы наследного дворянина на регулярной службе. Будучи главой всего уезда, он состоял в ранге ниже городничего,[72] в то время как город был местом пребывания его ведомства; все чиновники губернского правления, включая асессоров, имели преимущество перед ним. За исключением предводителя дворянства, бывшего по рангу ниже, чем губернатор, представители провинциального дворянства не в состоянии были утвердиться в переплетении превосходящих их должностей и рангов. Дворянин формировал свою идентичность не на местной службе по выбору, не в кругу местного общества, а как и прежде – делая карьеру офицера. Все, кто был пригоден и имел сносное образование, стремились – по крайней мере, в молодые годы и хотя бы на какое-то время – прочь из провинции, туда, где с помощью таланта и фортуны мог бы открыться "большой мир."[73]

*

Было бы заблуждением отрицать, что основанная Екатериной система связей между дворянским обществом и государственным управлением несмотря на ее недостатки (и благодаря им) была непривычно крепко выстроена. До середины следующего века и дальше Российская империя основывалась на этом фундаменте, но сама структура не способствовала ее движению вперед. Хотя связь местных властей с помещичьей крепостной экономикой и ее организацией в провинции препятствовала возникновению дуализма между государством и "обществом," тому, чтобы дворянство отвернулось от государства и его институтов, она все же привела к тому, что абсолютизм надолго загородил себе путь к модернизации социальных отношений. Стало еще труднее, чем прежде, освободить государство от привилегий и интересов класса дворянских подданных. Наследие Екатерины позволило строить государство только в одном направлении: через дальнейшее согласование государственных и помещичьих интересов, но не через революционную силу корпуса профессиональных чиновников новой эпохи, который мог бы объединить сословия государства в

[72] Согласно *Учреждениям о губерниях* 1775 г., губернатор должен был иметь ранг не ниже 4 класса (ст. 47), а дворянский предводитель – не ниже 7 класса (ст. 50); городничий – не ниже 8 класса (ст. 51), а земский исправник – не ниже 9 (ст. 52) (прим. перев.).

[73] Рост самосознания дворян на государственной службе показал Марк Раев в своей богатой мыслями статье: Marc Raeff, "Staatsdienst, Außenpolitik und Ideologien. Die Rolle der Institutionen in der geistigen Entwicklung des russischen Adels im 18. Jahrhundert," *JGO* 7 (1959): 147181, зд. 155 и далее. По проблеме государственной службы в целом см. новую добротную работу: Hans-Joachim Torke, "Das russische Beamtentum in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 13 (1967): 7–345.

национальное гражданское общество. Дальнейшее существование крепостничества, означавшее одновременно неэффективность провинциальной администрации, было основополагающим для этой системы. Из этого сцепления становится понятной слабость развития, отсутствие у абсолютистского государства способности к регенерации. В последовавшие неспокойные десятилетия Россия, казалось, потеряла способность к движению, стоя на фундаменте, зацементированном в 1775 и 1785 гг. Результатом правления Екатерины стала в дальнейшем обусловленность всякой реформы государственного управления коренной реформой социального устройства, и наоборот: для каждой значительной социальной реформы требовалась впредь одновременная перестройка государственной системы управления. С неизбежностью это вело к тому, что все попытки справиться с внутренними недостатками через вмешательство сверху неизбежно оборачивались против дворянства.

Еще уходивший XVIII век, противопоставивший Россию европейской революционной эпохе, со своей диалектикой общественного устройства и государственной власти, показал необходимость более глубоких реформ и передал это сознание последующим поколениям. В этом аспекте заново должно быть оценено правление Павла I. Тот, кто смотрит на планы реформ и усилия времен Александра I и Николая I, понимает, сколько зависело тогда от высвобождения государственной власти в провинции из скрепления с дворянским землевладением и разрешения государства от господствовавшего бремени крепостничества. Это, однако, могло удаться только тогда, когда отношения крестьян и помещиков стало возможным сформулировать как договорные и частноправовые, поднять крепостное население до состояния правоспособного класса подданных, поставить полицейскую и судебную власть в сельской местности в зависимость не от собственности, а от государственных интересов. Впрочем, и тогда остался открытым вопрос, кому следует занять место провинциального дворянства: профессиональному, свободному от дворянских потребностей чиновничьему корпусу (который в России начал постепенно появляться только в министерствах времен Александра I) или гражданам государства, преодолевающим узкие рамки социального устройства, новому обществу, которое было бы готово перейти сословные границы и найти соответствие между государственной сферой и самоуправлением. Вплоть до Крымской войны, времени глубокого политического перелома на Западе и скорых социальных изменений, происходивших также и в России, самодержавие не пошло на этот большой шаг, сделать который оно было призвано как никто другой. Препятствование “революции сверху,” которая неизбежно изменила бы государство и общество, имело свою причину. Когда при Александре II пришло ее время, стало очевидным, что проблема сжалась всего до одного фатального утверждения: в своем стремлении выжить старый порядок был вынужден отказаться от предпосылок собственного существования.

Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 225-240

Что нового рассказал “Мисопогон” о взаимоотношениях Петра I и его подданных?

Евгений Н. Трефилов
Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики”

What New Things Does *Misopogon* Reveal about the Relations between Peter I and his Subjects?

Evgenii N. Trefilov
Higher School of Economics University
etrefilov@hse.ru

Рецензия на книгу *Е. В. Акельев*, Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов “московитов.” Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с. *ISBN*: 978-5-4448-1928-9.

Review of *E. V. Akel’ev*, Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desiat’ millionov “moskovitov,” Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 624 p. *ISBN*: 978-5-4448-1928-9.

Мой отклик на книгу Е. В. Акельева, видимо, вряд ли можно назвать полноценной рецензией, поскольку я хотел бы рассмотреть лишь те части монографии, в которых обсуждается тема, очень волнующая меня самого, а именно проблема взаимоотношения Петра I и его подданных. Но заметим, что об этой проблематике вполне можно говорить в отрыве от других разнообразных сюжетов, затронутых в книге, поскольку она является магистральной для самого автора, о чем он и сам сообщает во введении, и на это указывает даже и само название книги. Сразу следует пояснить, что “Мисопогон” с древнегреческого переводится как “Ненавистник бороды”: так византийский император Юлиан назвал сатиру 363 г., направленную против жителей Антиохии, смеявшихся над его бородой (с. 10-11). “Спустя века, — пишет Акельев, — ‘Мисопогон’ (если под этим названием понимать конфликт властителя и его подданных по поводу брадоношения) повторился, но в совершенно ином историческом контексте и как бы наоборот.” Теперь уже сам верховный правитель (русский царь Петр I) на протяжении всего своего царствования борется с брадоношением и преследует бородачей (с. 11-12).

“Русский Мисопогон” — так назвал Акельев историю, связанную с преследованием Петром I бороды в своем государстве, — никогда прежде не становился предметом специального и всестороннего изучения. По мнению автора, связано это с тем, что “вся эта история с брадобритием при Петре сегодня кажется неким историческим анекдотом, вряд ли достойным серьезного научного изучения.” В подтверждение своей мысли исследователь ссылается не только на

опубликованные работы, но и на свои личные беседы с коллегами, а также опыт взаимодействия с редакторами специальных журналов. Однако, как справедливо замечает историк, "то, что представляется малозначительным для нас, не являлось таковым для Петра I и его современников." В противном случае изменение внешнего облика подданных не занимало бы такого важного места в политике царя-преобразователя, а противники брадобрития не шли бы на риск, а то и на смерть "ради того, чтобы отстоять свое право на брадоношение или хотя бы получить возможность убедить царя в его неправоте." Таким образом, по мысли исследователя, данная тема имеет исключительный потенциал, с одной стороны, для выявления инакости людей конца XVII — первой четверти XVIII в. (уделявших так много внимания столь малозначительным для современных людей вещам), а с другой стороны, — "для изучения природы власти в петровской России."

По мысли Е. В. Акельева, "Русский Мисопогон" открывает для изучения проблемы взаимоотношений власти и общества в петровской России совершенно уникальные перспективы. Действительно, эта странная и на первый взгляд анекдотическая инициатива Петра I "затрагивала подавляющее большинство политически и экономически активного мужского населения, а значит, обеспечивает для исследователя максимально широкий социальный и географический охват." Кроме того, она, как никакая другая, "пронизывала каждого отдельного индивидуума насквозь, в одинаковой степени как вторгаясь в сферу частной и бытовой жизни, так и затрагивая глубоко укоренившиеся эстетические, гендерные, этнические и даже, не в последнюю очередь, религиозные представления." Следовательно, "насыщенное" изучение и описание "Русского Мисопогона" дает возможность (по мысли автора), с одной стороны, увидеть, "какими реальными ресурсами для проведения в жизнь своих многочисленных и претенциозных инициатив обладал царь и его агенты," а с другой стороны, попытаться оценить "каким объемом автономии по отношению к власти обладали российские подданные в различных социальных и географических пространствах Московского царства" (с. 16-18).

Реализуя эту перспективу, Е. В. Акельев старается, с одной стороны, исследовать влияние политики царя-преобразователя на настроения и поведение подданных, а с другой стороны, стремится понять, как сами эти настроения влияли на Петра I. Таким образом, читатель имеет возможность проследить на страницах этой книги своего рода диалог между царем и подданными (преимущественно из социальных низов). Едва ли кто-то усомниться в том, что изучать этот диалог крайне необходимо: не выяснив, как население (или какая-то его значительная часть) реагирует на инициативы власти, и также не проанализировав, как власти реагируют на настроения жителей страны, невозможно понять, как функционирует государство вообще (и петровская Россия в частности). Полагаю, что данная проблематика настолько важна и интересна сама по себе, что ее правомерно рассматривать в отрыве от других сюжетов книги. В дальнейшем мы и сосредоточимся исключительно на этом диалоге, оставив за рамками нашего рассмотрения анализ богословских споров вокруг брадобрития в книжной среде и другие важнейшие аспекты книги.

Что же нового дает исследование Е. В. Акельева для понимания взаимоотношений власти и общества в петровской России?

В историографии доминирует точка зрения, согласно которой брадобритие и прочие культурные новшества не были приняты значительной частью населения страны. Прежде всего речь идет о простонародье. Эти новшества и стали одной из причин крайне неприязненного отношения в народе к Петру I, выразившегося в различных легендах, например, в легенде о подменном царе, также как в многочисленных примерах грубой брани в материалах политических процессов.[1] Правда, по мнению некоторых историков, отдельные представители социальных низов, а то и значительные группы простонародья сохраняли лояльность по отношению к Петру, что зачастую не мешало им весьма враждебно относиться к вводимым монархом новшествам.[2] Е. В. Акельев, основываясь главным образом на делах Преображенского приказа, убедительно показал, что отношение к брадобритию, да и к самому царю было еще более сложным (см.: с. 230-238, 248-344). Описывая реакцию "московитов" на брадобритие, он подчеркивает, что подданных Петра I не следует делить на два противоположных лагеря (сторонников и противников брадобрития), "разделенных невидимой линией фронта." Историк пишет: "если попытаться на основе дел Преображенского приказа и других источников выявить весь спектр настроений 'московитов' по поводу стремительно распространяющегося брадобрития, окажется, что палитра возможных стратегий поведения была чрезвычайно богатой." Люди могли просто "не бриться и не обращать никакого внимания на слухи и на появление множества безбородых лиц," а могли обращаться за советом к духовенству или даже участвовать в спорах по поводу брадобрития. Находились и такие, которые стремились тем или иным способом воздействовать на монарха с тем, чтобы тот отменил указ о брадобритии.

---

[1] С. М. Соловьев, "История России с древнейших времен," в С. М. Соловьев, *Сочинения: В 18 книгах*, кн. VIII, т. 15–16 (Москва: Мысль, 1993), 87, 95-101, 103-117, 118-119. (S. M. Solov'ev, "Istoriia Rossii s drevneishikh vremen", in S. M. Solov'ev, *Sochineniia: V 18 knigakh*, kn. VIII, t. 15-16 (Moscow: Mysl', 1993), 87, 95-101, 103-117, 118-119); В. О. Ключевский, "Курс русской истории," в В. О. Ключевский, *Сочинения: В 9 томах*, т. 4 (Москва: Мысль, 1989), 207-215. (V. O. Kliuchevskii, "Kurs russkoi istorii," in V. O. Kliuchevskii, *Sochineniia: V 9 tomakh*, t. 4 (Moscow: Mysl', 1989), 207-215); Е. Ф. Шмурло, *Петр Великий в оценках современников и потомства*, вып. 1 (Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1912), 3-7, 13-28, 31. (E. F. Shmurlo, *Petr Velikii v otsenkakh sovremennikov i potomstva*, vyp. 1 (St. Petersburg: Senatskaia tipografiia, 1912), 3-7, 13-28, 31); Е. В. Анисимов, *Время Петровских реформ* (Ленинград: Лениздат, 1989), 44-45, 338, 355-356. (E. V. Anisimov, *Vremia Petrovskikh reform* (Leningrad: Lenizdat, 1989), 44-45, 338, 355-356).

[2] См., например: О. Г. Усенко, "Политические настроения на Дону в 1697-1707 гг. и повод восстания К.А. Булавина," *Клио: Межвузовский журнал для ученых* 1 (1997): 149-158. (O. G. Usenko, "Politicheskie nastroeniia na Donu v 1697-1707 gg. i povod vosstaniia K. A. Bulavina," *Klio: Mezhvuzovskii zhurnal dlia uchenykh* 1 (1997): 149-158); E. N. Trefilov, "Proof of Sincere Love for the Tsar: Popular Monarchism in the Age of Peter the Great," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 18:3 (2017): 461-485; Н. Ю. Болотина, "Народная молва о Петре Великом (по материалам Преображенского приказа и Тайной канцелярии)," в *Образ Петра Великого в мировой культуре: материалы XII Международного петровского конгресса* (Санкт-Петербург: Европейский дом, 2020), 70. (N. Iu. Bolotina, "Narodnaia molva o Petre Velikom (po materialam Preobrazhenskogo prikaza i Tainoi kantseliarii)," in *Obraz Petra Velikogo v mirovoi kul'ture: materialy XII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa* (St. Petersburg: Evropeiskii dom, 2020), 70).

Было и немало людей, "которые брились, следуя моде или в силу приближенности к государю," но считали это грехом и старались как-то загладить свою вину перед Богом. Но, наконец, были и такие, "кто спокойно брился, критически относясь к идее о том, что брадобритие может как-то повлиять на спасение души." При этом, по мнению Акельева, "столкновения указанных настроений и моделей поведения зачастую не зависели от социального статуса: они в равной степени прослеживались и в придворной среде, и церковной, и среди посадских людей, и в деревнях" (с. 337-338).

Важно обратить особенное внимание на следующее обстоятельство. Опровергая точку зрения о всеобщем недовольстве брадобритием и прочими новшествами в народе, Акельев нередко ссылается на те же источники, что и сторонники этой точки зрения. Однако если С. М. Соловьев и другие историки, обращаясь, например, к делу нижегородца Андрея Иванова, делают главный акцент на его обличительной речи в адрес царя, повелевшего брить бороды, курить табак и носить "немецкое платье,"[3] то Акельев обращает особенное внимание на проговорку Иванова о том, что "у них, в Нижнем, посацкие люди многие бороды бреют" (см.: с. 327-332, 343-344).[4] А поскольку нижегородец был арестован еще 22 декабря 1704 г., т.е. до публикации знаменитого указа о брадобритии 16 января 1705 г.,[5] то историк и заключает, что "многие посадские люди" Нижнего Новгорода брились совершенно добровольно (с. 331-332). По-новому взглянул Е. В. Акельев и на другое дело Преображенского приказа, часто цитируемое в историографии, в рамках которого в "непригожих речах" о государе в 1703 г. обвинялись дмитровский посадский человек Михаил Большаков и его жена Марья. Только если ранее историки цитировали лишь выпады Большаковых против Петра I и его указов о "немецком" платье,[6] Е. В. Акельев, стремясь "услышать все голоса," приводит также и заявление донесших на Большакова и его жену портных мастеров из монастырских крестьян Дмитровского уезда, которые выполняли заказы дмитровских посадских людей на изготовление нового "немецкого" платья. Оказывается, портные весьма высоко оценивали Петра I: "Ныне он, государь, ходит по службам сам и городы берет." Причем эти слова на следствии воспроизвели не сами крестьяне, а жена Большакова Марья, а потому вряд ли у нас есть основания усомниться в их достоверности (с. 332-333).

Комментируя слова портных, Акельев замечает: "Надо думать, большое количество заказов на шитье западноевропейского платья, которое у них появилось благодаря известным петровским указам, не могло не поддерживать их

[3] Соловьев, "История России с древнейших времен", 101 (Solov'ev, "Istoriia Rossii s drevneishikh vremen," 101); Ключевский, "Курс русской истории," 212 (Kliuchevskii, "Kurs russkoi istorii," 212); Анисимов, *Время Петровских реформ*, 355 (Anisimov, *Vremia Petrovskikh reform*, 355).

[4] Следственное дело А. Иванова было полностью опубликовано Е.В. Акельевым в документальном приложении к книге (см. с. 551-553).

[5] Аргументацию Е.В. Акельева в пользу того, что указ от 16 января 1705 г. был первым в череде указов о брадобритии (см.. с. 239-247).

[6] См., например: Соловьев, "История России с древнейших времен", 101 (Solov'ev, "Istoriia Rossii s drevneishikh vremen", 101); Н.Б. Голикова, *Политические процессы при Петре I* (Москва: Издательство Московского университета, 1957), 214-215 (N.B. Golikova, *Politicheskie protsessy pri Petre I* [Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1957], 214-215).

верноподданнический настрой." (с. 333) Однако упоминавшееся ранее дело Андрея Иванова и некоторые другие источники, привлеченные Акельевым, показывают, что поддержка петровских инициатив со стороны широких слоев населения далеко не всегда можно объяснить "шкурным" интересом (см. с. 230-238, 333-344). Из книги можно заключить, что на позицию простолюдинов могли влиять и поучения отдельных церковных иерархов, защищавших брадобритие (среди них Димитрий Ростовский), и распространявшаяся мода на гладко выбритое лицо, и даже предпочтения женского пола. Причем в стороне не оставались даже крестьяне! Как замечает Акельев, "крестьяне не были безликой косной массой. В спорах с более грамотными людьми — бывавшими в городах монастырскими слугами, постоянно общающимися с помещиками дворовыми людьми, приходившими на соседние ярмарки купцами и т.д. — они вполне могли соглашаться с их аргументацией, усваивать ее, менять свою позицию" (с. 341). В качестве подтверждения этого тезиса историк приводит запечатленный в одном из дел Преображенского приказа спор старых и молодых крестьян одной глухой деревни Юрьевец-Повольского уезда, в котором старики ругают петровские новшества, самого царя и тех, кто бреет бороды, прославляя прежних благочестивых государей; а молодые крестьяне, напротив, восхваляют Петра и одобряют его политику: "Не их де то дело, - говорили молодые, - [что царь "князей и бояр перебрил" и прочее]. Так де Бог изволил." Но поддержка брадобрития у этих мужиков связана не только с покорностью Богу и государю, а имеет и рациональные объяснения: "А волосы кто с себя хотя и спустит, что де то за диковинка! Чем де людем мереть, ин де волос на землю и упади." Молодые крестьяне, однако, принимают политику Петра I не просто как некую неизбежность, а как будто являются сторонниками царя-преобразователя: "Ево, государя, Бог одарил разумом: беспрестанно де он, государь, в работе и в печале, сам за нас служит. При прежних царех, как ходили на службу, люди мерли. А ныне при нем, государе, того нет" (с. 341-342).

Выше уже говорилось, что отнюдь не все ученые согласны с тем, что отношение к царю-преобразователю в народе было сплошь негативным. Но, согласно свидетельствам, которые эти ученые приводят, простолюдины любили Петра I не за его нововведения, а за то, что он, как и положено традиционному "хорошему царю," стоит на их стороне. Но при этом ранее, кажется, не были известны похвальные высказывания о Петре I со стороны его современников-простолюдинов.[7] Поэтому слова крестьян Юрьевец-Повольского уезда, вместе с приводившимся ранее заявлениями портных мастеров из монастырских крестьян Дмитровского уезда, представляются очень важным открытием. Вероятно, таких простолюдинов, которые

[7] Правда, в источниках, возникших уже в первые десятилетия после смерти царя-преобразователя, можно встретить похвальные отзывы (в том числе, очевидно, и от его современников) о "демократизме" Петра I. Например, в 1736 г. один ссыльный на Урале передавал разговоры о Петре I, которые, по словам ссыльного, велись в солдатской среде: царь "чины все произходил, также и потом стал все нужды знать." Цит по: И. В. Побережников, *Слухи в социальной истории: типология и функции (По материалам восточных регионов России XVIII-XIX вв.)* (Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995), 9. (I. V. Poberezhnikov, *Slukhi v sotsial'noi istorii: tipologiia i funktsii (Po materialam vostochnykh regionov Rossii XVIII-XIX vv.)* (Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 1995), 9).

пламенно поддерживали петровские новшества и предпочитали царя-преобразователя предыдущим монархам (вещь совершенно необычная для народного сознания!), было немного. Но, несомненно, теперь наши представления о народных настроениях петровского времени будут куда более сложными, чем раньше.

Е. В. Акельев очень осторожен и не делает никаких предположений относительно того, какая из выявленных им стратегий поведения по отношению к брадобритию преобладала среди мужского населения. Конечно, источники не позволяют нам привести какие-то статистические выкладки. Однако вряд ли приходится сомневаться в том, что значительную и весьма активную часть населения составляли все-таки противники брадобрития, раз с их настроениями приходилось считаться самому царю-преобразователю. Еще до выхода книги Акельева было известно, что в 1705-1706 гг. Петр I разрешил жителям Нижнего Поволжья не носить "немецкого платья" и не брить бород, а сибирякам повелел "носить платье руское или немецкое, и в том принуждения никакова не чинить." И если отмена указов о брадобритии и европейском платье для жителей Нижнего Поволжья явилась реакцией на Астраханский бунт 1705-1706 гг., то отменить указ о "немецком платье" для сибиряков царя побудила коллективная челобитная служилых людей из 19 сибирских городов, которой также предшествовали опасные для власти волнения.[8] Но Е. В. Акельеву удалось впервые обнаружить и опубликовать в книге не вошедший в *Полное собрание законов Российской империи* именной указ от 28 августа 1706 г., который повелевал "крестьян з бородами в грацких воротех пропускать и пошлин с них не имать."[9] Этим указом Петр I, по сути, отменил свое прежнее распоряжение,

[8] *Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗ), т. 4 (Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830), no. 2132, 362-363. (*Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* (PSZ), t. 4 (St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantseliarii, 1830), no. 2132, 362-363); *Письма и бумаги императора Петра Великого* (ПиБ), т. 3 (Санкт-Петербург: Государственная типография, 1893), 492. (*Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* (PiB), t. 3 (St. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 1893), 492); А. Т. Шашков, "Дело 1705 г. 'о противности и о преслушании его царского величества указу томских жителей о немецком платье и о бритии бород,'" в *Проблемы истории России*, вып. 2, *Опыт государственного строительства XV—XX вв.* (Екатеринбург: Волот, 1998), 301-325. (A. T. Shashkov, "Delo 1705 g. 'o protivnosti i o preslushanii ego tsarskogo velichestva ukazu tomskikh zhitelei o nemetskom plat'e i o britii borod,'" in *Problemy istorii Rossii*, vyp. 2, *Opyt gosudarstvennogo stroitel'stva XV–XX vv.* (Ekaterinburg: Volot, 1998), 301-325); Е. Н. Трефилов, "Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени," Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук (Москва: Российской государственный гуманитарный университет, 2010), 148, ссылка 158. (E. N. Trefilov, "Predstavleniia o tsarskoi vlasti uchastnikov narodnykh buntov petrovskogo vremeni," Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk (Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 2010), 148, n. 158). Впрочем, Е. В. Акельев сделал ряд важных замечаний, связанных с этими эпизодами, а также опубликовал отписку в Сибирский приказ воеводы г. Тары М. И. Воронцова-Вельяминова об отказе городских жителей подчиняться царским указам о бородовой пошлине и немецком платье: Акельев, *Русский Мисопогон*, 388-400, 561-565. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 388-400, 561-565).

[9] Если быть точным, то обнаружена и опубликована была память Посольскому приказу от 2 сентября 1706 г. с сообщением именного указа Петра I от 28 августа 1706 г. Акельев, *Русский Мисопогон*, 566-567. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 566-567).

включенное в указ от 16 января 1705 г., о взимании "с крестьянских бород" по копейке за каждый проход через городские ворота.[10] Е. В. Акельев предполагает, что указ этот был вызван массовым недовольством тем насилием над крестьянами, которое практиковалось в ходе реализации указа о брадобритии. По мысли исследователя, все эти данные указывают на то, что летом 1706 г. царь и его приближенные "осознали необходимость принять меры к тому, чтобы снять опасное напряжение" (с. 400-401; см. также: с. 381-382). И лучшим подтверждением этой мысли, на мой взгляд, является дальнейшая осторожная политика царя, связанная с брадобритием, о которой также говорится в книге Е. В. Акельева (с. 401-405).

Новое наступление на брадоношение в масштабах всей страны началось с царского указа от 6 апреля 1722 г.[11] Отвечая на вопрос, почему это случилось именно в это время, историк предполагает, что "причиной послужил какой-то случайный инцидент, напомнивший императору о том, что его окружение — это не вся Россия и в его империи есть очень много людей, которые живут себе по-старому, игнорируя его повеления" (см.: с. 406-409). Однако, на мой взгляд, не следует забывать и о том, что в предыдущем, 1721 г., закончилась Северная война, а, значит, Петр мог более не опасаться одновременной борьбы против шведов и против возможных вооруженных защитников брадобрития внутри страны.

Книга Акельева наводит на мысль, что народные настроения влияли не только на корректировку "бородовой политики": еще ранее они послужили первоначальным толчком для всего комплекса мер Петра I, направленных на изменение внешнего облика "московитов." Анализируя смысл знаменитого петровского брадобрития в Преображенском 26 августа 1698 г. (когда вернувшийся из Великого посольства царь принялся резать бороды пришедшим его встречать боярам), исследователь обращается к политическому контексту, определяемому, прежде всего, недавно подавленным стрелецким восстанием. Исследователь полагает, что эта первая атака Петра на бороды была предопределена именно этим контекстом, то есть стрелецким восстанием, которое во многом и способствовало "формированию и кристаллизации (от противного) петровской идеологической и культурной программы" (с. 219). И здесь исследователь вступает в конфликт со всей предшествующей традицией интерпретации брадобрития в Преображенском. По словам Акельева, "у нас нет никаких оснований считать, что замысел введения в России брадобрития был следствием того культурного впечатления, которое произвело на государя путешествие по Западной Европе" (с. 209). Поскольку эти суждения резко идут вразрез не только с устоявшимся в историографии представлениями о том, что́ именно послужило для царя толчком к изменению облика своих подданных, но также и позволяют по-новому взглянуть на политическое значение стрелецкого восстания 1698 г., необходимо остановиться на них поподробнее с тем, чтобы выяснить, как Акельев пришел к таким заключениям, а затем и попытаться понять, насколько его аргументы убедительны.

[10] ПСЗ, т. 4, no. 2015, 283. (PSZ, t. 4, no. 2015, 283).
[11] См.: ПСЗ, т. 6, no. 3944, 641-642. (PSZ, t. 6, no. 3944, 641-642).

Итак, автор *Русского Мисопогона* полагает, что люди из окружения царя и сам Петр I подозревали бунтовщиков в связях с "церковными традиционалистами," с некоторыми боярами, а, возможно, и с самим патриархом. Именно поэтому, как считает историк, вернувшийся из-за границы царь 26 августа 1698 г. самолично бреет бороды у бояр, ибо "отсутствие бороды отныне служит маркером сохранения верности Петру (и на этих лиц распространяются необычайные царские милости), в то время как приверженцы брадоношения отныне подозреваются в связях с мятежными стрельцами, а значит, на них распространяется царский гнев и опала" (см. с. 195-218, цитата на с. 210). И, действительно, с самого начала следствия, еще до возвращения Петра из-за границы, власти не исключали, что к бунту стрельцов подстрекали некие злоумышленники. Согласно инструкции от 20 июня 1698 г., полученной А. С. Шеиным из Стрелецкого и Разрядного приказов, бунтовщиков следовало спрашивать, "собою ль они такое воровство всеали [так в тексте – *Е. Т.*] или по чьему наученью; и по такому своему воровскому умыслу, пришед к Москве, что они хотели делать, и не было ль у них о том воровстве с кем каких пересылок?"[12] Упирая на то, что власти подозревали бунтовщиков в связях с представителями элиты, Акельев особое внимание обращает на следующее заявление стрельца В. А. Зорина, сделанное им на допросе 24 июня 1698 г.: "А с Москвы де к ним, стрельцом, от бояр и от иных ни от каких чинов людей [...] пересылок и писем не было." Историк полагает, что это заявление было сделано в ответ на вопрос следователей: "Велась ли переписка с кем-то из московских бояр или людьми других чинов?" А этот вопрос, в свою очередь, обнаруживает убеждение следователей в том, что "истинными вдохновителями восстания могли быть какие-то сильные люди в Москве" (с. 204). Однако заметим, что из показаний Зорина, а также некоторых других мятежников можно заключить, что, во-первых, дознаватели спрашивали подследственных о контактах не только с представителями элиты, а во-вторых, самих повстанцев следователи не считали только лишь пассивным орудием в чьих-то руках. Действительно, полностью ответ В. А. Зорина звучал следующим образом: "А с Москвы де к ним, стрельцом, от бояр, и от иных ни от каких чинов людей, и от их бр[атьи] стрельцов, также и из городов, где их братья стрельцы, также и от них, стрелцов, к Москве и в городы в ыные и никуда пересылок и писем не было, и подметных писем он к Москве не подметывал, и никово подметчиков не ведает."[13] Но подчеркнем важный момент: когда вернувшийся из-за границы царь взял стрелецкий розыск под свой контроль, вопрос о связях повстанцев с боярами, если судить по ответам подследственных, напрямую стрельцам вообще не задавали, а значит, Петр, скорее всего, не верил в существование таких связей.

На первый взгляд, куда больше оснований у властей было подозревать стрельцов в связях с патриархом Адрианом, ведь настроения и патриарха, и какой-то

---

[12] А. Н. Казакевич, *Восстание московских стрельцов: 1698 год (материалы следственного дела)* (Москва: Наука, 1980), 55. (A. N. Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov: 1698 god (materialy sledstvennogo dela)* (Moscow: Nauka, 1980), 55).

[13] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 49. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 49). Похожие ответы см. Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 51-52, 57-58, 65, 71. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 51-52, 57, 58, 65, 71).

части бунтовщиков можно назвать консервативными, традиционалистскими. В челобитной стрельцов, адресованной Петру I, делается упор на то, что стрельцы являются защитниками благочестия, а немцы (в особенности Ф. Лефорт) — врагами стрельцов и православия. Высказывается недовольство и бытовыми новшествами, связанными с иноземцами: "Да нам же слышна, — читаем в челобитной, — что идут к Москве немцы. И то, знатно, последуя брадобритию и табаку, всесовершенное благочестию испровержение."[14] Что же касается патриарха Адриана, то он резко выступал против брадобрития и иноземцев,[15] а, по некоторым данным, еще и против табакокурения (об этом см. ниже). Но нет никаких серьезных доказательств в пользу того, что власти полагали, будто стрельцы были связаны с патриархом. Так, ни в материалах стрелецкого розыска под Воскресенским монастырем (лето 1698 г.), проходившего в отсутствие царя, ни в материалах последующих розысков, проходивших уже под контролем Петра I, нет и намека на то, что стрельцов спрашивали о контактах с Адрианом.

По сути дела, версия Акельева, согласно которой власти подозревали стрельцов в связях с патриархом, основана на ряде допущений, а эти допущения, в свою очередь, строятся на очень сомнительных данных, содержавшихся прежде всего в донесениях австрийского посла Кристофа Игнаца фон Гвариента императору Леопольду I. В донесении Гвариента от 17 (27) июня 1698 г. сообщается, что патриарх Адриан отлучил от Церкви одного купца вместе с семьей за то, что он "договорился о покупке табачной монополии и выкупил ее по контракту [...], заключенному с царем еще до его отъезда" (за границу). Согласно донесению, это решение патриарха разделило русских на две партии: одна поддержала Адриана, "объявив его действие похвальным и благочестивым," другая же полагала, что за этот поступок Петр, вернувшись из-за границы, строго накажет патриарха, который и так не пользуется его доверием. Однако, по словам Гвариента, Адриан "отвергает угрожающую царскую немилость" и совещается со своими сторонниками о том, должен ли он выполнить приказание Петра отправить царицу Евдокию в монастырь.[16]

Важно отметить, что Е. В. Акельев признает, что у историков нет данных об отлучении от церкви некоего купца.[17] При этом исследователь полагает, что донесение Гвариента "с оценкой напряженной обстановки при российском дворе, сложившейся вследствие выступления патриарха против табачной торговли, а

---

[14] Акельев, *Русский Мисопогон*, 488. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 488).

[15] Акельев, *Русский Мисопогон*, 75-155, 158-159, 168-189, 447-485. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 76-155, 158-159, 168-189, 447-485).

[16] Акельев, *Русский Мисопогон*, 499-500. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 499-500). Кратко об отлучении патриархом от церкви купца и его семьи за табачную торговлю писал также секретарь имперского посольства, подчиненный Гвариента И.-Г. Корб.: И.-Г. Корб, *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)* (Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1906), 213. (I.-G. Korb, *Dnevnik puteshestviia v Moskoviiu (1698 i 1699 gg.)* (St. Petersburg: Tipografiia A.S. Suvorina, 1906), 213).

[17] Так, ничего неизвестно о том, чтобы был отлучен от церкви владевший правом сбора государственных пошлин за продажу табака купец М. Орленок. Зато он был уличен в серьезных преступлениях, расследованием которых, по приказанию Петра, должен был заняться Ф. Ю. Ромодановский. Об этом купце см.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 191-192 (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 191-192).

значит, против самого царя, заслуживает пристального внимания." Е. В. Акельев предполагает, что "Гвариент, направляя эту депешу императору Леопольду, вряд ли основывался только на собственных наблюдениях, а скорее пользовался сведениями своих информаторов, среди которых наиболее важным был, как известно, генерал Патрик Гордон — глава московской католической общины и одновременно доверенное лицо и корреспондент царя." Поэтому, по мнению автора, вполне вероятно, что донесение Гвариента передает то, как "видел политическую ситуацию Гордон." А если это так, то Гордон "не мог не обратить особого внимания и на то, что стрельцы объясняли свое выступление стремлением воспрепятствовать 'всесовершенному благочестию испровержению,' которое, по их убеждению, было начато назначением иноверцев на командные должности, а затем широким распространением табакокурения и брадобрития," т. е. Гордон не мог не обратить внимание на сходство между выступлением патриарха и заявлением стрельцов (см.: с. 190-200, 203).

Можно допустить, что Гордон и впрямь был информатором Гвариента и секретаря имперского посольства И.-Г. Корба, как утверждают некоторые историки.[18] Тем не менее у нас нет доказательств в пользу того, что именно Гордон сообщил австрийскому послу и секретарю посольства о будто бы имевшемся выступлении патриарха против табачной торговли,[19] как и доказательств в пользу того, что Гордон или другие дознаватели, проводившие стрелецкий розыск под Воскресенским монастырем летом 1698 г., подозревали бунтовщиков в связях с Адрианом. Справедливости ради, однако, надо отметить, что слухи о причастности патриарха к восстанию в Москве все же ходили, о чем сообщал в Копенгаген датский посол П. Хейнс, который, впрочем, сам этим слухам не доверял.[20]

Трудно сказать, дошли ли эти слухи до Петра I. Акельев предполагает, что в недошедшем до нас письме царю от 24 июня Гордон помимо прочего "изложил государю свои подозрения о связях повстанцев с патриархом и кем-то из московских бояр." Подозрения эти, по мнению исследователя, Гордон высказал "завуалированно, описав обстоятельства таким образом, чтобы Петр самостоятельно сделал нужные выводы" (с. 204-205). Зададимся вопросом: как можно обнаружить подозрения, да

---

[18] Paul Bushkovitch, "Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690's," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 50 (1995): 81, 98; С. Шокарев, "Записки современников Петра Великого об эпохе преобразований," в *Рождение империи* (Москва: Фонд Сергея Дубова, 1997), 418. (S. Shokarev, "Zapiski sovremennikov Petra Velikogo ob epokhe preobrazovanii," in *Rozhdenie imperii* (Moscow: Fond Sergeia Dubova, 1997), 418).

[19] Н. Г. Устрялов писал: "трудно поверить, чтобы Адриан так открыто решился противодействовать воле строгаго царя." Кроме того, историк обращал внимание на то, что в наказе благочинным, где говорилось о различных нарушениях, "о табаке нет ни слова." Н. Г. Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3 (Санкт-Петербург: Типография II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1858), 106-107. (N. G. Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3 (St. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1858-1863), 106-107).

[20] Г. В. Форстен, "Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в.," *Журнал Министерства народного просвещения* 356 (ноябрь 1904): 100. (G. V. Forsten, "Datskie diplomaty pri moskovskom dvore vo vtoroi polovine XVII v.," *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 356 (November 1904): 100).

еще и завуалированные, в недошедшем до нас письме? Правильно, используя данные других источников. Но проблема состоит в том, что другие источники ничего не сообщают о каких-либо подозрениях, высказанных в этом письме.[21]

Однако письмом Гордона не ограничивается аргументация Акельева в пользу того, что царь не просто знал, но и сам подозревал стрельцов в связях с Адрианом. Автор выдвигает версию, согласно которой при встрече 31 августа 1698 г. Петр и патриарх говорили "не только (а может, и не столько)," о разводе царя с царицей Евдокией, как писал имперский посол Гвариент, но и о стрелецком бунте. Разговор о стрелецком возмущении, предполагает историк, так раздражил царя, что он приказал арестовать трех попов мятежных стрелецких полков. "Едва ли Петру, - пишет ученый, - не показался подозрительным тот факт, что один из полковых священников, Иван Степанов, был отправлен к стрельцам [...] по указу патриарха непосредственно перед восстанием" (с. 210-212).[22] И, действительно, священники мятежных стрелецких полков были арестованы на следующий день после разговора Петра с патриархом (см.: с. 210-211). Тем не менее у нас нет никаких данных, подтверждающих точку зрения, что этот арест явился следствием разговора царя с патриархом и что предметом разговора был стрелецкий бунт. Кроме того, если Петр думал, что между Адрианом и стрельцами были установлены какие-то контакты, то почему бунтовщиков об этом не спрашивали на следствии? Почему об этом не спросили на следствии священников мятежных стрелецких полков (к тому времени уже расстриженных), в том числе и Ивана Степанова?[23]

Правда, Е. В. Акельев обращает внимание на донесение того же Гвариента от 7 (17) октября 1698 г.: "Арестованный [...] бывший с мятежниками поп получил благословение от патриарха, однако не мог достоверно и правдиво показать, был ли дурной умысел ему, патриарху, известен" (с. 212).[24] Однако к информации Гвариента о стрелецком розыске нужно относиться с большой осторожностью.[25] Например, не соответствует действительности информация, согласно которой "*Batska Girin*"

---

[21] О существовании этого письма и о его содержании мы знаем из дневника П. Гордона (запись от 24 июня 1698 г.) и из письма Гордона Ф. Лефорту от 30 июня 1698 г. В дневниковой записи кратко говорится о содержании послания царю: "я вкратце написал к Его Величеству обо всех обстоятельствах сего похода." Патрик Гордон, *Дневник, 1696-1698* (Москва: Наука, 2018), 154, 188. (Patrick Gordon, *Dnevnik, 1696-1698* (Moscow: Nauka, 2018), 154, 188).

[22] Место из донесения Гвариента, о котором пишет Е. В. Акельев см.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 509 (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 509).

[23] Они, а также дьячок С. Осипов, были допрошены 17 сентября 1698 г.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 68-69, 74-76. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 68-69, 74-76).

[24] Здесь и далее я буду пользоваться переводом донесения Гвариента, сделанного Г. В. Снежинской: Я. А. Гордин, *Петр I* (Санкт-Петербург: ИЦ "Пушкинского фонда," 2020), 139. (Ia. A. Gordin, *Petr I* (St. Petersburg: ITs "Pushkinskogo fonda," 2020), 139).

[25] В научной литературе, особенно М.М. Богословским, высказывалось мнение, что и сведения секретаря имперского посольства И.-Г. Корба о стрелецком розыске также весьма ненадежны, а то и просто неверны. На это стоит обратить внимание, поскольку сведения Корба и сведения Гвариента в некоторых случаях совпадают. См.: М. М. Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 3 (Ленинград: Госполитиздат, 1946), 63-65, 70, 81-82, 87-88. (M. M. Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 3 (Leningrad: Gospolitizdat, 1946), 63-65, 70, 81-82, 87-88).

(Васька Зорин[26]) на следствии "открыл, что [к мятежу причастны] две старшие горничные обеих царевен *Fiera* <Вера> и *Schukowa* <Жукова>" (имеются в виду Вера Васютинская и Анна Жукова),[27] как вряд ли соответствует действительности и утверждение Гвариента, будто В. Васютинская и А. Жукова "показали, как и прочие, что бунт был вызван только великой ненавистью к Лефорту и множеству присутствующих здесь немцев,"[28] поскольку, судя по показаниям этих женщин, содержание их разговоров со следователями было далеко от тем, как-то связанных с иноземцами.[29] Но если даже допустить, что Гвариент написал в своем донесении

[26] Во всяком случае, Н.Г. Устрялов предложил (и историки с этим согласились) считать, что *Batska Girin* и Васька Зорин — одно и то же лицо.: Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3, 204, примечание 12. (Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3, 204, n. 12).

[27] Гордин, *Петр I*, 138, 139. (Gordin, *Petr I*, 138, 139). Историкам неизвестны показания В. Зорина (или вообще кого-то из стрельцов) с подобными обвинениями, да и в показаниях В. Васютинской и А. Жуковой нет указаний на то, что их расспрашивали по оговору стрельцов. Более того, мы точно знаем, что А. Жукову допросили после того, как царевна Марфа на допросе 23 сентября 1698 г. рассказала, что о приходе стрельцов в Москву и об их желании возвести царевну Софью на престол она узнала "от девки Жуковы." Показания царевны Марфы, В. Васютинской и А. Жуковой см.: Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 6, Уголовные дела по государственным преступлениям, д. 12/121, л. 1, 2, 4. (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA), f. 6, Ugolovnye dela po gosudarstvennym prestupleniiam, d. 12/121, l. 1, 2, 4); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 58, 61-62, 65, 77-78. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 58, 61-62, 65, 77-78). Интересно, что П. Гордон 24 сентября "в Преображенском видел, как пытали горничную Анну Алекс[андровну]," т.е. Жукову. То, что речь идет именно о ней не подлежит сомнению, поскольку далее Гордон сообщает о пытках подполковника Колпакова, а Жукову и Колпакова, как мы знаем из следственных материалов, пытали именно в такой последовательности, как это описано у Гордона.: Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 166. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 166); РГАДА, ф. 6, д. 12/121, л. 2. (RGADA, f. 6, d. 12/121, l. 2); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 61-62. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 61-62). Таким образом, если Гордон и был информатором Гвариента, то можно предположить, что то ли Гордон неверно информировал австрийского посла, то ли последний вольно или невольно искажал полученную информацию.

[28] Гордин, *Петр I*, 140. (Gordin, *Petr I*, 140). Похожую информацию можно встретить и у И.-Г. Корба: Корб, *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)*, 91. (Korb, *Dnevnik puteshestviia v Moskoviiu (1698 i 1699 gg.)*, 91).

[29] РГАДА, ф. 6, д. 12/121, л. 2. (RGADA, f. 6, d. 12/121, l. 2); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 58, 61-62, 65, 77-78. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 58, 61-62, 65, 77-78). Есть в интересующем нас донесении Гвариента и другие сведения, не вызывающие доверия. Остановлюсь лишь на одном, поскольку оно вызывает подозрение, что имперский посол не только пользовался недостоверными слухами о стрелецком розыске, но и сам кое-что присочинил. Он сообщает, что по обвинению некоего юноши был арестован обер-лейтенант *Karpakow* (видимо, Колпаков), который после двух пыток "почти испустил дух," а потому царем к Колпакову был призван доктор Карбонариус из свиты Гвариента, чтобы вернуть силы умирающему для третей пытки. Однако Колпаков, воспользовавшись неосмотрительностью доктора, "нанес себе смертельный удар, ножом (оставленным Карбонариусом - *Е. Т.*) перерезав себе горло." Рассказ о Колпакове содержится и в дневнике подчиненного Гвариента, И.-Г. Корба. Правда, у Корба имеются некоторые отличия. Например, у него Колпаков не покончил жизнь самоубийством, а лишь пытался сделать это ножом, оставленным не доктором из свиты Гвариента, а царским врачом. Согласно Корбу, Колпаков умер во время пытки.: Корб, *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)*, 90, 93-94, 186. (Korb, *Dnevnik puteshestviia v Moskoviiu (1698 i 1699 gg.)*, 90, 93-94, 186); Гордин, *Петр I*, 138-139, 140. (Gordin, *Petr I*, 138-139, 140). Из следственных же материалов мы знаем, что по обвинению А. Жуковой был арестован и допрошен полуполковник Василий Колпаков. Третий раз его допрашивали 7 октября, т.е. тогда, когда

правду, а, значит, по каким-то причинам следователи не сочли нужным внести в протокол допроса слова И. Степанова о патриархе, то все равно нет никаких оснований считать, что Петр придавал большое значение слухам о связях Адриана с бунтовщиками. В противном случае, наверняка, стрельцов бы на следствии также настойчиво расспрашивали о контактах с патриархом, как расспрашивали их о контактах с царевной Софьей.[30] И тогда невозможно было бы избежать записей допросов и очных ставок в различных следственных комиссиях. Едва ли что-нибудь могло удержать царя от проведения подобного разбирательства,[31] если бы, по его мнению, от патриарха исходила такая серьезная опасность, тем более что опыт борьбы с непокорным предстоятелем Церкви (я имею в виду патриарха Никона) в России уже имелся.[32]

Гвариент отправил свое донесение. В следственных материалах нет упоминаний о том, что Колпаков пытался покончить жизнь самоубийством. В постановлении розыскной комиссии (октябрь 1701 г.) говорится, что "Василья Колпакова не пытать," тогда как в записках И.А. Желябужского сообщается, что Колпакова освободили после третьей пытки: Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 61-62, 77-78. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 61-62, 77-78); Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 254. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 254); И. А. Желябужский, "Дневные записки," в *Рождение империи* (Москва: Фонд Сергея Дубова, 1997), 310. (I. A. Zheliabuzhskii, "Dnevnye zapiski," in *Rozhdenie imperii* (Moscow: Fond Sergeia Dubova, 1997), 310); РГАДА, ф. 6, д. 12/121, л. 2, 3. (RGADA, f. 6, d. 12/121, l. 2, 3).

[30] Так, идея о письме стрельцам от опальной царевны впервые появилась в "вопросных статьях" 19 сентября 1698 г., видимо, составленных самим Петром. Этот вопрос задавался всем подследственным, которые были допрошены в 10-ти следственных комиссиях, специально созданных для стрелецкого розыска. Тем не менее 19 сентября ни один из подследственных так ничего и не сказал о какой-либо "присылке" или письме от царевны. Поначалу такая же картина наблюдалась и 20 сентября. Причем о письме ничего не говорили даже те стрельцы, которые сознались в намерении повстанцев не пустить царя в Москву или убить его. Однако, видимо, под конец розыска в этот день в комиссии Б. А. Голицына признания о письме царевны были все-таки получены. См.: Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 37-48. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 37-48).

[31] Так, еще до возращения царя из-за границы датский резидент П. Хейнс, говоря о связи стрельцов с патриархом, сообщал в Копенгаген, будто в Москве "никто не осмеливается высказать никаких подозрений против его (патриарха – Е. Т.) святой персоны:" Форстен, "Датские дипломаты," 100. (Forsten, "Datskie diplomaty," 100). Но даже если это заявление соответствует действительности, оно все-таки относится не к самому Петру.

[32] Е. В. Акельев предполагает, что одна из причин учреждения Синода заключалась в том, что Петр не забыл о своих подозрениях о связях Адриана с стрельцами. По мнению историка, слова *Духовного регламента*, рисовавшего картину народных мятежей во имя патриарха, возникавших по наущению неких духовных лиц ("да не воспомянутся подобныя и у нас бывшия замахи") указывают на "стрелецкий бунт 1698 г., в рамках которого на первый план выдвигалась защита 'благочестия,' за что так ратовал патриарх Адриан": Акельев, *Русский Мисопогон*, 218. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 218); См. также: "Духовный регламент 1720 года," в Н. А. Воскресенский, *Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники*, т. II-III (Москва: Древлехранилище, 2020), 352-353. ("Dukhovnyi reglament 1720 goda," in N. A. Voskresenskii, *Zakonodatel'nye akty Petra I. Redaktsii i proekty zakonov, zametki, doklady, donosheniia, chelobit'ia i inostrannye istochniki*, t. II-III (Moscow: Drevlekhranilishche, 2020), 352-353). Но под "замахами" могли подразумеваться поступки Никона и выступление в его защиту. Правда, еще П. В. Верховский писал, что "картина бунтов и крамолы против государя из-за наличности патриарха," нарисованная в *Духовном регламенте*, не соответствует временам противостояния Никона и Алексея Михайловича, поскольку "именно в деле Никона народ и духовенство были на стороне царя или, по крайней мере,

Заканчивая разговор о том, подозревал или нет Петр Адриана в связях с повстанцами, необходимо остановиться еще на одном важном моменте. Е. В. Акельев проводит параллели между нападками патриарха Адриана на табакокурение и брадобритие[33] с подобными же нападками, содержавшимися в челобитной стрельцов. Причем, по предположению историка, эти параллели мог проводить в своей голове и сам Петр (см.: с. 206, 209-210). Но, судя по материалам сентябрьского и последующих розысков, это было не так. Например, если о связях с Софьей или о намерении побить бояр и немцев спрашивают большинство подследственных, и подследственные так или иначе на эти вопросы отвечают,[34] то о брадобритии, табакокурении и о защите православия говорится лишь в отдельных показаниях стрельцов.[35] А это, скорее всего, свидетельствует о том, что следователей (а, значит, и царя) не особенно волновали религиозные мотивы недовольства, скажем, немцами, и не интересовало то, кто эти мотивы, например, из духовных лиц, мог внушить стрельцам.

Итак, на мой взгляд, у нас нет никаких оснований думать, что Петр и его окружение подозревали бунтовщиков в связях с какими-либо церковными традиционалистами. Кроме того, консервативные настроения какой-то части стрельцов, по всей видимости, властей также не особенно заинтересовали. Следовательно, конструкция, на которой воздвигнута версия о том, что стрелецкий бунт подтолкнул Петра I к мысли о изменении облика его подданных, уж очень ненадежна.[36]

Но означает ли все сказанное выше, что у нас нет оснований пересматривать традиционную точку зрения, согласно которой царь, получив за границей сообщение о бунте, сразу решил, что к возмущению причастна царевна Софья Алексеевна? По мнению Е. В. Акельева, у историков "нет никаких данных, которые

никак активно за него не заступились": П. В. Верховской, *Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. К вопросу об отношении церкви и государства в России*, т. 1. (Ростов-на-Дону, 1916), 367. (P. V. Verkhovskoi, *Uchrezhdenie Dukhovnoi kollegii i Dukhovnyi reglament. K voprosu ob otnoshenii tserkvi i gosudarstva v Rossii*, t. 1 (Rostov-na-Donu, 1916), 367). Однако нужно учитывать, что Никон подозревался и даже обвинялся в связях с разинцами, которые с большим почтением относились к нему. Правда, к тому времени Никон был уже бывшим патриархом. Подробнее см.: И. Л. Андреев, "Как казаки патриарха Никона бунтовать подбивали," *Исторический вестник* 156:9 (2014): 6-28. (I. L. Andreev, "Kak kazaki patriarkha Nikona buntovat' podbivali," *Istoricheskii vestnik* 156: 9 (2014): 6-28).

[33] И если о нападках патриарха на табачную торговлю мы знаем лишь из донесения Гвариента и дневника Корба, то о неприязненном отношении Адриана к брадобритию и иноземцам известно в том числе и из текстов, написанных от имени патриарха людьми из его окружения (см. выше). Однако эти выпады относятся к 1690 г. и первой половине 90-х годов XVII века.

[34] Материалы сентябрьского и последующих розысков см.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 68-260. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 68-260).

[35] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 70-72, 86, 93. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 70-72, 86, 93.

[36] При этом и точка зрения, согласно которой к брадобритию и прочим культурным новшествам царя подтолкнуло путешествие по Западной Европе также требует более серьезного обоснования. Во всяком случае, Е.В. Акельев привел убедительные аргументы в пользу того, что источники, на которые обычно ссылаются историки, не свидетельствуют о том, будто именно поездка на Запад стала толчком к брадобритию (Акельев, *Русский Мисопогон*, 206-209). (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 206-209).

бы подтверждали, что Петр рассматривал эту версию до 17 сентября" (с. 215-216), т.е. до того, как стрелец В. А. Зорин не заявил, что бунтовщики собирались "стать под Девичим монастырем и бить челом царевне Софии Алексеевне, чтоб она по их челобитью вступила в правителство."[37] Конечно, исследователь прав в том, что слова из письма царя Ф. Ю. Ромодановскому от 16 июля 1698 г.: "семя Ивана Михайловича [Милославского] ростет," - напрямую не указывают на связь стрельцов с царевной (см. примечание 4 на с. 215-216).[38] Однако сам же Е. В. Акельев отмечает, что, по мнению Петра, Иван Михайлович Милославский был главным виновником Стрелецкого бунта 1682 г., в результате которого, напомню от себя, к власти как раз и пришла царевна Софья; и поскольку Иван Михайлович к тому времени уже умер, а Софья еще была жива, то вроде бы понятно, на кого падает подозрение.[39] Но, если Петр подозревал сестру, то почему в уже упоминавшемся письме Ромодановскому от 16 июля 1698 г. он не приказал взять Софью под арест или хотя бы как-то ограничить ее контакты с внешним миром?[40] Почему вопросы про царевну Софью не задавались подследственным с самого начала сентябрьского розыска?[41] Короче говоря, мнение о том, что Петр с самого начала подозревал Софью в причастности к бунту, во всяком случае для меня, уже не кажется столь убедительным, каким оно было до прочтения книги Е. В. Акельева.

Итак, подытожим, что же нового мы узнали о диалоге Петра I со своими подданными из книги Е. В. Акельева. Прежде всего мы узнали, что отношение к брадобритию и прочим петровским новшествам в народе не ограничивалось лишь противодействием, а включало различные стратегии поведения, не исключая и

---

[37] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 71. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 71).

[38] Полностью это письмо см.: *ПиБ*, т. 1, 266. (*PiB*, 1, 266).

[39] Впрочем, по мнению Е. В. Акельева, в письме "Ромодановскому Петр вовсе не указывал на связь повстанцев с Софьей, а, возможно, напоминал руководителю Преображенского приказа о деле Цыклера, понимая под 'семенем Ивана Михайловича' очередную попытку недовольных своим положениям царедворцев использовать стрельцов для свержения законного государя." На эту мысль историка наводит то обстоятельство, что "царь считал давно почившего И. М. Милославского [...] идейным вдохновителем заговора Цыклера — Соковнина — Пушкина, раскрытого в конце февраля 1697 г." Акельев, *Русский Мисопогон*, 215-216, примечание 4. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 215-216, n. 4).

[40] Так, например, из показаний девушек, служивших Софье, и из показаний царевны Марфы мы знаем, что сестры посещали Софью в Новодевичьем монастыре. См.: РГАДА, ф. 6, д. 12/121, л. 1, 2, 3-4. (RGADA, f. 6, d. 12/121, l. 1, 2, 3-4); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 58, 65. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 58, 65).

[41] К сожалению, мы не знаем, сам ли В. Зорин проговорился 17 сентября 1698 г., заявив следователям о намерении повстанцев просить Софью вступить "в правителство," или же признания стрельца были вызваны прямым вопросом дознавателей. Такой вопрос мог быть навеян проговорками подследственных, сделанными еще во время следствия под Воскресенским монастырем. Например, стрельцы признавались в том, что они собирались "стать на Девичье поле," т.е. под Новодевичьим монастырем, где в то время находилась Софья Алексеевна. Однако нам остается только гадать, обратил ли внимание на эти проговорки Петр или нет. Подробнее об этих проговорках см.: Трефилов, "Представления о царской власти участников народных бунтов петровского времени," 43-44. (Trefilov, "Predstavleniia o tsarskoi vlasti uchastnikov narodnykh buntov petrovskogo vremeni," 43-44). Также остается только гадать, действительно ли дата начала розыска неслучайна: 17 сентября, в день тезоименитства царевны Софьи, на что указывали историки. См., например: Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 28. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 28).

полного принятия. Внес Е. В. Акельев и вклад в изучение народных представлений о Петре I. Если раньше историки писали о неприязненном отношении к этому монарху или о почитании Петра как традиционного "хорошего" царя, то Е. В. Акельев показал, что даже среди крестьян имелись и такие люди, которые были пламенными почитателями совсем нетрадиционной петровской политики и противопоставляли царя-преобразователя предыдущим государям. Эти выводы были сделаны главным образом на основании дел Преображенского приказа. Причем некоторые из них были уже хорошо известны, но прочитаны автором по-новому, более внимательно. Однако для изучения отношения подданных к петровским новшествам были привлечены и источники, ранее совсем неизвестные. Так, подлинным открытием является опубликованное и прокомментированное Е. В. Акельевым "Покаянное исповедание" знаменитого Г. В. Талицкого, который первым дал развернутое богословское обоснование, почему Петра следует считать антихристом и почему ему следует сопротивляться. Е. В. Акельев опубликовал и некоторые другие источники, связанные с Талицким, и дал наиболее полное описание его процесса (см.: с. 270-314, 512-550).

Еще одним важным достоинством книги Е. В. Акельева является то, что в ней детально и всесторонне проанализирована реакция Петра I на народные настроения, связанные с брадобритием и прочими культурными новшествами. Царь, несомненно, считался с этими настроениями и шел на уступки, впрочем, иногда лишь для того, чтобы при более благоприятных условиях возобновить наступление на бородачей. И здесь историк привлек уже хорошо известные источники (в частности, различные распоряжения Петра), а также ввел в оборот новые документы — речь прежде всего идёт об указе от 28 августа 1706 г., повелевавшем не брать пошлину с въезжавших в город крестьян. Анализ реакции царя на народные настроения позволяет понять, что укоренившиеся в публицистике и даже исторической науке обозначения Петра как "неистового реформатора" или "большевика на троне," конечно, появились не на пустом месте, но все-таки являются однобокими. Петр скорее представляется гибким и хитрым политиком, чем политиком, который все ломает через колено.

Не убедили меня аргументы Е. В. Акельева в пользу того, что именно Стрелецкий бунт 1698 г. послужил для Петра толчком к изменению внешнего вида подданных. Однако, на мой взгляд, несомненным достоинством изучения реакции царя на это восстание является то, что историк поколебал убеждение (во всяком случае мое), будто с самого начала Петр верил в причастность к возмущению царевны Софьи.

Ну, и если переходить к более общим выводам, то можно заключить, что книга Е. В. Акельева показывает: даже в петровской России власть была вынуждена считаться с народными настроениями, а подчинение этой власти народа не всегда можно объяснить только насилием.

Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 241-270

О проблеме доказательств в историческом исследовании, или Подозревал ли Петр I патриарха Адриана в связях с мятежными стрельцами?[1]

Евгений В. Акельев
Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики"

On the Problem of Evidence in Historical Research, or, Did Peter I Suspect Patriarch Adrian of Having Connections with the Rebel *Strel'tsy*?

Evgenii V. Akel'ev
Higher School of Economics University
eakelev@hse.ru

Ответ автора на рецензию Е. Н. Трефилова на книгу Е. В. Акельева, Русский Мисопогон: Пётр I, брадобритие и десять миллионов "московитов." Москва: Новое литературное обозрение, 2022. 624 с. *ISBN*: 978-5-4448-1928-9.

Author's response to E. N. Trefilov's review of *E. V. Akel'ev,* Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desiat' millionov "moskovitov," Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 624 p. *ISBN*: 978-5-4448-1928-9.

Я благодарю Е. Н. Трефилова за обстоятельный анализ моей книги, проделанный сквозь призму ее центральной проблемы - взаимоотношений царя и его подданных. И особенно я признателен ему за развернутую критическую часть, в которой ставится под сомнение моя гипотеза, выдвинутая на основе реконструкции культурного и политического контекста знаменитого брадобрития в Преображенском, устроенного Петром I 26 августа 1698 г., во время его первой встречи с боярами, на другой день после возвращения из Великого посольства.

Очень серьезный историк, специалист по истории народных движений в России XVII-XVIII вв., являющийся глубоким знатоком петровской эпохи,[2]

[1] Работа написана в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета "Высшая школа экономики."

[2] См., например: E. N. Trefilov, "Proof of Sincere Love for the Tsar: Popular Monarchism in the Age of Peter the Great," *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 18:3 (2017): 461-485; Е. Н. Трефилов, "'Чтоб над нами Русь не владела': отношение донских казаков - участников булавинского восстания к России и русским," *Российская история*, no. 2 (2022): 100-110 (E. N. Trefilov, "'Chtob nad nami Rus' ne vladela': otnoshenie donskikh kazakov - uchastnikov bulavinskogo vosstaniia k Rossii i russkim," *Rossiiskaia istoriia*, no. 2 (2022), 100-110; Евгений Трефилов, "За царя или за Отечество? Отношение участников восстаний Петровской эпохи к стране и ее жителям," *Cahiers du Monde Russe* 63:2 (2022): 413-446. (Evgenii Trefilov, "Za tsaria ili za Otechestvo? Otnoshenie

критикует меня за то, что я построил мою гипотезу “на ряде допущений,” а эти допущения, в свою очередь, сформулированы на основе “очень сомнительных данных.” Эта критика заставила меня строго и со всей ответственностью пересмотреть всю мою аргументацию, чтобы отделить догадки, которые действительно могли ввести меня в заблуждение, от достаточно обоснованных предположений, которые нельзя игнорировать, а также вполне установленных фактов, от которых невозможно отмахнуться. Параллельно я должен был постоянно размышлять над проблемой доказательств в историческом исследовании.[3] Как мы, практикующие историки, приходим к тем или иным убеждениям? Как отличить “гипотетическое” от “доказанного”? Почему в определенный момент те или иные интерпретации находят всеобщую поддержку в научном сообществе, а другие нет? И как в дальнейшем общепризнанные интерпретации могут быть опровергнуты? Эти вопросы находятся в центре внимания этой статьи, но рассматриваются не отвлеченно, на уровне теории, а на конкретном историческом материале.

Далее я рассмотрю свои главные аргументы и покажу, что моя гипотеза основана вовсе не на одних лишь допущениях и ненадежных данных, как утверждает Е. Н. Трефилов. Но сперва необходимо показать, почему общепринятая интерпретация брадобрития в Преображенском нуждается в пересмотре.

О том, как Н. Г. Устрялов искал смыл брадобрития в Преображенском, но напал на ложный след

Первым историком, попытавшимся понять смысл брадобрития в Преображенском, был, кажется, Н. Г. Устрялов. Интерпретация Устрялова повлияла на С. М. Соловьева, а затем, прямо или опосредованно, и на других авторов, а от них перекочевала (с некоторыми модификациями) в университетские и школьные учебники. В основе этой интерпретации лежит открытый Устряловым источник - донесение посла императора Священной Римской империи Леопольда I Кристофа Игнаца фон Гвариента от 2 (12) сентября 1698 г. с описанием первых дней Петра после его возвращения из путешествия по странам Западной Европы (далее – донесение Гвариента от 2 сентября).[4] Разглядев в описанном Гвариентом брадобритии в Преображенском большой политический и культурный смысл, Устрялов поставил эту сцену в центр важной переходной

uchastnikov vosstanii Petrovskoi epokhi k strane i ee zhiteliam,” *Cahiers du Monde Russe* 63:2 (2022): 413-446).

[3] Обсуждение этой проблемы см., напр.: Giuseppe Pucci, “La prova in archeologia,” *Quaderni Storici* 29:85 (1) (1994): 59–74; Карло Гинзбург, *Загадка Пьеро: Пьеро делла Франческа* (Москва: Новое литературное обозрение, 2019), 164-178. (Carlo Ginzburg, *Zagadka P'ero: P'ero della Francheska* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019), 164-178); Михаил Велижев, Тимур Атнашев, “Микроистория и проблема доказательства в гуманитарных науках,” *Новое литературное обозрение* 160:6 (2019): 1-10. (Mikhail Velizhev, Timur Atnashev, “Mikroistoriia i problema dokazatel'stva v gumanitarnykh naukakh,” *Novoe literaturnoe obozrenie* 160:6 (2019): 1-10).

[4] Опубликовано: Е. В. Акельев, *Русский Мисопогон: Петр I, брадобритие и десять миллионов “московитов”* (Москва: Новое литературное обозрение, 2022), 503-509. (E. V. Akel'ev, *Russkii Misopogon: Petr I, bradobritie i desiat' millionov “moskovitov”* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022), 503-509).

главы третьего тома *Истории царствования Петра Великого* (1858), в которой выдвигается гипотеза о том, что к моменту возвращения царя в Россию в его голове созрела цельная программа преобразований:

> Оторвать Россию от востока, от грубой татарщины, сблизить ее с Европою и включить в семейство государств образованных, *вот мысль, которая вспыхнула в уме* Петра после того, как увидел он во всем блеске науку и искусство, и уже ничто не могло угасить в душе его небесного пламени. Двумя путями *задумал он* приготовить Россию к новой жизни. С одной стороны, решился исхитить из власти шведов старинную Водьскую пятину, чтобы прорубить здесь окно из темной Азии в светлую Европу. С другой стороны вознамерился *сгладить внешнее отличие русского народа от народов западных*, чтобы тем легче привить по крайней мере высшему и среднему сословию лучшие обычаи и размягчить закоснелость нрава, пробудить в народе любовь к европейскому знанию и искусству.[5]

Понятно, что Устрялов не мог иметь никаких доказательств в подтверждение того, что в голове Петра действительно "вспыхнула" такая-то "мысль." Но в свете этого допущения брадобритие в Преображенском оказалось озарено смыслом. Устрялов красочно описал царскую выходку с брадобритием, объяснив ее значение следующим образом: это был "первый шаг к перерождению России," и этот шаг "был самый трудный," ибо "ничем так не гордился русский народ перед немцами и ничем в своих обычаях так не дорожил он, как бородою," в то время Петр усвоил взгляд на русскую бороду как на "символ закоснелых предрассудков," "вывеску спесивого невежества," и "вечную преграду к дружелюбному сближению с иноземцами, к заимствованию от них всего полезного." Далее Устрялов процитировал указы о замене старинного русского "национального костюма" на западноевропейский, пояснив, что мотивы Петра в этих повелениях были такими же, как и в Преображенском: "народ в своем старинном костюме всегда будет чуждаться и дичиться *немцев*, с которыми сблизиться и подружиться, в понятиях царя, было первою необходимостью для его подданных."[6]

В правильности интерпретации Устрялова усомнился еще М.М. Богословский, обративший внимание на то, что она противоречит некоторым неоспоримым фактам. Так, хорошо известно, что мода на бритый подбородок в России была широко распространена в придворном обществе задолго до Великого посольства, на что, например, указывают некоторые дошедшие до нас парсуны. Кроме того, хорошо известно, что в Москве издавна было много приглашенных

---

[5] Н. Г. Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3 (Санкт-Петербург: Типография II Отделения Его Императорского Величества канцелярии, 1858), 183. (N. G. Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3 (St. Petersburg: II Otdelenie Sobstvennoi Ego Imperatorskogo Velichestva Kantseliarii, 1858-1863), 183). Здесь и далее выделения в цитатах принадлежат мне, если не оговаривается специально.

[6] Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3, 196–200. (Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia Petra Velikogo*, t. 3, 196-200). Слово "немцы" выделено самим Устряловым для того, чтобы подчеркнуть, что оно им используется в переносном смысле, как обозначение всех западных европейцев.

западноевропейских специалистов, которые, разумеется, брились; стало быть, для того, чтобы узнать о моде на брадобритие, вовсе не нужно было ехать в Западную Европу. И если Петр вернулся с намерением осуществить европеизацию внешнего облика своих подданных, зачем было идти по пути грубой силы: "Не сопротивление общества служило помехой нововведению, к которому само общество и без того обнаруживало большую склонность, а исключительно та резкость и шутовство, с которыми нововведение стало осуществляться."[7] К этому добавим, что гипотеза Устрялова о том, что намерение "сгладить внешнее отличие русского народа от народов западных" зародилось в голове Петра именно в ходе путешествия по странам Западной Европы, не находит подтверждения ни в одном источнике.[8]

Скорее всего, Устрялов предложил неверную интерпретацию, иначе она не нуждалась бы в допущениях и не противоречила бы другим известным фактам, а напротив, отталкивалась бы от них. Было бы поучительно выяснить, где же именно великий историк допустил ошибку. Как давно и точно определил Марк Блок, к бесспорным особенностям исторического исследования следует отнести познание "фактов человеческой жизни в прошлом… по следам;" "что понимаем мы под словом 'источник,' если не 'след,' т.е. доступный нашим чувствам знак, оставленный феноменом, который сам по себе для нас недоступен."[9] Продолжая эту линию размышлений о "ремесле историка," Карло Гинзбург предложил отнести историю к "уликовой парадигме," подчеркивая сходства в манере ведения исторического исследования с работой древнего охотника или современного детектива.[10] Если воспользоваться этим сравнением, мне кажется, можно сказать, что Устрялов в поиске смысла петровского брадобрития в Преображенском напал на неверный след. Действительно, при описании первой встречи царя и бояр Гвариент ничего не сообщает о том, что Петр 26 августа 1698 г. успел поработать не только цирюльником, но также и модельером; а значит указы о ношении "немецкого" платья, которые последуют лишь в 1700-1704 г. (также как и первый указ о брадобритии, который будет издан только в 1705 г.), прямого отношения к брадобритию в Преображенском 26 августа 1698 г. не имеют. Конечно, эти указы могут быть использованы в качестве вспомогательных аргументов (ведь в них тоже обнаруживается стремление царя изменить внешний облик своих подданных), но основывать на них интерпретацию действий Петра на первой встрече с боярами нельзя, так как эти следы относятся к несколько иному историческому контексту, а потому неизбежно уводят исследователя, желающего понять мотивы действий царя на приеме в Преображенском 26 августа 1698 г., далеко в сторону.

---

[7] М. М. Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 3 (Ленинград: Госполитиздат, 1946), 8–9. (M. M. Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 3 (Leningrad: Gospolitizdat, 1946), 8–9).

[8] Соответствующая аргументация, с которой согласился Е. Н. Трефилов (см. сноска 36), приведена в моей книге: Акельев, *Русский Мисопогон*, 206-210. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 206-210).

[9] Марк Блок, *Апология истории, или Ремесло историка* (Москва: Наука, 1986), 33. (Marc Bloch, *Apologiia istorii, ili Remeslo istorika* (Moscow: Nauka, 1986), 33).

[10] Карло Гинзбург, "Приметы. Уликовая парадигма и ее корни," в Карло Гинзбург, *Мифы-эмблемы-приметы: Морфология и история* (Москва: Новое издательство, 2004), 189-241. (Carlo Ginzburg, "Primety. Ulikovaia paradigma i ee korni," in Carlo Ginzburg, *Mify-emblemy-primety: Morfologiia i istoriia* (Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2004), 189-241).

Вернемся же к исходной точке - описанию брадобрития в Преображенском, включенному Гвариентом в донесение от 2 сентября.

О том, как объясняли сцену в Преображенском лишившиеся бород подданные Петра

Прежде всего, следует заметить, что дипломат не мог присутствовать 26 августа 1698 г. на царском приеме лично и видеть брадобритие своими глазами.[11] Это означает, что Гвариент пользовался рассказами каких-то информаторов, а потому можно надеяться, что в его сообщении запечатлены голоса непосредственных участников встречи с царем в Преображенском. Свидетельство Гвариента интересно еще и тем, что в нем содержится не только собственно описание брадобрития в Преображенском (т.е. дается ответ на вопрос, *что* произошло), но также прослеживается попытка его интерпретации (т.е. объясняется, *почему* Петр так действовал). И в основе этого первого толкования лежит отсылка к другому тексту: "их отрезывание [брадобритие], согласно приговору патриарха, немедленно навлекает отлучение от Церкви."

Такой строгий "приговор" предстоятеля действительно существовал. Речь идет о хорошо известном в книжной традиции "Окружном послании" патриарха Адриана против брадобрития, в котором все священники получили строгое предписание лишать церковного общения упорных нарушителей заповеди о брадоношении, пока они не оставят сей "смертный и богопротивный грех."[12]

Находившийся в Москве чуть более трех месяцев Гвариент, конечно, не мог самостоятельно узнать о существовании этого текста, а тем более поставить его в непосредственную связь с выходкой Петра в Преображенском, если бы не его русские собеседники, которые хорошо знали и о том, что патриарх Адриан был далеко не первым предстоятелем Русской Православной Церкви, вводившим этот запрет.[13] Брадобритие в Московии издревле относилось к сфере духовной, а не светской власти.[14] Следовательно, русские участники неофициального приема в Преображенском воспринимали царское брадобритие как *грубое и даже скандальное вторжение царя в сферу церковной власти*.

---

[11] Аргументацию см.: Акельев, *Русский мисопогон*, 54-57. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 54-57).

[12] Предположительно, отнесение брадобрития к числу "смертных" грехов оказалось возможным вследствие того, что оно традиционно ассоциировалось с "содомским" грехом: по словам Адриана, гладко выбритый мужчина не может называться "мужем," но он не становится и "женой," почему именуется "мужеженой," "на скареднейшее содомство издаюшеся." См.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 477-481. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 477-481).

[13] Акельев, *Русский Мисопогон*, 151-154. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 151-154).

[14] Например, в печатном *Требнике* 1647 г. содержался "Чин исповеди," где в перечне вопросов, на который священнику следовало ориентироваться при испытании кающегося, фигурирует и такой: "По еретическому преданию брады своея не брил ли еси?" При этом предполагался такой ответ духовного чада: "Не бривал, честный отче." Если же "грех" имел место, то священнику следовало рекомендовать исповеднику произнести такие слова раскаяния: "Согреших — Богосозданную нашю доброту обругах, врага и еретика послушав, браду свою брил и иных на то поучах:" *Требник* (Москва: Московский печатный двор, 1647), л. 21 об., 43. (*Trebnik* (Moscow: Moskovskii pechatnyi dvor, 1647), l. 21 ob., 43). Описание конкретных случаев применения епископами и священниками санкций против нарушителей заповеди брадоношения см.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 157, 230-232. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 157, 23-232).

Поставив под сомнение вторую часть моей аргументации, Е.Н. Трефилов совсем не принял во внимание первую. Между тем, из богословской составляющей книги следует, что царь брил бороды своим боярам, прекрасно осознавая, что его действия грубо нарушают многовековую церковную традицию и вступают в резкий конфликт с категоричным предписанием патриарха Адриана об отлучении от Церкви за брадобритие. Вряд ли есть основания усомниться в том, что для Петра это был сознательный и обдуманный шаг. Этот несомненный факт необходимо держать в голове при рассмотрении других аргументов.

О том, *что* писал Гвариент о патриархе Адриане во время военного мятежа июня 1698 г., и почему к этому нельзя относиться с пренебрежением

Но на этом истолкование сообщения Гвариента от 2 сентября не может быть исчерпывающим. Дело в том, что в предшествующей депеше, отправленной в Вену 17 (27) июня 1698 г., когда там еще находился сам Петр, Гвариент много писал о патриархе. Посол доносил, что Адриан недавно "публично выступил" против разрешенного царем табакокурения, предав анафеме русского купца, который договорился с государем, еще до его отъезда за границу, о приобретении табачной монополии; затем, предстоятель отказался подчиниться требованию Петра о разводе с Евдокией; наконец, он хотел предать анафеме Б. П. Шереметева за аудиенцию у папы римского. Все эти действия, воспринимаемые Гвариентом как направленные против государя, "*при тогдашних смятенных обстоятельствах* в государстве вызвали опасные трения среди бояр и первейших министров." Поэтому собеседники Гвариента предрекали "патриарху неизбежное наказание и суровую немилость по возвращении царя."[15]

Е. Н. Трефилов относится к этому сообщению Гвариента с большим скепсисом и даже пренебрежением, называя приведенные там сведения "сомнительными," поскольку они не находят подтверждения в русских источниках. Однако сам по себе факт необнаружения документов об анафематствовании купца Гостиной сотни Мартына Богдановича Орленка, который действительно с апреля 1697 г. владел правом сбора государственных пошлин за продажу табака, еще не делает приведенные в депеше сведения недостоверными: ведь мы окончательно не исключили вероятность того, что соответствующие документы еще могут быть найдены. Но даже если бы сообщение Гвариента и было основано на неверно истолкованной или даже ложной информации, мы все равно не можем к нему относиться с пренебрежением по следующим причинам.

Во-первых, сообщение это необходимо для правильного понимания рассказа Гвариента о брадобритии в Преображенском от 2 сентября. Описывая первую встречу Петра и бояр, которая сопровождалась брадобритием, в то время как "отрезание" бород в Московии "согласно приговору патриарха, немедленно навлекает отлучение от Церкви," Гвариент продолжает ранее начатый им разговор об Адриане, доказывая, что высказанный им ранее прогноз о скорой немилости царя в отношении предстоятеля теперь сбывается. Поэтому связь между действиями Петра в Преображенском 26 августа и политическим

[15] Акельев, *Русский Мисопогон*, 495-502. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 495-502).

контекстом лета 1698 г. (сомнительная, с точки зрения Е.Н. Трефилова) была установлена вовсе не мной, а современниками, которые интерпретировали агрессию Петра в отношении боярских бород не как заявку на будущие преобразования (толкование Устрялова), а "прочитывали" его сквозь призму недавних событий (что вполне естественно).

Во-вторых, сообщение Гвариента от 17 июня о нелояльных действиях патриарха (даже если оно и недостоверное) невозможно проигнорировать в силу того особого значения, которое оно приобретает в контексте чрезвычайных обстоятельств лета 1698 г. В тот же день 17 июня из Москвы в Вену была отправлена (с той же почтой?) еще одна важнейшая государственная депеша - послание фактического главы государства на время отсутствия царя стольника князя Ф. Ю. Ромодановского. Адресатом был сам Петр I, находившийся тогда в Вене. Ромодановский сообщал царю о выходе из подчинения размещенных на западных рубежах четырех стрелецких полков, об их быстром продвижении к столице (в момент написания донесения мятежники уже были под Волоколамском, в 90 верстах от Москвы), о недавнем выступлении против них правительственных войск в составе 2300 человек во главе с А. С. Шеиным и П. Гордоном.[16] Важно отметить, что численность продвигавшихся к Москве четырех мятежных полков была вполне сопоставима с направлявшимися к ним навстречу наспех собранным правительственными войсками,[17] а потому исход столкновения для современников был далеко не так очевиден, как нам может показаться. Если донесение Ромодановского выдержано в спокойном деловом тоне, то находившиеся в те дни в Москве иностранные дипломаты в своих донесениях передавали панические настроения российской правящей элиты.[18] Датский резидент Пол Хейнс в те же дни писал, что "весь двор находится в состоянии тревоги," "все живут под страхом революции."[19] Гвариент в том же самом

---

[16] Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 9 (Кабинет Петра I и его продолжение), оп. 2, отд. 1, кн. 18, л. 38-39. (Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA), f. 9 (Kabinet Petra I i ego prodolzhenie), op. 2, otd. 1, kn. 18, l. 38-39); Опубл.: Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3, 474-476. (Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3, 474-476).

[17] С. М. Соловьев, а вслед за ним В. И. Буганов без ссылки на источник писали о том, что взбунтовавшихся стрельцов насчитывалось 2200 человек. См.: С. М. Соловьев. "История России с древнейших времен," в С. М. Соловьев, *Сочинения: В 18 книгах*, кн. VII, т. 13–14 (Москва: Мысль, 1991), 545. (S. M. Solov'ev, "Istoriia Rossii s drevneishikh vremen," in S. M. Solov'ev, *Sochineniia: V 18 knigakh*, kn. VII, t. 13-14 (Moscow: Mysl', 1991), 545); В. И. Буганов, *Московские восстания конца XVII века* (Москва: Наука, 1969), 383–384. (V. I. Buganov, *Moskovskie vosstaniia kontsa XVII veka* (Moscow: Nauka, 1969), 383–384). В докладной записке, подготовленной вскоре после проведения розыска под Воскресенским монастырем, фигурируют данные о 2167 восставших стрельцах, из которых 161 человек погибло во время сражения, умерло от ран и было казнено; 19 сбежало; 1965 разосланы по разным городам и монастырям; еще 22 стрельца оставлены в Воскресенском монастыре для лечения, дальнейшего следствия или пострижения в том монастыре. См.: А. Н. Казакевич, *Восстание московских стрельцов: 1698 год (материалы следственного дела)* (Москва: Наука, 1980), 53–68. (A. N. Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov: 1698 god (materialy sledstvennogo dela)* (Moscow: Nauka, 1980), 53–68).

[18] Также и Патрик Гордон в своем дневнике отмечает, что известие о стрелецком мятеже "произвело немалое устрашение среди вельмож:" Патрик Гордон, *Дневник, 1696-1698* (Москва: Наука, 2018), 149 (Patrick Gordon, *Dnevnik, 1696-1698* (Moscow: Nauka, 2018), 149).

[19] Г. В. Форстен, "Датские дипломаты при московском дворе во второй половине XVII в.," *Журнал Министерства народного просвещения* 356 (ноябрь 1904): 100 (G. V. Forsten, "Datskie diplomaty pri

донесении, в котором много писал о патриархе, также сообщал, что решение об отправке против мятежников правительственных войск (о котором Ромодановский доносил Петру) было принято с большим трудом:

> Ближние бояре, полководцы и другие главные министры уже несколько раз проводили свои ночные советы и размышляли, как наилучшим образом преодолеть эту опасность. Наконец, было постановлено, чтобы 25-го числа сего месяца полк царской гвардии… отправились навстречу этим нарушителям присяги и ожидали их приближения на выгодной позиции. Однако большинство бояр опасаются, что это слишком дерзкое и рискованное предприятие, будучи уверенными, что бунтующие стрельцы имеют большую поддержку и продвигаются сюда, рассчитывая на ее усиление [по мере их приближения к Москве]. Это небезосновательное размышление увеличивает опасение, не присоединятся ли к мятежникам полки, которым приказано противостоять восстанию?[20]

Можем ли мы усомниться в том, что во время военного мятежа подобные опасения (о возможности перехода на сторону военных мятежников какой-то части населения и даже правительственных войск) очень вероятны и даже естественны? Но столь же очевидны в подобной ситуации и предположения о том, что повстанцы связаны с кем-то из Москвы. Причем в первую очередь подозрения, конечно, падают на тех, кто может извлечь из возможного государственного переворота максимальные выгоды.[21]

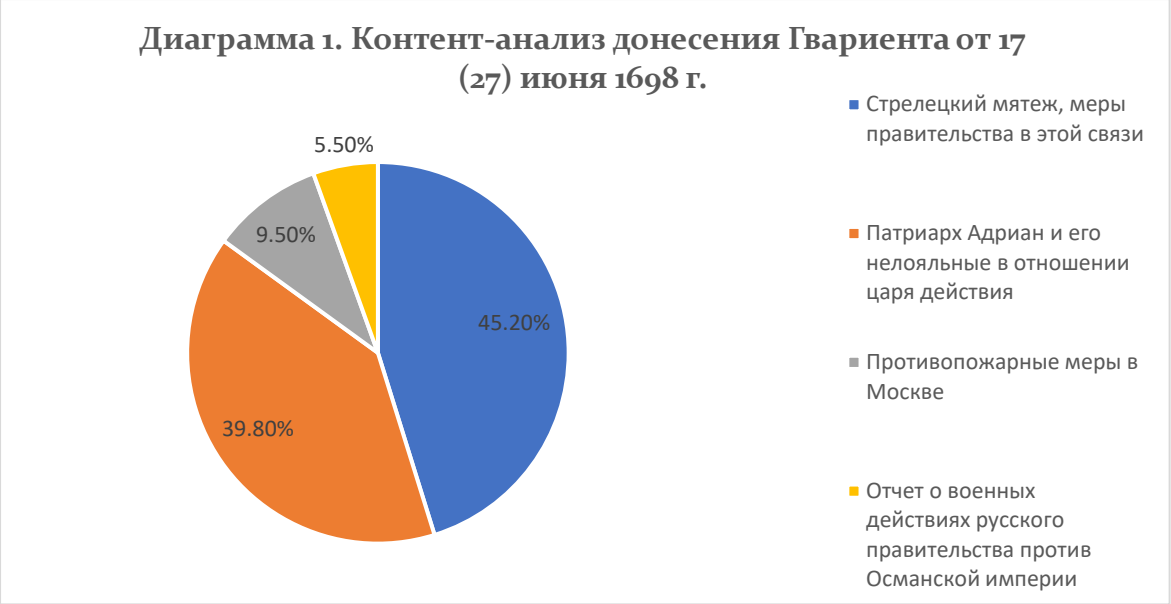
В таких чрезвычайных обстоятельствах Гвариент почему-то значительную часть своего послания в Вену посвящает Адриану. Донесение дипломата от 17 июня включает в себя (в русском переводе) 1101 слово, из которых 438 (почти 40 %) посвящены перечислению свидетельств нелояльного отношения патриарха к царю, причем эта часть по объему немногим уступает описанию обстоятельств военного мятежа и различных действий правительства в этой связи (45 %), хотя вряд ли стоит сомневаться в том, что именно стрелецкое восстание являлось важнейшим и волнующим всех событием (см. диаграмму 1).

---

moskovskom dvore vo vtoroi polovine XVII v.," *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia* 356 (November 1904): 100).

[20] Акельев, *Русский Мисопогон*, 502. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 502).

[21] Как здесь не вспомнить то, что патриарх Иоаким, играя значительную роль во всех бурных событиях 1682 г., в итоге увеличил свой авторитет и влияние настолько, что, по верному замечанию В. М. Живова, в короткий период правления Софьи оказалась воплощена "модель симфонии двух властей," когда церковная власть имела реальную возможность "играть роль независимого центра власти, параллельной власти царей (правительницы Софьи и ее окружения)": В. М. Живов, *Из церковной истории времен Петра Великого* (Москва: Новое литературное обозрение, 2004), 9–10. (V. M. Zhivov, *Iz tserkovnoi istorii vremen Petra Velikogo* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004), 9–10).



При анализе донесения Гвариента от 17 июня не будем забывать и об общих источниковедческих особенностях дипломатических донесений, которые не предполагали включение в них никакой лишней информации. Пол Бушкович, много работавший с этими документами, так объясняет их ограничения: "перед дипломатами стояли определенные задачи, в силу чего они игнорировали проблемы, не имевшие важности для их государей. Так, церковь и культурные перемены, в ней происходившие, почти никогда не упоминались в дипломатических донесениях. Церковь появлялась в них лишь в тех редких случаях, когда она вмешивалась в высокую политику или международные отношения."[22] Помня об этом, как же объяснить, зачем Гвариенту понадобилось так долго удерживать внимание императора Леопольда I на патриархе Адриане и его нелояльных действиях в отношении Петра I, в то время как в стране разворачивался опасный военный мятеж, который мог завершиться даже сменой правящего монарха?

Ответить на этот вопрос помогает другой находившийся в Москве дипломат, датский резидент Пол Хейнс, который в своем донесении, направленном в Копенгаген в эти же самые дни, зафиксировал слухи о возможной причастности патриарха к восстанию. Хейнс написал, что идея о возможной связи Адриана с мятежниками витает в воздухе, но все же напрямую "никто не осмеливается высказать никаких подозрений против его святой персоны" (*personne n'ose faire remarquer aucun soupçon contre sa sainte personne*), и сам Хейнс не верит в подобные слухи.[23] Это пояснение датского дипломата служит прекрасным комментарием к сообщению Гвариента, который, не высказывая никаких явных подозрений, составил свое донесение таким образом, что читатель непременно должен был задуматься, а не заинтересован ли нелояльно настроенный патриарх в победе мятежников.

[22] Пол Бушкович, *Петр Великий: Борьба за власть (1671-1725)* (Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2008), 14-15. (Paul Bushkovitch, *Petr Velikii: Bor'ba za vlast' (1671-1725)* (St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2008), 14-15).

[23] Форстен, "Датские дипломаты," 100. (Forsten, "Datskie diplomaty," 100).

Депеши Хейнса и Гвариента не оставляют никаких сомнений в том, что в разговорах о скрытых механизмах стрелецкого восстания, которые дипломаты, несомненно, вели *с какими-то более знающими людьми*, обсуждалось поведение Адриана, свидетельствующее о его враждебности по отношению к Петру и его политике, а также делались осторожные намеки на патриарха как на очевидного бенефициара военного мятежа в случае его успеха. Подчеркнем, что речь идет не о допущении, а о прямо следующим из дипломатических донесений факте.

О том, что в связях с мятежными стрельцами патриарха Адриана подозревали не только дипломаты, но также и близкие к Петру I иноземцы

Конечно, австрийский посол мог заблуждаться, но он совершенно точно не выдумал все то, что написал о патриархе в донесении от 17 июня. Гвариент, как и Хейнс не находились в замкнутом пространстве, но вращались в определенных кругах, передавая в своих донесениях их настроения. Значит, имперский посланник от кого-то почерпнул все эти сведения, причем именно как доказательства нелояльного отношения Адриана к Петру в контексте военного мятежа.

В нашем распоряжении имеется достаточное количество надежных источников, чтобы определить, от кого именно Гвариент и Хейнс почерпнули изложенные в их донесениях сведения и подозрения. Историки располагают, с одной стороны, подробным дипломатическим дневником секретаря Гвариента И.-Г. Корба, благодаря которому можно восстановить круг общения посла, а с другой стороны – дневником генерала Патрика Гордона. Обращение к последнему источнику в данном случае вполне объяснимо: Гордон был главой московской католической общины, а потому посольство Гвариента, в задачи которого среди прочего входило продвижение католической миссии в России, являлось важнейшим объектом внимания шотландца. Гордон нанес свой первый визит недавно прибывшему послу императора Леопольда I 30 апреля 1698 г. Несколько дней спустя, 6 мая, после полудня, в гостях у Гордона был уже Хейнс, с которым Гордон регулярно встречался и прежде. 19 мая теперь уже "имперский посланник м-р Гвариент" провел у Гордона весь вечер. 5 июня Гордон записал: "Посланники Римского императора, датский и польский с их свитами и прочие друзья обедали у меня и оставались до ночи."[24] Одновременно с этим Гордон постоянно встречается с представителями правящей элиты (боярином Л. К. Нарышкиным, стольником князем Ф. Ю. Ромодановским, боярином Т. Н. Стрешневым и др.), а одновременно с этим ведет личную переписку с Петром I.[25] В дни военного мятежа Гордон принимает участие в правительственных совещаниях в Кремле, а одновременно с этим продолжает встречаться с дипломатами. 12 июня Гордон "был наверху в совете," в ходе которого принято окончательное решение о выступлении правительственных войск против мятежных стрельцов. После совещания Гордон "обедал у польского посланника с другими посланниками и друзьями."[26] На этом обеде присутствовал среди прочих

[24] См.: Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 144, 146, 148. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 144, 146, 148).
[25] 5 июня Гордон "получил письмо от Его Величества, датированное в Амстердаме 9 мая:" Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 148. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 148).
[26] Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 149. (Gordon, *Dnevnik*, *1696*-1698, 149).

секретарь Гвариента Корб, который в своем дневнике в тот день записал: "На пиршестве у польского посла присутствовали цесарский и датский представители [Гвариент и Хейнс], генерал де Гордон (который, встав из-за стола, простился со всем, так как должен был спешить навстречу мятежникам), датский поверенный, полковники Блюмберг и Граге и многие другие."[27]

Итак, Гордон 12 июня присутствовал на совещании в Кремле, где получил окончательные инструкции относительно своего выступления на следующий день против мятежных стрельцов, после чего обедал у чрезвычайного посла Речи Посполитой Яна Станислава Бокия вместе с имперским посланником Гвариентом, датским послом Хейнсом, а также полковником Преображенского полка Иоганом фон Блюмбергом, австрийским военным инженером полковником Казимиром фон Граге и другими близкими к Петру иноземцами. Не имея стенографической записи их беседы, можем ли мы хотя бы на минуту усомниться в том, что на этом обеде разговор был о военном мятеже и предпринимаемых против него правительственных мерах? Разве в тот момент все эти люди, сидевшие за одним столом, могли думать и говорить о чем-то другом, прекрасно осознавая, что в случае победы стрельцов им угрожает смертельная опасность? Эта оценка отчетливо звучит в донесениях Хейнса и Гвариента: "Следует опасаться, что и без того непокорная чернь при желании воспользуется такой возможностью, присоединится к восставшим и тем самым вызовет ужасную кровавую баню," - доносил в Вену Гвариент.[28] Если стрельцы войдут в Москву, то к ним, несомненно, присоединится "вся чернь," и тогда начнется "общее восстание," в ходе которого все иноземцы будут "принесены в жертву народной ненависти," - написал в Копенгаген Хейнс.[29]

Вспомним, что Гвариент в своем донесении сообщал также о совещаниях в Кремле по поводу стрелецкого мятежа, о различных мнениях бояр, наконец, о принятых решениях. Дипломат не мог почерпнуть эту информацию ни от кого иного, кроме как от Гордона, который присутствовал на всех этих совещаниях. Но тогда кто же иной, как не он, мог поведать недавно прибывшему австрийскому посолу в таких подробностях о русском патриархе Адриане и его действиях?[30]

Мысль о том, что предстоятеля можно подозревать в связях с мятежными стрельцами, может показаться фантастической или даже кощунственной. Но,

---

[27] И.-Г. Корб, *Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.)* (Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1906), 64. (I.-G. Korb, *Dnevnik puteshestviia v Moskoviiu (1698 i 1699 gg.)* (St. Petersburg: Tipografiia A. S. Suvorina, 1906), 64).

[28] Акельев, *Русский Мисопогон*, 501. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 501).

[29] Форстен, "Датские дипломаты," 100. (Forsten, "Datskie diplomaty," 100). Стрелецкий розыск показал, что эти опасения были не напрасны. Многие стрельцы впоследствии на самом деле признались в намерении "разорять Немецкую слободу и немец побить за то, что бутто православия от них, немец, закоснело." Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 71-72. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh strel'tsov*, 71-72).

[30] Необходимо отметить, что факт тесного взаимодействия Гвариента и Корба с Гордоном давно установлен в научной литературе. См.: Paul Bushkovitch, "Aristocratic Faction and the Opposition to Peter the Great: The 1690's," *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 50 (1995): 98; С. Шокарев, "Записки современников Петра Великого об эпохе преобразований," в *Рождение империи* (Москва: Фонд Сергея Дубова, 1997), 418. (S. Shokarev, "Zapiski sovremennikov Petra Velikogo ob epokhe preobrazovanii," in *Rozhdenie imperii* (Moscow: Fond Sergeia Dubova, 1997), 418). Сам Е. Н. Трефилов в своей рецензии привел важные аргументы в подтверждение этого факта (см. сноска 27 в его тексте).

памятуя о том, что люди как правило склонны воспринимать происходящее сквозь призму своего собственного опыта, нелишним будет напомнить, что последний политический переворот, произошедший в России в августе-сентябре 1689 г., был осуществлен при активном участии патриарха Иоакима. Розыскная комиссия о Ф. Л. Шакловитом и его сообщниках параллельно с расследованием заговора на жизнь Петра и его матери Натальи Кирилловны рассматривала также намерение сторонников царевны Софьи совершить церковный переворот.[31] В числе главных заговорщиков фигурировал Сильвестр Медведев, которого всерьез подозревали в намерении убить патриарха Иоакима, занять его место, а затем осуществить церковную унию.[32] Гордон не только видел эти события собственными глазами, но и сам активно в них участвовал, оставив в своем дневнике уникальные исторические свидетельства. В частности, 12 сентября 1689 г. он записал, что Петра "с великим трудом убедили согласиться на казнь этих людей [Шакловитого и нескольких стрельцов], и не прежде, чем его уговорил патриарх [Иоаким]."[33] Сразу после завершения следствия о Шакловитом и его сообщниках последовали суровые правительственные меры против католиков. По настоятельному "святейшаго патриарха и всего Освященнаго Собора прошению" из Москвы были в срочном порядке высланы иезуиты, которым на сборы и продажу двора в Немецкой слободе выделили всего два дня. В качестве причины такой резкой перемены было объявлено, что "они Святой Соборной Восточной Апостольской Церкви и догматам ея чинят противность и раскол, и людей прельщают, и римской своей вере научают."[34] После этого московская католическая община, которую возглавлял Гордон, на много месяцев осталась без священника и, следовательно, без таинств.[35] Несколько недель спустя был опубликован указ, ужесточивший порядок въезда в страну выходцев из Западной Европы.[36] Патриарх Иоаким настолько усилил свое влияние и политический вес, что мог позволять себе не допускать на официальный прием служилых иноземцев в Кремль, лично приглашенных Петром. Так, 28 февраля 1690 г., когда "младший царь" устроил торжественную трапезу в Грановитой палате по случаю рождения царевича Алексея, патриарх Иоаким резко воспротивился допуску в царские палаты "еретиков," в результате чего Гордон должен был удалиться. В тот день шотландец записал в своем дневнике: "Я должен был обедать наверху, но патриарх протестовал против допуска иноземцев."[37]

---

[31] См.: *Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗ), т. 3 (Санкт-Петербург: Типография II Отделения Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярии, 1830), no. 1352, 40-42 (*Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii* (PSZ), t. 3 (St. Petersburg: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi Ego Imperatorskago Velichestva Kantseliarii, 1830), no. 1352, 40-42).

[32] См.: Акельев, *Русский Мисопогон*, 161-168. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 161-168).

[33] Патрик Гордон, *Дневник, 1684–1689* (Москва: Наука, 2009), 212, (Patrick Gordon, *Dnevnik, 1684–1689* (Moscow: Nauka, 2009), 212).

[34] ПСЗ, т. 3, no. 1351, 39-40. (*PSZ*, t. 3: no. 1351, 39-40).

[35] См.: А. Н. Андреев, "Московская римско-католическая община в конце XVII в.: формирование, состав и конфессиональная жизнь," *Вестник Южно-Уральского государственного университета* 17:4 (2017): 10. (A. N. Andreev, "Moskovskaia rimsko-katolicheskaia obshchina v kontse XVII v.: formirovanie, sostav i konfessional'naia zhizn'," *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* 17:4 (2017): 10).

[36] См.: ПСЗ, т. 3, no. 1358, 46-47. (*PSZ*, t. 3, no. 1358, 46-47).

[37] Патрик Гордон, *Дневник, 1690–1695* (Москва: Наука, 2014), 11. (Patrick Gordon, *Dnevnik, 1690–1695* (Moscow: Nauka, 2014), 11).

Но неожиданно для патриарха Петр, до августа 1689 г. не проявлявший особенной тяги к общению с иноземцами,[38] а после переворота первое время даже соблюдавший "все требования кремлевского ритуала строже, чем в предыдущее время,"[39] постепенно все более и более склоняется к общению с Лефортом, Гордоном и их окружением, что вскоре (с начала 1690 г.) находит отражение и в его "бытовой европеизации."[40] Обеспокоенность Иоакима переменой, происшедшей в "младшем царе," выражена в его духовном завещании, составленном незадолго до смерти 17 марта 1690 г., в котором он строго предостерегал государей от сближения с иноземцами, представлявшими, с точки зрения патриарха, смертельную опасность для всего православного мира; особенно же предстоятель умолял царей воздерживаться от назначения "еретиков" на важные военные посты.[41] Но Петр делал все наоборот: сразу после смерти Иоакима он повелел себе изготовить первое "немецкое" платье и парик, причем материалы были куплены у Лефорта, который в эти же дни был производен в генерал-майоры.[42]

После смерти Иоакима, как известно, развернулась борьба вокруг кандидатуры нового патриарха, за которой пристально наблюдал Гордон, так как от исхода напрямую зависело положение московской католической общины. 20 июля 1690 г. он записал в своем дневнике, что кандидатом Петра был митрополит псковский Маркелл, которого, однако не хотели видеть патриархом "старшая вдовствующая королева Наталья Кирилловна с аббатами, приорами и низшим духовенством," опасаясь, что "он станет жаловать католические и другие религии." Царица поддерживала кандидатуру преемника Иоакима митрополита Казанского Адриана.[43] Гордон возвращается к этой важной теме 23 августа, когда патриархом все-таки был избран Адриан, "невзирая на царскую склонность к Маркеллу, митрополиту Псковскому, коего старые бояре и большинство духовенства ненавидели за его ученость и другие великие добродетели и избрали этого ради его невежества и простоты."[44]

Став предстоятелем, Адриан сразу же продемонстрировал готовность следовать заветам своего предшественника: в первые месяцы патриаршества он обратился к пастве с обширным программным "Окружным посланием" в 24 "увещеваниях," лейтмотивом которого была опасность, исходящая от католиков и протестантов, именуемых "врагами Божиими и веры православной." По убеждению Адриана, "ересь" проникает в Православную Церковь постепенно и

---

[38] См.: Н. Н. Петрухинцев, "Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в.," *Quaestio Rossica* 5:1 (2017): 201-202, 208-209. (N. N. Petrukhintsev, "Rannee evropeiskoe vliianie na Petra I: Patrik Gordon i Frants Lefort v kontse XVII v.," *Quaestio Rossica* 5:1 (2017): 201-202, 208-209).

[39] Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 1, 95. (Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 1, 95).

[40] Петрухинцев, "Раннее европейское влияние на Петра I," 210-211. (Petrukhintsev, "Rannee evropeiskoe vliianie na Petra I," 210-211).

[41] Духовное завещание [патриарха Иоакима], в А.П. Богданов, *Русские патриархи*, т. 2 (Москва: ТЕРРА; Республика, 1999), 308–309, 311–312. ("Dukhovnoe zaveshchanie [patriarkha Ioakima]," in A. P. Bogdanov, *Russkie patriarkhi*, t. 2 (Moscow: TERRA; Respublika), 308–309, 311–312).

[42] См.: Петрухинцев, "Раннее европейское влияние на Петра I," 213 (Petrukhintsev, "Rannee evropeiskoe vliianie na Petra I," 213).

[43] Гордон, *Дневник, 1690–1695*, 21-22. (Gordon, *Dnevnik, 1690–1695*, 21-22).

[44] Гордон, *Дневник, 1690–1695*, 25. (Gordon, *Dnevnik, 1690–1695*, 25).

малозаметно: сначала через заимствование “чужестранных обычаев,” а потом дело дойдет и до их учения.[45]

Нет никаких сомнений в том, что Петр был хорошо знаком с этим важным программным документом нового патриарха. Может ли быть случайным то, что образ действий Петра, которого он придерживается с первых же дней патриаршества Адриана, нарочито противоречил этой программе? Именно осенью 1690 г., когда новый предстоятель публично сформулировал положения своей программы, государь становится частым гостем в Немецкой слободе, а его гардероб обновляется интенсивнее, в результате чего “новый, приближенный к европейскому стиль одежды превращается для царя в привычную повседневность.”[46]

Патриарх Адриан пытается этому противостоять тем средством, которое было в его распоряжении, то есть архипастырским словом. Именно к этому периоду (то есть концу 1690–1692 г.) относятся многочисленные проповеди Адриана, написанные Карионом Истоминым, Евфимием Чудовским, братьями Лихудами и другими книжниками из его окружения, в которых в духе завещания патриарха Иоакима строго возбраняется общение с “еретиками.” Позволю себе процитировать одну из них:

> Да уже общашеся с иноземцы, подобне мнози навыкоша делом их, ибо своего государства отеческия постоянныя воздержныя обычаи и нравы охуждают, иноязыческия же, и еретическия, и возбраненныя Церковию дела, паче же Самим Богом заповеданныя не творити хвалят и творят, *яко брады на лице своем бриют, блуднически соделовающе вид свой*, пити, гуляти, играти, исполняти похотения своя злая, с еретиками проклятыми по кокуем и по дворищам их ликовати то и дело мнят быти. А у еретиков, лютеров и калвинов ни постов святых, ни воздержаний телесных никогда нет, но на всякия злобы по еретической и богомерзской их науке разпоясаны суть всегда.[47]

Можно предположить, что в этой обличительной речи совместное времяпрепровождение с “еретиками” в Немецкой слободе (на “Кокуе”), подражание их обычаям, в том числе брадобритию, не случайно оказываются тесно взаимосвязанными. Скорее всего, именно на этот период “бытовой европеизации” Петра приходится и освоение им привычки брадобрития, которая, несомненно, перенималась и людьми из его окружения. Судя по сохранившимся парсунам (Л. К. Нарышкина, Я. Ф. Долгорукова, Г. П. Годунова, А. И. Репнина), брадобритие действительно было весьма распространено в среде высшего московского общества 1690-х гг. Упомянутое Гвариентом при описании брадобрития в Преображенском “постановление” патриарха Адриана о запрещении брадобрития под угрозой отлучения от Церкви не случайно

---

[45] Опубликовано: Акельев, *Русский Мисопогон*, 447-463. (Akel’ev, *Russkii Misopogon*, 447-463).

[46] Петрухинцев, “Раннее европейское влияние на Петра I,” 213-215. (Petrukhintsev, “Rannee evropeiskoe vliianie na Petra I,” 213-215).

[47] Отдел рукописей Государственного исторического музея (ОР ГИМ), Чуд. 300, l. 176 об. (Otdel rukopisei Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia (OR GIM), Chud. 300, l. 176 ob.).

появилось именно в это время. Но такая радикальная позиция в итоге привела к тому, что, покуда прозападная ориентация Петра становилась все более очевидной, патриарх и его окружение оказывались в положении усиливающейся конфронтации с царем.

И вот теперь Петр находился в Вене, откуда намеревался ехать в Италию. В эти месяцы вопрос о возможной церковной унии очень серьезно обсуждался на самом высоком уровне. М. М. Богословский, внимательно изучивший документы, связанные с пребыванием Петра в австрийской столице, отметил:

> Тот исключительный интерес, который был проявлен Петром в Вене к католическому богослужению, его в высшей степени благосклонное отношение к католическому духовенству, к иезуитам, и в частности к Вольфу, окрылили мечты высших венских церковных кругов, где уже и ранее существовало мнение о Петре как о государе, склонном осуществить соединение церквей. Теперь это мнение могло благодаря отношению, проявленному Петром к католической церкви, и его словам о соединении только укрепиться. В венских церковных кругах ходили рассказы о недовольстве против царя со стороны московского православного духовенства именно за его намерение присоединиться к римской церкви и об опасении со стороны этого духовенства, что царь последует в этом случае примеру путешествующего по Италии боярина Б. П. Шереметева, который будто бы уже перешел в католичество.[48]

Присоединения Петра к Римской церкви тогда ждали многие, но одни, как патриарх Адриан, люди из его окружения, сочувствующие ему бояре, - с апокалиптическим страхом, а другие, как Гвариент и Гордон, - с большим нетерпением. В этом контексте становится понятным, почему 12 июня собравшиеся за одним столом у польского посланника Гордон, Гвариент, Хейнс, а также полковники Блюмберг и Граге, обсуждая военный мятеж и возможных союзников повстанцев, в первую очередь думали о патриархе Адриане, а вовсе не о томившейся в Новодевичьем монастыре царевне Софье.

О том, почему подозрения Гордона о связях мятежных стрельцов с патриархом Адрианом впоследствии должны были еще более укрепиться

В тот день, когда Гвариент и Ромодановский отправили свои донесения в Вену Леопольду I и Петру I, Гордон и Шеин сошлись с мятежниками у основанного патриархом Никоном Воскресенского монастыря (Новый Иерусалим) на берегу Истры, в 40 верстах от Москвы. На следующий день, 18 июня, непосредственно перед сражением, в правительственный лагерь явился стрелецкий десятник Колзакова полка Васька Андрианов сын Зорин с обращением от повстанцев, которое хотел “прочесть большого полку в народе”[49] (т.е. перед

[48] Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 2, 524–525. (Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 2, 524–525).
[49] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 42. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 42).

правительственными войсками). Что же хотели объявить восставшие прибывшим для их усмирения служилым людям?

Именуя себя "семенем избранным" и "народом христианским," стрельцы заявляли, что они, как их отцы и деды, всегда служили и служат своим великим государям верой и правдой, а главная цель их службы состояла и состоит в том, чтобы "*благочестие* (т.е. православие – *Е. А.*) хранити, якоже содержит Святая Апостольская Церковь." На этом они "целовали крест святый" и в этом видят суть своей присяги ("о благочестии непременно служим"). Именно обязанность "благочестие хранити" и принудила их к выступлению и продвижению к Москве, поскольку сейчас "благочестие" оказалось под угрозой: вопреки церковным запретам в православном царстве распространяется брадобритие и табакокурение, на важнейшие должности назначаются "еретики"-иноземцы, а что от этого происходит, они, стрельцы, могли испытать сами, на собственной шкуре, во время Азовского похода. "Еретик иноземец Францк Лефорт," возжелав "благочестию великое препятствие учинить," "не хотя наследия нашего христианского видеть," своим злым "умышлением" делал все возможное, чтобы в ходе осады Азова погубить как можно больше "народа христианского." Тем не менее вопреки злонамеренным действиям Лефорта, стараниями стрельцов и "поможением Божиим" Азов был взят (пусть это и стоило многих напрасных жертв), после чего стрельцы, оставленные приводить его в порядок, работая "денно и нощно," "все место азовское розчистив, и по наряду город земляной новой и ров делали, и в совершенстве учинили." После этого утомленные войной и работой стрельцы почему-то не были отпущены в Москву, а были направлены на польский рубеж, в полк боярина и воеводы М. Г. Ромодановского, который их, "вывед по полкам ис Таропца, велел рубить," то есть попросту хотел погубить. Но они, стрельцы знают, каковы истинные причины того, почему "еретики"-иноземцы и бояре-изменники так долго держат их подальше от столицы и прилагают все усилия к тому, чтобы их истребить: "идут к Москве немцы," после чего, "последуя брадобритию и табаку," наступит "всесовершенное благочестию испровержение." Иными словами, сейчас идет речь о том, что скоро наступит точка невозврата, когда свершится то, о чем предупреждали патриархи Иоаким и Адриан: все Московское царство "облатинится"! Но они, стрельцы, целовавшие крест на том, чтобы служить "благочестию," не могут этого допустить.[50]

Я намеренно так подробно пересказал содержание коллективного стрелецкого обращения, чтобы подчеркнуть его тесную связь с риторикой патриархов Иоакима и Адриана. В. В. Заплетин высказал обоснованное предположение, что авторы коллективного обращения были знакомы с духовным завещанием патриарха Иоакима, в особенности, с его строгим запретом назначать "еретиков" на важные военные должности.[51] Однако в обращении также просматривается знакомство авторов и с проповедями патриарха Адриана. Более

---

[50] Акельев, *Русский Мисопогон*, 197-200, 486-494. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 197-200, 486-494).

[51] См.: В. В. Заплетин, "Об идеологической функции 'Открытого письма' десятника В. Зорина в событиях стрелецкого восстания 1698 г.," *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология* 1 (2017): 17. (V. V. Zapletin, "Ob ideologicheskoi funktsii 'Otkrytogo pis'ma' desiatnika V. Zorina v sobytiiakh streletskogo vosstaniia 1698 g.," *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia* 1 (2017): 17).

того, можно сказать, что в нем четко и емко выражено их основное идейное содержание.

Могли ли стрельцы составить столь близкий к завещанию Иоакима и проповедям Адриана текст самостоятельно? И как могло так совпасть, что стрельцы выступили в защиту православия в тот самый момент, когда государь находился в Вене, откуда намеревался ехать в Италию, где наверняка посетил бы Рим, а возможно, и папу римского. А может быть, их действиями управляет кто-то из Москвы? Я нисколько не домысливаю, когда утверждаю, что эти очевидные подозрения разделялись членами первой следственной комиссии "в разрядном шатре" под Воскресенским монастырем (в составе Шеина и Гордона). Из сохранившихся следственных материалов прямо следует, что дознавателей в первую очередь интересовали обстоятельства составления коллективного обращения стрельцов: кто внушил стрельцам выраженные в нем идеи (кто их "научил")? Кому предназначалось обращение по изначальному замыслу? Кому принадлежала идея огласить текст в правительственном войске? С каким умыслом это планировалось сделать? Кто конкретно участвовал в составлении текста? Кто знал о его содержании? Таков перечень вопросов, задаваемых стрельцам Шеиным и Гордоном.

Е. Н. Трефилов настаивает на том, что сохранившиеся материалы стрелецкого розыска под Воскресенским монастырем не дают нам никаких доказательств в пользу того, что Шеин и Гордон могли предполагать связь повстанцев именно с патриархом. И здесь я должен признать его правоту. Действительно, повстанцев как будто прямо не спрашивали, велась ли переписка с Адрианом или с кем-то из его окружения; вопросы имели более общий характер: сносились ли мятежники с кем-то из Москвы - с боярами, с людьми каких-то иных чинов, и не контактировали ли они со стрельцами из других городов. Но заметим, *во-первых*, что и эти вопросы все-таки однозначно свидетельствуют о подозрениях, что мятеж спровоцирован кем-то из Москвы, возможно, даже какими-то боярами. *Во-вторых*, подозрения в отношении Адриана, которые, как мы уже установили, все-таки имелись у Гордона (ведь именно через него они попали в донесения Хейнса и Гвариента), вовсе не обязательно должны были отразиться в прямых вопросах о непосредственных контактах предстоятеля с повстанцами; более того, мне кажется, вряд ли кому-то могло прийти в голову, что патриарх мог лично писать стрельцам с призывом к мятежу ради спасения православия. Другое дело подозревать, что Адриан, а скорее даже кто-то из его сторонников, могли воздействовать на стрельцов опосредованно, через каких-то бояр или людей иных чинов. Но ведь именно такие вопросы и ставились дознавателями. А потому один лишь факт отсутствия в следственных материалах прямых вопросов о связях мятежников с Адрианом ни о чем не говорит, и он не может опровергнуть всю совокупность других фактов и вполне обоснованных предположений.

О том, *что* подумал Петр, получив известие о военном мятеже, и *что* нового он узнал о нем по пути в Россию

Наконец, мы добрались до ключевого вопроса: дошли ли слухи о возможных связях мятежных стрельцов с патриархом Адрианом до

находившегося за границей царя? И могли ли эти слухи повлиять на первые его действия после возвращения в Москву, в частности, мотивировать на скандальную выходку с брадобритием в Преображенском?

В нашем распоряжении имеется сохранившееся в подлиннике собственноручное письмо Петра, которое он написал Ромодановскому 16 июля 1698 г. в Вене в ответ на его донесение. Это единственный источник, по которому мы можем судить об образе мыслей царя в первый же момент после получения известия о военном мятеже. Процитирую это письмо целиком:

> Min Her Kenih.
> Писмо твое, июня 17 дня писанное, мне отдано, в котором пишет Ваша милость, что *семя Ивана Михайловича ростет, в чем прошу быть вас крепких, а кроме сего ничем сей огнь угасить не мочно*.
> Хотя зело нам жаль нынешнего полезного дела, аднако сей ради причины будем к вам так, как вы не чаете.
> Peter.
> Из Вены, июля в 16 день 1698.[52]

Публикаторы первого тома *Писем и бумаг императора Петра Великого* прокомментировали это письмо следующим образом: “Под семенем Ивана Михайловича (т.е. Милославского, боярина, которого Петр Великий считал главным виновником кровопролитий, бывших в первом стрелецком бунте 1682 года) следует разуметь стрельцов, сторонников царевны Софьи Алексеевны.”[53]

Эта интерпретация прочно закрепилась в историографии как совершенно доказанный и неоспоримый факт. Так, публикатор материалов следственного дела о восстании московских стрельцов 1698 г. А.Н. Казакевич выразил уверенность в том, что Петр в письме Ромодановскому сразу “узрел [...] нить от стрельцов к Софье,” не подкрепив это предположение какой бы то ни было аргументацией.[54] Между тем под “семенем Ивана Михайловича [Милославского]” вовсе не обязательно должна была подразумеваться Софья. Следует напомнить, что в конце февраля 1697 г., накануне отъезда Петра в Великое посольство, был раскрыт заговор Цыклера, главным содержанием которого была попытка воспользоваться отсутствием царя для возведения на трон с помощью стрельцов нового монарха. Как известно, ритуал казни заговорщиков 4 марта 1697 г. включал в себя надругательство над телом умершего еще в 1685 г. И. М. Милославского. Это было сделано потому, что Петр считал Ивана Михайловича идейным вдохновителем заговора Цыклера, так как Милославский был тем человеком, который впервые применил стрельцов для осуществления дворцового переворота. Будучи близким к Ивану Михайловичу человеком, Цыклер и сам участвовал в стрелецком восстании 1682 г., успех которого, очевидно, и вдохновил его на новую попытку. В этом смысле Петр и считал Ивана Михайловича

---

[52] РГАДА, ф. 9, оп. 2, отд. 1, кн. 28, l. 15-16. (RGADA, f. 9, op. 2, otd. 1, kn. 28, l. 15-16); Опубл.: *Письма и бумаги императора Петра Великого* (*ПиБ*), т. 1 (Санкт-Петербург: Государственная типография, 1887), 266. (*Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo*, t. 1 (*PiB*) (St. Petersburg: Gosudarstvennaia tipografiia, 1887), 266).

[53] *ПиБ*, т. 1, 742. (*PiB*, t. 1, 742).

[54] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 10. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 10).

Милославского родоначальником этого заговора. Но важно подчеркнуть, что *Софья не была замешана в деле Цыклера* (хотя ее кандидатура среди прочих обсуждалась заговорщиками).[55]

Следовательно, в ответе Ф. Ю. Ромодановскому Петр вовсе не указывал на связь повстанцев с Софьей, когда предложил видеть в новом мятеже очередной плод "семени Ивана Михайловича." Если бы Петр действительно сразу "узрел [...] нить от стрельцов к Софье," он бы скорее всего так об этом и написал, дав Федору Юрьевичу конкретные инструкции о более строгом режиме охраны сестры, об аресте ее служанок и т.п. Но в письме Петра мы этого не видим.

Какие же мы можем сделать твердые заключения относительно того образа мыслей, которого держался Петр после прочтения донесения Ромодановского? *Во-первых*, Петр без колебаний принял твердое решение о срочном возвращении в Москву, которое не изменил и после получения известий об успешном подавлении военного мятежа. За этим решением, очевидно, стоит оценка ситуации как очень опасной, требующей его обязательного присутствия в Москве. *Во-вторых*, в ответе Ромодановскому просматривается уверенность Петра в том, что стрельцами вновь пытается воспользоваться кто-то из Москвы ("семя Ивана Михайловича"). И это убеждение царь старался внушить Ромодановскому, призывая его в борьбе с "семенем Ивана Михайловича" проявлять "крепость." Вот и все, что мы можем знать наверняка о том впечатлении, которое произвело на Петра первое известие о стрелецком восстании.

Но было ли донесение Ромодановского от 17 июня единственным источником, откуда Петр черпал сведения о военном мятеже во время своего отсутствия в России?[56] Мы должны однозначно исключить такую вероятность, и у нас есть на это все основания. Хотя корреспонденция Петра июня-августа 1698 г. почти не сохранилась, по разным данным мы знаем, что она была в те дни очень активной. Так, сохранился оригинал царского письма на немецком языке полковнику Блюмбергу от 18 июня, доставленный в Москву 18 июля. Получение письма наверняка заставило Блюмберга написать государю ответ (как это сделал, например, Н. М. Зотов, который получил письмо Петра с той же почтой 18 июля). Напомним, что Блюмберг был в числе тех персон, кто 12 июня сидел за одним столом вместе с Гордоном, Гвариентом и Хейнсом, в ходе которого, как мы предположили выше, обсуждалась фигура патриарха Адриана, его нелояльное отношение к Петру и его заинтересованность в том, чтобы военный мятеж увенчался успехом. В своем ответном письме царю Блюмберг, разумеется, не мог обойти тему стрелецкого мятежа стороной.

Достоверно известно, что 24 июля 1698 г., когда царский кортеж находился в Кракове, Петру была доставлена почта из России. Первая редакция *Гистории*

---

[55] См.: *ПСЗ*, т. 3, no. 1575, 280-281. (*PSZ*, t. 3, no. 1575, 280–281); Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 1, 387–393. (Bogoslovskii, *Petr I: Materialy dlia biografii*, t. 1, 387–393); Н. Б. Голикова, *Политические процессы при Петре I* (Москва: Издательство Московского университета, 1957), 87–100. (N. B. Golikova, *Politicheskie protsessy pri Petre I* (Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1957), 87–100); Бушкович, *Борьба за власть*, 194–201. (Bushkovich, *Bor'ba za vlast'*, 194–201).

[56] Я сознательно не ставлю вопроса о том, мог ли царь быть ознакомлен с содержанием донесения Гвариента, которое было получено в Вене в те дни, когда там находился сам Петр, поскольку мы все равно вряд ли сможем на него ответить наверняка. Однако заметим, что Вена, будучи заинтересованной в продвижении католической миссии в России, не могла не осознавать своей выгоды в том, чтобы настроить царя против Адриана.

свейской войны, составленная в 1717–1721 гг., включает сообщение, основанное на личном воспоминании царя о тех памятных днях:

> И когда его величество о том бунте получил ведомость в Вене при самом отъезде в Ыталию, тогда, оставя сей путь, восприял путь свой в Росию. В котором пути, недалеко проехав Краков, получил другое писмо, что бунтовщики все разбиты и побраны, чего для возможно бы ехать в Италию и Францию, однако ж в разсуждении то имел, что протчие стрельцы, хотя сему бунту и не точны, однако ж сумнение на них надлежало иметь, ибо оная пехота устроена была образом янычар туретских (которые, правда, и воздали по-янычарски). И всегда были заодно. Того ради опасаясь, дабы от протчих в небытии его величества (которое по тогдашних обычаем зело странно было) паки какого замешания не было, неотменно продолжал путь свой в Росию.[57]

Чье письмо получил Петр в Кракове? Почти наверняка это был Ромодановский, который обязан был отправлять государю регулярные отчеты; к тому же он знал, что царь, увидевшей в корне мятежа "семя Ивана Михайловича,"[58] с нетерпением ожидал подробных сведений о расследовании. Из дневника Гордона, который непосредственно участвовал в расследовании под Воскресенским монастырем,[59] мы узнаем, что 24 июня он составил письмо царю, в котором "вкратце написал к Его Величеству обо всех обстоятельствах сего похода."[60] Об этом послании Гордон также упомянул в письме, отправленном Лефорту из лагеря под Воскресенским монастырем 30 июня 1698 г.[61] К сожалению, само это письмо Гордона не сохранилось, и мы не знаем, в каких выражениях он посчитал нужным сообщить Петру I "обо всех обстоятельствах." Но я предполагаю, что Гордон, намереваясь написать царю "обо все обстоятельствах," просто не мог проигнорировать важнейшее из них, вокруг которого и была сосредоточена работа следственной комиссии "в разрядном шатре" у Воскресенского монастыря: попытку стрельцов перед сражением ознакомить правительственные войска со своим коллективным

---

[57] *Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого)*, вып. 1 (Москва: Кург, 2004), 81. (*Gistoriia Sveiskoi voiny (Podennaia zapiska Petra Velikogo)* (Moscow: Kurg, 2004), t. 1, 81).

[58] Н. М. Зотов в своем ответном письме Петру от 22 июля 1698 г., выдержанном в шуточном тоне, упомянул о мятеже следующими словами: "Дай Господи Боже вас дождатца, тогда б Ивашка не стал нам ругатца." *ПиБ*, t. 1, 730. (*PiB*, t. 1, 730). Под "Ивашкой" здесь, несомненно, понимается Иван Михайлович Милославский. Стало быть, Зотов знал о содержании письма Петра Ромодановскому от 16 июля 1698 г., а потому и поспешил выразить государю свою солидарность с его оценкой этих событий. А это означает, что Ромодановский ознакомил с ответом Петра и других его сподвижников, причем они от царя этого не скрывали.

[59] О том, что Гордон принимал участие в следствии и присутствовал на пытках, мы узнаем из его дневника. Например, 21 июля он записал: "Мы собрали еще один полк прежним порядком, допрашивали и подвергали пытке разных лиц, кои сознавались в своих злонамеренных умыслах — если бы добрались до Москвы." 25 июля он записал: "Сей и последующие дни, кроме воскресенья, мы каждодневно с утра до вечера занимались расследованием дела, и многие были пытаны, иные из коих сознались." Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 153–154. (Gordon, *Dnevnik*, *1696-1698*, 153-154).

[60] Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 154. (Gordon, *Dnevnik*, *1696-1698*, 154).

[61] Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 188. (Gordon, *Dnevnik*, *1696-1698*, 188).

обращением, в котором они объявили себя защитниками православия. Более того, мне кажется, что Гордон мог завуалированно выразить свои подозрения о возможной связи мятежников и Адриана.

Е. Н. Трефилов категорически отвергает мое предположение: "как можно обнаружить подозрения, да еще и завуалированные, в недошедшем до нас письме?" Но замечу, что моя догадка не такая уж фантастическая. *Во-первых*, как мы уже видели, подозрения о связи стрельцов и Адриана именно в завуалированном виде выражены собеседниками Гордона Гвариентом и Хейнсом в донесениях их монархам. Нет ничего невероятного в том, что такую же мысль и в сходной форме выразил и Гордон в письме своему монарху. *Во-вторых*, подозрения дипломатов, как мы выяснили, основаны на сведениях, предоставленных самим Гордоном; а это значит, что шотландец и сам разделял эти подозрения, иначе сложно объяснить, зачем он рассказал Гвариенту и Хейнсу о нелояльном отношении Адриана в тот момент, когда все разговоры были только об одном – о военном мятеже. Но как же искренне преданный Петру Гордон мог не предупредить своего монарха о смертельной угрозе, если он был твердо уверен в ее существовании? Наконец, *в-третьих*, обратим внимание на следующий эпизод. Вернувшись в Москву вечером 25 августа, Петр I сразу же направился в Немецкую слободу, где пожелал срочно увидеться с Гордоном. Однако генерал в тот момент находился в своей деревне под Тулой. Тогда подполковник Ливингстон незамедлительно отправил Гордону письмо, получив которое генерал записал в своем дневнике 2 сентября: "Около одиннадцати часов я получил письмо от подполковника Ливингстона, датированное 25 августа, с вестью, что Его Величество прибыл в Москву в тот самый день и уже побывал у меня дома, справляясь обо мне. Посему я велел спешить с подготовкой к моему раннему отъезду завтра."[62] Отправившись в обратный путь 3 сентября, пожилой генерал, стараясь сократить путь, следовал густыми лесами, пользуясь услугами местных проводников, не останавливаясь для отдыха даже ночью, и это все несмотря на очевидную опасность подобных путешествий.[63] Приехав в Немецкую слободу днем 8 сентября (потратив на дорогу всего 5 дней, в то время как письмо подполковника Ливингстона шло 8 дней!), Гордон застал Петра у полковника Граге – того самого, который тоже присутствовал на памятном обеде у польского посланника 12 июня. Секретарь Гвариента Корб, бывший очевидцем этой встречи, в дневнике отметил, что Гордон хотел было на коленях просить у царя прощения, но Петр не позволил.[64] Чем же объяснить желание царя увидеть Гордона в самый вечер своего возвращения, отчаянную поспешность шотландца, а затем и его унизительные извинения за отсутствие в столице в момент возвращения царя, если не какими-то причинами особой государственной важности? И что это могли быть за причины, если не обстоятельства стрелецкого мятежа, которые и принудили Петра к срочному возвращению?

Но, конечно, мы не можем знать о содержании письма Гордона наверняка, пока оно не обнаружено; здесь, безусловно, есть пространство для споров. Однако замечу, что для меня этот аргумент является не единственным и даже не самым важным. Если Петр действительно подозревал патриарха Адриана или кого-то из

---

[62] Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 163. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 163).

[63] Гордон, *Дневник, 1696-1698*, 163–164. (Gordon, *Dnevnik, 1696-1698*, 163-164).

[64] Корб, *Дневник путешествия в Московию*, 86. (Korb, *Dnevnik puteshestviia v Moskoviiu*, 86).

его сторонников в связях с мятежниками, это должно было повлиять на его первые действия после возвращения, а также найти отражение в материалах сентябрьского стрелецкого розыска.

О том, что материалы "большого стрелецкого розыска" сентября 1698 г. не опровергают, а подтверждают гипотезу о том, что царь подозревал патриарха в связях с мятежниками

Материалы так называемого "большого стрелецкого розыска" сентября 1698 г. играют в критике Е. Н. Трефилова ключевое значение. Мой оппонент настаивает на том, что в этих материалах ничто не указывает на то, что Петр изначально предполагал связь стрельцов с патриархом Адрианом. Но посмотрим повнимательнее, так ли это на самом деле.

Всякое следствие предполагает наличие предварительной версии. Без нее нельзя приступить к розыскным мероприятиями, так как невозможно определить, с чего начать, кого допрашивать в первую очередь, какие вопросы задавать и.т.д. Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что Петр начал стрелецкий розыск совсем не на другой день после возвращения, а только 17 сентября.

Но это вовсе не означает, что в предшествующие дни работа в этом направлении совсем не велась. Как раз наоборот, Петр занимался стрелецким розыском очень активно. Как установил еще М. М. Богословский, в конце августа Петр распорядился этапировать в Преображенское две группы подследственных. Первая группа - четыре стрельца, содержавшихся в Воскресенском монастыре под крепким караулом: Васька Зорин, Васька Игнатьев, Аничка Сидоров, и Якушка Алексеев. Богословский цитирует документ, согласно которому эти подследственные были доставлены в Преображенское 30 августа (а значит соответствующее распоряжение было сделано не позднее 29 августа, всего три дня спустя после царского возращения).[65]

Решение Петра начать следствие с допроса именно этих обвиняемых легко объяснить. Васька Зорин, как мы помним, был тем стрельцом, который попытался огласить среди правительственных войск коллективное обращение повстанцев о защите православия с явным намерением склонить служилых людей на свою сторону. Если на первом допросе от 18 июня Зорин признался, что обращение было составлено "по их, стрелецкому, общему совету и согласию," то впоследствии он настаивал на том, что оно написано "одного ево умыслом." На пытке 24 июня Зорин оговорил лишь десятника его же полка Ваську Игнатьева, с которым они якобы то обращение "складывали вместе," а также пятидесятника Чубарова полка Аничку Сидорова и пятидесятника Колзакова полка Якушку Алексеева, которые якобы одобрили его содержание. Как ни старался Шеин выведать у Зорина новые детали о коллективном обращении (в частности, выяснить, кто внушил стрельцам выраженные в нем идеи, а также установить, не велась ли с кем-то на сей счет переписка), стрелец выдержал все истязания, утвердившись на последней версии. Видимо, дальнейшие пытки могли угрожать

[65] Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 26. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 26).

жизни этого важнейшего подследственного, а потому Шеин 26 июня решил приостановить следствие, приказав этих четырех стрельцов заковать в кандалы и крепко стеречь в Воскресенском монастыре.[66]

Таким образом, приказ этапировать этих четверых означал, что Петр за три дня пребывания в России уже успел ознакомиться с материалами стрелецкого розыска под Воскресенским монастыре, выслушать все доклады, после чего согласился с выводами Шеина и Гордона о том, что коллективное обращение стрельцов, обстоятельства и цели его составления – это ключевой эпизод, от которого следует оттолкнуться.

Но все же в первую очередь Петр стал допрашивать не этих стрельцов, а полковых священнослужителей. Причем царь приложил личные усилия к тому, чтобы привлечь их к следствию, предварительно лишив священства. Об этом мы узнаем из донесения Гвариента от 2 сентября (того самого, в котором сообщается о брадобритии в Преображенском). Посол среди прочего сообщает, что 30 августа патриарх имел у царя "аудиенцию продолжительностью в 2 часа," на которой "представлял оправдания за неисполнение того, чтобы заключить царицу в монастырь, и возлагал вину за пренебрежение царским приказом на некоторых бояр и духовных лиц." Петр тотчас приказал арестовать и доставить в Преображенское "трех русских попов и отдать [их] до дальнейших распоряжений в тамошний лейб-гвардейский полк под стражу."[67]

Анализируя этот фрагмент донесения Гвариента, М. М. Богословский, заметил, что оно содержит ряд серьезных неточностей; это объясняется тем, что посол "пишет по слухам, потому впадает в неточность и путает подробности." О чем идет речь? *Во-первых*, встреча царя и патриарха, вне всяких сомнений, состоялась не 30 августа, а днем позже, 31 августа. *Во-вторых*, это не патриарх приехал к царю на аудиенцию, а наоборот, царь приехал в резиденцию патриарха, на что совершенно определенно указывает бухгалтерская документация патриарших старцев, в которой по-деловому зафиксировано, что 31 августа 1698 г. "было пришествие великого государя," а потому к столу выделено столько-то провизии. Наконец, *в-третьих*, три священника, о которых пишет Гвариент "были не кто иные, как попы стрелецких мятежных полков."[68] Находившиеся при мятежных полках священники, согласно документальным данным, были действительно присланы в Преображенское из Патриаршего разрядного приказа 1 сентября, причем с них уже был снят священнический сан.[69] Если соответствующие распоряжения были отданы после разговора Петра с патриархом вечером 31 августа (о чем пишет Гвариент), то документально

---

[66] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 53. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 53).
[67] Акельев, *Русский Мисопогон*, 509. (Akel'ev, *Russkii Misopogon*, 509).
[68] Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 14-15. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 14-15).
[69] Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 27-28. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 27-28). Сопроводительные документы Патриаршего разрядного приказа от 1 сентября, с которыми в Преображенский приказ, по снятии сана, были присланы трое полковых священников, упомянуты в старой описи следственного дела 1722 г.; они были использованы М. М. Богословским (он указывает их шифр и листы), но впоследствии эти бумаги куда-то затерялись, и до сих пор их место хранения неизвестно. См.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 12. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 12).

передача подозреваемых в Преображенский приказ должна быть оформлена следующим днем, что мы и видим на самом деле.

Следовательно, эти священники были арестованы не в связи с неисполнением патриархом царского указа о заточении в монастырь Евдокии (как решил Гвариент), а по поводу возможного соучастия полковых батюшек в военном мятеже. А это значит, что предметом разговора Петра и Адриана была вовсе не семейная драма царя, а то важнейшее обстоятельство, которое и заставило государя срочно вернуться в Москву, а именно стрелецкое восстание. Нет ничего удивительного в том, что Гвариент передал содержание беседы царя и патриарха неточно: откуда ему было знать такие подробности, если он путается даже в таких деталях, как дата и место встречи?

Несмотря на все очевидные доказательства, Е. Н. Трефилов все-таки почему-то считает, что “у нас нет никаких данных, подтверждающих точку зрения, что этот арест [трех полковых священников] явился следствием разговора царя с патриархом и что предметом разговора был стрелецкий бунт.” Как же нет? Посмотрим еще раз на документально подтвержденные данные: ранее находившиеся под властью патриарха Адриана полковые священники были лишены священства и присланы для следствия в Преображенское ровно на следующий день после встречи царя и патриарха; причем лишение священников сана было возможно только по приказу Адриана, который отдал соответствующие распоряжения сразу после того, как его посетил царь; Гвариент зафиксировал свежие слухи о том, что именно Петр приказал арестовать и доставить в Преображенское трех священников после тяжелой беседы с патриархом. О чем же разговаривали царь и патриарх во время их документально подтвержденной встречи 31 августа, если на другой день патриарх лишил священства трех полковых священников, чего он почему-то не делал ранее, а затем отправил их для следствия в Преображенское? Разве можно представить, что Петр и Адриан беседовали о каких-то отвлеченных, не относящихся в военному мятежу, предметах, но после ухода царя патриарху вдруг вздумалось лишить полковых священников сана и послать их в Преображенское к стрелецкому розыску, а Петр (тоже невзначай) вдруг решил начать расследование важнейшего политического процесса своего царствования с этих самых полковых священников?

Пересмотрев вследствие критики Е. Н. Трефилова все данные, я пришел даже к более радикальной мысли о том, что разговор Петра и Адриана 31 августа об обстоятельствах стрелецкого мятежа очень напоминает допрос. Мы имеем все основания рассматривать эту встречу как одну из первых следственных процедур в рамках стрелецкого розыска, осуществляемого лично Петром I. Действительно, ведь именно в результате этой встречи были арестованы лица, которых сам царь считал наиболее важными для выявления истинных причин военного мятежа подозреваемыми. Иначе как объяснить, что Петр 17 сентября начал расследование именно с допросов бывших полковых священников? Причем их не только допрашивали, но долго и жестоко пытали на дыбе, дав по 25 ударов кнутом (для сравнения: ключевой подследственный стрелецкий десятник Васька Зорин, который в итоге и дал самые важные показания, в тот день получил всего 5

ударов).[70] М. М. Богословский объясняет этот факт следующим образом: "Розыск начался с виновных, принадлежавших к тому сословию, которому везде отводилось официально первое место: с духовенства. Были допрошены три упомянутых выше полковых попа или, как они теперь, по 'обнажении священства,' стали называться, 'распопы'."[71] Однако это объяснение не может быть принято. *Во-первых*, "попы," как отметил сам же Богословский, еще до присылки в Преображенское прошли процедуру "обнажения священства," а значит перестали быть священниками. *Во-вторых*, очередность следственных мероприятий в таких важных политических процессах (да и в любых других) определялась совершенно иными (несословными) принципами: сперва допрашивали вовсе не тех подозреваемых, которые имели более высокий социальный статус, а изветчиков или главных подозреваемых, которые могли предоставить следствию наиболее важную информацию.

Итак, стоявший во главе "большого сентябрьского розыска" Петр начинает свое следствие в рамках стрелецкого розыска, по сути, с неофициального допроса патриарха Адриана в его резиденции, после чего следует лишение сана полковых священников и осуществляется этапирование их в Преображенское, где вскоре с их допросов и начинается сентябрьский стрелецкий розыск. Е. Н. Трефилов никак не объясняет эти факты, а попросту их игнорирует. Объяснить же их можно только если признать, что царь считал полковых священников, бывших подчиненных патриарха Адриана, главными подозреваемыми, а потому и надеялся добыть от них сведения, которые можно будет в дальнейшем положить в основу вопросных пунктов для работы следственных комиссий.

Однако показания полковых священников оказались малоинформативными. Но зато очень важные сведения удалось добыть от Васьки Зорина, которому, как уже было замечено, в тот день уделялось не так много внимания, как полковым священникам. В самом конце своего допроса он проговорился, что у стрельцов была договоренность направиться "всеми четырьмя полки к Москве и, пришод, стать под Девичим монастырем и бить челом царевне Софии Алексеевне, чтоб она по их челобитью вступила в правительство." Правда, Зорин отрицательно ответил на вопрос, была ли у них на этот счет какая-то переписка с кем бы то ни было из Москвы: "советных писем" им никто не писал, утверждал он.[72] Оговоренный им стрелец Васька Игнатьев, допрошенный в тот же день и поставленный с Зориным на очную ставку, подтвердил это важное показание и даже пояснил, что относительно плана прийти в Москву под Девичий монастырь с тем, чтобы возвести на престол царевну Софью, — "про то всех четырех полков стрелцы ведали." Васька Игнатьев даже пошел дальше, рассказав, что у стрельцов был и запасной план на случай, если бы Софья отказалась принять правление в свои руки: в этом случае стрельцы планировали распространить списки с их коллективного обращения среди народа, поднять бунт, уничтожить

---

[70] См.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 68–69, 71. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 68–69, 71); Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 3, 28–30. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 28–30).

[71] Богословский, *Петр I: Материалы для биографии*, т. 3, 28. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 28).

[72] См.: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 71. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 71); Богословский, *Петр I. Материалы для биографии*, т. 3, 35. (Bogoslovskii, *Petr I. Materialy dlia biografii*, t. 3, 35).

Немецкую слободу, убить всех немцев, а вместе с ними и некоторых бояр (Т. Н. Стрешнева, И. Б. Троекурова и М. Г. Ромодановского), а затем возвести на престол Алексея Петровича ("обрать государя царевича").[73] Вся эта дополнительная информация, добытая при допросе Васьки Игнатьева, была тут же подтверждена и Васькой Зориным, а после и двумя другими стрельцами — Аничкой Сидоровым и Якушкой Алексеевым.[74]

Эти показания, как известно, во многом предопределили дальнейшую тактику следствия, которое с 19 сентября происходило в десяти комиссиях, возглавляемых видными сановниками (князьями Ф. Ю. Ромодановским, И. Б. Троекуровым, Б. А. Голицыным и др.). Они основывались на вопросных пунктах, которые были составлены самим царем на основе полученных 17 сентября данных. Теперь стрельцов следовало на допросах и пытках прежде всего спрашивать, действительно ли они планировали "царевну Софью к себе во управительство имать," и велась ли с ней на этот счет переписка? Вторая группа вопросов по-прежнему была связана с коллективным обращением о защите православия: кто про него знал, читалось ли оно в полках, и планировалось ли с этой челобитной распространять списки в Москве "для возмущения." Наконец, третья группа вопросов касалась планов стрельцов относительно самого Петра ("об нем, государе, что у них было усоветовано?") и верных ему солдат Преображенского, Семеновского и иных полков – что они намеревались с ними делать? В случае запирательства следовало принуждать стрельцов к признательным показаниям словами, что другие товарищи уже принесли повинную в том, что "царевну во управление призывать, и по черным слободам для возмущения посылать, и Немецкую слободу рубить, и бояр побивать - про то ведали всех четырех полков все стрелцы."[75]

О том, какой урок Ланглуа и Сеньобоса забыл Е. Н. Трефилов, и что из этого получилось

Но как же быть с самым важным пунктом критики Е. Н. Трефилова: в материалах стрелецкого розыска "нет и намека на то, что стрельцов спрашивали о контактах с Адрианом"? Это серьезное замечание заставило меня пристальнее вчитаться в документальный сборник, подготовленный А. Н. Казакевичем, и сравнить опубликованные в нем материалы с ординарными судебно-следственными делами Преображенского приказа "о непригожих речах." В результате я пришел к некоторыми выводам, которые, как мне кажется, позволяют объяснить и это обстоятельство.

1) В распоряжении исследователей имеются *беловики* протоколов показаний полковых священников и стрельцов, составленные *в сокращенной форме* на основе черновиков, которые затем были уничтожены. На это обратил внимание еще Казакевич, который заметил, что тексты допросов, которые копировались "к докладу," нередко включают в себя сведения, отсутствующие в

[73] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 71-72. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 71-72).
[74] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 73-74. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 73–74).
[75] См.: *Ibid.*, 82-83.

беловиках; следовательно, выписки к докладу составлялись на основе не дошедших до нас черновиков.[76] Причем беловики переписывались уже после составления выписок к докладу, а значит, после завершения основных следственных процедур, когда подьячим были хорошо известны их результаты (т.е. они уже знали, какие вопросы в итоге привели к выявлению важных сведений, а какие, наоборот, оказались бесполезной тратой времени).

2) Зафиксированные в беловиках показания дошли до нас не в полном, а в сильно урезанном виде. Очень часто различные следственные процедуры (расспросы, пыточные речи, очные ставки) оформлялись не отдельно, как в обычных делах, а единым протоколом и как бы обобщенно. Причем подьячие фиксировали процедуры избирательно, опуская то, что в итоге оказалось несущественным.

Приведем для примера начало протокола допроса полковых священников от 17 сентября 1698 г., но опустим содержание, а оставим только элементы формуляра:

> И сентября в 17 день роспопы два человека, *Ефимко Самсонов* да *Бориско Леонтьев*, и стрельцы Васка Зорин, Васка Игнатьев, Аничка Сидоров привожены в застенок и *роспрашиваны порознь и пытаны*.
> *Ефимко до подъему* говорил: [...]
> Он же *с подъему* говорил: [...]
> Он же, Ефимко, *с пытки говорил*: [...] Было ему 25 ударов.
> Роспопа ж *Бориско у пытки* говорил: [...]
> А *с пытки* он же, Бориско, говорил: [...] Было ему 25 ударов.

Почему в этом протоколе в отношении первого "распопы" (Ефимки Самсонова) отдельно зафиксированы показания, сделанные на допросе ("до подъему [на дыбу]"), затем уже на первом этапе пытки ("с подъему [на дыбу]"), а потом и "с пытки" (т.е. при нанесении ударов кнутом), в то время как в отношении второго "распопы" (Бориски Леонтьева) зафиксировано только то, что он говорил "у пытки"? Можно однозначно исключить вероятность того, что распопу Бориску сразу стали пытать, предварительно не допросив, так как это противоречило бы не только установленному порядку следственной процедуры, но и заголовку документа, где сообщается, что все подследственные были сперва "роспрашиваны порознь," а только затем "пытаны." Следовательно, показания распопы Бориски, сделанные на расспросе, просто не были внесены в беловик документа. Количество подобных примеров можно было бы увеличить.

3) В изготовленные после завершения следственных процедур беловики оказались переписаны из черновиков далеко не все вопросы и ответы, прозвучавшие в застенках, а только те, которые имели значение для конечного результата. Это можно продемонстрировать на следующем примере. В первый же день после составления "вопросных статей" от 19 сентября в следственной комиссии Ф. Ю. Ромодановского допрашивали и пытали 7 стрельцов. Но при этом самый первый и главный из сформулированных Петром вопросов (планировали ли стрельцы "царевну Софью к себе во управительство имать" и велась ли с ней на

[76] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 15-22 (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 15-22).

этот счет переписка?) нашел отражение только в показаниях двух стрельцов. В следственной комиссии М. А. Черкасского, где в то же время допрашивали и пытали 12 стрельцов, вопрос о Софье и ответ на него фигурируют в показаниях только лишь одного стрельца.[77] Причем не стоит ни на минуту сомневаться в том, что про Софью и переписку с ней спрашивали всех, так как дознаватели в комиссиях обязаны были руководствоваться сформулированными Петром вопросными статьями. Однако эти вопросы и ответы оказались зафиксированы далеко не во всех показаниях. Как это объяснить? Объяснение заключается в том, что составлявшие беловой столбец подьячие делали своего рода конспект, переписывая начисто только лишь те показания, которые имели существенное значение для конечного результата, игнорируя те фрагменты, в которых подследственные давали отрицательные ответы на вопросы.

Теперь, зная эти источниковедческие особенности имеющихся в нашем распоряжении беловиков, вернемся к следственным материалам от 17 сентября, когда Петр лично допрашивал бывших полковых священников, а вместе с ними – четырех стрельцов, имевших отношение к составлению коллективного обращения повстанцев о защите православия. Отметим, что в них зафиксированы только положительные ответы на вопросы (то есть то, что они сказали). Например, Ефимко Самсонов показал, что он знал о самовольном движении стрельцов к Москве, слышал из их разговоров о намерении побить бояр; он их пытался от этого дела отговорить, но получал ответы вроде “тебе де поп до тово какое дело?” Но в его показаниях совсем не зафиксированы отрицательные ответы на вопросы следователей. Например, если бы распопу спросили, помогал ли он стрельцам составлять коллективное обращение о защите православия, а он бы на это ответил отрицательно, в протоколе допросе должна была бы появиться формулировка: “а той челобитной он не складывал;”[78] возможно, в черновике его допроса и пыточных речей на самом деле были зафиксированы подобные отрицания, но при составлении беловиков для подклейки в столбец они опускались.

Но мне кажется, что подобные вопросы (как и вопросы о получении каких-либо указаний от патриарха Адриана) священникам непременно должны были задавать. Это можно заключить из ответов стрельцов, которых допрашивали в один день с бывшими священниками. Так, Васька Зорин среди прочего показал: “А что де в той челобитной в начале написано богословием о избранном семени и народе христианском, и то де он велел писать для умиления собою.” Очевидно, это заявление было ответом на вопрос дознавателей о том, с чьей помощью написана идеологическая часть коллективного обращения. За этим вопросом, очевидно, скрывается сомнение в том, что стрельцы могли сами, без посторонней помощи, сочинить обращение о защите православия. То, что “в той челобитной в начале написано богословием,” естественно должно было прежде всего указывать на соучастие в ее составлении духовных лиц, то есть полковых священников, которых не случайно допрашивали вместе со стрельцами в один день.

---

[77] Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 83-94. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 83-94).

[78] Именно такую фразу мы видим в допросе стрельца Васьки Игнатьева от 25 июня: Казакевич, *Восстание московских стрельцов*, 50. (Kazakevich, *Vosstanie moskovskikh* strel'tsov, 50).

Однако Е. Н. Трефилов не совсем прав в том, что вопросы о связях стрельцов с Адрианом совсем не возникали на следствии. Из материалов следствия от 17 сентября 1698 г. видно, что Петра и его помощников особенно интересовал факт присылки к стрельцам от Адриана накануне мятежа нового священника – иерея московской Церкви Живоначальной Троицы Ивашки Степанова, который должен был заменить якобы заболевшего священника той же церкви Емельяна Давыдова. Дознаватели тщательно допрашивали присланного к стрельцам из Москвы накануне восстания батюшку, а также дьякона Сеньку Осипова (племянника заболевшего попа Емельяна Давыдова), о том, действительно ли Емельян Давыдов был болен, когда он заболел, как патриарх об этом узнал, когда состоялся патриарший указ о его перемене, и был ли он зафиксирован в Патриаршем разрядом приказе. Все эти вопросы непротиворечиво указывают на существовавшие у Петра подозрения, что священник Иван Степанов был прислан патриархом к стрельцам накануне восстания вовсе не случайно. И в этой связи нельзя проигнорировать то обстоятельство, что об этом священнике как раз специально упомянул и Гвариент в донесении императору Леопольду I от 7 (17) октября 1698 г. с изложением первых подробностей стрелецкого розыска, осуществляемого Петром: "Арестованный [...] бывший с мятежниками поп получил благословение от патриарха, однако не мог достоверно и правдиво показать, был ли дурной умысел ему, патриарху, известен."[79]

Итак, как мы видим, что материалы "большого стрелецкого розыска" сентября 1698 г. вовсе не опровергают, а подтверждают мою гипотезу о том, что царь подозревал патриарха в связях с мятежниками. Возражения же Е. Н. Трефилова основываются на некритичном отношении к материалам стрелецкого розыска при одновременном пренебрежительном отношении к другим важным источникам (в первую очередь, донесениям дипломатов). Так, критикуя сообщения Гвариента, Е. Н. Трефилов приводит такой пример в пользу их недостоверности: в процитированном выше донесении дипломата от 7 (17) октября 1698 г. среди прочего сообщается об аресте офицера по фамилии *Karpakow* (Колпаков), который, когда ему после двух пыток оказывал помощь один немец, попытался перерезать себе горло, воспользовавшись оставленным доктором ножом. Мой критик пишет: "В следственных материалах нет упоминаний о том, что Колпаков пытался покончить жизнь самоубийством" (сноска 29). Отсутствие в следственных материалах тех или иных "упоминаний" предлагается считать бесспорным доказательством, что такого случая не было. Иными словами, Е. Н. Трефилов ожидает от следственных материалов фотографической точности: если подследственный действительно пытался покончить собой, выхватив нож у врача, то это непременно должно найти отражение в следственном деле; если же об этом эпизоде в следственном деле ничего не написано, значит того и не было.

Но как же здесь не вспомнить Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса, которые еще очень давно разоблачили профессиональную болезнь многих историков,

[79] Устрялов, *История царствования Петра Великого*, т. 3, 627. (Ustrialov, *Istoriia tsarstvovaniia imperatora Petra Velikogo*, t. 3, 627). Я пользуюсь переводом Г. В. Снежинской: Я. А. Гордин, *Петр I* (Санкт-Петербург: ИЦ "Пушкинского фонда," 2020), 139 (Ia. A. Gordin, *Petr I* (St. Petersburg: ITs "Pushkinskogo fonda," 2020), 139).

заключающуюся в чрезмерной доверчивости к официальным делопроизводственным документам:

> Почти в каждом протоколе есть некоторая незначительная ложь относительно дня или часа, относительно места, относительно числа или имен присутствовавших. Мы все были свидетелями, если только не принимали в них сами участия, некоторых из таких мелких фальсификаций. Но мы совсем забываем о них, когда дело идет о критике документов прошлого. Признание подлинности документа содействует поддержанию иллюзии; подлинность инстинктивно принимается за синоним достоверности. Строгие правила, предписываемые при составлении всякого подлинного документа, кажутся гарантией его достоверности; но они являются, напротив, поощрением лжи, не относительно сущности фактов, но относительно второстепенных обстоятельств. Из того, что какое-нибудь лицо подписывает акт, можно заключить, что оно с ним согласно, но нельзя заключать, что оно действительно присутствовало в тот час, когда акт указывает на его присутствие.[80]

Рассмотренные мной выше материалы лишь подтверждают мудрость Ланглуа и Сеньобоса и еще раз напоминают о том, что на основании одних лишь официальных делопроизводственных документов нельзя делать выводы, игнорируя данные других источников. Прежде чем выдвинуть гипотезу, нам нужно сперва тщательно исследовать все дошедшие до нас “следы.” Причем правильная гипотеза должна объяснить всю совокупность полученных данных, а не быть производной от одного лишь источника, даже если речь и идет о подлинном следственном деле.

[80] Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос, *Введение в изучение истории* (Москва: Государственная публичная историческая библиотека России, 2004), 164. (Ch.-V. Langlois, Ch. Seignobos, *Vvedenie v izuchenie istorii* (Moscow: Gosudarstvennaia publichnaia istoricheskaia biblioteka Rossii, 2004), 164).

Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 271-275

New Perspectives on Ukraine's Eighteenth Century

Barbara Skinner
Indiana State University
Barbara.skinner@indstate.edu

Review of: *Zenon E. Kohut, Volodymyr Sklokin, and Frank E. Sysyn, with Larysa Bilous, eds.*, Eighteenth-Century Ukraine: New Perspectives on Social, Cultural and Intellectual History. Montreal & Kingston: McGill-Queens University Press and Edmonton & Toronto: Canadian Institute of Ukrainian Studies Press, 2023. xxii + 648 p. *ISBN*: 978-0-2280-1699-1.

This volume celebrates Ukraine's entrance into the Eighteenth-Century Studies family and the achievements in this field by historians of Ukraine over the past two decades. As editors Zenon Kohut, Volodymyr Sklokin and Frank Sysyn attest, "eighteenth-century students have demonstrated a steady quantitative and qualitative growth over the last fifteen years that have turned the period into one of the most dynamic and innovative fields in Ukrainian history writing." (3) Corresponding to general trends in the field of eighteenth-century studies, this volume particularly reflects influences from the new cultural history, incorporating new sources and topics that more tightly bind the long eighteenth century into the post-1991 Ukrainian historical exploration of the origins of a separate Ukrainian identity, culture, and values.

The twenty-three articles in this anthology derive from the 2017 inaugural conference of the Ukrainian Society for Eighteenth-Century Studies. Critically, fifteen of the articles published here have been translated from Ukrainian, thus acquainting readers with scholarship that has been locked behind linguistic boundaries to many outside Ukraine. Translator Marta Skorupsky (who also translated two originally Russian-language articles in this volume) did a masterful job to produce a final product that impresses with its fluidity and terminological consistency. This is a rare gift to the English-reading scholarly world. In these days of constricted page limits in publications and sparse editorial corrections for consistency, this book is a breath of fresh air. The authors have also been given ample space for substantial and informative endnotes.

The editors have organized the volume into four thematic parts: "Cossack Autonomies and their Demise" (7 articles); "Society, Economy, and Demographics" (6 articles); "Church Culture, and Education" (4 articles); and "Political and Historical Thought" (6 articles). Chronologically the articles represent the "long" eighteenth century that spans roughly from the 1680s to the 1830s. In terms of geographic focus, the articles center on Left-Bank Ukraine, particularly the territory and evolution of the Cossack Hetmanate with the city and district of Kyiv, consistent with the traditional focus of Ukrainian history. Only one article offers a focused study on Right-Bank Ukraine, a region that has rarely received substantial historical scrutiny regarding its majority Ukrainian population. Although almost all of these articles have been published elsewhere, bringing

them together into one volume and all in English for a wider audience gives them additional impact as a corpus of studies in conversation with each other.

Also consistent throughout the scholarship represented here is a careful dissection of both published and unpublished primary sources – the latter predominantly from Ukrainian archival collections, but also from Russian archives that are currently no longer accessible to Ukrainians. For scholars of Russian imperial history on other frontiers, these sources open new vistas on the center/periphery relationship, as well as on local means of social and political organization inside the strictures of the Russian state, regional representations of the intellectual trends of the period, and shifting waves of internal and external identity creation.

For a collection of twenty-three articles, I cannot do justice to them all. Instead, I will comment more extensively on a few articles from each part of the book in order to present the innovative approaches to the history represented here, particularly emphasizing the work of younger scholars and those who generally publish only in Ukrainian. The title of Part One – "Cossack Autonomies and Their Demise" – is broadly applied, as this section includes not only a study of the abolition of Sloboda Ukraine autonomy, but also fascinating studies of cartography, toponymic and ethnonymic terminology for Ukraine, the discovery of ancient Kyiv through archeological digs, border and disease control, the new social class of imperial administrators in Steppe Ukraine, and Ukrainian loyalties during the Napoleonic wars. The article on cartography by Kyrylo Halushko initiates this volume with an overview of how various representations of "Ukraine" appeared on European maps in the early modern period. The creation of the Cossack polity in the late seventeenth century resonated with European cartographers, and by the eighteenth century, West European maps clearly identified the region of Ukraine with the Cossacks. At the same time the Russians were beginning to remove Ukraine from their maps of the region, a trend that Halushko calls "cartographic propaganda." (47) The seventeenth-century division of Ukraine along the Dnipro River was not firmly established in Western maps until the 1750s, and after the partitions of Poland-Lithuania, with Poland now a "former state," Ukraine began to disappear from maps across the continent (49). Turning to the impact of border policy and infrastructure on the Ukrainian periphery, Oksana Mykhed traces imperial reactions when the 1770-1771 bubonic plague entered the porous border from Polish Ukraine to the Left Bank and to Kyiv. Imperial efforts to provide border security and to create quarantine stations led to further reforms in Left-Bank Ukraine to integrate the region more closely to the imperial center in terms of administration and public health. Construction of large quarantine and customs stations on the border during the threat of this wave of plague also raised significant revenue for the Russian state.

The six articles in Part Two, "Society, Economy, and Demographics" – all translated from Ukrainian – are more focused on characteristics and developments within Cossack military, administrative, and social structures as the regions of the Hetmanate, Zaporizhia, and Sloboda Ukraine were further integrated into the Russian Empire. Archival documents form the basis for this research that includes the contradiction between the hetman's authority and the rights to elect Cossack colonels, the military reforms that integrated the

Cossack regiments into the Russian forces during the Seven-Years' War, the Reiter detachment installed in Kyiv to serve as couriers linking this corner of the empire to Istanbul and other neighboring states, the use of family and ancestry for social status within the Cossack regiments, the function and demographics of regimental cities, and a detailed demographic study of the city of Poltava in the 1760s and 1770s. Vadym Nazarenko's article on the Reiter detachments stationed in Kyiv (a phenomenon in all the largest cities of the Hetmanate) notes the caste-like detachment of these Russian troops that "constituted aseparate world, with distinct ethnocultural and social characteristics" in the city (277). After a thorough analysis of the social background, literacy, ranks, and salaries of these troops, who were escorted by Cossacks to the Ottoman border or to other destinations, Nazarenko concludes, "The existence of the Reiter detachment in Kyiv is evidence of the fact that the Russian government's unificatory measures were not always systematic in nature, even in the case of the army. The need to adapt to local conditions necessitated creating separate service corporations for specific tasks," which, overall "contradicted the very logic of unification." (291)

In another consideration of imperial integration, Volodymyr Masliychuk discusses the tradition of family ties in determining the status of Cossack officers in Sloboda Ukraine, claiming that "the main basis for reaching the top rungs of the social ladder in the Sloboda regiments [in the early eighteenth century] was the service of the ancestor and father…" as featured in "petitions, reports, requests and appeals." (306-7) However, in eighteenth-century Russia patronage became more important than family in determining noble status, so that in Ukraine clan ties weakened as the Cossack elites adapted to the Russian imperial system. Thus, Cossack officers' own actions to benefit themselves in the new Russian reality undermined their traditional system of social cohesion. Masliychuk concludes that "the ambiguousness of the evolution of social microstructures on the frontier" represent "the challenges in the treatments of Ukrainian history" overall (316).

Part Three on "Church, Culture, and Education" contains four articles, two of which study changes in the curriculum at the Kyiv Academy and the Orthodox Colleges in Chernihiv, Kharkiv, and Periaslav as they moved from Jesuit curricular models to the eighteenth-century standards of philosophy based on Wolffian philosophical content and the classical university curriculum on the model of German universities. The other two articles highlight regional specificity in religious practice. Maksym Iaremenko traces the lack of homogeneity between liturgical books used in the Kyiv Metropolitanate that were produced at the Kyiv Caves Monastery press and those printed in the Russian Holy Synod presses. These discrepancies lasted until the 1780s, a full century after Kyiv became subordinate to the Synod. There was no Synodal oversight until the 1760s, and even then the Caves Monastery – with assistance from its lobbyists in St. Petersburg and Moscow – continued to publish texts that the local Ukrainian population wanted. Featuring commemoration of local saints and insertion of Ukrainian words and orthography, "the discrepancies in the Cave Monastery publications precisely involved those elements that form a distinctive religious culture, its unique memories that are different from those of its neighbors, and, consequently, its local identity." (401) Finally, Ihor Skochylias, whom we have sadly lost due to COVID-19, takes us to the the Kyiv and Bratslav palatinates in Right-Bank Ukraine to explain how the Uniate Church became dominant there by the 1750s.

Rejecting the coercion elaborated in published Russian sources, Skochylias argues that regional identity and "territoriality" led to loyalties to the local priest and hierarchy regardless of whether Orthodox or Uniate (426). He argues that in this region, the confessionalization of the Uniate faith – the codification of religious instruction and rite and "disciplining" via episcopal visitations and clerical councils – was incomplete due to contested subordination here between the Uniate bishop of Lviv and the metropolitan in Kyiv. Instead, the formation of a regional model of *Slavia-Unita*, "a new cultural and religious identity of Ruthenian Uniates in Right-Bank Ukraine" sought "an elastic balance between the Catholic 'face' of the Kyiv archeparchy and its Slavic-Byzantine heritage." (433) This territorial identity could explain the rapid conversion in this region to Orthodoxy in the 1790s.

Part Four, "Political and Historical Thought," features known names in Western scholarship of the early modern period– Frank Sysyn, Zenon Kohut, Gary Marker, and Serhii Plokhy (albeit in his case, translated from a Ukrainian publication) – in a contrapuntal discussion of concepts of "fatherland," Ukrainian nation and identity, and constitutional political language. Added to this discussion is a name we should also know more widely, Natalia Iakovenko, whose virtuoso analysis of late seventeenth and early eighteenth-century texts uncovers the particularly Ukrainian meaning of "just" rule, sovereign authority, and Cossack "democracy" within contemporary chronicles, panegyrics, sermons, verses and other texts to parse out distinctions from both Russian and Polish-Lithuanian meanings of these concepts. She concludes that they "use the same rhetorical clichés, but when the contexts are compared more carefully, it becomes obvious that different meanings are hidden behind the customary vocabulary." (520) Finally, Andrii Bovgyria delves into Hetmanate chronicles and texts to assess major markers of Ukrainian identity: the creation of the myth of Khazar origins for Cossacks similar to Polish Sarmatianism; three perceptions of the Cossacks' "own" land– "the ancestral home, the ideal territory, and the real-life space" (602); heroes and antiheroes; and perceptions of "others," namely Russians, Poles, Jews, and Muslims. Bovgyria finds nuances behind the stereotypes. Cossacks distinguished between Poles (especially their perceived enemy of the nobility and magnates) and Poland, the legitimate state and source of guarantees of Cossack rights and liberties. Likewise, the Russian monarch was also held in a positive light as an Orthodox monarch who became the guarantor of their rights and liberties, in contrast to a negative view of Russian state officials.

These articles and this collected volume were in production well ahead of the massive Russian invasion in Ukraine in February 2022, the ensuing war, and Vladimir Putin's stunning refutation of Ukraine's right to exist as an independent state. However, this horrific current situation provides all the more immediacy and importance to the work of Ukrainian scholars who have painstakingly analyzed the documents and sources to produce new insights into the fundamentally distinctive culture in eighteenth-century Ukraine that did not easily adapt to the unification policies of the Russian Empire. Those of us who study Ukraine have long known this, but hopefully this volume will help shed more light on the unique Ukrainian historical experience to those less familiar with it. And for those who have long studied Ukraine, there is much new here to pore over. The field of

eighteenth-century studies is very fortunate to have this compilation of scholarship on the Ukrainian experience of the long eighteenth century, particularly given the quality translation of Ukrainian-language articles. Overall, this volume provides valuable insights on the tenacity of independent identity under imperial conditions, as well as the region's ease with Western intellectual norms, showing Ukraine as a critical case study in the Russian Empire and a unique component of Eastern Europe and of Europe as a whole.

Вивліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 276-280

Catherine the Great Authors Her Empire

Kelsey Rubin-Detlev
University of Southern California
rubindet@usc.edu

Review of: *Vera Proskurina*, The Imperial Script of Catherine the Great: Governing with the Literary Pen, Boston: Academic Studies Press, 2023. xiv + 205p. *ISBN:* 9798887191768.

The Imperial Script of Catherine the Great represents the natural and necessary sequel to Vera Proskurina's deservedly well-known *Creating the Empress: Politics and Poetry in the Age of Catherine II* (Boston: Academic Studies Press, 2011).[1] While in her earlier work Proskurina explored eighteenth-century Russian political symbolism through poetic portrayals of Empress Catherine II (1729-1796, reigned 1762-1796), *The Imperial Script* applies the same semiotic approach to Catherine's own writings. In a series of aptly chosen and illuminating case studies, Proskurina seeks to chart the relationship between imperial politics and literary culture in Catherine's Russia. The result is a masterful display of literary detective work and an essential point of reference for all future work on Catherine.

In a short introduction, Proskurina poses the overarching question that unites the study: how can literature enact imperial politics? Proskurina sketches out a nexus of themes that structure her analysis and posits a direct link between geopolitical aims and literary style. Catherine sought to redraw the map of civilization on the minds of her contemporaries (to borrow Larry Wolff's enduring formulation):[2] to place Russia squarely within Europe, Catherine needed to reimagine Russian space as the territory of culture, where enlightened behavioral norms were enforced and national identity firmly grounded in Enlightenment political concepts and classicizing historical narratives. According to Proskurina, Catherine undertook this reinscription of Russian geography by depicting and instructing her empire in the literary mode of humor. Identifying laughter in its many guises both as a primary weapon of Enlightenment didacticism and a marker of belonging to a civilized community, Proskurina affirms that Catherine's writings adopted light-hearted literary play as the language through which she translated Russian culture and power into the European sphere. The subsequent case studies trace a roughly chronological arc, following Catherine's shifting tactics as she applied this method in response to the varying political circumstances of her long and complex reign.

Examining Catherine's French-language *Antidote* (1770), written in response to Jean-Baptiste Chappe d'Auteroche's *Journey into Siberia, Made by Order of the King of France* (1768), the first case study reveals an extraordinary mirroring effect in the empress's rebuttal of a French attempt to write Russia out of Europe. Reading Chappe's

[1] Both books appeared in Russian before being translated and reworked into English: Vera Proskurina, *Imperiia pera Ekateriny II: Literatura kak politika* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017); Vera Proskurina, *Mify imperii: Literatura i vlast' v epokhu Ekateriny II* (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006).

[2] Larry Wolff, *Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment* (Stanford: Stanford University Press, 1994).

Journey as an attack inspired by the Russophobic French royal administration at the start of the Russo-Turkish War (1768-1774), Catherine recognized Chappe's strategies of equating all of Russia with its Siberian backwaters and adapting Montesquieu's climate theory to affirm the physical inability of Russians to develop culturally and politically. Likewise framed with reference to Montesquieu and Rousseau, Catherine's retort evinced the reality of Russian cultural change above all through her invented authorial persona: a young Europeanized Russian nobleman who could attest that the inhabitants of the Siberian city of Tobol'sk found the French abbé himself to be an ignorant, inadequately civilized boor. Humor here largely takes the form of irony as the empress turns the tables on French pretenses to cultural and political superiority. The chapter concludes with an insightful coda piecing together the political contexts of Nikolai Novikov's *The Wallet* (*Кошелек,* 1774) to prove that—contrary to traditional Soviet assumptions about Novikov's opposition to Catherine in this period—the short-lived journal may well have been directed by the court to assail France through the lens of Gallomaniac culture, only to change tack when the political winds reversed and France became less inimical to Russian imperial power.

In Proskurina's second chapter, the geographical opposition is no longer between Europe and its wild, barbarian hinterland, but rather between urban centers that symbolically express the drama of the civilizing process. Persuasively asserting the unity of Catherine's six comedies written in 1772 as a cycle, Proskurina explains how the empress opposed St. Petersburg as a source of normative conduct and civic order to Moscow as an anti-Enlightenment realm of ignorance, prejudice, plague, and insurrection. Catherine resolved the dichotomy through another game of authorial persona and geographical sleight of hand: she claimed that the plays were written in Iaroslavl' by a fictional playwright taking refuge from the Moscow plague of 1770-1772. After Iaroslavl''s partial destruction by fire in 1768, Catherine's radical plan for rebuilding intended to replace the demolished old city with a rational, classicist utopia. Her plays enacted the same process through literature: satirical laughter aimed to demolish the old city of Moscow and its recalcitrant inhabitants, replacing them with a new, re-educated population. The gentleness of this method that eschewed real violence and destruction was meant to exhibit imperial power as an enlightened force.

In Proskurina's subsequent examination of *The Tale of Prince Khlor* (1781) and *The Tale of Prince Fevei* (1782), court politics form the bridge connecting the real political geography of Europe with the allegorical oriental landscape of Catherine's fairy tales. Meticulously identifying the prototypes for Catherine's personified character types, Proskurina treats the texts as operating on two levels: underneath Prince Khlor's quest for virtue, she discerns a dramatization of the court struggles surrounding the journey across Europe that Catherine forced the future emperor Paul and his wife Maria Fedorovna to undertake in 1781-1782. If the character of the Lazy Murza, who tries to prevent Khlor from traveling, is leading statesman Nikita Panin, who opposed the trip and above all its orientation towards Vienna rather than Berlin, and Grumbler, the husband of the happy sultaness, is a composite of Catherine's deposed husband Peter III and Paul himself, then *The Tale of Prince Khlor* argues that the perfect Russia—represented by the rose without thorns—can be found only under the guidance of Catherine-Felitsa and her son Reason, in alliance with Austria and without the Masonic ties with which the Prussian leadership hoped to bind Paul. While in Proskurina's account the two levels of the story—the didactic allegory and the encoding of court

politics—never fully map one onto the other, she suggests how productive the interplay between personal allusion and moral instruction could be, giving rise both to G. R. Derzhavin's famous ode "Felitsa" (1782, published 1783) and to the fairy tale *Khlor*'s geographic embodiment in the dacha built for the future emperor Alexander I near Pavlovsk. The culture of laughter lurks in the combination of a playful tale with allusive satire of the empress's entourage, while Catherine's political allegory exudes confidence in her mastery of European politics and in the success of her approach to ruling Russia.

The geographical theme is occluded in the fourth chapter; instead, Proskurina unveils both the interpersonal tensions and the divergent theories of culture, politics, and public discourse that underlay the famous conflict between Catherine and playwright Denis Fonvizin. Proskurina debunks Soviet mythologizations of the "Questions and Answers with the Addition of a Preface" published in the *Interlocutor of Lovers of the Russian Word* in 1783 as the autocrat's enraged repression of Fonvizin's bold act of opposition. Instead, she shows the text—consisting of Catherine's responses to Fonvizin's questionnaire about the shape of Russian politics—to have arisen from a misunderstanding: Catherine believed the questions' author to be Empress Elizabeth's former favorite, I. I. Shuvalov, whom she viewed as a mere intrigant and hold-over from a previous reign. This confusion reinforced the mismatch between the intellectual frameworks within which Fonvizin and Catherine wrote. Whereas Fonvizin wanted to generate debate in the sphere of public opinion about the legal basis of enlightened monarchy, Catherine saw the *Interlocutor* and her own contributions to it as advertising newly enlightened court society as proof of Russia's place in the civilized world. Where Fonvizin contested the political, social, and economic structures of the empire, Catherine kept the discussion in the sphere of culture, arguing that Russian customs made systematic reform impossible and therefore required the court to lead the way in modelling new behavioral norms. History replaced geography as Catherine highlighted shifts in the modalities of laughter at the Russian court, contrasting the barbaric buffoonery of Peter the Great with her own gentle teasing in the style of salon banter. This dismissal of Peter the Great's achievements proved all the more relevant when Catherine finally discovered the identity of the questioner: Fonvizin's idealization of the Petrine era, embodied in his hero Starodum, was thoroughly antithetical to Catherine's affirmation that only her own reign had fully attained European cultural standards.

Struggles over the locus of cultural and political power within the empire remain central in the fifth chapter, which revisits Catherine's anti-Masonic writings of the mid-1780s. Proskurina elucidates a conflict that began in 1779 and unfolded throughout the 1780s: Catherine experienced Freemasonry as culturally and intellectually alienating for a child of the High Enlightenment and resented the Masons' work as wrenching social initiative from the monarchy. In turn, Masons rejected the empress after failing to win her over. Against this background, Proskurina affirms the strategic and structural unity of Catherine's anti-Masonic trilogy of comedies (1785-1786) while distinguishing the primary arguments of each. *The Deceiver* creates a negative image of Freemasonry by conflating the movement as a whole with its supposedly most menacing manifestation—the Illuminati; at the same time, Catherine's play uses humor to deflate the movement's pretensions. *The Deceived* offers Russian nobles infatuated with Freemasonry a dignified way out by treating them as victims of deception; imperial power thus is presented as humane in welcoming back those who have erred. Finally, *The Siberian Shaman* attacks fake healings as antithetical to true Enlightenment. A nice feature of this chapter are the

connections made to previous case studies: Proskurina highlights the subtle continuation of Catherine's literary interactions with Nikolai Novikov even as the journalist and the empress found themselves leaders of the two opposing sides of the conflict. Her analysis perceptively illustrates how *The Siberian Shaman* continues Catherine's mirroring response to Chappe d'Auteroche: inverting Chappe's association of Siberian shamans with Russian barbarism, Catherine made her shaman a marker of Europe's redescent into ignorance.

While the theme of laughter vanishes in the sixth chapter, the concluding study of Catherine's late historical dramas addresses more directly than any other the book's central question about the relationship between *translatio studii* and *translatio imperii*. Proskurina analyzes Catherine's representations of the early leaders of Rus' as political pageants enacting the so-called Greek Project, which aimed to chase the Ottoman Empire from Europe and to replace its European dominions with Russian vassal states led by Catherine's grandson Constantine and possibly by her partner Grigorii Potemkin. Both staged spectacles and real imperial policies appear as masquerades: the same magic that turns annexed Crimea into Tauric Chersonese governs the resurrection of Greek drama and music onstage. By appropriating the cultural and historical heritage of Kyivan Rus', Byzantium, and Ancient Greece, the empress once again reinvents the geography of her empire, linking it directly to the cradle of European civilization as she reorients her northern empire southward towards the Black Sea and the Mediterranean.

Arriving at the end of *The Imperial Script*, this reader found herself wanting more: more of Proskurina's virtuoso displays of historical sleuthing, but also more conceptualization to flesh out the book's conclusions and put its detailed analysis into dialogue with the broader field of Enlightenment studies. Proskurina's remarkable ability to overturn assumptions through painstaking reinterpretation of textual allusions is on full show; along the way, her source material offers helpful reminders of the wealth and importance of nineteenth-century scholarship on the Catherine era.[3] However, Proskurina treats her semiotic approach to culture as self-evident, providing few methodological reflections to contextualize her work. The absence of a conclusion to the book is keenly felt: the book ends with Catherine's political and authorial "vanity" in imagining the Greek Project's future success—hardly an argument for the significance of her writings. Proskurina's answer to her own crucial question about how literature can enact imperial power therefore remains largely implicit. Her treatment of texts as codes representing very specific political or interpersonal situations tends to underemphasize ideas and reduce literature to a realm of petty powerplays. Yet it is precisely on the level of ideas and literary culture that Catherine's writing can be genuinely understood as a phenomenon of the Enlightenment and made relevant to larger scholarly conversations about the intellectual life of the period. Proskurina begins by asserting the superiority of Catherine's literary corpus over that of King Frederick the Great of Prussia, but the comparison deserves further contemplation, since Frederick's performance as an eighteenth-century philosopher-king provided a key inspiration for Catherine's own

[3] Regarding this all-too-frequently forgotten body of historical work, see Andrew Kahn's essay, "The Theme of Enlightenment in Russian Historiography, 1860-1900," in *Inventions of Enlightenment Since 1800: Concepts of Lumières, Enlightenment and Aufklärung*, eds. Nicholas Cronk and Élisabeth Décultot, Oxford University Studies in the Enlightenment (Liverpool: Liverpool University Press, 2023), 155-84.

combination of expansionist power with the empire of the pen.[4] Likewise, engagement with the growing body of research on classical reception in eighteenth-century Russia could have bolstered Proskurina's account of Catherinian *translatio studii*.[5]

Proskurina's book is an irreplaceable resource for future research on Catherine II, furnishing a treasure-trove of interpretive keys and historically grounded reality checks for any scholar approaching the empress's writings. In the ever-expanding subfield of studies on Catherine and her legacy, and for all those interested in Russia's evolving political culture and eighteenth-century literary history, Proskurina's book is a must-read.

[4] Derek Beales, "Philosophical Kingship and Enlightened Despotism," in *The Cambridge History of Eighteenth-Century Political Thought*, eds. Mark Goldie and Robert Wokler (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), 497-524; Jan Kusber, "In der Konkurrenz um Ruhm: Katharina II. und Friedrich II.," in *Friedrich II. und das östliche Europa: Deutsch-polnisch-russische Reflexionen*, ed. Olga Kurilo (Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2013), 185-205; Andreas Pečar, *Autorität durch Autorschaft? Friedrich II. als Militärschriftsteller* (Halle an der Saale: Universitätsverlag Halle-Wittenberg, 2013); Avi Lifschitz, ed., and Angela Scholar, trans., *Frederick the Great's Philosophical Writings* (Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2021).

[5] The work of Zara Martirosova Torlone immediately comes to mind: *Vergil in Russia: National Identity and Classical Reception* (Oxford: Oxford University Press, 2014); *Russia and the Classics: Poetry's Foreign Muse* (London: Duckworth, 2009).

Виβліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 281-283

Inside the Linguistic Laboratory: The New Languages of Politics in Eighteenth-Century Russia and their Craftsmen

Rodolphe Baudin
Sorbonne University
Rodolphe.baudin@sorbonne-universite.fr

Review of: *S. V. Pol'skoi & V. S. Rzheutskii, eds*., Laboratoriia poniatii. Perevod i iazyki politiki v Rossii XVIII veka. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. 575 p. *ISBN*: 978-5-4448-1762-9.

Sergei Pol'skoi and Vladislav Rjéoutski's new volume explores the role played by translation in the importation into eighteenth-century Russia of Western political concepts, and the formation of specific languages to discuss them. The lengthy introduction opening the volume can be divided into two parts. The first focuses on the history of translation theory, both in Russia and the West, as well as on various relevant concepts, such as cultural transfers and cultural translation. The second addresses the history of books and brings in valuable data on translation in eighteenth-century Russia, with a specific focus on the three main genres forming the so-called "*grazhdanskaia nauka*" ("*civilis scientia*"): theoretical texts on politics, economics and the law; texts providing examples of their concrete use; moralistic literature popularizing political concepts, such as the immensely popular genre of the Fenelon-type political novel ("*staatsroman*"). The introduction also aptly questions the artificial difference between printed and manuscript books, in order to bring the later into the picture. Finally, it stresses the importance of using a sociological approach to the process of translation in order to shed light on translation acts and translation patronage, two important issues in eighteenth-century Russia.

The following thirteen studies, authored by some of the most authoritative specialists on eighteenth-century Russia, deal with three major issues: the transfer of specific concepts (such as "despotism" or "nation"); the transfer of discourses (such as the monarchical, medical or judicial discourses); the various linguistic practices and social strategies developed by translators to fulfill their task.

The transfer of political concepts is the focus of the first part of the volume, which consists of five chapters. In her chapter, Ingrid Schierle relies on historical semantics to study the functional equivalents of the German and French concepts of "people" ("*narod*") and "nation" ("*natsia*") in Russian translations from the second half of the eighteenth century. Konstantin Bugrov's chapter focuses on the concept of "despotism" in Russian political thought of the eighteenth century. It shows how the elites integrated this concept and how Russian intellectuals or intellectuals in Russian service managed to dissociate it from Russia. In her study, Riva Evstifeeva explores Sergei Volchkov's translation of Baltazar Gracián's *Oráculo Manual y arte de prudencia*. After explaining the meaning of "*prudencia*" in Gracián's original and the already more limited meaning of "prudence" in Amelot de la Houssaie's French translation, Evstifeeva focuses on Volchkov's Russian translation and its use as equivalents of "*blagorazumie*" and "*mudrost'*." Nadezhda Pavlinskaia's chapter deals with Catherine II's (and Kozitskii's)

borrowings from Montesquieu and Beccaria. Focusing on concepts such as "*esclavage*," "*servitude*," "*législateur*," "*liberté*" or "*politique*," she compares their translation in the *Nakaz* with their translation in other contemporary or later Russian versions of *L'Esprit des Lois* and *Dei delitti et delle pene*. In her study, Tat'iana Artem'eva looks at the unpublished translation of Ferguson's *Principles of Moral and Political Sciences* by Vasilii Sozonovich and at the various Russian equivalents of Ferguson's concepts of "civil society," "progress," and "intelligence," for instance, in Russian translations from the turn of the eighteenth and nineteenth centuries.

The volume's second part, dedicated to the transfer of discourses, opens up with Pol'skoi's lengthy study of manuscript books on politics from the first part of the eighteenth century. Stressing the equal symbolic value of manuscript and published books to eighteenth-century Russian book owners, Pol'skoi notes the importance of political texts among the first ones, due to economic reasons and censorship, before exploring who ordered these translations (D. M. Golitsyn and M. I. Vorontsov, mainly), who translated them, how they circulated among members of the elite and to what use. Examining the linguistic evolution of translating practices at three different periods from the 1700s to the 1760s, Pol'skoi's paper is a truly remarkable contribution to the volume. It opens up a whole new realm of knowledge to readers used to judging Russian readers' bookish knowledge by relying solely on the *Svodnyi katalog* and lists of foreign books or books in foreign languages available in Russia at the time. Kirill Ospovat's chapter focuses on the importation under Peter I of a Western-type discourse about knowledge and medicine. As he demonstrates, the creation of the kunstkamera in St. Petersburg, with its collection of "monsters," was meant as a showcase of sovereignty and a metaphor of the modern State's physical and moral reform of the tsar's subjects. Mikhail Kiselev studies the role played by Andrei Khrushchev's early manuscript translation of *Les aventures de Télémaque* in the development of anti-absolutist ideas in Russia. Fénelon, it turns out, was no less influential than Montesquieu in defining a proper ("*samoderzhavnaia*"), non-despotic ("*samovlastnaia*") monarchy, where the power of the sovereign is limited by the law, if not by institutions.

The third and final part of the volume, which focuses on translating practices, opens with Oleg Rusakovskii's study of two Russian translations of Emperor Leo VI's military treatise *Taktika*. After analyzing the reasons for *Taktika*'s appeal to Russian readers in the early 1700s, Rusakovskii reconstructs the trajectories of its two translators—Fedor Polikarpov and Il'ia Kopievskii—before commenting on their work at translating concepts such as "strategy," "tactics," "emperor," "subjects," "politics" and "punishment." Mariia Nekliudova's chapter deals with Sergei Volchkov's translation of an educational tract attributed to abbé de Bellegarde for commercial reasons, but actually written by Jacques de Callières and to which Volchkov added elements from Gracián. Callières is also the focus of Mariia Petrova's study, which analyzes Pavel Levashov's translation of his treatise *De la manière de négocier avec les souverains*. A diplomat, Levashov used his translation as a tool in his career strategy. An apt translator, using different contextual forms to translate concepts such as "*pays*," "*État*," "*politique*," "*nation*," or "*robe*," he nevertheless faced challenging translation issues while looking for equivalents to "*hommes de lois*" and "*gens de robe*," for example, due to the absence of similar social categories in Russia. Maiia Lavrinovich's chapter deals with a Russian manuscript translation of Christian Hempel's biography of Andrei Osterman. The biography was apparently translated by people from the Moscow Archives of the Ministry

of Foreign Affairs, a department known for its translation activity and run by Osterman's son. While reconstructing the social dynamics which led to the translation, Lavrinovich comments on the translators' choice of equivalents for concepts such as "*staat*," "*staatsman*," "*unthertanen*," "*nation*," or "*souverainetät*." In the last chapter of the volume, Elena Borodina and Michel Tissier study Vasilii Novikov's *Teatr sudovedeniia*, a Russian collection of volumes inspired by the *Causes célèbres*, a genre developed in France by Gayot de Pitaval and François Richer. While examining Novikov's debt to Richer, Borodina and Tissier analyze his choice of cases to translate, his additional sources (Blackstone, Howard) and his work with finding equivalents to terms such as "*plainte,*" "*requête,*" "*se pourvoir,*" "*appel,*" "*interjeter appel*" or "*compétence.*"

As this short presentation suggests, Pol'skoi and Rjéoutski's volume, which also offers an index of names and a most-welcome index of concepts, is a fascinating collection of rich in-depth studies on an innovative topic, at the crossroads of the history of concepts and the cultural and social history of translation. The variety of sources is remarkable and the erudition displayed by the contributors is truly astonishing. Some articles interact very nicely, as they address similar concepts, translation issues or sources (Bugrov and Kiselev about "despotism," Schierle and Lavrinovich about the translation of the German word "*nation*;" Bugrov, Pol'skoi and Kiselev about Strube de Pirmont's *Lettres russiennes*). The volume also offers a perfect balance between theoretical insights and a meticulous treatment of data, a combination particularly visible in the introduction and in the articles by Pol'skoi and Kiselev. The inclusive, multi-faceted approach to translation is also much appreciated, as it allows the reader to study the social, professional and political strategies of both translators and their translating patrons (see Evstifeeva, Pol'skoi, Rusakovskii, Petrova and Lavrinovich). Finally, most papers showcase a solid command of historical semantics and offer fascinating insights into the process (and its drawbacks) of developing new languages to understand and discuss politics.

In the light of these obvious qualities, I was slightly frustrated with some minor aspects of the collection. First, the structure of the volume did not always seem clear to me. For instance, I struggled to understand why Pol'skoi's paper opens the second part or why Rusakovskii's chapter is located in the third one, considering that they could easily be located in other sections. I also found the depiction of the historical context, the history of some translations and their multiple sources, or the physical depiction of certain manuscripts to be too detailed, which too often takes the attention of the reader away from the linguistic and semantic analysis of the importation of concepts, an aspect dealt with too swiftly at the end of some of the contributions. Additionally, some of the chapters, although undisputedly fascinating in their own right, such as the contributions of Bugrov and Ospovat, for instance, seem to be somewhat loosely tied to the main topic of the volume, as they do not deal with translations in the same way as the other contributors. Finally, I was surprised to see André Lefevere's name mentioned only once in the footnotes, considering his major contribution to the development of descriptive translation studies and the approach of translation as translation acts.

This said, *Laboratoriia poniatii* is an extremely valuable addition to the history of concepts in eighteenth-century Russia, which brilliantly demonstrates the significance of translation as a mirror of ongoing linguistic, social and intellectual dynamics. It also clearly establishes the importance of developing new languages in order to build a modern society and to rule over it, while forming enlightened subjects moved by the desire to take an active part in this process.

Виβліоѳика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies, vol. 11 (2023): 284-286

Karamzin Returns to France

Sara Dickinson
The University of Genoa
sara.dickinson@unige.it

Review of: *Nikolai Karamzin*, Lettres d'un voyageur russe. Introduction, translation, notes and commentary by Rodolphe Baudin. Paris, Institut d'Études Slaves, 2022. 783 p. *ISBN*: 978-235597-056-6.

The most recent demonstration of Rodolphe Baudin's expertise on Nikolai Karamzin is his translation into French of the well-known *Letters of a Russian Traveler* (*Pis'ma russkikh puteshestvennika*, 1799-1801). This thick volume, containing the very text upon which Karamzin's place in the literary canon is primarily founded, complements Baudin's numerous other investigations of Karamzin. Elsewhere, he has often focused on particular episodes or themes found in the *Letters*: Karamzin and the "foodways" of the cultures he explores, for example, or Karamzin and the urban stroll in Paris (a "'*flâneur' avant l'heure*," 32), or his commentary on art, his role as a cultural "influencer," the political implications of his encounter with a Parisian mob and a hot-air balloon, and so on. In these examples, Baudin generally hones in on a detail, then explores the surrounding historical context – often illuminating both what Karamzin addresses explicitly and what he passes over in silence – and then moves still further outwards, so that his reading connects the original passage to conclusions about Karamzin's life and experiences, the political conditions of his writing and publishing, the significance of his travels as cultural exchange, Russia's relationship with Europe and Europe's relationship with Russia. A book-length example of this approach may be found in his wonderful 2011 volume on the surprisingly eventful "two nights and one full day" that Karamzin spent in the city of Strasbourg, *Nikolaï Karamzine à Strasbourg: Un écrivain russe dans l'Alsace révolutionnaire (1789)*, in which Baudin meticulously ties him to the history of that city in a very specific historical moment.

Aimed at the non-specialist reader, this new translation of *Letters* – comprising nearly 600 pages of fictionalized epistolography – will make Karamzin's text and, more generally, his central role in Russian literary tradition familiar to new audiences. It will increase the number of eighteenth-century Russian texts available to readers of French and help Karamzin regain a foothold in university curricula. Scholars will find the volume useful as well. The cogent introduction, an updated version of that found in *Karamzine à Strasbourg* with several important new features, touches on a wide variety of issues relating to the genesis and interpretation of Karamzin's letters and is accompanied by extensive footnotes that provide key sources for further reading. Topics addressed begin with the place of *Letters* in the evolution of Russian prose: Karamzin's text arrived on the scene, Baudin argues, just when Russian-language attempts at novel writing had failed to produce anything capable of fully engaging their public. The reaction of bilingual readers to these early experiments was particularly telling: unimpressed with the Russian novel, they simply reached for French books instead. *Letters of a Russian Traveler* offered a way to move forward with literary prose via a very different genre, one that "authorized great structural and thematic liberty" and permitted Karamzin "to tackle all sorts of topics and to infinitely vary his narrative material" (30-31).

In a brief and illuminating biography of Karamzin's life prior to his departure for foreign climes, Baudin highlights his connection with Aleksandr Petrov and Nikolai Novikov, as writers who were of particular influence, and outlines Karamzin's early translations and literary texts.

The discussion of Karamzin's fifteen-month trip abroad (from May 1789 to July 1790) is contextualized in an examination of the Russian practice of the grand tour and accounts thereof, which touches upon Karamzin's literary and generic sources and his innovations with respect to these. Some of the writers that he so admired are described in the *Letters* as welcoming "the Russian traveler" into their homes, a phenomenon that occurs more often in Germany than in France, where calling on well-known men of letters, Baudin explains, was not common practice.

The *Letters* themselves are divided into four distinct sections treating Germany, Switzerland, France and England, sections that often feature different stylistic tonalities as well. Among these diverse parts, the figure of the traveler serves as "narrative cement" (31). Baudin underlines the invented quality of Karamzin's narrator: this is "autofiction" (25), in which the experiences and character of the traveler do not align perfectly with those of the author. While the traveler, paraphrasing Lotman, "is an exalted young man, sometimes a bit naïve," the writer is "a man of more conviction determined to make a career in the field of literature" (25). One possible motivation for directing the traveler along a slightly different route was to blur meetings that Karamzin may have had with masonic associates abroad, *personae non gratae* for the Russian state. Also relevant is the temporal coincidence of his journey with the French Revolution, anathema in Russia, a circumstance that both shaped his letters on France and constrained their publication: they appeared only in 1801, when Alexander took the throne.

Exemplifying a "cult of sensibility and of the heart" (33), Karamzin's text served as one of the primary models for the sentimentalist current, was widely imitated by other writers, and retained its popularity until the mid 1820s. The author's bold assertion to have been the very first Russian to "travel with pen in hand" (27) was something of a publicity stunt. Nonetheless, given the importance of his *Letters,* this claim now almost seems true. As Baudin notes, however, it also helped to obscure the travel account that Ekaterina Dashkova had published 16 years earlier in 1775 (27n). It is likely, of course, that Karamzin, who was at that time a nine-year-old boy in Simbirsk, was unfamiliar with Dashkova's account, and perhaps he had not encountered the now classic travel letters of Denis Fonvizin, especially those regarding his trip to France (1777-1778), which were unpublished in Karamzin's day and circulated in manuscript among layers of the elite to which young Karamzin had no access.

Baudin's introduction includes fascinating new material on the history of Karamzin's translation into French, beginning with his exciting discovery of one translation that predates those known previously: Joseph-Golven Tuault de la Bouvrie's *Extraits des voyages du Docteur Karamsin, médecin de Moscou* (1815). This curious booklet, based on an 1803 English translation of Karamzin, features only the letters on England, adding still more modifications and omissions to those already found in the English source text. Displaying notable "paratextual creativity" (38), Tuault de la Bouvrie even "Frenchified" two recounted narratives found in Karamzin's English letters by transposing them into verse and into the setting of "his native Brittany" (39). Here and elsewhere, Baudin draws a very convincing portrait of how translation can serve as political gesture: Tuault de la Bouvrie's choice to translate the letters on England in this precise period suggests a rejection of the Anglophobia that was widespread in Napoleonic France, for example, and "demonstrates marked political sympathies in an era when the Bourbons were regaining their throne thanks to the combined efforts of England and Russia" (41).

Baudin then considers the translations of Karamzin's *Letters* by Viktor Poroshin (1867) and Arsène Lagrelle (1885), situating each firmly in political and cultural history. Poroshin's "elegantly translated," but excised and incomplete *Lettres d'un voyageur russe en France, en Allemagne et en Suisse (1789-1790)*, appeared in a climate of French hostility towards Russia

after the brutal suppression of the Polish uprising of 1861-1863 (43). Poroshin looked to Karamzin (on the occasion of the centennial of his birthday in 1866), and to his "protagonist embodying an ideal of the Europeanized Russian, perfectly at ease in the space and culture" of the continent (42), as a means to counteract French Russophobia. Lagrelle's stylistically sophisticated *Lettres* is also incomplete, limited to Karamzin's letters on France, which he presents as valuable historical documentation regarding the French Revolution. Lagrelle's interest in Russia was reshaped as a result of the Franco-Prussian War of 1870, which turned him against Prussia and encouraged him to read his own political convictions into Karamzin's text, including both Prussophobia and Anglophobia, as is evident in his introduction.

As for his own translation, Baudin explicitly sets forth the choices that he has made, well-considered decisions that will be of interest to specialists. These include avoiding words not current in eighteenth-century French, reining in Karamzin's extensive use of the dash, updating his now antiquated spelling of the French imperfective, and leaving his literary misquotations uncorrected. As far as this reader is able to determine, the result is a quite smooth and readable text, as befits Nikolai Karamzin. The edition is also visually appealing: a handsome paperback with book flaps, complete with an attractive and useful bookmark, it is also peppered with engravings and drawings from Karamzin's era, supporting Baudin's "conviction [...] that Karamzin 'consumed' Europe as much by images as by texts" and also "taught Russian readers how to see" (50).

Scholars will also enjoy the many gems found among Baudin's footnotes, which can be read separately on their own merits. Wherever possible, he has identified persons met or mentioned in Karamzin's text, an ambitious project that has brought to light many names that were formerly obscure. Characteristically, Baudin also provides details on the "historical, political or literary context at the origin of this or that judgment of Karamzin" (50); his notes contain treats such as information on the "*danse macabre* painted on panels between the windows of the Augustin convent in Erfürt" (663) or on the state of Lyon's Roman aqueducts when Karamzin passed through (692). Baudin's translation is an important and welcome addition to existing scholarship on this renowned writer and his renowned text.

The Russo-Ottoman War of 1686-1700

Brian Davies
University of Texas at San Antonio
Brian.Davies@utsa.edu

A. G. Gus'kov, K. A. Kochegarov, S. M. Shamin, *Russko-turetskaia voina 1686-1700 godov* (Moscow: Russkoe slovo, 2022). 528 p., 17 plates. *ISBN*: 978-5-533-02732-8.

The Treaty of Eternal Peace signed between Muscovy and the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1686 had committed Muscovy to enter the Holy League and to contribute to its struggle against the Ottoman Empire by undertaking military operations against the Crimean Khanate. The League (the Commonwealth, the Habsburg monarchy, Venice) expected this would divert Crimean Tatar forces from reinforcing the Turks in Moldavia and Hungary. Moscow hoped it could secure a lasting alliance with the Commonwealth, end the Crimean khans' tribute demands and raids upon Muscovite and Hetmanate territory, and perhaps even bring the Khanate under Muscovite suzerainty. *Russo-turetskaia voina 1686-1700 godov* argues for viewing as stages in one protracted struggle—a Russo-Ottoman War unfolding from the 1686 commitments to the Holy League—Vasilii Golitsyn's attempted invasions of the Khanate in 1687-1689, the operations against Kazy-Kermen and the other Ottoman fortresses on the Dnieper in 1690-1694, smaller-scale efforts in the Northern Caucasus and Caspian region in those same years, and Peter I's sieges of the Ottoman fortress of Azov in 1695-1696. For Muscovy, this long war culminated in the 1700 Treaty of Constantinople, which did not end the strategic challenges presented by the Khanate and Ottoman Empire, but did at least partly stabilize and contain them, allowing Peter I to turn his attention to other projects.

The advantage of treating these campaigns as stages in one long strategic project is that it allows the authors to reveal the full scope of the Russo-Ottoman struggle and explain how setbacks as well as gains reshaped its course and redefined its objectives. For example, while Golitsyn's campaigns failed to break through the Perekop Line, they did provide cover for the establishment of important new forward bases (Novobogoroditsk, Novosergeevsk) that advanced the defense perimeter closer towards the Khanate and tightened Moscow's political hegemony over the Hetmanate and the Zaporozhian Sich'. In 1690-1694 attention turned to taking some action against Kazy-Kermen and the other Ottoman fortresses on the Dnieper and to securing the Terek frontier by supporting resistance to the Crimean Tatars among the peoples of the North Caucasus. Major direct efforts against Ottoman hard points (Azov, Kazy-Kermen) were finally made in 1695-1696, but the capture of Azov wound down the struggle: in 1697-1698 the Ottomans allowed Khan Selim Girei to concentrate his forces to defend the Khanate and Peter I turned his attention to other projects: his Grand Tour of Europe, dealing with the *strelt'sy* mutiny, and efforts to consolidate his hold upon Azov.

The most valuable feature of this study is its solid grounding in archival sources, particularly in F. 210 (*Razriadnyi prikaz*) in the Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA) and the RGADA *fondy* on Russo-Crimean, Russo-Turkish, Russo-Polish, Kalmyk, and Kabardan relations. That enables the authors to explore more deeply the diplomatic and grand strategic context of the campaigns of 1686-1700 and, above all, to examine in detail how the late Muscovite state mobilized manpower, grain, and materiel for these campaigns. Most previous historiography had relied upon contemporary memoir sources on the course of the campaigns and, because these were often written by figures critical of the regency government of Tsarevna Sofiia and Lord Protector Vasilii Golitsyn, they tended to highlight Golitsyn's blunders in the attempted invasions of Crimea in 1687 and 1689 and contrast them sharply with Peter I's victory at Azov in 1696. But in presenting so much detail about logistics and command-and-control over the entire period, the authors show that Peter I's victory at Azov in 1696 had much to do with a learning curve followed since 1686, the drawing of lessons from previous deficiencies, and the correction of past problems. (Even Golitsyn had addressed such problems in his second campaign against the Khanate, in 1689, by mobilizing troops faster, gathering better intelligence, planning sounder march routes, and taking more precautions against the Tatars firing the steppe grass).

There were great logistical and diplomatic difficulties presented on all of these campaigns: the difficulty of moving large armies across hundreds of kilometers of largely empty steppe, the desire to concentrate forces against the Crimean Khanate while avoiding riskier operations against the powerful Ottoman fortresses on the Dnieper, the problem of preventing the Turks from reinforcing Azov by sea, and the difficulty of assembling a coalition against the Khanate among the various peoples of the Kuban and Northern Caucasus. What is most striking about the account presented by Gus'kov, Kochegarov, and Shamin is the truly impressive scale of the Muscovite war effort sustained over so many years: the enormous size of the campaign armies, far larger than in previous wars; their speedy mobilization from across Muscovy (the Belgorod and Sevsk army groups, central districts, Smolensk and western districts, Trans-Okan districts, lower Volga districts, Novgorod region, Riazan') and Sloboda Ukraine and the Hetmanate; the surprisingly high rate of troop readiness (*iavka*) for deployment; the movement of munitions and grain across great distances; the rapid construction of important forward bases like Novobogoroditsk and Novosergeevsk; and, ultimately, the construction of a fleet at the Voronezh wharves.

This supports the conclusion that the reforms of Tsar Fedor Alekseevich had significantly enhanced Muscovite military power since the 1670s. The creation of the nine regional military-administrative commands had made resource mobilization and command-and-control more efficient. The amalgamation of many old taxes into the *streletskii khleb* tax, paid in cash, put the armed forces on a stronger fiscal footing, and the introduction of a household census and the first attempt at a unified state budget further strengthened finances as the sinews of war. The abolition of *mestnichestvo* reduced the number of precedence suits disrupting command appointments. The 1678 decree on service obligations had reserved service in the traditional cavalry *sotny* and the *reitar* regiments for those with larger *pomest'ia* and serfs while shunting the smallholders and the yeomen

odnodvortsy into the infantry, which had the consequence of raising the relative weight of the infantry, especially the new formation *soldat* infantry, in proportion to the cavalry.

The Crimean Khanate was not brought under Russian suzerainty until 1774 and was annexed to the Russian Empire in 1783. The Ottomans continued to maintain important fortresses on the Dnieper until 1792. For years Ottoman control over the Kerch Straits bottled up the Russian fleet in the Sea of Azov. However, Russia did make some strategic gains from the 1686-1700 war. The armies of the khans no longer undertook major official *sefer* invasions of Russia; Crimean domination of the Kuban steppe and Circassia was weakened; the Treaties of Karlowitz and Constantinople set diplomatically recognized frontiers for the Ottoman Empire; the shipbuilding and navigation experience developed for the Azov campaign would be transferred to the new Baltic Fleet; Russian political and military prestige was strengthened in the eyes of Europeans. But the authors acknowledge that answering the question of whether Russian operations fulfilled the pledge to make a decisive contribution to the victory of the Holy League falls outside the purview of their book: that would require much deeper study of the role of Crimean Tatar and Ottoman forces on other fronts, in Moldavia and Hungary. Because it is such an impressively detailed and comprehensive study, however, *Russko-turetskaia voina 1686-1700 godov* lays very useful foundations for such an undertaking.